Эр I 265

Генералъ Н.Н.Головинъ

ВОЕННЫЯ УСИЛІЯ РОССІИ ВЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ

ТОМЪ

II

ПАРИЖЪ

Ген. Головинъ. Военныя усилія России въ Мировой войнѣ
Томъ II
Парижъ
1939

ЭР1 265

Генералъ Н. Н. Головинъ

ВОЕННЫЯ УСИЛІЯ РОССІИ ВЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ

ТОМЪ II

ТОВАРИЩЕСТВО ОБЪЕДИНЕННЫХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

ПАРИЖЪ

1939

Н.Э.Т.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
18390 1992 ГОД

Tous droits réservés
Copyright by the author

Dépôt Général :
LES EDITEURS REUNIS
29, Rue Saint-Didier
PARIS (XVI)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВООРУЖЕНІЕ И БОЕВОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ СНАБЖЕНІЕ.

Кризисъ въ боевомъ снабженіи. — Винтовки. — Пулеметы. — Ружейные патроны. — Артиллерія. — Артиллерійскіе огнеприпасы. — Военно-техническое снабженіе. — Автомобили. — Авіація. — Квалифицированные рабочіе. — Отсутствіе единства въ организаціи работы тыла. — «Особыя Совѣщанія». — Мобилизація промышленности. — Безсиліе Правительства. — Революція. — Насколько повысился уровень военно-техническаго оснащенія Русской Арміи къ 1917 году?

Кризисъ въ боевомъ снабженіи.

Кризисъ, который переживался Россіей въ теченіе войны въ области боевого снабженія, хорошо всѣмъ извѣстенъ. Причины этого кризиса двухъ родовъ:

Однѣ лежатъ въ области объективныхъ условій россійской дѣйствительности, о которыхъ мы говорили въ первой книгѣ.

Другія — должны быть отнесены къ неумѣнію «предвидѣть» и «организовать» нашихъ руководящихъ круговъ.

Дать исчерпывающую картину снабженія нашей Арміи всѣми видами боевого снабженія не представляется возможнымъ. Ни рамки предпринятаго нами труда, ни сохранившіеся историческіе матеріалы этого не позволяютъ. Но дать общее представленіе все-таки можно. Это-то мы и попытаемся сдѣлать.

Уже черезъ четыре мѣсяца послѣ начала войны, Русская Армія стояла передъ катастрофой. «Размѣръ потребностей», пишетъ бывшій генералъ-квартирмейстеръ Ставки ген. Даниловъ,[1] «превзошелъ всѣ самыя широкія предположенія и потому удовлетвореніе ихъ встрѣчало все возраставшія затрудненія. Тылъ не поспѣвалъ за фронтомъ, и армія съ каждымъ днемъ уменьшалась въ своемъ составѣ, какъ равно умень-

1) «Россія въ Міровой войнѣ», стр. 246.

шалась степень ея обезпеченности. Мы стояли передъ безусловной необходимостью коренного обновленія нашей вооруженной силы».

«Нашъ мобилизаціонный отдѣлъ», пишетъ нѣсколько дальше тотъ же авторъ, «много поработалъ надъ тѣмъ, чтобы усовершенствовать систему приведенія войскъ на военное положеніе..., но вопросы о поддержаніи арміи въ дальнѣйшемъ на уровнѣ боевыхъ требованій, а тѣмъ болѣе о послѣдовательномъ развитіи ея мощи, въ періодъ самой войны, остались почти незатронутыми. Между тѣмъ, именно въ этой работѣ и лежало реальное воплощеніе идеи вооруженной націи и всенародной войны, идеи, которая должна была быть положена въ основу военной подготовки всякаго современнаго государства, желающаго обезпечить себѣ военный успѣхъ» [2].

Винтовки.

Первымъ, по времени своего обнаруженія, кризисомъ былъ кризисъ въ снабженіи винтовками.

Согласно мобилизаціонному плану, предполагалось:

а) Имѣть къ началу войны въ войскахъ и запасахъ 4.500.000 винтовокъ въ готовомъ видѣ;

б) развить въ теченіе войны производительность казенныхъ заводовъ до 700.000 винтовокъ въ годъ.

Въ дѣйствительности же потребовалось:

а) на вооруженіе Арміи по окончаніи ея мобилизаціоннаго развертыванія около 5.000.000 винтовокъ;

б) для послѣдующихъ призывовъ — около 5.500.000 винтовокъ;

в) для пополненія убыли, считая по 200.000 въ мѣсяцъ, — въ теченіе 3 лѣтъ войны, — около 7.200.000 винтовокъ.

Слѣдовательно:

согласно мобилизаціонному предположенію, было бы достаточно имѣть:

4.500.000 плюсъ (700.000 умн. на 3) = 6.600.000.

Оказалось же нужнымъ:

5.000.000 + 5.500.000 + 7.200.000 = 17.700.000 винтовокъ.[3]

Такимъ образомъ, дѣйствительныя потребности Арміи превзошли мобилизаціонные расчеты болѣе чѣмъ на 150%. 11 милліоновъ винтовокъ не хватало и ихъ откуда-то нужно было получить.

Въ нижеприводимой таблицѣ указано, въ какой мѣрѣ и откуда это требованіе арміи было выполнено.

---

2) Тамъ же, стр. 249.

3) Маниковскій — «Боевое снабженіе Русской Арміи въ 1914-1918 г. г.», часть I, стр. 84-85.

ТАБЛИЦА[4].

Снабженіе Арміи винтовками.

	въ тысячахъ.				
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Состояло къ началу войны	4652	—	—	—	4652
Поступило съ отечественныхъ заводовъ	278	860	1321	1120	3579
Куплено заграницей	по годамъ неизвѣстно				2434
Взято у непріятеля	по годамъ неизвѣстно			около	700
Итого					11365

Изъ этой таблицы мы видимъ, что 35% потребности въ винтовкахъ такъ и не было покрыто.

Недохватъ въ винтовкахъ тормозилъ укомплектованіе пѣхоты.

«Вслѣдствіе отсутствія винтовокъ», пишетъ генералъ Даниловъ[5], «войсковыя части, имѣя огромный некомплектъ, въ то же время не могли впитывать въ себя людей, прибывавшихъ съ тыла, гдѣ, такимъ образомъ, люди безъ пользы накапливались въ запасныхъ частяхъ, затрудняя своимъ присутствіемъ обученіе дальнѣйшихъ очередей. Къ концу ноября (1914 года), напримѣръ, въ запасныхъ войскахъ имѣлся обученный въ большей своей части контингентъ въ 800.000 человѣкъ, въ то время, какъ Дѣйствующая Армія страдала отъ ужасающаго некомплекта. Бывали такіе случаи, что прибывавшіе на укомплектованіе люди должны были оставаться въ войсковыхъ частяхъ при обозахъ, вслѣдствіе невозможности поставить ихъ въ ряды по отсутствію винтовокъ».

Въ 1915 году это явленіе пріобрѣтаетъ характеръ катастрофы. Насколько велика была эта катастрофа, можно судить изъ прилагаемой къ этой главѣ копіи донесенія британскаго военнаго агента своему правительству. Это свидѣтельство одного изъ представителей нашихъ союзниковъ очень показательно. Составитель упоминаемаго донесенія приходитъ къ выводу, что во всей Русской Арміи, растянувшейся отъ Ревеля до Черновицъ, въ началѣ октября 1915 года имѣлось только 650.000 дѣйствующихъ ружей[6].

Трудно на словахъ передать всю драматичность того положенія, въ которомъ оказалась Русская Армія въ кампанію 1915 года. Только часть бойцовъ, находящихся на фронтѣ, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы въ свою очередь взять въ руки винтовку. Высшіе штабы изощрялись въ изобрѣтеніяхъ, подчасъ очень неудачныхъ, только бы какъ-нибудь выкрутиться изъ катастрофы. Такъ, напримѣръ, въ бытность мою генералъ-квартирмейстеромъ IX-ой

4) Маниковскій — «Боевое снабженіе Русской Арміи въ 1914-1918 г. г.». часть I, стр. 84.

5) «Россія въ Міровой войнѣ», стр. 283.

6) См. приложеніе къ этой главѣ (стр. 67-68).

арміи, я помню полученную въ августѣ 1915 года телеграмму штаба Юго-Западнаго фронта о вооруженіи части пѣхотныхъ ротъ топорами, насаженными на длинныя рукоятки; предполагалось, что эти роты могутъ быть употребляемы, какъ прикрытіе для артиллеріи. Фантастичность этого распоряженія, даннаго изъ глубокаго тыла, была настолько очевидна, что мой Командующій, генералъ Лечицкій, глубокій знатокъ солдата, запретилъ давать дальнѣйшій ходъ этому распоряженію, считая, что оно лишь подорветъ авторитетъ начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести «алебардистовъ» только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаянія, въ которой находилась Русская Армія въ кампанію 1915 года.

Трагическія послѣдствія недостатка въ винтовкахъ увеличивались еще тѣмъ, что Военное Министерство Сухомлинова долго не хотѣло внять голосамъ, исходившимъ съ фронта. Пріученное въ мирное время къ чисто бюрократическимъ пріемамъ, оно, конечно, не могло найти въ себѣ мужества прямо смотрѣть въ глаза надвигавшейся катастрофѣ. Характернымъ примѣромъ этого отсутствія «живого» отношенія къ дѣлу можетъ служить слѣдующій примѣръ.

Мобилизаціоннымъ планомъ не была предусмотрѣна организація достаточно мощныхъ мастерскихъ для капитальнаго ремонта винтовокъ. Когда этотъ вопросъ обрисовался во всю свою величину, то Военное Министерство не нашло ничего лучше, какъ взвалить капитальный ремонтъ оружія, который не могъ быть выполненъ средствами самихъ войскъ и мѣстныхъ (окружныхъ) мастерскихъ, на ружейные заводы. Эти заводы (Тульскій, Ижевскій и Сестрорѣцкій) какъ разъ въ это время переживали крайне трудное положеніе; они должны были развертывать свое производство новыхъ винтовокъ въ размѣрахъ обрисовавшейся потребности Арміи. «Заводы, конечно, протестовали противъ такой работы, такъ какъ занимаясь приготовленіемъ лишь новыхъ винтовокъ и направивъ на усиленіе выпуска ихъ всѣ безъ остатка свои средства, какъ механическія, такъ и личнаго состава, они только въ явный ущербъ для своего основного дѣла, особенно въ фазѣ столь труднаго его развертыванія, могли бы, что называется, «выжать» у себя часть помѣщеній, станковъ и мастеровыхъ — для подкинутаго имъ дѣтища. Но ихъ заставили это сдѣлать, вмѣсто того, чтобы сразу же въ широкомъ масштабѣ поставить капитальный ремонтъ ручного оружія въ ружейныхъ мастерскихъ окружныхъ артиллерійскихъ складовъ, а кромѣ того, устроить нѣсколько спеціальныхъ мастерскихъ въ раіонахъ военныхъ дѣйствій. Все это и было сдѣлано впослѣдствіи, но, къ сожалѣнію, съ немалымъ запозданіемъ, отчего заводы не избѣгли полученія этихъ нарядовъ, сильно затормозившихъ ихъ главную работу» [7].

Нежеланіе Военнаго Министерства своевременно увидѣть надвигающуюся катастрофу вредно отразилось и на своевременности покупки винтовокъ заграницей. Уже въ сентябрѣ 1914 г. Главное Артиллерійское

---

7) Маниковскій, часть I, стр. 39.

Управленіе, убѣдившись въ невозможности удовлетворить потребности Арміи въ винтовкахъ при помощи своихъ ружейныхъ заводовъ, приступило къ розыску въ союзныхъ и нейтральныхъ государствахъ какихъ-либо винтовокъ, хотя бы и не новѣйшихъ системъ и даже не подъ свой патронъ (но въ послѣднемъ случаѣ, конечно, обезпеченныхъ патронами). Но начавшіеся уже переговоры по пріобрѣтенію заграницей готовыхъ ружей **были пріостановлены по приказанію Военнаго Министра генерала Сухомлинова,** подъ предлогомъ, что будто бы невозможно допустить на одномъ театрѣ военныхъ дѣйствій нѣсколькихъ калибровъ винтовокъ [8]. Только послѣ телеграммы 15/28 декабря Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ коей передавалось повелѣніе покупать винтовки заграницей не стѣсняясь калибромъ, было наконецъ приступлено къ покупкамъ. Но три мѣсяца было потеряно, причемъ мѣсяцевъ самыхъ дорогихъ по возможностямъ, ибо начиная съ января 1915 года заграничные рынки были уже заняты нашими союзниками и нашими врагами.

Не лишено интереса отмѣтить здѣсь то, что высшіе Штабы и, въ особенности, наше Военное Министерство, въ очень мрачныхъ краскахъ рисуютъ небрежное отношеніе русскаго солдата къ находящейся въ его рукахъ матеріальной части.

«Въ мирное время», пишетъ генералъ Даниловъ [9], «мы настойчиво учили солдата беречь винтовку. Мы говорили ему, что въ бою, почувствовавъ себя раненымъ, онъ прежде чѣмъ отправиться на перевязочный пунктъ, обязанъ сдать свою винтовку и патроны на сбереженіе ближайшему начальнику или просто сосѣду. Войсковыя части различными положеніями обязывались вести строгій учетъ вооруженію, а сборъ оружія и предметовъ боевого снабженія на поляхъ сраженія входилъ въ непремѣнныя обязанности хозяйственныхъ органовъ различныхъ инстанцій. Къ сожалѣнію, всѣ эти мудрыя правила, съ выходомъ арміи на войну, были основательно забыты, и можно было бы привести рядъ вопіющихъ примѣровъ легкомысленнаго отношенія къ вопросу о сбереженіи предметовъ вооруженія и снаряженія. Утеря, порча и оставленіе оружія не преслѣдовались или преслѣдовались недостаточно. Припоминается, напримѣръ, разсказъ одного начальника дивизіи, которому удалось легко собрать нѣсколько сотъ брошенныхъ винтовокъ, при обыскѣ селеній, по пути слѣдованія частей дивизіи. Установленію столь пагубнаго отношенія къ предметамъ огромнѣйшей военной цѣнности, между прочимъ, содѣйствовало правило, согласно которому роты пополненія должны были прибывать изъ запасныхъ частей въ войска въ полномъ вооруженіи и походномъ снаряженіи. Такимъ образомъ, части оказались непосредственно не заинтересованными въ сборѣ и сохраненіи винтовокъ и предметовъ снаряженія. Вскорѣ, одна-

---

8) Письмо Начальника Канцеляріи Военнаго Министерства Начальнику Главнаго Артиллерійскаго Управленія отъ 6 (19) октября 1914 года, № 3080.

9) «Россія въ Міровой войнѣ», стр. 252 и 253.

ко, Военное Министерство, въ вѣдѣніи котораго оставались главнѣйшія заготовки для нуждъ арміи, было вынуждено отказаться отъ этого правила, за полнымъ истощеніемъ имѣвшагося запаса винтовокъ и въ виду затрудненій, возникшихъ въ вопросѣ о его пополненіи...»

Чѣмъ дальше въ тылу сидитъ критикъ, тѣмъ строже бичуетъ онъ строевой составъ Арміи за его небрежность и тѣмъ мрачнѣе рисуетъ онъ картину. Намъ предстоитъ еще возвратиться къ этому вопросу въ дальнѣйшемъ, здѣсь же мы считаемъ нужнымъ остановиться на разсмотрѣніи его существа. Несомнѣнно, что русскій солдатъ, вслѣдствіе его меньшей культурности, относился менѣе бережно къ находящейся на его рукахъ матеріальной части, нежели солдатъ французскій, британскій, американскій или нѣмецкій. Малой сознательности его въ политической жизни соотвѣтствовало непониманіе громаднаго государственнаго значенія проявленія каждымъ бойцомъ величайшей заботы къ своему вооруженію, такъ какъ въ современныхъ массовыхъ арміяхъ каждый случай отсутствія бережливости множится на милліоны. Въ этомъ отношеніи малое распространеніе образованія среди толщи населенія Россіи тяжело отражалось на боевой силѣ нашей Арміи. Но эта отрицательная особенность нашей Арміи должна была быть учтена руководящими верхами. Между тѣмъ, именно этого и не было сдѣлано. Изъ второй половины приведенной выше выдержки изъ книги генерала Данилова мы видимъ, что самъ авторъ уже переноситъ часть своего обвиненія со строевого состава на Военное Министерство, не сумѣвшее «предусмотрѣть», а потому установившее несоотвѣтствующій порядокъ (посылка маршевыхъ ротъ съ полнымъ числомъ ружей).

Пишущему эти строки пришлось близко видѣть работу строевого состава Русской Арміи въ теченіе всей войны. Мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что нападки на недостаточное вниманіе строевого начальства къ вопросамъ о сохраненіи вооруженія, какъ правило, несправедливы. Полки дѣлали все, что было въ ихъ возможности, но бѣда въ томъ, что высшіе штабы не учитывали всю ограниченность этихъ возможностей и не помогали дѣломъ, а только писали и требовали. Въ теченіе 1915 и 1916 г. г. авторъ этой книги, будучи генералъ-квартирмейстеромъ IX арміи, а затѣмъ Начальникомъ Штаба VII арміи, организовалъ рядъ армейскихъ летучихъ командъ по сбору оружія, рядъ передвижныхъ и рядъ мѣстныхъ оружейныхъ мастерскихъ для того, чтобы оказать реальную помощь войсковымъ частямъ. Дѣятельность этихъ организацій, нашими положеніями непредусмотрѣнная, разгрузила работу войсковыхъ частей и сразу же измѣнила бывшую до того картину безпорядка; VII и IX арміи ставились въ примѣръ прочимъ и, думаю, что въ отношеніи заботливости о сохранности оружія и прочей матеріальной части не уступали арміямъ нашихъ союзниковъ и враговъ. Вопросъ заключался, такимъ образомъ, прежде всего въ умѣніи сверху «организовать порядокъ», а не только писать выговоры и приказанія, подчасъ неисполнимыя.

Не было и послабленія со стороны строевого начальства, о кото-

ромъ упоминаетъ генералъ Даниловъ. Во многихъ корпусахъ былъ отданъ приказъ отказывать въ перевязкѣ легко раненымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они являлись на перевязочные пункты, бросивъ свое оружіе. Кажется, что дальше некуда было идти. Несомнѣнно, что степень внимательнаго отношенія къ своему оружію съ началомъ войны сильно упала. Но вѣдь съ мобилизаціей кадровый солдатскій составъ быстро потонулъ въ милліонахъ запасныхъ, по большей части утратившихъ солдатскій обликъ и представлявшихъ собой забывшихъ военное воспитаніе мужиковъ. Когда же, по мѣрѣ убыли въ пѣхотѣ, начали прибывать наскоро обученныя укомплектованія, положеніе дѣла измѣнилось еще къ худшему. При непродуманномъ Военнымъ Министерствомъ устройствѣ запасныхъ частей, въ нашу пѣхоту вливался солдатскій составъ безъ всякаго военнаго воспитанія, и не только не пріученный къ порядку, но часто считавшій безпорядокъ нормальнымъ положеніемъ вещей. Кто, какъ не наше Военное Министерство, долженъ былъ учесть въ мирное время слабую сторону нашихъ народныхъ массъ, требовавшихъ болѣе долгаго военнаго обученія, нежели болѣе культурный западно-европейскій солдатъ? Кто, какъ не Военное Министерство, должно было обезпечить нашу армію болѣе многочисленнымъ унтеръ-офицерскимъ составомъ, дабы око ближайшаго начальника солдата все время за нимъ слѣдило? Въ первой книгѣ мы имѣли случай указывать, съ какимъ невниманіемъ относилось въ мирное время къ этому вопросу наше Военное Министерство. Съ объявленіемъ же войны это отношеніе пріобрѣтаетъ уже характеръ государственнаго преступленія.

«Нашими мобилизаціонными расписаніями», пишетъ генералъ Даниловъ,[10] «срочно служившіе унтеръ-офицеры запаса не были взяты на особый учетъ и потому, вмѣсто того, чтобы при мобилизаціи быть выдѣленными въ особыя запасныя части для прохожденія повторительныхъ унтеръ-офицерскихъ курсовъ, они поступали на укомплектованіе войсковыхъ частей **наравнѣ съ рядовыми.** Въ результатѣ, въ началѣ войны въ ротахъ оказался переизбытокъ людей унтеръ-офицерскаго званія, которые, оставаясь на должностяхъ рядовыхъ, несли двойныя потери, и, такимъ образомъ, были использованы нерасчетливо. Что касается подготовки новаго унтеръ-офицерскаго состава въ запасныхъ частяхъ, то попытка эта дала совершенно неудовлетворительные результаты. Люди прибывали въ части безъ должнаго опыта, знанія, воспитанія и авторитета, почему оказывались для назначенія на вакантныя унтеръ-офицерскія должности непригодными».

Автору лично извѣстенъ случай, когда при мобилизаціи въ строю роты въ числѣ рядовыхъ стояло семнадцать унтеръ-офицеровъ. Каждый, хотя немного знающій быть русской арміи, понимаетъ, что всякій, прибывшій изъ запаса унтеръ-офицеръ долженъ былъ бы расцѣниваться на вѣсъ золота. Всѣ эти люди, столь нужные именно для нашей арміи съ ея малокультурнымъ солдатскимъ составомъ, были

10) «Россія въ Міровой войнѣ», стр. 247.

выбиты въ первыхъ же бояхъ. Вотъ гдѣ лежитъ истинное объясненіе вышеприведенныхъ словъ генерала Данилова, въ которыхъ онъ обвиняя наши войска въ небрежномъ отношеніи къ оружію, говоритъ: «къ сожалѣнію, всѣ эти мудрыя правила, съ выходомъ арміи на войну, были основательно забыты».

Пулеметы.

Согласно мобилизаціонному заданію, въ дѣйствующей арміи и въ ея тыловыхъ запасахъ должно было состоять 4.990 пулеметовъ. Въ дѣйствительности же въ іюлѣ 1914 года не хватало для удовлетворенія плановой потребности 883 пулемета. Ввиду этого Главное Артиллерійское Управленіе предписало начальнику Тульскаго оружейнаго завода, въ составѣ котораго имѣлся единственный на всю Россію пулеметный отдѣлъ, усилить до крайнѣй степени всю производительность съ тѣмъ, чтобы къ 1 января 1915 года недостающее число пулеметовъ было бы закончено и сдано. Это и было выполнено.

Въ первыхъ же боевыхъ столкновеніяхъ даже каждый рядовой боецъ могъ убѣдиться въ до крайности возросшемъ значеніи пулеметнаго огня. Поэтому достойно удивленія блаженное спокойствіе, въ которомъ пребывалъ генералъ Сухомлиновъ и его ближайшіе сотрудники въ вопросѣ о снабженіи арміи пулеметами. Въ дѣйствительности же было о чемъ безпокоиться. Предусмотрѣнныхъ по плану 4. 990 пулеметовъ, изъ которыхъ 454 составляли 10% запасъ, для 3.000.000 Дѣйствующей Арміи было немного. На самомъ же дѣлѣ ко дню объявленія войны имѣлось на лицо въ войскахъ и въ запасѣ 4152 пулемета. Ежегодное же производство пулеметовъ было предусмотрѣно нашимъ мобилизаціоннымъ планомъ лишь въ размѣрѣ возобновленія 10% запаса, т. е. 454 пулемета въ годъ. Между тѣмъ, пулеметное производство являлось однимъ изъ самыхъ сложныхъ и вмѣстѣ съ этимъ долго устанавливаемыхъ производствъ. Оно являлось гораздо болѣе сложнымъ, нежели ружейное; такъ — требуемая въ немъ предѣльная точность достигала 0,0005 дюйма, въ то время, какъ въ ружейномъ эта точность равнялась 0,001; нѣкоторыя же части пулеметнаго замка не терпѣли никакого допуска и должны были пригоняться «въ притирку», т. е. должны были изготовляться съ точностью лекалъ. Отсюда понятно, какое огромное значеніе имѣло заблаговременное предвидѣніе потребности въ пулеметахъ, такъ какъ постановка пулеметнаго производства требовала не мѣсяцы, а полтора-два года. Но Военное Министерство Сухомлинова упорно молчало въ теченіе всего перваго года войны и не давало своему довольствующему органу, Главному Артиллерійскому Управленію, никакихъ указаній, ни относительно ожидаемой общей (единовременной) потребности въ пулеметахъ, ни по вопросу объ увеличеніи нормъ ежемѣсячнаго снабженія.

Только съ вступленіемъ въ должность Военнаго Министра ген. Поливанова Военное Министерство очнулось отъ своего летаргическаго сна и въ сентябрѣ 1915 года заявило требованіе къ Главному Артиллерійскому Управленію на 12.039 пулеметовъ. Черезъ три недѣли это требованіе было увеличено и доведено до 31.170 пулеметовъ. Для выполненія этого требованія давался 15-ти мѣсячный срокъ, что приводило къ заданію ежемѣсячно доставлять въ армію 2.078 пулеметовъ.

Къ счастью, Главное Артиллерійское Управленіе по собственной иниціативѣ съ начала войны приняло рядъ энергичныхъ мѣръ для расширенія своего пулеметнаго производства и довело его въ 1915 году до средней 350 пулеметовъ въ мѣсяцъ, подготовляя увеличеніе этой мѣсячной нормы въ 1916 году до 1000 пулеметовъ.

Но этого увеличенія производства оказывалось уже недостаточно. Пришлось обратиться къ заграничнымъ заказамъ. Къ этому же времени вся производительность, не только нормальная, но и повышенная всѣхъ заграничныхъ пулеметныхъ заводовъ была уже занята нашими союзниками и нашими врагами. Приходилось принимать исключительныя мѣры, дабы какъ-нибудь проталкивать наши заказы.

А тѣмъ временемъ требованія на пулеметы все росли и росли.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ указано то число пулеметовъ, которое въ дѣйствительности Русская армія получила.

ТАБЛИЦА.

Снабженіе Русской Арміи пулеметами.

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Состояло къ началу войны	4152	—	—	—	4152
Поступило съ отечественныхъ заводовъ	833	4251	11072	11320	27476
Куплено заграницей	—	1057	9428	31833	42318
Захвачено у непріятеля	(свѣд. по годамъ нѣтъ) ок.				2000
				Всего	75946

Для того, чтобы составить себѣ представленіе, какое же число пулеметовъ не хватало Русской Арміи, необходимо принять во вниманіе ихъ износъ и потерю. Ввиду того, что норма пулеметовъ, приданныхъ войскамъ въ теченіе войны быстро растетъ, интересующая насъ недохватка пулеметовъ все время увеличивается. Поэтому мы пріурочимъ рѣшеніе вопроса къ началу 1917 года, когда наша Ставка окончательно формулировала потребность Русской Арміи въ пулеметахъ, опредѣливъ ее въ размѣрѣ 133.000 пулеметовъ. Налицо состояло къ 1 января 1917 года всего 16.300 пулеметовъ. Это составляло всего 12% потребности Арміи.

Ружейные патроны.

Правильный расчетъ запаса ружейныхъ патроновъ, исходящій изъ наличія въ мобилизованной арміи винтовокъ и пулеметовъ, показывалъ, что этотъ запасъ долженъ былъ бы достигать 3.346.000.000 штукъ. Но Военное Министерство Сухомлинова при помощи чисто канцелярскаго трюка сократило эту норму запаса до 2.745.000.000 штукъ. Этимъ способомъ оно подводило мобилизаціонную норму къ количеству имѣвшагося налицо запаса (2.446.000.000), сокращая такимъ образомъ фактическую нехватку въ ружейныхъ патронахъ съ одного милліарда на 300 милліоновъ.[11]

Однако, подобная укладка нормъ, выработанныхъ наукой, въ Прокрустово ложе бюрократическихъ ухищреній должна была при первомъ же столкновеніи съ жизнью привести къ катастрофѣ.

Такъ оно и случилось. Къ сожалѣнію, недостатокъ въ ружейныхъ патронахъ не былъ обнаруженъ Ставкой въ началѣ войны. «Объясняется это тѣмъ», пишетъ генералъ Даниловъ,[12] «что въ первый періодъ войны, особенно на Галиційскомъ фронтѣ, гдѣ дѣйствовала главная масса нашей арміи, успѣхъ въ бояхъ обезпечивался по преимуществу артиллерійскимъ огнемъ. Эти условія естественно уменьшали расходъ винтовочныхъ патроновъ и сберегали имѣвшійся у насъ запасъ военнаго времени. Вслѣдствіе изложеннаго, несмотря на то, что мы начали войну съ нехваткой винтовочныхъ патроновъ въ 300 милліоновъ[13] штукъ и отпустили въ 1914 году Сербской Арміи до 200 милліоновъ патроновъ, несмотря на то, что мы должны были считаться съ недостаточной производительностью нашихъ патронныхъ заводовъ и встрѣтили затрудненія въ изготовленіи пороха соотвѣтствующаго сорта, — несмотря на все это, у насъ въ первые мѣсяцы войны въ центральныхъ складахъ все же сохранился въ неприкосновенности большой запасъ винтовочныхъ патроновъ, который и позволилъ безпрепятственно пополнять текущій расходъ въ войскахъ, даже тогда, когда потребность въ патронахъ значительно возросла. Но этого запаса патроновъ, съ которыми войска научились обращаться бережливо лишь путемъ горькаго опыта, хватило только до начала 1915-го года; съ наступленіемъ его, картина рѣзко измѣнилась къ худшему. Впослѣдствіи, пришлось даже пустить въ ходъ, взамѣнъ новыхъ патроновъ съ остроконечными пулями, запасъ старыхъ тупоголовыхъ патроновъ, что должно было значительно сказаться на пониженіи дѣйствительности ружейнаго огня».

---

11) Маниковскій «Боевое снабженіе Русской Арміи», часть, I, стр. 105-107.

12) «Россія въ Міровой войнѣ», стр. 253.

13) Какъ мы говорили выше, фактически недостатокъ патроновъ достигалъ 1 милліарда, а не 300 милліоновъ. (Прим. Н. Н. Г.).

Вотъ какъ рисуется картина съ «высотъ» Ставки. Для смотрящихъ снизу — эта картина была гораздо мрачнѣе. Какъ только тыловые склады замѣтили перебои въ пополненіи своихъ запасовъ ружейныхъ патроновъ, они начали придерживать отпускъ ихъ въ войска. Въ снабженіи послѣднихъ почувствовались еще болѣе сильные перебои. Одинъ изъ таковыхъ автору пришлось лично пережить уже въ ноябрѣ 1914 года, т. е. на четвертомъ мѣсяцѣ войны. IX армія, генералъ-квартирмейстеромъ которой былъ въ это время авторъ, подошла къ Кракову. Здѣсь она была контръ-атакована двумя австрійскими арміями. Какъ разъ въ критическіе два дня боя произошелъ перебой въ снабженіи ружейными патронами. Въ результатѣ многія войсковыя части оказались близки къ катастрофѣ, такъ какъ были корпуса (напримѣръ, XXV-й), въ которыхъ, считая и носимый на людяхъ запасъ, оставалось на винтовку всего 25 патроновъ. Только мѣры исключительнаго порядка спасли тогда IX-ю армію отъ катастрофы.

Въ 1915 г. положеніе съ ружейными патронами стало очень плохимъ. О пополненіи войсковыхъ запасовъ не приходилось и думать. Сколько было случаевъ, что развитіе удачныхъ операцій приходилось останавливать изъ-за экономіи въ патронахъ.

Помнится слѣдующій случай въ сентябрѣ 1915 года. Онъ имѣлъ мѣсто въ той же IX арміи, въ которой авторъ продолжалъ состоять генералъ-квартирмейстеромъ. IX-я армія перешла въ контръ-наступленіе между р. р. Серетомъ и Стрыпой, противъ насѣдавшихъ на нее австро-венгровъ. Успѣхъ былъ огромный. Въ теченіе пяти дней было захвачено болѣе 35.000 плѣнныхъ и сдѣланъ прорывъ шириной въ 60 километровъ. За этой зіяющей дырой у противника не было вблизи ни одной свѣжей дивизіи. Послѣднія могли быть подвезены только изъ сосѣднихъ армій по желѣзной дорогѣ. IX-й же арміи удалось сосредоточить для использованія прорыва двѣ пѣхотныя дивизіи и двѣ кавалерійскія дивизіи. Но бѣда была въ томъ, что ружейные патроны были на исходѣ. Командующій арміей генералъ Лечицкій вызвалъ къ аппарату Юза Главнокомандующаго Юго-западнымъ фронтомъ генерала Иванова и умолялъ его прислать на грузовикахъ одинъ милліонъ ружейныхъ патроновъ. Генералъ Ивановъ отказался и намѣченная операція должнаго развитія не получила, такъ какъ посылать войска безъ патроновъ генералъ Лечицкій считалъ преступной авантюрой.

Нужно было пережить хотя бы одинъ изъ подобныхъ инцидентовъ, чтобы понять какъ революціонный ядъ накапливался въ душѣ участниковъ боевыхъ дѣйствій.

Если Ставка, державшаяся въ слишкомъ большомъ моральномъ отдаленіи отъ войскъ, чувствовала съ опозданіемъ ихъ дѣйствительныя нужды, то въ Петроградѣ, въ Военномъ Министерствѣ пульса войны совсѣмъ не чувствовали. Шла только увеличившаяся переписка, въ значительной мѣрѣ имѣвшая своей цѣлью оправдаться отъ сыпав-

шихся нареканій и свалить вину на другого. Такимъ виновнымъ «стрѣлочникомъ» являлись всегда войска. Такъ и въ данномъ случаѣ. Прежде всего стали ссылаться на небрежное отношеніе войскъ къ казенному имуществу. Даже такой вдумчивый работникъ, какъ генералъ Маниковскій, представлявшій собою рѣдкое исключеніе среди военно-чиновничьяго Петрограда, и тотъ не избѣгъ этого соблазна. На стр. 122 I-ой части его книги «Боевое снабженіе Русской Арміи въ 1914-1918 г. г.», мы встрѣчаемъ слѣдующія строки:

«...Слѣдуетъ отмѣтить совершенно недопустимую, перешедшую всякія границы и явно преступную расточительность въ расходованіи, вѣрнѣе въ расшвыриваніи, ружейныхъ патроновъ на фронтѣ. Иного выраженія, какъ расшвыриваніе и подобрать нельзя для охарактеризованія того безумнаго обращенія съ ружейными патронами, которое послѣ первыхъ же неудачъ на германскомъ фронтѣ стало наблюдаться въ нашихъ войскахъ. Изъ свидѣтельства участниковъ, изъ донесеній начальствующихъ лицъ и изъ отчетовъ завѣдывающихъ артиллерійскими снабженіями ярко обрисовывается картина позорнаго распутства, допущеннаго въ этомъ отношеніи командным составомъ, къ тому времени, правда, очень ослабленнымъ въ своей кадровой части убылью убитыми и ранеными и сильно разбавленнымъ разнаго рода скороспѣлыми пополненіями. Подъ впечатлѣніемъ сокрушительнаго «завѣснаго» огня, неизмѣнно направляемаго нѣмцами въ тылъ нашихъ позицій при каждой ихъ атакѣ, у нашихъ войскъ сложилось убѣжденіе, что на своевременное пополненіе патроновъ сквозь такія завѣсы даже въ ночное время по ходамъ сообщенія, расчитывать нельзя, а поэтому-де, молъ, это надо дѣлать заблаговременно и при томъ съ возможнымъ избыткомъ. Поэтому загодя забивались патронами не только назначенныя для этого ниши и погребки, но самые окопы, блиндажи и ходы сообщенія; патроны кучами сваливались за окопами; наконецъ, изъ ящиковъ съ патронами сооружались траверсы и даже брустверa. Нечего и говорить, что о какой-либо экономіи (хотя бы только разумной и цѣлесообразной) при самой стрѣльбѣ — уже не могло быть и рѣчи, а чего стоила при такихъ условіяхъ эта стрѣльба — больно и говорить».

«При такомъ положеніи дѣла, естественно, всякое передвиженіе вызывало потерю всѣхъ этихъ патронныхъ запасовъ, которые въ случаѣ отступленія легко попадали въ руки противника, въ случаяхъ же (рѣдкихъ) наступленія оставлялись, какъ были, на тѣхъ же мѣстахъ и или терялись здѣсь, или попадали въ руки разныхъ темныхъ спекулянтовъ... (Такъ, полевой генералъ-инспекторъ артиллеріи во время одной изъ своихъ поѣздокъ на фронтъ нашелъ на небольшомъ участкѣ недавно оставленной позиціи — около 8 милліоновъ вполнѣ исправныхъ патроновъ)».

«Такой развратъ естественно передался съ передовыхъ позицій въ тыловыя части фронта, и повсюду началось безумное мотовство ружейныхъ патроновъ. На нихъ не смотрѣли, какъ на драгоцѣнную часть боевого оружія, а какъ на какой-то ненужный и часто обременительный

хламъ, который поэтому можно и не очень беречь, а при случаѣ, напримѣръ, при отступленіи, и прямо бросить. Всѣ протесты и обращенія Главнаго Артиллерійскаго Управленія къ высшему командному составу Арміи и всѣ грозныя по этому поводу приказанія изъ Ставки — особаго дѣйствія не имѣли».

«А принятая потомъ мѣра — въ видѣ назначенія денежныхъ премій за доставленные патроны и гильзы, въ расчетѣ на поощреніе къ добросовѣстному сбору ихъ, дала результаты неожиданные: начались хищенія патроновъ изъ складовъ, парковъ, позиціонныхъ хранилищъ и даже изъ своихъ носимыхъ запасовъ самими бойцами, ради полученія за нихъ обѣщанныхъ денегъ. Наконецъ, дошло до того, что патронъ обратился въ «денежную единицу» на прифронтовомъ рынкѣ, и предметы солдатскаго обихода — табакъ, папиросы, чай и т. п. — наряду съ деньгами расцѣнивались и покупались за извѣстное количество патроновъ».

Мы привели эту длинную выдержку изъ книги генерала Маниковскаго, ибо она ярко характеризуетъ отношеніе нашего тыла къ войскамъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если будемъ утверждать, что ни въ одномъ изъ воевавшихъ государствъ не проявлялась столь строгая требовательность сверху внизъ, а также съ тыла впередъ, какъ въ Россіи. Чѣмъ ниже былъ рангъ человѣка и чѣмъ ближе стоялъ онъ къ непріятелю, тѣмъ больше отъ него требовали; никакія его ошибки или недостатки ему не прощались. Всегда во всемъ, въ концѣ концовъ, виноватъ былъ онъ. Совершенно упускалось изъ виду, что масштабъ требованій долженъ былъ быть какъ разъ обратный. Внизу и впереди стоялъ массовый боецъ, человѣкъ милліоновъ. Несомнѣнно, что этотъ массовый боецъ несъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ низовъ народа, изъ которыхъ пришелъ. И русскій солдатъ вмѣстѣ со своимъ геройствомъ принесъ свою темноту и непониманіе «общихъ» интересовъ. Дѣло начальниковъ всѣхъ степеней было учесть его недостатки и предусмотрѣть, какъ ихъ парализовать. Казалось бы, что въ вопросѣ снабженія ружейными патронами для Русской Арміи должна была быть установлена большая норма, чѣмъ средняя норма, выработанная наукой; мы видѣли выше, что сдѣлано было какъ разъ обратное. Когда же жизнь наказала за непредусмотрительность верховъ, послѣдніе, въ цѣляхъ самооправданія, начали сейчасъ же искать виновныхъ внизу. Заинтересованность тыловыхъ обвинителей естественно приводила къ утратѣ чувства мѣры. Внимательное прочтеніе обвиненій генерала Маниковскаго, представляющихъ собою голосъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, сразу же обнаруживаетъ несправедливое отношеніе. Онъ протестуетъ противъ того, что при организаціи обороны войска заботились о томъ, чтобы **заблаговременно и съ возможнымъ избыткомъ** обезпечивать себя ружейными патронами. А какъ же иначе поступать? Воюютъ вѣдь не для сохраненія огнестрѣльныхъ припасовъ, а для пораженія противника. Войска совершенно правильно учитывали, что въ случаѣ непріятельской атаки ихъ окопы будутъ

отрѣзаны артиллерійскимъ огнемъ, а ходы сообщенія уничтожены. И мы, ихъ начальники, такъ и учили ихъ. Вѣдь мы же требовали отъ солдатъ жертвы жизнью; нельзя же при этомъ ограничивать ихъ въ средствахъ борьбы. Въ случаѣ потери окоповъ, часть находившихся патроновъ попадала къ непріятелю; но окопы не сдавались добровольно, а послѣ кровавой борьбы. Нельзя воевать и цѣнить матеріальную часть дороже человѣческихъ жизней. Къ сожалѣнію, таково было отношеніе тыла къ арміи. Вышеприведенная Всеподданнѣйшая Записка 28 членовъ «Особаго Совѣщанія по оборонѣ» это констатируетъ [14].

Сборъ патроновъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наши войска переходили въ наступленіе (и, въ противорѣчіе ген. Маниковскому, скажемъ — случаяхъ частыхъ, а не рѣдкихъ), долженъ былъ быть организованъ высшими штабами (корпусовъ и армій). Тамъ, гдѣ это имѣло мѣсто, патроны эти не терялись. Правда, что именно въ области всякаго рода организаціи мы болѣе всего и грѣшили невѣдѣніемъ. Но все-таки такой мрачной картины, которую рисуетъ ген. Маниковскій, до марта 1917 года не было. Конечно, были исключенія, но только исключенія. Правота нашихъ словъ доказывается тѣмъ, что если подсчитать расходъ ружейныхъ патроновъ въ Русской Арміи, то онъ не превосходитъ норму этого расхода въ арміяхъ нашихъ союзниковъ и враговъ. Несправедливость утвержденій ген. Маниковскаго объясняется тѣмъ, что онъ писалъ свою книгу въ то время, когда Россія находилась подъ игомъ большевиковъ. Вся же литература послѣднихъ, касающаяся минувшей войны, ярко окрашена тенденціей показать, что старая Русская Армія развалилась уже до революціи.

Рисуя ужасающую картину хищенія патроновъ, ген. Маниковскій не упоминаетъ, что это относится къ періоду, когда въ 1917 году, съ началомъ революціи, началось разложеніе Русской Арміи; онъ не упоминаетъ о томъ, что этотъ развалъ ускорялся безсовѣстной пропагандой большевиковъ, учившихъ солдатъ бросать оружіе и уходить домой; въ создавшейся обстановкѣ измѣны Родинѣ и убійствъ командnаго состава продажа и хищеніе патроновъ представляли собой сравнительно небольшое зло; это было лишь одно изъ выполненій лозунга, брошеннаго въ темныя народныя массы, — «грабь награбленное».

Всѣхъ этихъ оговорокъ ген. Маниковскій, конечно, не могъ сдѣлать. Да можетъ быть, онъ и сдѣлалъ, но большевицкая цензура ихъ не пропустила.

Вышеочерченная психологія нашихъ тыловъ не благопріятствовала быстрому исправленію ошибокъ въ мобилизаціонныхъ предположеніяхъ. Послѣднія же грѣшили не только недостаточностью размѣровъ запаса ружейныхъ патроновъ, но и тѣмъ, что самое производство патроновъ въ военное время было расчитано совершенно несоотвѣтственно масштабу войны. Согласно мобилизаціонному плану, считалась достаточной общая годовая производительность нашихъ трехъ патронныхъ

14) См. первый томъ настоящаго труда, гл. V.

заводовъ (Петроградскаго, Луганскаго и Тульскаго частнаго) въ 550.000.000 въ годъ. Въ дѣйствительности же средняя мѣсячная потребность нашей арміи въ ружейныхъ патронахъ достигала 250.000.000, т. е. истинная годовая потребность превосходила предположенія почти въ 6 разъ.

Крайнее форсированіе работы вышепоименованныхъ трехъ патронныхъ заводовъ утроило ихъ производительность. Поднялся вопросъ о постройкѣ новаго патроннаго завода, но рѣшеніе этого вопроса затянулось до апрѣля 1916-го года.

Заграничные заказы патроновъ, вслѣдствіе запозданія помѣщенія ихъ, встрѣтили большія затрудненія; заграничный рынокъ былъ уже перегруженъ заказами воюющихъ государствъ.

Въ нижеприводимой таблицѣ указаны числовыя данныя о снабженіи Русской Арміи ружейными патронами.

ТАБЛИЦА

Снабженіе Русской Арміи ружейными патронами.

	въ милліонахъ				
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Поступило съ отечественныхъ заводовъ	345.	1.022	1.482	1.008	3.857
Состояло къ началу войны	2.745	—	—	—	2.745
Куплено заграницей	по годамъ свѣд. нѣтъ				ок. 2.500
Захвачено у непріятеля	»	»	»		ок. 400
Итого					около 9.500

Изучая эту таблицу, мы можемъ заключить, что въ окончательномъ итогѣ потребность нашей арміи въ ружейныхъ патронахъ была удовлетворена. Въ самомъ дѣлѣ, 3 года войны потребовали около 9 милліардовъ патроновъ, дано же Арміи было 9,5 милліардовъ. Но въ эту картину кажущагося благополучія должны быть введены двѣ существенныя поправки.

Во-первыхъ, соотвѣтственное потребностямъ поступленіе ружейныхъ патроновъ началось лишь въ 1916 году. Непредусмотрительность и запозданіе въ принятіи нужныхъ мѣръ со стороны нашего Военнаго Министерства заставило армію пережить въ 1915 году сильный кризисъ въ снабженіи ружейными патронами.

Во-вторыхъ самая потребность въ ружейныхъ патронахъ исчислялась на основаніи ихъ расходованія въ арміи. Но въ русской арміи все время не хватало винтовокъ (35% ея потребности такъ и не было удовлетворено), а число находившихся на ея вооруженіи пулеметовъ составляетъ только 12% того, что требовалось по мнѣнію Ставки въ концѣ 1916 года. Такимъ образомъ, удовлетворить въ 1916 и 1917 г. г. потребность Русской Арміи въ ружейныхъ патронахъ удалось только потому, что потребности въ винтовкахъ и въ пулеметахъ не были удовлетворены.

Артиллерія.

Въ первой часги нашего труда мы подробно указывали, насколько недостаточно была снабжена къ началу войны Русская Армія артиллеріей.

Бои съ нѣмцами сразу же ярко это показали. Первыя же наши неудачи въ Восточной Пруссіи — катастрофа арміи ген. Самсонова и пораженіе понесенное ген. Ренненкампфомъ, — всецѣло обуславливались подавляющимъ преимуществомъ германцевъ въ числѣ батарей.

Подробному изслѣдованію этихъ нашихъ первыхъ операцій въ Восточной Пруссіи посвящена наша спеціальная книга[15]. Здѣсь же, для иллюстраціи нашего утвержденія, мы только приведемъ таблицу, указывающую на соотношеніе въ числѣ батарей, находившихся у противниковъ во время начальныхъ боевъ, и на результаты каждаго изъ этихъ столкновеній.

ТАБЛИЦА.

Зависимость тактическаго успѣха въ первыхъ бояхъ 1914 г. въ Вост. Пруссіи отъ количества батарей.

Названіе боевъ.	Русскіе		Нѣмцы		Тактическіе результаты
	число баталіон.	число батарей.	число баталіон.	число батарей.	
Бой у Сталупенена 4/17 августа	40	20	17	19	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
Сраженіе у Гумбинена 7/20 августа:					
1. На фронтѣ русск. 28-й п. д.	12	6	25	28	Рѣшительный и быстрый успѣхъ нѣмцевъ.
2. На фронтѣ русск. 29-й п. д.	12	8	11	7	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
3. На фронтѣ русск. III-го А. К. (усил. 40-й п. д.)	42	22	25	28-30	Нѣмецкая атака отбита съ большимъ для нихъ урономъ.
4. На участкѣ къ югу отъ лѣса Роминтенъ	22	9	26	16	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.

15) «Изъ исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ; начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи», изданіе «Пламя», 1925 г.

Названіе боевъ	Русскіе: число батальон.	Русскіе: число батарей.	Нѣмцы: число батальон.	Нѣмцы: число батарей.	Тактическіе результаты
Бой у Бишофсбурга 13/26 августа	14	8	40	40	Рѣшительный и быстрый успѣхъ нѣмцевъ.
Сраженіе у Гогенштейнъ - Сольдау 13/26-15/28 августа:					
а) 13(26) августа:					
1. Въ раіонѣ Гогенштейна	30	14	20-26	15-18	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
2. Раіонъ между дер. Мюленъ и с. Уздау	15½	8	24	28	Рѣшительный и быстрый успѣхъ нѣмцевъ.
3. Раіонъ Уздау — Сольдау	32	14	24	17	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
б) 14 (27) августа:					
1. Раіонъ у Гогенштейна	30	14	24	14	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
2. Раіонъ между дер. Мюленъ и с. Уздау	12	8	11	12	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
3. Раіонъ Уздау	24	11	29-35	40	Рѣшительный и быстрый успѣхъ нѣмцевъ.
4. Раіонъ Гейнрихсгофена (къ зап. отъ Сольдау)	16	6	6	5	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
в) 15 (28) августа:					
1. Раіонъ Гогенштейна	30-40	11-19	50	30	Рѣшительный успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.
2. Раіонъ с. Ваплицъ .	16	10	11	12	Успѣхъ на сторонѣ русскихъ.
3. Раіонъ Сольдау ...	20	6	20	39	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.

Примѣчаніе: Составъ русской артиллеріи: 85% батарей легкихъ пушекъ и 15% легкихъ гаубицъ.
Составъ германской артиллеріи: 55% батарей легкихъ пушекъ, 20% легкихъ гаубицъ, 25% тяжелой артиллеріи.

Къ сожалѣнію, на верхахъ нашего военнаго руководства этого не понимали. Наша Ставка была составлена изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, попрежнему вѣрившихъ въ устарѣвшую Суворовскую формулу: «Пуля дура — штыкъ молодецъ». Насколько упорно жилъ на верхахъ нашей арміи этотъ пережитокъ древней старины, свидѣтельствуетъ книга, неоднократно нами цитированная, а именно книга генерала Данилова («Россія въ міровой войнѣ»). Послѣдній, состоявшій въ должности Генералъ-Квартирмейстера Ставки, являлся фактически вдохновителемъ всей нашей стратегіи. Это придаетъ его книгѣ особый исторический интересъ. Хотя книга генерала Данилова и составлена въ 1924 году, когда, казалось бы, опытъ міровой войны совершенно опредѣленно выявилъ огневой и сильно «артиллерійскій» характеръ современной тактики, тѣмъ не менѣе авторъ продолжаетъ упорствовать въ своихъ прежнихъ ошибкахъ. Онъ продолжаетъ утверждать, что двойное превосходство въ силахъ во время первыхъ операцій въ Восточной Пруссіи было на сторонѣ русскихъ. Этотъ выводъ является результатомъ сопоставленія только одного числа баталіоновъ на обѣихъ сторонахъ [16], вмѣсто того, чтобы брать за единицу оперативнаго расчета пѣхотную дивизію съ коэффиціентомъ за счетъ силы ея артиллерійскаго огня. Такой подсчетъ приводитъ къ совсѣмъ другимъ выводамъ, освященнымъ уже приговоромъ Исторіи.

Только что приведенный примѣръ чрезвычайно показателенъ. Изъ него можно убѣдиться въ упорствѣ, съ которымъ дѣятели Ставки не желали понять слабость Русской Арміи въ артиллеріи. Это упорство являлось, къ сожалѣнію, слѣдствіемъ одной свойственной русскимъ военнымъ верхамъ отрицательной черты: невѣрія въ технику. Дѣятели типа Сухомлинова вели на этомъ отрицательномъ свойствѣ своего рода демагогическую игру, которая была люба всѣмъ, въ комъ были сильны рутина мысли, невѣжество и попросту лѣнь.

Вотъ почему въ нашемъ высшемъ Генеральномъ Штабѣ осознаніе недохвата въ артиллеріи требовало очень много времени. Потребовалось удаленіе изъ Ставки Начальника Штаба генерала Янушкевича и Генералъ-Квартирмейстера генерала Данилова, удаленіе съ должности Военнаго Министра генерала Сухомлинова, для того, чтобы наконецъ родилось въ нашихъ военныхъ верхахъ правильное пониманіе снабженія нашей арміи артиллерійскими средствами. Но и послѣ смѣны этихъ лицъ прошелъ годъ времени, пока всѣ требованія въ этомъ вопросѣ вылились, наконецъ, въ планомѣрную форму. Только къ началу 1917 года, ко времени сбора въ Петроградѣ Междусоюзной Конференціи, потребности Русской Арміи въ артиллеріи были окончательно оформлены и приведены въ систему. Такимъ образомъ, для этого выясненія потребовалось почти 2½ года тяжелой событіями на фронтѣ войны.

Наиболѣе компетентнымъ свидѣтелемъ безыдейности и безсистем-

16) Стр. 135.

ности въ требованіяхъ нашихъ руководящихъ военныхъ верховъ въ области артиллерійскаго вооруженія является ген. Маниковскій, стоявшій во главѣ заготовительнаго органа по артиллерійскому снабженію. Во II-й части своего труда «Боевое снабженіе Русской Арміи въ 1914-18 г.г.» онъ рисуетъ подробную картину этого хаоса. Здѣсь мы ограничимся очеркомъ, сдѣланнымъ лишь въ крупныхъ штрихахъ.

1. — Потребность въ легкихъ 3″ пушкахъ, полевыхъ и горныхъ.

«Новыя формированія изъ легкихъ орудій въ первое время войны», пишетъ ген. Маниковскій [17], «велись безсистемно, безъ опредѣленнаго плана; пополненіе убыли этихъ орудій (поврежденныхъ и потерянныхъ въ бояхъ) также долго не выливалось въ опредѣленную форму. Поэтому говорить о какихъ-либо «нормахъ», т. е. о планомѣрности снабженія этими орудіями въ теченіе перваго года войны не приходится».

Первыя болѣе или менѣе систематизированныя требованія на полевыя и горныя орудія поступили изъ Ставки лишь въ маѣ-іюнѣ 1915 года. Въ нихъ указывалась ежемѣсячная потребность въ 293 полевыхъ и горныхъ 3" пушкахъ. Но уже со смѣной Ставки эта норма была сразу повышена до 560 штукъ. Наконецъ, въ программѣ, представленной въ Междусоюзническую Конференцію 1917 г., количество 3" пушекъ на періодъ съ 1-го января 1917 года по 1-ое января 1918 г., исчислено такъ:

а) ежемѣсячное пополненіе убыли по 560 въ мѣсяцъ, всего	6.720
б) для усиленія существующей артиллеріи въ дивизіяхъ (при доведеніи числа батарей въ дивизіи съ шести до девяти) и для новыхъ формированій	4.120
в) кромѣ того, для исправленія разстрѣленныхъ орудій требовалось заготовить трубъ	3.780
Всего	14.620

Изъ этого исчисленія вытекаетъ, что ежемѣсячная норма подачи 3" орудій должна была достигнуть 1.200. Согласно же мобилизаціонному плану, производительность артиллерійскихъ заводовъ намѣчена была всего въ 75 пушекъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, окончательно выяснившаяся потребность въ 3" пушкахъ требовала отъ нашихъ заводовъ производительность в ъ 1 6 р а з ъ большую, чѣмъ предполагалось.

2. — Потребность въ легкихъ полевыхъ гаубицахъ (4" - 5" калибра).

«Требованія на эти орудія», пишетъ ген. Маниковскій [18], «вполнѣ планомѣрно опредѣлились лишь къ концу 1916 года, т. е. ко времени

17) Маниковскій, часть II, стр. 33.
18) Часть II, стр. 51.

созыва въ Петроградѣ Междусоюзнической Конференціи. До этихъ же поръ требованія были безсистемны и случайны».

Ежемѣсячная потребность въ самомъ началѣ была опредѣлена всего въ 35 штукъ. Въ серединѣ 1915 года эта норма была повышена до 100 штукъ. Въ началѣ 1916 года норма была повышена до 105. Къ моменту Междусоюзнической Конференціи 1917 года вопросъ о снабженіи нашей арміи легкими гаубицами былъ наконецъ окончательно разработанъ и вылился въ слѣдующую форму для періода съ 1 января 1917 года по 1-ое января 1918 года:

а) ежемѣсячное пополненіе убыли по 130 гаубицъ въ мѣс.	1560
б) для новыхъ формированій съ цѣлью придать каждой пѣх. дивизіи по одному гаубичному дивизіону	740
Всего	2300

Это требованіе приводило къ ежемѣсячной подачѣ въ 1917 году въ 200 гаубицъ. Согласно же мобилизаціоннымъ предположеніямъ, производительность нашихъ заводовъ была расчитана на 6 гаубицъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, окончательно выяснившаяся потребность въ легкихъ полевыхъ гаубицахъ требовала отъ нашихъ заводовъ производительность в ъ 3 3 р а з а б о л ь ш у ю, нежели это предполагалось.

3. — Потребность въ полевой тяжелой артиллеріи.

«Требованія на 4,2" скорострѣльныя пушки и на 6" полевыя гаубицы», пишетъ ген. Маниковскій,[19] «опредѣлились планомѣрно лишь ко времени созыва Междусоюзнической Конференціи. До тѣхъ поръ все та же неопредѣленность и перемѣнчивость требованій, что и съ легкой и мортирной артиллеріей».

Въ программѣ вооруженія, составленной для конференціи, потребность на 12 мѣсяцевъ 1917 года исчислялась:

	4,2" пушки	6" гаубицы
а) ежемѣсячное пополненіе убыли (каждый мѣсяцъ по 23 — 4,2" пушки и по 43 —6" гаубицы), всего въ годъ	276	516
б) для новыхъ формированій (предполагалось снабдить каждый корпусъ однимъ полевымъ тяжелымъ дивизіономъ изъ 1 батареи 4,2" пушекъ и 2-хъ батар. 6" гаубицъ)	108	244
Итого	384	760
Всего	1.144	

Это требовало ежемѣсячной производительности въ 95 орудій. По мобилизаціоннымъ же предположеніямъ эта производительность долж-

19) Часть II, стр. 54.

на была равняться всего 2-мъ орудіямъ въ мѣсяцъ. Ошибка въ расчетѣ доходила такимъ образомъ до 47 разъ.

4. — Потребность въ тяжелой артиллеріи крупнаго калибра.

«До какой степени поздно стала понятной роль настоящей тяжелой артиллеріи нашему командованію на фронтѣ и руководящимъ сферамъ въ тылу», пишетъ генералъ Маниковскій,[20] «свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ»:

«...Даже особая распорядительная Комиссія по артиллерійской части подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Инспектора артиллеріи, существовавшая до половины 1915 года, ни однимъ словомъ не обмолвилась о тяжелыхъ орудіяхъ осаднаго типа. И лишь когда не осталось никакихъ сомнѣній въ томъ, что война пріобрѣтаетъ чисто позиціонный характеръ, съ фортификаціонными сооруженіями такой прочности, что безъ основательной артиллерійской подготовки нельзя двинуться ни шагу, — только тогда и намъ стало ясно, какъ необходима въ современной войнѣ именно та «тяжелая» артиллерія, о примѣненіи которой въ полевыхъ операціяхъ говорилось до войны лишь въ тонѣ снисходительной уступки фанатикамъ артиллерійскихъ увлеченій, неисправимымъ «огнепоклонникамъ», какъ окрестилъ еще покойный Драгомировъ сторонниковъ того взгляда, что ввиду современнаго развитія техники въ предстоящихъ войнахъ, преобладающая роль принадлежитъ именно могущественной артиллеріи. И вотъ только годъ спустя послѣ начала войны мы боремся за этотъ вопросъ»[21].

22-го октября (3-го ноября) 1916 года Полевой Генералъ-Инспекторъ Артиллеріи подаетъ Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго докладъ (№ 1774), въ которомъ предполагается созданіе особаго артиллерійскаго резерва, сосредоточеннаго въ рукахъ Верховнаго Главнокомандующаго. Этотъ артиллерійскій резервъ долженъ былъ состоять изъ всѣхъ орудій осаднаго типа и служить для придачи тому фронту, на которомъ будетъ производиться главный ударъ. Этотъ докладъ былъ сейчасъ же одобренъ Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген. Алексѣевымъ. Предположенный къ сформированію артиллерійскій резервъ получилъ наименованіе «ТАОН»-а (Тяжелая Артиллерія Особаго Назначенія).

Ввиду того, что мы «не только не предвидѣли въ мирное время», пишетъ генералъ Маниковскій[22], «такой рѣшающей роли артиллеріи вообще, тяжело-осадной въ особенности, а даже не вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ истинномъ значеніи ея въ теченіе болѣе года войны, и вполнѣ ясная картина нашей потребности по части крупнокалиберной артиллеріи и подробно выработанная организація тяжелой артиллеріи осаднаго типа — вырисовывается у насъ лишь къ пріѣзду въ Петроградъ Междусоюзнической Конференціи, когда нормы нашей потребно-

20) Часть II-ая, стр. 62.
21) Часть II, стр. 62 и 63.
22) Часть II, стр. 70.

сти въ ТАОН-ѣ заявляются Ставкой на 12 мѣсяцевъ 1917 года въ такомъ видѣ:

6" пушки	812
8" гаубицы	211
9,2" пушки	168
11" гаубицы	156
12" гаубицы	67
Итого	1414

Ввиду того, что наши мобилизаціонныя предположенія совершенно не предвидѣли потребности Арміи въ тяжелой артиллеріи особаго назначенія, то всѣ эти требованія въ орудіяхъ крупнаго калибра, требованія при этомъ крайне запоздалыя, оказались для нашихъ заводовъ совершенно неожиданными.

Для того, чтобы дать полную картину потребностей нашей арміи во время войны въ артиллерійскомъ вооруженіи, остается упомянуть еще о двухъ, тоже совершенно неожиданныхъ для нашихъ заводовъ потребностяхъ, а именно:

потребности въ зенитной артиллеріи и

потребности въ траншейной артиллеріи.

Первая изъ этихъ потребностей выяснилась попутно съ громаднымъ развитіемъ авіаціи. Потребность въ зенитной артиллеріи явилась столь же неожиданной и для всѣхъ прочихъ воюющихъ странъ, такъ что въ этомъ отношеніи нашъ мобилизаціонный планъ не былъ хуже другихъ. Но когда во время войны этотъ новый вопросъ уже выяснился, у насъ обнаружилась такая же медленность мышленія, какъ и въ другихъ областяхъ артиллерійскаго вооруженія. Окончательно, въ планомѣрной формѣ потребность въ зенитной артиллеріи была заявлена только на Междусоюзнической Конференціи въ началѣ 1917 года. Эта потребность опредѣлялась такъ: для каждаго корпуса — по одной зенитной четырехъ-орудійной батареѣ, для каждой арміи — по три такихъ батареи и для каждаго фронта — по четыре такихъ батареи. Въ итогѣ это приводило къ необходимости получить въ теченіе 12 мѣсяцевъ 1917 года — 1052 зенитныхъ орудія.

Потребности въ траншейной артиллеріи были двоякаго рода:

а) потребность въ малокалиберныхъ траншейныхъ пушкахъ, и

б) потребность въ бомбометахъ и минометахъ.

«О спеціально-траншейныхъ пушкахъ до войны, совсѣмъ не было и рѣчи»..., пишетъ ген. Маниковскій,[23] «Первое пожеланіе объ изготовленіи у насъ траншейныхъ пушекъ было высказано въ іюлѣ 1915 года телеграммой Ставки...» Въ теченіе 1916 года удается удовлетворить требованіе войскъ въ малокалиберныхъ пушкахъ лишь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, потребность пѣхоты въ этихъ ору-

23) Часть II, стр. 78.

діяхъ выясняется все въ большемъ и большемъ масштабѣ, такъ что къ созыву Междусоюзнической Конференціи вырабатывается слѣдующая норма: каждый пѣхотный полкъ долженъ имѣть въ своемъ составѣ одну 4-орудійную батарею малокалиберныхъ 37-мм. пушекъ. Вмѣстѣ съ 5% запасомъ это требовало полученія въ теченіе 12 мѣсяцевъ 1917 года 4476 такихъ пушекъ.

«Бомбометы и минометы», пишетъ ген. Маниковскій[24], «также не предполагалось имѣть до войны въ составѣ вооруженія арміи. И хотя въ курсахъ артиллеріи и фортификаціи упоминалось объ орудіяхъ «ближняго боя» и осада Портъ-Артура подтвердила ихъ необходимость, — тѣмъ не менѣе, серьезнаго значенія въ полевомъ бою имъ не придавалось... А вотъ грянувшая война показала, что такія орудія совершенно необходимы, и что если ихъ нѣтъ, то надо поскорѣе заводить. Впервые такія орудія появились — у нѣмцевъ... Ближе наши войска познакомились съ этими орудіями послѣ того, какъ удалось взять нѣсколько ихъ въ плѣнъ. Тогда началось, ввиду несложной конструкціи ихъ, кустарное изготовленіе подобныхъ орудій самими войсками, въ ближайшихъ къ фронту мастерскихъ. Затѣмъ пошли заявленія требованій на такія орудія въ Главное Артиллерійское Управленіе съ присылкой какъ плѣнныхъ экземпляровъ, такъ и образцовъ собственнаго изготовленія. Заявленія эти были, какъ и всегда въ началѣ, случайны, безсистемны и долгое время не давали яснаго представленія о томъ, какія, собственно, требованія къ этому новому орудію предъявляютъ войска»...

«...Такимъ образомъ, первая стадія этого вопроса протекла въ условіяхъ изрядной безтолковщины: опредѣленныхъ требованій съ фронтовъ и отъ Ставки ни качественно, ни количественно не получалось, а потому и начали готовить бомбометы по образцу «германскаго» и въ числѣ лишь десятковъ и сотенъ экземпляровъ, никакъ не предполагая, что потребность въ нихъ окажется въ тысячахъ. И вотъ слишкомъ годъ спустя послѣ начала войны получается наконецъ въ августѣ 1915 года первое опредѣленное требованіе Ставки — сразу на 10.000 бомбометовъ. При этомъ въ началѣ не было никакого раздѣленія на бомбометы и минометы; послѣдній терминъ появился много позже, въ концѣ 1915 года, а вполнѣ опредѣленное содержаніе въ него было вложено въ началѣ 1916 года, причемъ, какъ и по отношенію къ бомбометамъ, потребность на минометы была сразу заявлена на 4.550 штукъ»[25].

Сравнительная легкость приготовленія бомбометовъ и минометовъ и энергичныя мѣры Главнаго Артиллерійскаго Управленія привели къ тому, что къ концу 1916 года потребность Арміи въ этого рода траншейной артиллеріи была въ значительной мѣрѣ удовлетворена. Въ программѣ вооруженія, составленной Ставкой для Междусоюзнической Кон-

---

24) Часть II, стр. 82 и 83.

25) Маниковскій, часть II, стр. 84.

ференціи, потребность бомбометовъ и минометовъ на періодъ 12 мѣсяцевъ 1917 года была выражена такъ:

а) бомбометовъ ..... 7.000 (потребность удовлетворена)
б) минометовъ 4.500
в) минометовъ «тяжелыхъ»
для «ТАОН»-а 2.400

Итого 13.900

Подведемъ итоги всѣмъ потребностямъ Русской Арміи въ артиллерійскомъ вооруженіи къ началу 1917 года, т. е. къ тому сроку, когда Ставкой была въ концѣ концовъ осознана эта потребность и приведена въ систематизированный видъ.

ТАБЛИЦА.

Итоги потребностей Русской Арміи въ артиллерійскомъ вооруженіи къ началу 1917 года.

	Для новыхъ формированій.	Для пополненія убыли. ремонтъ разстрѣл.	новыхъ	Итого
Полевая легкая артиллерія:				
3" пушекъ	4.120	3.780	6.720	14.620
Легк. гаубицъ (4-5")	740	84	1.476	2.300
Полевая тяжелая артиллерія:				
4,2" пушекъ	108	60	216	384
6" гаубицъ	244	84	432	760
Тяжелая артиллерія:				
6" пушекъ	512	—	300	812
8" гаубицъ	163	—	48	211
9" пушекъ	132	—	36	168
11" гаубицъ	120	—	36	156
12" гаубицъ	54	—	13	67
Зенитная артиллерія:				
3" пушекъ	620	—	432	1.052
Траншейная артиллерія:				
37-мм. пушекъ	2.748	—	1.728	4.476
Бомбометовъ и минометовъ	—	—	—	13.900

Изъ изложеннаго выше мы видѣли, что вопросъ шелъ не только объ увеличеніи числа боевыхъ единицъ арміи, но главнымъ образомъ о **довооруженіи** нашей Арміи, вышедшей на войну съ недостаточнымъ артиллерійскимъ вооруженіемъ. Въ нижеприводимой таблицѣ приведено сравненіе существовавшаго артиллерійскаго вооруженія Русской Арміи съ тѣмъ вооруженіемъ, которое Ставка въ концѣ 1916 года признала необходимымъ.

ТАБЛИЦА.

Сравненіе нормъ артиллерійскаго вооруженія: норма въ Русской Арміи и норма опредѣленная Ставкой въ 1916 году.

	Число батарей существовавшее	Число батарей предположенное
Вооруженіе пѣхотной дивизіи:		
Полковая пѣхотная артиллерія (67 м. м.)	0	4 (по одной батареѣ на кажд. пѣх. полкъ).
Легкая полевая артиллерія:		
3" пушки	6	9
легкія гаубицы (4"-5")	0	3
Корпусная артиллерія:		
Легкая полевая артиллерія:		
легкія гаубицы (4"-5").	3	0
Тяжелая полевая артиллерія:		
4,2" дальноб. пушки ..	0	1
6" гаубицы	0	2
Зенитная артиллерія:	0	3
Общеармейская (резервная) артиллерія:		
Полевая тяж. артиллерія:		
4,2" дальноб. пушки ..	19	0
6" гаубицы	41	0
Тяжелая артиллерія:		
6" дальноб. пушки	0	129
8" гаубицы	0	42
9,2" дальноб. пушки ...	0	33
11" гаубицы	0	60
12" гаубицы	0	27
Зенитная артиллерія	0	По 3 батареи на каждую армію и по 4 на каждый фронтъ.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что вопросъ, поднятый Ставкой въ концѣ 1916 года, былъ по существу вопросомъ перевооруженія Русской Арміи. При этомъ интересно замѣтить, что признанная Ставкой въ 1916 году необходимой норма вооруженія отвѣчала той, съ которой германская армія вступила въ войну въ 1914 году. Поэтому говорить о преувеличенныхъ требованіяхъ Ставки не приходится. Наоборотъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что для германской арміи опытъ первыхъ двухъ съ половиной лѣтъ войны не прошелъ даромъ, и ея «норма» артиллерійскаго вооруженія еще повысилась. Такимъ образомъ, можно утверждать, что Ставка въ своей программѣ вооруженія Русской Арміи, составленной въ концѣ 1916 года, отставала отъ новыхъ требованій жизни.

Но и эти, по существу говоря, скромныя претензіи нашей Ставки оказывались неосуществимыми. Мы указывали въ первомъ томѣ нашей книги, въ какомъ печальномъ видѣ находилось до войны наше орудійное производство.

Пришлось обратиться къ заказамъ заграницей.

Здѣсь, позднее осознаніе руководителями военнаго вѣдомства слабости артиллерійскаго вооруженія привело къ тому, что мы застали заграничный рынокъ уже забитымъ заказами другихъ воюющихъ странъ. Въ приводимой ниже таблицѣ указывается число орудій, полученныхъ въ теченіе войны Русской арміей.

Данныя этой таблицы позволяютъ охарактеризовать степень участія заводовъ отечественныхъ и заграничныхъ въ снабженіи нашей арміи артиллерійскими орудіями. Довольно распространено мнѣніе, что наша отечественная промышленность совершенно сплоховала и что заграничное снабженіе, т. е. помощь нашихъ союзниковъ, была въ этомъ отношеніи чрезвычайно велика. Факты разрушаютъ эту легенду.

Генералъ Маниковскій, анализируя этотъ вопросъ на стр. 165-172 своего труда, математически доказываетъ, что доля союзниковъ въ полученномъ Русской Арміей артиллерійскомъ вооруженіи ни въ коемъ случаѣ не болѣе 25%; если же учесть работу русскихъ заводовъ по ремонту орудій, то доля помощи нашихъ союзниковъ еще уменьшится. Такимъ образомъ, болѣе трехъ четвертей артиллерійскаго вооруженія Русской Арміи было заготовлено своей промышленностью. Это потребовало тъ нея напряженія отнюдь не меньшаго, чѣмъ то, которое испытали промышленности другихъ воюющихъ государствъ.

Приведенная на слѣдующей страницѣ таблица снабженія Русской Арміи артиллерійскими орудіями позволяетъ намъ отвѣтить еще на другой важный вопросъ.

Довольно широко распространено мнѣніе, что будто бы въ 1917 году Русская Армія какъ разъ была в п о л н ѣ снабжена матеріальной частью. Эту точку зрѣнія проводитъ такое, казалось бы, авторитетное лицо, какъ генералъ Ляховичъ, замѣнившій генерала Маниковскаго[27] въ должности Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія. «Когда въ Предпарламентѣ въ началѣ октября 1917 года», пишетъ ген. Ляховичъ[28], «послѣдній военный министръ Временнаго Правительства ген. Верховскій, проводя идею необходимости прекращенія войны, въ числѣ другихъ доводовъ привелъ необезпеченность боевымъ снабженіемъ Арміи, то нѣкоторые члены Предпарламента, знакомые съ вопросами снабженія по своему участію въ Особомъ Совѣщаніи (еще въ хорошій его періодъ), категорически запротестовали противъ этого довода генерала Верховскаго... Покойный нынѣ генералъ

27) Ген. Маниковскій былъ назначенъ Помощникомъ Военнаго Министра и поставленъ во главѣ военнаго снабженія.

28) «Справка по артиллерійской части» стр. 54 и 55 въ литографированномъ «Сборникѣ записокъ, относящихся къ русскому снабженію въ Великую войну»; издано Финансовымъ Агентствомъ въ С. А. Ш., изд. 1925 г.

ТАБЛИЦА.

Снабженіе Русской Арміи артиллерійскими орудіями [26])

	1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.		Частные итоги		Общіе итоги
	Русск. заводы.	Загр. заводы.	Русск. заводы.	Загр. заводы.	Русск. заводы.	Загр. заводы.	Русск. заводы.	Загр. заводы.	Русск. заводы.	Загр. заводы.	
Полевая легкая артиллерія:											
3″ пушки	285	—	1654	366	7238	220	3538	—	12715	586	13301
легкія гаубицы (4″—5″)	70	—	361	—	818	400	445	—	1694	400	2094
Полевая тяжела артиллерія:											
4″ дальнобойныя пушки	—	—	—	12	69	206	155	181	224	399	823
6″ гаубицы	—	—	28	—	83	8	120	104	231	112	343
Тяжелая артиллерія:											
5″ и 6″ дальноб. пушки	—	—	22	—	48	188	32	84	102	272	374
8″ гаубицы	—	—	—	5	—	29	—	51	—	85	85
9″ гаубицы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4
9″ — 10″ дальноб. пушки	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	10
11″ гаубицы	—	—	—	12	—	8	—	6	—	26	26
12″ гаубицы	—	—	—	2	33	7	12	—	45	9	54
Зенитная артиллерія	по годамъ неизвѣстно						—	—	20	36	56
Трашейная артиллерія:											
37 мм. — 40 мм. пушки	—	—	—	—	—	30	—	200	100	230	330
Бомбометы и минометы:	—	—	3002	456	12443	753	1854	143	17299	1352	18651

26) Составлено по Маниковскому, ч. II, табл. №№ 1, 3, 6, 7,, 7, 12, 28.

Карачанъ, исключительно свѣдущій артиллеристъ, вызванный по моему ходатайству съ Южнаго фронта, гдѣ онъ былъ Инспекторомъ Артиллеріи, на должность начальника всѣхъ артиллерійскихъ училищъ, разсказывалъ, что когда онъ руководилъ размѣщеніемъ батарей на участкахъ, то ему неоднократно приходилось слышать отъ участковыхъ начальниковъ, что такого числа орудій размѣстить нельзя».

Послѣднія строки могутъ вызвать только улыбку, ибо въ это самое время на французскомъ театрѣ войны степень насыщенности фронтовъ франко-британскаго и германскаго во много разъ превосходила нашу. Поэтому говорить о перенасыщеніи русскаго фронта артиллеріей по меньшей мѣрѣ смѣшно. Вся же приведенная нами выдержка заставляетъ удивляться, насколько знаніе фактовъ ускользало изъ поля зрѣнія многихъ дѣятелей нашего тыла. Ниже мы приводимъ таблицу, составленную на основаніи данныхъ, собранныхъ авторомъ въ Ставкѣ въ октябрѣ 1917 года, когда онъ готовился къ поѣздкѣ на Междусоюзническую Конференцію 1917 года (назначенную на ноябрь 1917 года въ Версалѣ). Этими данными авторъ, какъ главный военный представитель Россіи, собирался обрисовать на Междусоюзнической Конференціи нашу бѣдность въ тяжелой артиллеріи.

ТАБЛИЦА.

Сравненія количества тяжелой артиллеріи на различныхъ фронтахъ — у насъ и у нашихъ противниковъ къ 1 октября 1917 года.

Наименованіе армій	Протяженіе фронта въ верстахъ	На одну версту фронта приходилось			
		гаубицъ		тяжелыхъ орудій	
		у насъ	у врага	у насъ	у врага
Сѣверный фронтъ:	**265**	**0,7**	**1,4**	**1,1**	**2,4**
12-я русская армія	70	1,4	1,6	1,9	5,1
5-я русская армія	195	0,5	1,3	0,8	1,4
Западный фронтъ:	**415**	**0,4**	**0,6**	**0,5**	**1,5**
3-я русская армія	110	0,4	0,8	0,4	1,8
10-я русская армія	105	0,6	0,5	0,9	1,4
2-я русская армія	200	0,2	0,5	0,4	1,2
Юго-Западный фронтъ:	**480**	**0,5**	**1,2**	**0,4**	**0,7**
Особая русская армія	250	0,3	0,8	0,2	0,6
11-я русская армія	120	0,7	1,9	0,7	0,8
7-я русская армія	110	0,8	1,4	0,7	0,7
Румынскій фронтъ:	**600**	**0,9**	**0,8**	**0,5**	**1,1**
8-я русская армія	65	1,2	1,7	0,8	1,8
9-я русская армія	65	1,6	1,5	1,0	1,5
2-я румынская армія	55	2,6	0,9	0,7	1,6
4-я русская армія	158	0,5	0,8	0,1	0,7
1-я румынская армія	52	1,5	1,3	1,4	2,5
6-я русская армія	205	0,4	0,2	0,4	0,5
Кавказскій фронтъ:	**1.000**	**0,07**	**0,04**	**0,1**	**0,1**

Изъ этой таблицы мы видимъ, что въ октябрѣ 1917 г. Русская Армія въ отношеніи снабженія ея полевой-тяжелой артиллеріей была достаточно оборудована только на Кавказскомъ фронтѣ, т. е. для борьбы съ турками.

По сравненію же съ нѣмцами и австро-венграми мы были въ два раза слабѣе. При этомъ особенно рѣзко замѣтно превосходство противника на Сѣверномъ и Западномъ фронтахъ, гдѣ намъ противостояли исключительно германскія войска. Не лишено интереса обратить вниманіе, насколько Румынская армія была богаче снабжена гаубичной артиллеріей, нежели Русская.

Но для того, чтобы дать болѣе полное представленіе, насколько въ 1917 году Русская Армія была не-дооборудована въ артиллерійскомъ отношеніи, мы сопоставимъ требованія Ставки на 1917 годъ съ числомъ доставленныхъ въ Армію въ 1917 г. орудій.

ТАБЛИЦА

Сопоставленіе числа орудій, требовавшагося Ставкой на 1917 г. съ числомъ орудій, поступившихъ въ 1917 г. въ армію.

	Число орудій				
	Требованіе Ставки	Поступило въ дѣйствительности			Недостатокъ
Полевая легкая артиллерія:					
3" пушки	14.620	3.538			11.082
легкія гаубицы (4"—5")	2.300	445			1.855
Полевая тяжелая артиллерія:					
4,2" пушки	384	336			48
6" гаубицы	516	224			292
Тяжелая артиллерія:					
6" пушки	812	116			696
8" гаубицы	211	51			160
9" пушки	168	0			168
11" гаубицы	156	6			150
12" гаубицы	67	12			55
Зенитная артиллерія:	1.052	менѣе	50	болѣе	1.000
Траншейная артиллерія:					
37 мм. пушки	4.476	менѣе	300	болѣе	4.176
Бомбометовъ и минометовъ	13.900	1.997			11.903

Одинъ только взглядъ на третій столбецъ вышеприведенной таблицы показываетъ, насколько неосновательно утвержденіе ген. Ляховича.

Разбирая выше требованія Ставки на 1917 годъ, мы указали, что Ставка послѣ большого запозданія, наконецъ осознала слабость артил-

лерійскаго вооруженія Русской Арміи и намѣтила довести это вооруженіе до того уровня, на которомъ германская армія находилась уже въ самомъ началѣ войны. Мы указали также, что говорить о преувеличеніи въ этихъ требованіяхъ Ставки не приходится.

Изъ только что приведенной таблицы мы видимъ, что Русская Армія получила въ 1917 году лишь нѣкоторую часть того артиллерійскаго вооруженія, которое нужно было для того, чтобы достигнуть хотя бы уровня требованій 1914 г. Но такъ какъ въ 1917 году уровень требованій жизни значительно повысился, то по сравненію со своими врагами и своими союзниками Русская Армія оказывалась къ осени 1917 года хуже вооруженной, нежели въ 1914 году.

Артиллерійскіе огнеприпасы.

Едва начались боевыя дѣйствія, какъ съ обоихъ фронтовъ и изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго буквально градомъ посыпались въ Военное Министерство требованія, одно другого настойчивѣе и тревожнѣе, на пушечные патроны. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о быстротѣ, съ которой разразился кризисъ въ снабженіи нашей артиллеріи огнестрѣльными припасами, мы приведемъ только нѣкоторыя изъ телеграммъ, которыя сотнями посыпались въ Петроградъ въ первые же два мѣсяца войны.

Первый бой на Сѣверо-Западномъ фронтѣ разыгрался 7/20 августа 1914 года (21-й день мобилизаціи) у Гумбинена. Здѣсь 6½ пѣх. дивизій ген. Ренненкампфа[29] столкнулись съ 8½ нѣмецкими пѣх. дивизіями арміи ген. Притвица. Уже черезъ три дня (10/23 августа) Начальникъ Снабженія Сѣверо-Западнаго фронта шлетъ Военному Министру слѣдующую телеграмму (№ 409):

«Крайне упорные бои первой Арміи потребовали огромнаго расхода трехдюймовыхъ патроновъ. Генералъ Ренненкампфъ требуетъ подачи ста восьми тысячъ шрапнелей и семнадцати тысячъ ста гранатъ, равно пятидесяти шести милліоновъ винтовочныхъ патроновъ. Могу дать ему и даю послѣдній запасъ: двѣ тысячи гранатъ, девять тысячъ шрапнелей и семь милліоновъ винтовочныхъ патроновъ. Главнокомандующій приказалъ просить Вашего содѣйствія скорѣйшей высылкѣ на пополненіе израсходованныхъ».

28 августа/11 сентября 1914 г. (42-й день мобилизаціи) Начальникъ Снабженія Юго-Западнаго фронта шлетъ Военному Министру телеграмму № 272, въ которой указывается на крайнюю нужду въ артиллерійскихъ патронахъ армій, завязавшихъ въ Галиціи сраженіе съ австро-венгерскими арміями:

«Въ дополненіе къ №№ 262 и 270. Бой напряженный идетъ по

---

29) Армія № 1, Сѣверо - Западнаго Фронта.

всему фронту — расходъ патроновъ чрезвычайный, резервъ совершенно истощается. Безотлагательное пополненіе необходимо, положеніе критическое. Прошу экстренной высылки пушечныхъ шрапнелей, хотя бы и не цѣлыми парками, а отдѣльными вагонами, направляя ихъ въ Брестъ-Здолбуново. Необходимо отправленіе ихъ экстренными поѣздами».

Въ тотъ же день (28 августа/ 11 сентября) Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго телеграфируетъ Военному Министру (телеграмма № 577):

«Расходъ патроновъ, особенно пушечныхъ, чрезвычайно громадный, необходима экстренная подача Юго-Западному фронту мѣстныхъ легкихъ, винтовочныхъ, мортирныхъ, горныхъ парковъ, не стѣсняясь ихъ номерами. Во избѣжаніе роковыхъ послѣдствій, прошу рѣшительнаго содѣйствія. На мѣста мною командированы генералы Ронжинъ [30] и Кондзеровскій [31]».

На слѣдующій день, 29 августа/ 12 сентября 1914 года (43-й день мобилизаціи), Главнокомандующій Юго-Западнаго фронта генералъ Ивановъ посылаетъ непосредственно Военному Министру крайне тревожную телеграмму (№ 1014):

«Отпуская послѣдніе легкіе и полевые патроны мѣстныхъ парковъ, убѣдительно прошу выслать экстренно хотя бы сто пятьдесятъ тысячъ легкихъ пушечныхъ и двадцать пять тысячъ полевыхъ гаубичныхъ патроновъ, въ противномъ случаѣ придется остановить операціи по недостатку боевыхъ припасовъ артиллеріи. На-дняхъ представляю соображенія ближайшей мѣстной потребности».

Въ тотъ же день (29 августа/12 сентября) Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго подтверждаетъ Военному Министру телеграммой № 652 критическое положеніе армій Юго-Западнаго фронта:

«Положеніе снабженія пушечными патронами положительно критическое. Вся тяжесть современныхъ боевъ — на артиллеріи. Она одна сметаетъ смертоносные пулеметы противника и уничтожаетъ его артиллерію. Пѣхота не нахвалится артиллеріей, однако, послѣдняя достигаетъ этого чрезмѣрнымъ расходомъ патроновъ. Непрерывные шестнадцатидневные и болѣе бои нарушаютъ теоретическіе расчеты. Питаніе Юго-Западнаго фронта уже идетъ за счетъ Сѣвернаго и Одесскаго округовъ. Безотлагательная помощь необходима. Безъ патроновъ нѣтъ успѣха. Для выясненія положенія этого вопроса и громадныхъ требованій войскъ, были командированы лично на фронтъ генералы Кондзеровскій и Ронжинъ. Оба, имѣя всѣ цифровые матеріалы, личными переговорами съ начальствомъ тыла убѣдились въ справедливости тревожныхъ симптомовъ, грозящихъ катастрофой, быть можетъ, въ послѣднюю минуту

---

30) Начальникъ Военныхъ Сообщеній Штаба Верховнаго Главнокоманд.

31) Дежурный генералъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

пораженія противника. Наискорѣйшая помощь въ этомъ дѣлѣ безусловно и неотложно необходима. Убѣжденъ лично, что въ этомъ залогъ окончательнаго успѣха надъ австрійцами».

8/21 сентября 1914 г. (53-й день мобилизціи) Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ счелъ нужнымъ обратиться непосредственно къ Государю (телеграмма № 4141):

«Уже около двухъ недѣль ощущается недостатокъ артиллерійскихъ патроновъ, что мною заявлено было съ просьбой ускорить доставку. Сейчасъ генералъ-адъютантъ Ивановъ доноситъ, что долженъ пріостановить операціи на Перемышль и на всемъ фронтѣ, пока патроны не будутъ доведены въ мѣстныхъ паркахъ хотя бы до ста на орудіе. Теперь имѣется только по двадцать пять. Это вынуждаетъ меня просить Ваше Величество повелѣть ускорить доставку патроновъ».

Такъ началась война.

Въ первое время удовлетвореніе требованій Арміи о подачѣ огнестрѣльныхъ припасовъ, при наличіи запасовъ, заготовленныхъ въ мирное время, могло встрѣчать затрудненіе лишь въ отношеніи срочности выполненія этихъ требованій. Благодаря энергіи нашего артиллерійскаго вѣдомства, готовность нашихъ мѣстныхъ парковъ была значительно ускорена и въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ войны, т. е. къ концу ноября 1914 года, всѣ 112 легкихъ парковъ, наличіе коихъ предусматривалось мобилизаціонной подготовкой, были поданы на театръ военныхъ дѣйствій.

Къ этому времени накопился уже и нѣкоторый опытъ для опредѣленія дѣйствительной мѣсячной нормы пушечныхъ патроновъ при болѣе или менѣе удовлетворительномъ питаніи нашей артиллеріи. А именно, считалось необходимымъ имѣть до 300 выстрѣловъ въ мѣсяцъ на каждую легкую пушку, что за округленіемъ должно было составить по одному мѣстному парку на корпусъ нормальнаго состава, или ежемѣсячно 50 парковъ на всю Дѣйствующую армію, изъ расчета наличнаго числа пѣхотныхъ дивизій на театрѣ военныхъ дѣйствій [32].

Выполненіе этого заданія было непосильно для нашего Артиллерійскаго вѣдомства. Мы говорили уже въ первомъ томѣ нашей книги, насколько маломощна была наша военная промышленность и насколько отсутствовала подготовка ея развертыванія въ военное время. Развитіе этой промышленности требовало продолжительнаго времени, въ теченіе котораго наши запасы пушечныхъ патроновъ обречены были на катастрофическое паденіе. Достаточно сказать, что въ теченіе декабря 1914 года и первыхъ мѣсяцевъ 1915 года мы могли ожидать къ поступленію на пополненіе расхода въ пушечныхъ патронахъ къ легкимъ пушкамъ, ежемѣсячно не свыше 12-ти парковъ, что составляло менѣе 25% потребности въ нихъ. Въ еще худшемъ положеніи находился вопросъ о пополненіи огнестрѣльными припасами тяжелой ар-

---

32) Даниловъ — «Россія въ Міровой войнѣ», стр. 256-257.

тиллеріи. И если этотъ вопросъ не пріобрѣлъ столь же острой формы, какъ вопросъ объ обезпеченіи боевыми припасами легкой артиллеріи, то лишь потому, что количество полевыхъ-тяжелыхъ батарей въ нашей арміи было совершенно ничтожное и пользованіе ими составляло для нашихъ войскъ какъ бы исключеніе. Тяжелой же артиллеріи и совсѣмъ не было.

Такимъ образомъ, со стороны нашего Военнаго Министерства требовалось проявленіе сверхъ-энергіи.

Какъ разъ этого и не было. Руководители нашего Военнаго Министерства во главѣ съ Сухомлиновымъ не желали считаться съ требованіями жизни. Первымъ дѣломъ они стали искать виновныхъ, и таковыми оказались опять войска. Въ этомъ отношеніи крайне характерны различные доклады лицъ, причастныхъ къ работѣ въ Военномъ Министерствѣ и посылаемыхъ въ войска для разслѣдованія патроннаго голода. Выводъ, который можно было сдѣлать изъ этихъ докладовъ, тотъ, что войска слишкомъ много стрѣляютъ. Теперь, когда мы знаемъ данныя опыта нашихъ враговъ и союзниковъ, это заключеніе поражаетъ своимъ полнымъ непониманіемъ современнаго боя.

Въ №№ 1, 2 и 3 «Краснаго Архива» опубликована переписка генерала Сухомлинова съ Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генераломъ Янушкевичемъ. Чтеніе этихъ писемъ показываетъ, насколько переживаемый въ арміи кризисъ мало отражался на самочувствіи Военнаго Министра. Интриги въ высшемъ бюрократическомъ мірѣ, личные счеты съ неугодными лицами, благотворительная дѣятельность его супруги, занимаютъ несравненно большее мѣсто, чѣмъ отвѣты на просьбы о помощи арміи, изложенныя въ письмахъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Да и эти отвѣты всегда неосновательны и по большей части противорѣчатъ дѣйствительности. Въ этихъ отвѣтахъ ген. Сухомлиновъ тоже пробуетъ оспаривать нужды арміи, ссылаясь на своихъ непосредственныхъ корреспондентовъ, явно желающихъ подслужиться къ всесильному Военному Министру сообщеніями угодныхъ ему свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ пишетъ ген. Янушкевичу, что Начальникъ Штаба III арміи ген. Добророльскій, который пользовался большимъ благоволеніемъ Военнаго Министра, написалъ ему, что Армія вполнѣ достаточно снабжена огнестрѣльными припасами. Это вызываетъ со стороны ген. Янушкевича въ письмѣ отъ 20-го февраля[33] реплику: «...Сейчасъ — самая тревога — патроны. Ихъ нѣтъ. Добророльскій далъ Вамъ легкомысленную справку и теперь кается въ опрометчивости. По 2-3 раза въ день фронтъ проситъ патроновъ, а ихъ нѣтъ. Жутко на душѣ».

Въ результатѣ ген. Сухомлиновъ очень долго пребываетъ въ само-

---

33) «Красный Архивъ», № 2, стр. 33.

довольномъ упоеніи замѣчательно выполненной имъ подготовкой къ войнѣ и въ то время, когда изъ Арміи несутся буквально вопли отчаянія, онъ продолжаетъ вездѣ увѣрять, что снарядовъ у насъ достаточно.

Вполнѣ безпристрастный иностранный свидѣтель, уже неоднократно нами цитированный, генералъ Ноксъ, записываетъ въ началѣ 1915 года свои наблюденія[34]:

«Секретничаніе русскихъ офиціальныхъ круговъ и, въ то же время, упорное желаніе представить создавшееся положеніе вещей вполнѣ благополучнымъ, до крайности затрудняетъ представителямъ союзниковъ своевременно и вѣрно сообщать своимъ правительствамъ о потребностяхъ Россіи. Вотъ примѣръ: 25-го сентября ген. Жоффръ запросилъ телеграммой британское и Россійское правительства — позволяютъ ли существующіе огнестрѣльные запасы продолжать долго войну съ тѣмъ же напряженіемъ, какъ до сихъ поръ, а если нѣтъ, то какъ предполагается организовать снабженіе. Французскій посолъ изложилъ этотъ вопросъ Россійскому Правительству въ офиціальномъ письмѣ. 28-го сентября Русскій Военный Министръ отвѣтилъ, что боевое снабженіе не внушаетъ опасеній и министерство приняло всѣ мѣры для полученія всего, что нужно. Въ то же время французскій военный агентъ, изъ неофиціальныхъ источниковъ узналъ, что е ж е м ѣ с я ч н о е производство артиллерійскихъ снарядовъ равняется всего 35.000. Къ глубокому сожалѣнію, онъ не имѣлъ возможности доказать, что къ тому времени потребности фронта достигали размѣровъ 45.000 снарядовъ в ъ д е н ь...».

«Если генералъ Сухомлиновъ побезпокоился бы правильно оцѣнить истинное положеніе вещей въ концѣ сентября, то онъ бы узналъ, что боевыхъ припасовъ хватаетъ всего на два мѣсяца войны, и онъ сразу предпринялъ бы дѣйствительныя мѣры для помѣщенія нужныхъ заказовъ заграницей...».

«Спустя годъ я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что въ серединѣ октября ген. Кузьминъ-Караваевъ, старый и уважаемый человѣкъ, подавленный отвѣтственностью, которую онъ несъ, какъ начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, на докладѣ у ген. Сухомлинова заплакалъ, заявивъ, что Россія вынуждена будетъ окончить войну изъ-за недостатка въ снарядахъ. Военный Министръ отвѣтилъ ему: «Убирайтесь вонъ! Успокойтесь!». И заказы заграницей не были сдѣланы».

Съ весны 1915 года для Русской Арміи наступила въ полномъ смыслѣ слова трагедія. Какъ разъ эта кампанія ознаменовалась перенесеніемъ со стороны Германіи ея главнаго удара съ французскаго театра на русскій.

То, что пережила Русская Армія въ лѣтніе мѣсяцы 1915 года, не поддается описанію.

---

34) «With the Russian Army 1914 - 1917», p. 219 - 220.

На массовый, «барабанный» огонь мощной артиллеріи противника она могла отвѣчать лишь рѣдкими выстрѣлами своей и безъ того во много разъ менѣе численной артиллеріи. Были періоды, въ которые въ нѣкоторыхъ арміяхъ разрѣшалось выпускать въ день не болѣе десятка снарядовъ на орудіе.

Вотъ воспоминанія начальника одной изъ самыхъ доблестныхъ нашихъ дивизій [35]:

«Весна 1915 года останется у меня навсегда въ памяти. Великая трагедія Русской Арміи — отступленіе изъ Галиціи. Ни патроновъ, ни снарядовъ. Изо дня въ день кровавые бои, изо дня въ день тяжкіе переходы, безконечная усталость — физическая и моральная; то робкія надежды, то безпросвѣтная жуть.

«Помню сраженіе подъ Перемышлемъ въ серединѣ мая. Одиннадцать дней жестокаго боя 4-й стрѣлковой дивизіи... одиннадцать дней страшнаго гула нѣмецкой тяжелой артиллеріи, буквально срывающей цѣлые ряды окоповъ вмѣстѣ съ защитниками ихъ. Мы почти не отвѣчали — нечѣмъ. Полки, истощенные до послѣдней степени, отбивали одну атаку за другой, — штыками, или стрѣльбой въ упоръ; лилась кровь, ряды рѣдѣли, росли могильные холмы... два полка почти уничтожены однимъ огнемъ...»

«Господа французы и англичане! Вы, достигшіе невѣроятныхъ высотъ техники, вамъ небезынтересно будетъ услышать такой нелѣпый фактъ изъ русской дѣйствительности:

«Когда, послѣ трехдневнаго молчанія нашей единственной шестидюймовой батареи, ей подвезли п я т ь д е с я т ь с н а р я д о в ъ, объ этомъ сообщено было по телефону немедленно всѣмъ полкамъ, всѣмъ ротамъ, и всѣ стрѣлки вздохнули съ радостью и облегченіемъ...»

21 марта/3 апрѣля Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Янушкевичъ, сообщая въ письмѣ [36] генералу Сухомлинову о нашемъ дальнѣйшемъ отступленіи, пишетъ:

«Свершился фактъ очищенія Перемышля. Брусиловъ [37] ссылается на недостатокъ патроновъ — эту bête noire Вашу и мою... Изъ всѣхъ армій вопль — дайте патроновъ...»

Несомнѣнно, что катастрофическій характеръ, который приняла для Россіи кампанія 1915 года, въ значительной мѣрѣ обуславливался снарядным голодомъ.

Зимою 1915 - 16 года снарядный кризисъ началъ проходить, и къ лѣтней кампаніи 1916 года наша легкая артиллерія оказалась уже въ удовлетворительной мѣрѣ обезпечена огнестрѣльными припасами. Труднѣе было со снарядами для легкихъ гаубицъ и для тяжелой артиллеріи,

---

35) Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки русской смуты», томъ I, выпускъ 2-й, стр. 29-30.

36) «Красный Архивъ», № 3.

37) Командующій 8-й арміей.

но вопросъ этотъ не обострялся, такъ какъ количество этого рода орудій было все время значительно меньше нужной для Арміи нормы.

Теперь попытаемся установить въ числовыхъ величинахъ ростъ потребности нашей арміи въ артиллерійскихъ припасахъ въ различные періоды войны.

Выше мы видѣли, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ Ставка исчисляла эту потребность въ 50 парковъ, т. е. приблизительно 1.500.000 [38] выстрѣловъ въ мѣсяцъ.

Генералъ Поливановъ въ первые же дни своего вступленія въ должность Военнаго Министра, т. е. въ іюнѣ 1915 года, опредѣлилъ эту потребность уже въ 100 парковъ въ мѣсяцъ [39], т. е. въ 3.000.000 выстрѣловъ.

Осенью 1916 года Ставка исчисляетъ мѣсячную потребность для легкихъ пушекъ въ 4.400.000, а для легкихъ гаубицъ и тяжелыхъ орудій въ 800.000, т. е. въ итогѣ 5.200.000 выстрѣловъ въ мѣсяцъ. Генералъ Маниковскій, разсматривая въ своемъ трудѣ [40] эти требованія Ставки, считаетъ ихъ преувеличенными. Для доказательства своего утвержденія, онъ приводитъ расходъ снарядовъ въ лѣтнюю кампанію 1916 года. Дѣйствительно, этотъ расходъ не превосходитъ 2.000.000 въ мѣсяцъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторое преувеличеніе въ расчетахъ Ставки для легкой артиллеріи и есть. Оно являлось естественнымъ психологическимъ послѣдствіемъ пережитой въ 1915 году катастрофы. Но съ другой стороны, ген. Маниковскій упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что въ 1916 году, хотя Русская Армія и вышла изъ катастрофы въ снабженіи снарядами, она все-таки не была удовлетворена въ требуемой степени. Изъ личнаго опыта участія въ четырехмѣсячномъ сраженіи въ Галиціи въ качествѣ Начальника Штаба VII арміи, могу засвидѣтельствовать, что мы никогда не получали просимаго нами количества снарядовъ. Каждое наше требованіе, хотя и основанное на тщательномъ расчетѣ, сильно сокращалось. Такимъ образомъ, расходъ въ лѣтнюю кампанію 1916 года не является нормальнымъ расходомъ, а урѣзаннымъ.

Въ концѣ декабря 1916 года Ставка составила расчетъ потребности въ артиллерійскихъ снарядахъ на періодъ 12 мѣсяцевъ 1917 года для представленія на Междусоюзническую Конференцію. Въ этомъ расчетѣ потребность въ легкихъ снарядахъ была уменьшена, но потребность въ выстрѣлахъ для гаубичной и тяжелой артиллеріи увеличена; первая исчислялась равной 3.500.000, вторая въ 915.000; итого — 4.415.000 выстрѣловъ въ мѣсяцъ.

Въ нижеприводимой таблицѣ указывается ростъ снабженія артиллеріи припасами въ различные періоды войны.

---

38) Даниловъ, «Россія въ міровой войнѣ» ,стр. 257.
39) А. А. Поливановъ, «Мемуары», стр. 145.
40) «Боевое снабженіе Русской арміи», часть III.

ТАБЛИЦА [41])

Снабженіе Русской Арміи артиллерійскими «выстрѣлами».

	Состояло къ началу войны	ПОСТУПИЛО: 1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего	Общій итогъ.
Для 3" калибра	6.433.000	516.000	10.062.000	19.420.000	11.739.000	48.170.000	
	0	0	1.188.000	8.104.000	2.668.000	11.960.000	60.130.000
Для среднихъ калибровъ (отъ 4" до 6")	572.000	140.000	1.176.000	3.797.000	3.329.000	8.442.000	
	0	0	129.000	1.692.000	868.000	2.689.000	11,703.000
Для крупныхъ калибровъ свыше 6"	0	0	0	10.403	14.773	25.176	
	0	0	0	45.450	38.120	83.570	108.746
ВСЕГО	7.005.000	656.000	11.238.000	23.227.000	15.083.000	57.209.000	
	0	0	1.317.000	9.842.000	3.574.000	15.533.000	
ОБЩІЕ ИТОГИ	7.005.000	656.000	12.555.000	33.069.000	18.657.000	72.742.000	72.742.000

Примѣчанія: 1) Количество выстрѣловъ, полученныхъ изъ Россіи, показано въ первомъ ряду, а прибывшихъ изъ заграницы — во второмъ ряду цифръ кждаго отдѣла.

2) Заграничныя поступленія выстрѣловъ показаны по числу прибывшихъ на территорію Россіи; о количествѣ же фактически поступившихъ на фронтъ точныхъ свѣдѣній не имѣется.

41) Заимствовано изъ книги ген. Маниковскаго «Боевое снабженіе Русской Арміи» ч. III, стр. 234.

Интересно сравнить, пишетъ ген. Маниковскій,[42] число выстрѣловъ, считавшееся достаточнымъ для веденія войны (мобилизаціонные запасы), съ тѣмъ количествомъ, которое фактически пришлось подать на фронтъ и которое, какъ извѣстно, все же не удовлетворило заявленной оттуда потребности:

3"	6,4 милл.	и	60,1 милліон.
средн. калибра	0,6 милл.	и	11,7 милл.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ приведенной выше таблицы мы видимъ, что львиная доля разсматриваемаго нами снабженія была выработана отечественными заводами. 4/5 патроновъ для 3" пушекъ, 3/4 выстрѣловъ для среднихъ калибровъ дала русская промышленность. Какъ видно отсюда, заграничная помощь была во много разъ меньше, чѣмъ принято думать. Только для крупныхъ калибровъ 3/4 снарядовъ приходило отъ союзниковъ. Но это объясняется исключительно тѣмъ, что и большинство орудій крупнаго калибра приходилось выписывать изъ-за границы.

Для того, чтобы отдать себѣ отчетъ, какое героическое усиліе должна была приложить наша отечественная промышленность, дабы достигнуть указанныхъ въ таблицѣ результатовъ, достаточно сравнить ихъ съ той производительностью, къ которой были подготовлены наши заводы въ мирное время. Въ результатѣ непродуманной нашей мобилизаціи, къ началу войны къ поставкамъ 3" снарядовъ были готовы только два завода (Златоустовскій и Ижевскій) съ мѣсячной производительностью въ 25.000 снарядовъ каждый, а всего 50.000 снарядовъ въ мѣсяцъ.[43] На самомъ же дѣлѣ въ послѣдніе мѣсяцы наша промышленность довела эту производительность до 2.000.000 снарядовъ, т. е. въ 40 разъ больше того, чѣмъ это предполагалось. Не меньшее превышеніе дѣйствительно сдѣланной работы надъ предположенной мобилизаціонными расчетами мы видимъ и для среднихъ и крупныхъ калибровъ.

Военно-техническое снабженіе.

Выше мы дали довольно подробную картину потребностей Русской Арміи въ главныхъ видахъ боевого снабженія, а также степени ихъ удовлетворенія.

Дать такой же полный очеркъ снабженія всѣми видами военно-техническаго снабженія не представляется возможнымъ. Во-первыхъ, не имѣется достаточныхъ историческихъ матеріаловъ, во-вторыхъ, это слишкомъ бы увеличило размѣры настоящаго труда. Мы ограничимся поэтому начертаніемъ болѣе общей картины.

---

42) Тамъ же, стр. 235.

43) Маниковскій, ч. III, стр. 26.

Всѣ нормы военно-техническаго снабженія были превзойдены требованіями жизни во много разъ. Въ 1915 году, въ особенности въ лѣтнюю кампанію этого года, Русская Армія переживала кризисъ во всѣхъ областяхъ военно-техническаго снабженія. Въ этомъ отношеніи можно наблюдать полный параллелизмъ со степенью удовлетворенія потребностей арміи въ огневомъ вооруженіи и въ огнестрѣльныхъ припасахъ.

Въ 1916 году военно-техническое снабженіе Арміи значительно улучшается и въ этомъ году достигаетъ своего максимума. Въ 1917 г., съ началомъ революціи, производительность нашихъ заводовъ падаетъ; привозъ изъ-за границы въ нашу армію тоже уменьшается, ибо мы вынуждены были съ выступленіемъ Румыніи въ концѣ 1916 года занять часть нашего графика изъ Архангельска прибывающими для румынской арміи грузами.

Мы ограничимся разсмотрѣніемъ въ интересующемъ насъ отношеніи лишь самаго благополучнаго 1916 года.

Начнемъ съ проволоки для загражденій, потребность въ которой съ переходомъ арміи къ позиціонной войнѣ оказалась очень большой. Въ первые мѣсяцы 1916 года, пока наша Армія заканчивала оборудованіе своихъ укрѣпленныхъ позицій, занятыхъ съ осени 1915 года, требовалось въ мѣсяцъ по 2.200.000 пудовъ. 4/5 запасовъ колючей проволоки было выписано изъ-за границы и этимъ грузомъ была занята часть и безъ того ограниченнаго для насъ заграничнаго тоннажа. Въ серединѣ 1916 года выяснилось, что потребность въ колючей проволокѣ сократилась, а именно измѣрялась лишь 1.640.000 пудами въ мѣсяцъ. Всѣ армейскіе и фронтовые склады были переполнены, и Ставка просила остановить дальнѣйшую высылку въ Дѣйствующую Армію колючей проволоки.

Вслѣдствіе этого къ концу 1916 года во Владивостокѣ, въ Архангельскѣ, а также въ складахъ внутри Россіи образовались запасы колючей проволоки и скобъ въ количествѣ 6.250.000 пудовъ.

Къ 1 января 1916 года въ Дѣйствующей Арміи состояло налицо: 3.204.000 лопатъ, 413.000 топоровъ, 477.000 кирокъ-мотыгъ [44].

Потребность же въ этихъ предметахъ на періодъ съ 1-го января 1916 года по 1-ое іюля 1917 года исчислялась такъ: лопатъ 13.419.000, топоровъ 5.151.000, кирко-мотыгъ 3.940.000. Поступило же въ Дѣйствующую Армію за весь 1916 годъ [45]: лопатъ 5.700.000, топоровъ

---

44) Всѣ данныя о наличіи предметовъ военно - техническаго снабженія на 1 января 1916 года, а также исчисленіе потребности на періодъ съ 1 января 1916 года по 1-ое іюля 1917 года взяты изъ матеріаловъ Особаго Совѣщанія по Оборонѣ.

45) Данныя о доставленныхъ въ 1916 г. въ Армію всѣхъ предметахъ военно-техническаго снабженія взяты изъ Секретнаго Отчета о дѣятельности Военнаго Министерства за 1916 годъ.

2.200.000, кирко-мотыгъ 1.700.000. Отсюда мы видимъ, что поступленіе не покрыло даже 50% потребностей на 1916 годъ.

Въ 1916 году, наконецъ, былъ услышанъ голосъ войскъ, отказавшихся отъ присылавшихся имъ ножницъ ружейнаго типа для рѣзки проволоки. Эти ножницы были безсильны противъ употребляемой для проволочныхъ загражденій проволоки. Войска требовали ручныхъ ножницъ, годныхъ для рѣзки проволоки въ 10 мм. Заготовка этихъ ножницъ встрѣтила затрудненія въ виду недостатка металла. Тѣмъ не менѣе, часть потребности Арміи была удовлетворена, а именно было выслано 1.733.000 ручныхъ ножницъ.

Удовлетвореніе потребности войскъ въ каскахъ находилось въ худшемъ положеніи. Мы не имѣемъ цифровыхъ данныхъ, но по личному опыту въ качествѣ Начальника Штаба VII арміи думаемъ, что всѣ наши арміи получили не болѣе 10 - 15% нужнаго имъ количества касокъ. А между тѣмъ наличіе касокъ, какъ показалъ опытъ на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій, имѣло громадное значеніе; % смертельнаго исхода отъ пораненій въ голову значительно понижался. Вмѣсто того, чтобы напречь всѣ силы для благополучнаго рѣшенія этого вопроса, наше Военное Министерство обращало большое вниманіе на снабженіе Арміи броневыми щитами. Но въ теченіе всего 1916 года всѣ его заботы въ этомъ направленіи носили по преимуществу опытный характеръ, и въ Армію было отправлено лишь 330.000 щитовъ различныхъ типовъ.

Къ 1 января 1916 года въ Дѣйствующей Арміи налицо состояло: 4.000 телефонныхъ аппаратовъ, запасъ телефонныхъ и телеграфныхъ проводовъ на 27.000 верстъ, станцій искрового телеграфа — 240. Потребность на ближайшіе 18 мѣсяцевъ (съ 1 января 1916 г. по 1 іюля 1917 года) исчислялась: 298.000 телефонныхъ и телеграфныхъ аппаратовъ, 680.000 верстъ проводовъ, 2.000 искровыхъ станцій. За 12 мѣсяцевъ 1916 года было доставлено въ Дѣйствующую Армію 105.000 телефоновъ, 3.000 телеграфныхъ аппаратовъ, 236.000 верстъ проводовъ и 802 радіо-станціи. Изъ этого вы видимъ, что потребность на 1916 годъ не была покрыта. А между тѣмъ, въ самомъ 1916 году выяснилось, что потребность въ средствахъ связи настолько возросла, что на 1917 годъ намѣчено было увеличеніе табельныхъ нормъ телефонно - телеграфнаго имущества съ доведеніемъ ихъ до 40 - 50 телефоновъ и 90 - 100 верстъ проводовъ на каждый пѣхотный полкъ. Это требовало дополнительной поставки въ войска: 340.000 телефоновъ, 3.000 телеграфныхъ аппаратовъ и 450.000 верстъ проволоки. Эта потребность, конечно, совершенно не была покрыта.

Къ 1 января 1916 года въ Дѣйствующей Арміи налицо было 280 прожекторовъ. Потребность на 18 ближайшихъ мѣсяцевъ была исчислена въ 900 прожекторныхъ станцій. За 12 мѣсяцевъ 1916 года прибыло въ армію прожекторовъ: 170 полевыхъ конныхъ станцій, 32 автомобильныя станціи и 156 позиціонныхъ. Потребность опять не была покрыта.

Автомобили.

Къ 1 января 1916 года въ Арміи налицо было 5.300[46] автомобилей разнаго назначенія, 1.350 мотоцикловъ и 3.500 самокатовъ. Потребность на ближайшіе 18 мѣсяцевъ была исчислена: 19.300 автомобилей, 13.600 мотоцикловъ, 9.300 самокатовъ. Получено было въ теченіе 12 мѣсяцевъ 1916 года: 6.800 автомобилей, 1.700 мотоцикловъ, 8.800 самокатовъ. По сравненію съ тѣми ничтожными средствами этого рода, которыя были въ Арміи налицо къ 1 января 1916 года, конечно, поступленіе въ 1916 году большое. Но оно не отвѣчало дѣйствительной потребности, которая въ 1916 году значительно еще возрасла по сравненію съ ранѣе намѣченными цифрами.

Въ итогѣ, состояніе автоимущества и исчисляемая Ставкой потребность въ немъ были таковы, какъ это указано въ нижеслѣдующей таблицѣ.

ТАБЛИЦА[47]).

Наличіе автоимущества и потребность въ немъ Русской Арміи къ 1 сентября 1917 года.

Наименованіе машинъ	положено по табелямъ и штатамъ	состояло налицо	ПОТРЕБНОСТЬ для пополненія неукомплекта	ПОТРЕБНОСТЬ для новыхъ автомобилей формированій въ 1918 году	ПОТРЕБНОСТЬ для замѣны убыли въ 1918 г.	ПОТРЕБНОСТЬ всего требовалось
Легковыя:	3.600	2.700	900	200	400	1.500
Грузовыя:						
отъ 1,5 - 2 тоннъ	4.000	2.700	1.300	800	500	2.600
от 3 до 5 т. ..	3.500	2.300	1.200	370	400	1.970
тракторы	600	280	320	—	60	380
Итого:	8.100	5.280	2.820	1.170	960	4.950
Спеціальныя:						
санитарныя ..	1.500	1.400	100	1.850	300	2.250
мастерскія	400	230	170	130	50	350
цистерны	700	500	200	140	90	430
кухни	200	100	100	120	30	250
Итого:	2.800	2.230	570	2.240	470	3.280
Мотоциклы: ..	10.000	6.000	4.000	100	1.000	5.100
Самокаты: ...	10.000	6.000	4.000	—	1.000	5.000

46) Не лишено интереса отмѣтить здѣсь, что Русская Армія вступила въ войну въ 1914 году, имѣя всего: 679 казенныхъ автомобилей (изъ нихъ: 259 легкихъ, 418 грузовиковъ и 2 санитарныхъ); къ этому прибавили 475 автомобилей, реквизированныхъ у частныхъ лицъ.

47) Составлена на основаніи таблицы № 51, напечатанной въ «Россіи въ міровой войнѣ въ цифрахъ», изд. Центральнымъ Стастистич. Управленіемъ.

Сравнивая данныя, приведенныя въ 1-й графѣ, съ табелями автоимущества нашихъ союзниковъ и нашихъ враговъ, мы можемъ убѣдиться, насколько эти цифры ничтожны. Но и въ этихъ болѣе чѣмъ скромныхъ размѣрахъ Русская Армія снабжена не была: это свидѣтельствуютъ графы 2-ая (наличіе) и 3-я (некомплектъ). Наконецъ, 4-я графа опять ярко подтверждаетъ, насколько с к р о м н а была въ своихъ исчисленіяхъ потребностей Ставка. Выполненіе ея требованія привело бы въ 1918 году къ наличію въ Русской Арміи немногимъ больше, чѣмъ 14.000 автомашинъ грузовыхъ и спеціальныхъ. Для того, чтобы увидѣть все несоотвѣтствіе этихъ цифръ съ дѣйствительною потребностью Арміи, нужно только вспомнить, что французская армія, почти вдвое менѣе численная, нежели русская, имѣла въ 1918 году около 90.000 такихъ машинъ.

Авіація.

Въ еще болѣе печальномъ положеніи находилось удовлетвореніе потребностей Русской Арміи въ авіаціи. Производство авіаціонныхъ моторовъ въ мирное время въ Россіи отсутствовало, если не считать отдѣленія завода Гнома въ Москвѣ, дававшее не болѣе 5 двигателей этого рода въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе этого снабженіе нашего воздушнаго флота авіаціонными моторами могло основываться главнымъ образомъ на привозѣ изъ заграницы. Но наши союзники, занятые чрезвычайнымъ усиленіемъ своихъ воздушныхъ войскъ, очень скупо уступали намъ эти двигатели.

Въ воспоминаніяхъ Предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко [48] упоминается о запискѣ, поданной имъ осенью 1916 года Государю Императору, въ которой обрисовывалось критическое положеніе нашей авіаціи. Намъ удалось ознакомиться съ этой запиской, а также съ отвѣтомъ, даннымъ на нее Управленіемъ Завѣдывающаго Авіаціей и воздухоплаваніемъ въ Дѣйствующей Арміи [49].

Въ моментъ объявленія войны на вооруженіи русской авіаціи состояли главнымъ образомъ Ньюпоры въ 70 силъ, въ нѣкоторыхъ отрядахъ Фарманы типа XVI и XXII (учебные аппараты). Матеріальная часть во многихъ отрядахъ была совершенно изношена, и отряды выступили на войну съ самолетами, продетавшими два года. На войну были отправлены даже Ньюпоры постройки завода Щетинина. Эти Ньюпоры, построенные хотя и по утвержденнымъ, но совершенно неправильнымъ чертежамъ, имѣли отрицательные углы атаки крыльевъ, что повлекло за собой цѣлый рядъ смертельныхъ аварій; несмотря на это, аппараты оставались на службѣ и были посланы на войну.

Общій составъ воздушныхъ силъ Русской Арміи къ началу войны былъ слѣдующій:

---

48) «Архивъ Русской Революціи», т. XVII, стр. 135-137.

49) Завѣренныя копіи этихъ документовъ хранятся въ **Hoover War Library, Standford, California, U. S. A.**

Авіаціонныхъ отрядовъ (эскадрильи)	39
Самолетовъ	263
Воздухоплавательныхъ ротъ	12
Летчиковъ	129
Наблюдателей	100

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны, т. е. въ зиму 1914-1915 г. г., многіе отряды (эскадрильи) очутились въ совершенно критическомъ положеніи вслѣдствіе полной изношенности аэропланов и моторовъ. Пришлось эти отряды отвести въ тылъ для перевооруженія аппаратами и для переучиванія летчиковъ полетамъ на новыхъ системахъ. Часть отрядовъ, имѣвшихъ Ньюпоры, перевооружились Моранами - Парасоль. Нѣкоторые отряды получили отремонтированные захваченные нами нѣмецкіе и австрійскіе аппараты; еще позже появились Вуазены съ 130-сильными моторами. Но все это перевооруженіе производилось безъ плана и хаотично. Къ веснѣ 1915 года большая часть отрядовъ была перевооружена и вновь появилась на фронтѣ. Начали работать и авіаціонныя школы. Но все снабженіе матеріальной частью попрежнему было неудовлетворительнымъ: мы получали изъ Франціи только тѣ образцы, которые считались тамъ устарѣлыми.

Осенью 1915 года германское наступленіе на Сербію прервало нашу кратчайшую связь съ Франціей, и отправленные намъ аппараты и моторы оказались отрѣзанными въ Салоникахъ. Пришлось ихъ переслать въ Архангельскъ, куда, по причинѣ ранняго замерзанія они не дошли и остались зимовать въ Александровскѣ (на Мурманѣ).

Вслѣдствіе этого, къ веснѣ 1916 года наша авіація вновь оказалась въ критическомъ положеніи. Выписанные нами французскіе самолеты лежали частью на Мурманѣ, частью во Франціи; аппараты, выстроенные въ Россіи, за неимѣніемъ къ нимъ моторовъ, загромождали склады и заводы. Когда же въ іюнѣ мѣсяцѣ 1916 года прибыли, наконецъ, въ отряды французскіе аппараты, то они оказались совершенно устарѣлыми, и мы оказались не въ состояніи бороться въ воздухѣ съ непріятелемъ въ равныхъ шансахъ. Большинство воздушныхъ боевъ между нѣмецкими «Фоккерами» и нашими аппаратами оканчивается не въ нашу пользу, и длинный списокъ доблестно погибшихъ нашихъ летчиковъ растетъ ежедневно.

Къ 1 сентября 1916 года наши воздушныя силы достигли слѣдующаго состава:

Авіаціонныхъ отрядовъ (эскадрилій)	75
Воздухоплавательныхъ ротъ	36
Самолетовъ	716
Летчиковъ	502
Наблюдателей	357

Если мы сравнимъ выше напечатанныя цифры съ соотвѣтствующими данными, приведенными для начала войны, то нельзя не констати-

ровать роста нашихъ воздушныхъ силъ. Но такое примитивное сравненіе говоритъ слишкомъ мало. Дѣло въ томъ, что за тотъ же періодъ времени возросла и самая численность Русской Арміи. Къ 1 сентября 1916 года число пѣхотныхъ дивизій въ Дѣйствующей Арміи по сравненію съ началомъ войны у д в о и л о с ь. Такимъ образомъ, при сравненіи силъ нашихъ воздушныхъ войскъ начала войны и конца 1916 года, нужно принять во вниманіе, что во второмъ случаѣ эти войска должны были обслуживать въ д в а раза болѣе численную Армію. Подойдя къ интересующему насъ сравненію съ такой точки зрѣнія, мы должны придти къ заключенію, что въ концѣ 1916 года Русская Армія оказалась оборудованной авіаціей лишь очень немногимъ лучше, нежели въ началѣ войны. Но если принять во вниманіе то, что за 2½ года войны германская армія, такъ же, какъ и французская, и британская, сдѣлали громадные шаги по пути развитія своихъ воздушныхъ силъ, то окажется, что къ концу 1916 года Русская Армія стала еще б е з з а щ и т н ѣ е в ъ в о з д у х ѣ, чѣмъ была въ 1914 году.

Въ печатаемой ниже таблицѣ приведены данныя о произведенныхъ нашей авіаціей полетахъ съ начала войны до 1 сентября 1916 года.

Т А Б Л И Ц А

Число полетовъ, произведенныхъ Русской Авіаціей съ начала войны по 1 (14) сентября 1916 года.

Мѣсяцы	Летало летчиковъ			Совершено всѣми летчиками полетовъ			Общей продолжительностью (въ часахъ)		
Годы	1914	1915	1916	1914	1915	1916	1914	1915	1916
Январь	—	148	196	—	725	944	—	674	1331
Февраль	—	169	165	—	967	728	—	965	882
Мартъ	—	180	201	—	1021	1230	—	1123	1816
Апрѣль	—	183	231	—	1526	1454	—	1912	2059
Май	—	193	256	—	1713	2234	—	1954	3101
Іюнь	—	191	265	—	1603	1441	—	1728	2592
Іюль	129	202	299	1162	1841	1347	1151	2150	2440
Августъ		192	369		1597	2116		1672	3444
Сентябрь	90	189	—	369	1231	—	409	1762	—
Октябрь	96	181	—	506	1040	—	521	1377	—
Ноябрь	117	176	—	720	842	—	695	975	—
Декабрь	117	169	—	472	732	—	412	873	—
ИТОГО:	549	2173	1982	3229	14838	11521	3458	17165	20315
ВСЕГО:		4704			29588			40938	

Приводимыя въ этой таблицѣ цифры ярко показываютъ, насколько незначительной по своимъ размѣрамъ была работа авіаціи въ Русской

Арміи. Возьмемъ для примѣра мѣсяцъ самой интенсивной работы. Это августъ 1916 года, въ теченіе котораго совершено было 2.116 полетовъ съ общей продолжительностью 3.444 часа. Это даетъ въ среднемъ на одинъ день августа 68 полетовъ съ общей продолжительностью въ 111 часовъ. Но въ это время Русская Дѣйствующая Армія состояла изъ 14-ти армій (№ № 1 - 12, Особая и Кавказская) съ общимъ составомъ болѣе 200 пѣхотныхъ и 50 кавалерійскихъ дивизій. Протяженіе боевой линіи, не принимая въ расчетъ Кавказскаго фронта, превосходитъ 1000 километровъ. И для обслуживанія такихъ колоссальныхъ сухопутныхъ силъ авіація можетъ производить въ день лишь 68 полетовъ съ общей продолжительностью въ 111 часовъ. Чрезвычайная слабость нашихъ воздушныхъ силъ отчетливо сознавалась во всѣхъ инстанціяхъ русскаго командованія. «Брусиловъ, Калединъ, Сахаровъ», записываетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ своихъ воспоминаніяхъ Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко [50], «просили обратить самое серьезное вниманіе на авіацію. Въ то время какъ нѣмцы летаютъ надъ нами какъ птицы и забрасываютъ насъ бомбами, мы безсильны съ ними бороться...» Отлично сознавала это наша Ставка и потому внесла на Междусоюзническую Конференцію, собравшуюся въ январѣ 1917 года, просьбу о присылкѣ Русской Арміи, въ ближайшіе послѣ 1 января 1917 года восемнадцать мѣсяцевъ, 5.200 самолетовъ.

Квалифицированные рабочіе.

Мы начали настоящую главу съ указанія на то, что причины кризиса, переживавшагося Русской Арміей въ теченіе Міровой войны, были двухъ родовъ: однѣ являлись слѣдствіемъ объективныхъ условій, другія должны быть отнесены къ неумѣнію нашихъ руководящихъ верховъ «предвидѣть» и «организовать». На болѣе внимательномъ разсмотрѣніи послѣднихъ мы и остановимся въ концѣ этой главы, такъ какъ причины эти имѣли слѣдствія не только въ области матеріальныхъ явленій, но и въ области психики Арміи и страны. И въ Арміи, и въ странѣ росло недовѣріе и накапливалось то неудовлетвореніе, которое несомнѣнно ускорило революціонный взрывъ.

Намъ уже приходилось указывать на то, что ни нашъ законъ, ни наше Военное Министерство не предусмотрѣли вопросъ о военной повинности квалифицированныхъ рабочихъ. Это чрезвычайно чувствительно отозвалось на нашей и безъ того очень слабо развитой въ мирное время военной промышленности. «Всѣ протесты Главнаго Артиллерійскаго Управленія», пишетъ генералъ Маниковскій [51], «оставались безъ вниманія. А между тѣмъ, работа на военныхъ заводахъ требовала такой большой точности и тонкости, что успѣшность ея была подъ силу

50) «Архивъ Русской Революціи», т. XVII, стр. 136.
51) Часть I, стр. 36-38.

только особымъ спеціалистамъ, вырабатывающимся не скоро. Интересно отмѣтить, что на многихъ нашихъ казенныхъ заводахъ это ремесло обратилось въ наслѣдственное, преемственно передававшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе. На этихъ гнѣздахъ мастеровъ развивалась и совершенствовалась вся наша военная заводская промышленность.

Когда же значительная часть этихъ рабочихъ, безъ всякаго разбора была взята въ войска — на заводахъ насталъ кризисъ, справиться съ которымъ было трудно, такъ какъ освобожденіе отъ строевой службы спеціалистовъ-рабочихъ, служащихъ въ рядахъ войскъ въ качествѣ нижнихъ чиновъ, вызывало на практикѣ большія затрудненія.

Какъ видно изъ доклада Начальника Генеральнаго Штаба генерала Бѣляева отъ 22 февраля/7 марта 1915 года, Военное Министерство рѣшительно не допускало возвращенія на заводы и фабрики тѣхъ рабочихъ нижнихъ чиновъ которые уже попали въ регулярныя части войскъ. Мотивомъ къ этому выставлялось «удручающее моральное впечатлѣніе, которое производило бы такое возвращеніе на товарищей этихъ нижнихъ чиновъ, остающихся въ строю». Рѣшено было допускать возвращеніе рабочихъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, но тогда заводы, ходатайствующіе о возвращеніи имъ рабочаго нижняго чина, должны были сами указывать ту войсковую часть, въ которой онъ служитъ. Подобная бюрократическая уловка сводила возможность использовать это и безъ того скупое разрѣшеніе почти къ нулю. При порядкѣ 4 - 6 недѣльнаго обученія новобранцевъ и ратниковъ въ составѣ запасныхъ баталіоновъ и распредѣленія ихъ затѣмъ по войскамъ штабами фронтовъ, Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, такъ же какъ и мѣстное начальство военныхъ округовъ, было лишено всякой возможности получить свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія даннаго нижняго чина. На практикѣ же заводы могли сообщать только о томъ, куда направилъ воинскій начальникъ даннаго рабочаго, и не могли указать, въ какой войсковой части служитъ лицо, о которомъ они ходатайствуютъ. Поэтому подобныя ходатайства удовлетворялись лишь какъ рѣдкое исключеніе.

Другой категоріей военнообязанныхъ рабочихъ, освобожденіе которыхъ отъ военной службы вызывало осложненія, — были новобранцы. Какъ видно изъ письма начальника Главнаго Штаба Начальнику Главнаго Артиллерійскаго Управленія отъ 18 февраля/ 3 марта 1915 г., Главный Штабъ полагалъ освобожденіе новобранцевъ недопустимымъ, въ виду того, что молодые люди являлись въ высшей степени желательнымъ элементомъ для пополненія рядовъ войскъ; вмѣстѣ съ этимъ Главный Штабъ считалъ, что врядъ ли эти молодые люди могли обладать значительнымъ рабочимъ опытомъ и быть незамѣнимыми спеціалистами на заводахъ.

Начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія протестовалъ противъ этой точки зрѣнія, ибо именно молодые люди, поступая на заводы, далеко до призывного возраста, пріобрѣтали всѣ необходимые навыки и являлись ко времени ихъ призыва вполнѣ опытными рабочи-

ми. Подыскать же взамѣнъ ихъ новый контингентъ рабочихъ, при существовавшей во время войны обстановкѣ, было чрезвычайно трудно.

Прошло болѣе года войны, пока вопросъ этотъ былъ урегулированъ.

Но кромѣ квалифицированныхъ рабочихъ всѣмъ казеннымъ заводамъ въ это горячее время не хватало и простыхъ рабочихъ. Это сказывалось особенно сильно въ нѣкоторые періоды, напримѣръ — лѣтомъ, когда изъ-за отлива рабочихъ на полевыя работы с о к р а щ а л о с ь производство.[52] Главное Артиллерійское Управленіе отдавало себѣ ясный отчетъ въ той опасности, какою угрожаетъ боевому снабженію арміи такое положеніе вещей, и вскорѣ послѣ начала войны внесло въ Совѣтъ Министровъ проектъ приведенія казенныхъ заводовъ на особое положеніе, считая ихъ какъ бы мобилизованными. Проектъ этотъ совершенно правильно разсматривалъ работу на заводахъ, изготовляющихъ предметы государственной обороны, какъ особую форму отбыванія воинской повинности, предусматривалъ прикрѣпленіе рабочихъ къ ихъ заводамъ и устанавливалъ повышенную наказуемость по правонарушеніямъ промышленной жизни, какъ въ отношеніи рабочихъ, такъ и заводской администраціи.

Однако, Совѣтъ Министровъ призналъ этотъ проектъ несвоевременнымъ.

Въ декабрѣ 1914 года этотъ проектъ былъ вновь внесенъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ и вновь отклоненъ.

Между тѣмъ, вредныя послѣдствія дѣйствія законоположеній мирнаго времени давали себя чувствовать въ неоднократныхъ случаяхъ внезапнаго ухода рабочихъ съ казенныхъ заводовъ. Вслѣдствіе этого упомянутое выше представленіе Главнаго Артиллерійскаго Управленія было внесено въ Совѣтъ Министровъ въ третій разъ 22 февраля/ 7 марта 1915 года. Однако, Совѣтъ Министровъ, какъ видно изъ письма Предсѣдателя Совѣта Министровъ къ Военному Министру, «считаясь съ вполнѣ лояльнымъ и въ общемъ спокойнымъ настроеніемъ фабрично-заводского населенія и опасаясь дать поводъ къ нежелательнымъ толкамъ и волненіямъ», окончательно отклонилъ это предложеніе.

Такимъ образомъ, мобилизаціонная готовность казенныхъ заводовъ, въ отношеніи людского состава, была совершенно не охранена; заводы оставались безсильными передъ такими фактами, какъ, напримѣръ, уходъ сразу 3.000 человѣкъ (въ лѣтнюю уволку) съ Ижевскаго завода, единственнаго въ Россіи, изготовлявшаго ствольныя и коробочныя болванки (для всѣхъ оружейныхъ заводовъ); подобные о д н о в р е м е н н ы е уходы имѣли мѣсто и на другихъ заводахъ (1000 человѣкъ съ Сормовскаго завода, 700 человѣкъ съ завода Посселя и т. д.).

Отсутствіе единства въ организаціи работы тыла.

«Главной ошибкой въ тыловой работѣ Россіи являлось», пишетъ подполковникъ Ребуль въ статьѣ «Промышленная мобилизація Россіи

52) «Показанія ген. Кузьмина-Караваева Верховной Слѣдственной комиссіи», стр. 100-101.

во время войны»[53], «отсутствіе единаго руководства и общаго плана работы. Въ Петроградѣ не было создано того единаго центра, который могъ бы составить объединенную въ одно цѣлое программу; только такая программа можетъ урегулировать работу каждой технической службы, каждаго производственнаго центра въ зависимости отъ степени потребности Арміи и наличія сырья и полуфабрикатовъ. Иначе неизбѣженъ полный разнобой въ производствѣ».

Нужно признать, что по существу дѣла подполковникъ Ребуль правъ.

Вотъ небольшой примѣръ. Прошелъ годъ войны, и генералъ Маниковскій никакъ не могъ добиться отъ Министерства Торговли и Промышленности свѣдѣній, на какихъ заводахъ (коксовальныхъ) и въ какомъ количествѣ производится добыча сырого бензина и передѣлка (разгонка) его на толуолъ, каковы перспективы этого министерства по части обезпеченія нашей потребности въ кислотахъ — сѣрной и азотной, а также въ смазочныхъ маслахъ; гдѣ можно достать квалифицированныхъ рабочихъ такихъ-то спеціальностей и т. п.[54].

«И вмѣсто того», продолжаетъ дальше генералъ Маниковскій, «чтобы Министръ Торговли и Промышленности съ перваго же дня войны сѣлъ рядомъ съ Военнымъ Министромъ и сталъ бы его первымъ и ближайшимъ помощникомъ, онъ вмѣсто этого избралъ благую часть, совершенно отстранившись отъ дѣла и продолжая лишь ту исключительно «бумажную» работу, которая и въ мирное время была, строго говоря, и безплодна, и ненужна».

Но и въ нѣдрахъ самого Военнаго Вѣдомства, во главѣ котораго стоялъ генералъ В. А. Сухомлиновъ надлежащей организаціонной работы не было...

Для того, чтобы достигнуть наибольшей продуктивности въ работѣ современнаго тыла, мало еще подчиненія всего дѣла одному лицу. Послѣднее можетъ привести лишь къ формальному, если можно такъ выразиться, къ механическому единству. Въ сложной работѣ современнаго тыла существенное значеніе имѣло не только то, чтобы установить к а к у ю - л и б о комбинацію, а требовалось избрать н а и л у ч ш у ю для данныхъ условій комбинацію.

Объяснимъ это на примѣрѣ:

Когда приступлено было въ 1915 году къ массовому производству снарядовъ, была создана особая организація во главѣ съ генералъ-маіоромъ Ванковымъ для установленія на отечественныхъ заводахъ упрощеннаго производства цѣльно-тянутой 3" гранаты французскаго образца. Простота этой работы позволяла привлечь къ производству снарядовъ наиболѣе слабые заводы. Такъ было сдѣлано во Франціи. У насъ же ген. Ванковъ, для выполненія возложеннаго порученія, при-

---

53) Парижская газета «Танъ» отъ 4-го марта 1924 года.

54) Маниковскій, часть III, стр. 158-159.

влекъ цѣлый рядъ такихъ солидныхъ заводовъ, какъ Коломенскій и много такихъ же другихъ[55], и этимъ отвлекъ ихъ отъ не менѣе важныхъ, но болѣе сложныхъ работъ.

На вышележащихъ страницахъ этой главы читатель можетъ найти много аналогичныхъ примѣровъ. Напомнимъ хотя бы то, какъ на наши малочисленные и слабосильные оружейные заводы, въ самый критическій для нихъ періодъ, былъ взваленъ ремонтъ ручного оружія. Напомнимъ также то, какъ вмѣсто того, чтобы использовать крайне ограниченный для Россіи тоннажъ для привоза изъ-за границы станковъ для заводовъ, мы везли изъ-за границы колючую проволоку, организовать производство которой не представляло большихъ трудностей.

Главной причиной этого отсутствія организаціи снабженія въ нужномъ государственномъ масштабѣ являлась полная неподготовленность къ этому нашихъ военныхъ руководящихъ верховъ. Мы видѣли, какъ эти верхи опаздывали съ осознаніемъ размѣровъ каждой изъ потребностей Арміи. Буквально каждый разъ Арміи нужно было выдерживать длительную борьбу, чтобы доказать правильность своихъ требованій. Господа, сидящіе въ глубокомъ тылу, первымъ дѣломъ старались доказывать, что Армія преувеличиваетъ, затѣмъ, что Армія не бережлива, и только послѣ новыхъ и новыхъ тяжелыхъ уроковъ на поляхъ брани, приступали по-настоящему къ требуемой работѣ. И тогда, понявъ, какъ много времени уже упущено, всѣ въ тылу бросались на скорѣйшее удовлетвореніе требуемаго въ данную минуту, совершенно упуская изъ виду возникающія въ это время новыя требованія.

Не будемъ повторять сказаннаго объ ошибкахъ въ нашихъ мобилизаціонныхъ расчетахъ, основанныхъ на предположеніи быстротечности войны. Но, казалось бы, что уже послѣ перваго мѣсяца войны эти ошибки стали ясно видны, и наше Военное Министерство должно было бы приступить къ широчайшему развертыванію нашей промышленности. Для этого требовалось, въ первую очередь, полученіе изъ Америки станковъ и прочихъ предметовъ оборудованія заводовъ. Этого не было сдѣлано. Когда же мы, спустя много времени, бросились со своими заказами въ Америку, то пришлось убѣдиться, на горькомъ опытѣ, что американскій рынокъ оказался неприспособленнымъ; ему потребовалось для развертыванія военной промышленности столько же времени, сколько потребовалось бы для такого же развертыванія въ Россіи. Въ итогѣ: «Безъ особо ощутительныхъ для нашей Арміи результатовъ», пишетъ генералъ Маниковскій[56], «въ труднѣйшее для насъ время пришлось влить въ американскій рынокъ колоссальное количество золота, создать и оборудовать тамъ *на наши деньги* массу военныхъ предпріятій; другими словами, произвести на нашъ счетъ *ге-*

55) Перечисленіе этихъ заводовъ дано у ген. Маниковскаго, ч. I, стр. 18.
56) Часть I, стр. 21.

неральную мобилизацію американской промышленности, не имѣя возможности сдѣлать того же по отношенію къ своей собственной».

По мѣрѣ того, какъ въ Арміи сталъ ощущаться недостатокъ въ боевомъ снабженіи, въ ней начало расти недовольство тыломъ. Это недовольство быстро передавалось въ общественные круги. Когда же недостатокъ въ боевыхъ припасахъ началъ принимать катастрофическій характеръ, это недовольство породило множество часто совершенно необоснованныхъ слуховъ. Говорили о колоссальномъ воровствѣ, о взяточничествѣ и даже объ измѣнѣ. Эти слухи создавали своего рода психическую атмосферу, отъ вліянія которой не могли уклониться даже такія лица, какъ Предсѣдатель Государственной Думы, въ чемъ можно легко убѣдиться, читая воспоминанія М. В. Родзянко [57].

Неспособность нашего Военнаго Министерства удовлетворить потребности Арміи вызвала въ общественныхъ кругахъ и въ средѣ членовъ Государственной Думы стремленіе добиться контроля въ дѣлѣ снабженія Арміи.

«Особыя Совѣщанія».

По настоянію Предсѣдателя Государственной Думы, несмотря на препятствія, встрѣченныя въ бюрократическихъ кругахъ, 7/20 іюня 1915 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе изданнаго въ порядкѣ 87-й статьи Основныхъ Государственныхъ Законовъ «Положенія объ Особомъ Совѣщаніи для объединенія мѣропріятій по обезпеченію Дѣйствующей Арміи предметами боевого и матеріальнаго снабженія» [58].

Предсѣдателемъ этого Совѣщанія назначался Военный Министръ. Въ составъ Совѣщанія должны были войти: Предсѣдатель Государственной Думы и по Высочайшему назначенію по четыре члена отъ Государственной Думы и отъ Государственнаго Совѣта, четыре представителя отъ торговли и промышленности, представители министерствъ — Морского, Финансоваго, Путей Сообщенія, Торговли и Промышленности, а также чины Государственнаго Контроля и чины Военнаго Вѣдомства. Совѣщаніе подчинялось непосредственно Верховной власти, и никакое правительственное мѣсто или лицо не могло давать ему предписаній и требовать отъ него отчетовъ [59].

Несочувствіе, съ которымъ было встрѣчено министерствомъ Сухомлинова образованіе Особаго Совѣщанія, отразилось на первоначальной его работѣ. Но 12 (25) іюня 1915 года ген. Сухомлиновъ былъ уволенъ отъ должности военнаго министра и на его мѣсто из-

---

57) Эти воспоминанія вышли въ англійскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „The Reign of Rasputin: an Empire Collaps".

58) Объявлено въ «Собраніи Узаконеній» отъ 15 (28) іюня 1915 года.

59) Мемуары А. А. Поливанова, стр. 154.

бранъ генералъ Поливановъ. Послѣдній широко пошелъ навстрѣчу новому учрежденію, видя въ немъ единственный способъ возстановить довѣріе общественныхъ круговъ къ работѣ Военнаго Министерства, а также для широкаго привлеченія этихъ круговъ къ дѣлу снабженія Арміи. 18 (31) іюня генералъ Поливановъ вноситъ въ Государственную Думу новый законопроектъ, согласно которому уже учрежденное «Особое Совѣщаніе» получало наименованіе «Особое Совѣщаніе для объединенія мѣропріятій по оборонѣ Государства» [60]. Въ немъ попрежнему состоялъ предсѣдателемъ Военный Министръ, но составъ его былъ расширенъ. Въ него входили: Предсѣдатели Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, по девять членовъ отъ каждаго изъ этихъ законодательныхъ учрежденій, министры:[61] Морской, Финансовъ, Торговли и Промышленности, Внутреннихъ Дѣлъ, Земледѣлія, Путей Сообщенія, Государственнаго Контроля, начальники Главныхъ Управленій Военнаго Министерства, представители промышленности и представители Земскаго и Городского Союзовъ, а также представители только что возникшаго Военно-Промышленнаго Комитета.

Кромѣ этого Особаго Совѣщанія по объединенію мѣропріятій по оборонѣ, новый законъ учреждалъ еще нѣсколько «Особыхъ Совѣщаній», а именно:

«Особое Совѣщаніе по перевозкамъ».

«Особое Совѣщаніе по топливу».

«Особое Совѣщаніе по продовольствію».

Каждое изъ этихъ Совѣщаній находилось подъ предсѣдательствомъ соотвѣтствующихъ министровъ (Путей Сообщенія, Торговли и Промышленности, Земледѣлія).

Цѣлью этихъ Особыхъ Совѣщаній являлось внесеніе объединенія въ использованіе транспорта, топлива и продовольствія. При необходимости согласовать дѣйствія всѣхъ Совѣщаній, собирались объединенныя засѣданія подъ предсѣдательствомъ Военнаго Министра.

Несомнѣнно, что созданный для объединенія работы тыла аппаратъ «Особыхъ Совѣщаній» являлся чрезвычайно громоздкимъ. Эти многолюдныя собранія не способны были къ быстрой творческой работѣ. Нельзя не согласиться въ извѣстной справедливости критики «Особаго Совѣщанія по оборонѣ», которую можно встрѣтить въ трудѣ генерала Маниковскаго [62].

«Во-первыхъ», пишетъ ген. Маниковскій, «это Совѣщаніе было слишкомъ многолюднымъ, чтобы быть рабочимъ и достаточно продуктивнымъ, ибо — это уже безспорная истина, — никакое практическое дѣло нельзя дѣлать толкомъ въ собраніи 50 - 60 человѣкъ, да еще такого разношерстнаго состава, какимъ было это совѣщаніе».

---

60) Мемуары А. А. Поливанова, стр. 191.

61) Министры могли замѣщаться Товарищами Министровъ.

62) Часть III, стр. 160.

«Во-вторыхъ, въ этомъ огромномъ составѣ все же было очень мало людей, дѣйствительно понимающихъ военную технику и причины неудовлетворительности снабженія нашей арміи и могущихъ указать мѣры, необходимыя для его усиленія. Зато было много такихъ, которые видѣли въ этомъ совѣщаніи главнымъ образомъ орудіе политической борьбы и въ соотвѣтствіи съ этимъ и вели линію поведенія...»

Приходится поэтому признать, что выводъ, сдѣланный подполковникомъ Ребулемъ въ статьѣ «Промышленная мобилизаціи въ Россіи во время войны»,[63] указывающей на отсутствіе въ Россіи тѣсно объединенной работы тыла, по существу дѣла вѣренъ. Коренное разрѣшеніе вопроса могло быть только одно: созданіе Министерства Снабженія, которое и должно было дѣйственно объединить всю работу по снабженію какъ арміи, такъ и страны. Хотя этотъ вопросъ и подымался нѣкоторыми членами Государственной Думы во время разсмотрѣнія законоположенія объ «Особыхъ Совѣщаніяхъ», но онъ не встрѣтилъ сочувствія въ этомъ законодательномъ учрежденіи. Въ этотъ періодъ войны отношенія между правительствомъ и Государственной Думой обострились. Правительство потеряло довѣріе общественныхъ круговъ. Общественные круги и выразительница ихъ, Государственная Дума, опасались, что вновь образованное Министерство Снабженія сразу же станетъ столь же мертвящимъ бюрократическимъ учрежденіемъ, каковымъ оказалось Военное Министерство.

Несмотря на вышеуказанную отрицательную сторону, присущую организаціи «Особыхъ Совѣщаній», созданіе ихъ, въ особенности же «Особаго Совѣщанія для объединенія мѣропріятій по оборонѣ Государства», сыграло положительную роль.

Даже такой сторонникъ ген. Сухомлинова, какимъ является его ближайшій сотрудникъ ген. Лукомскій, вынужденъ это признать.

«Но все же со времени образованія Совѣщанія»,[64] пишетъ онъ въ своей запискѣ [65], «заказы стали даваться значительно шире. Происходило это, конечно, отчасти вслѣдствіе того, что вообще къ этому времени для Военнаго Министра и начальниковъ главныхъ довольствующихъ управленій болѣе опредѣленно выяснилась необходимость значительно усилить снабженіе, но въ значительной степени и отъ того, что вошедшіе въ составъ Совѣщанія члены Государственной Думы и особенно ея Предсѣдатель, постоянно въ рѣзкой формѣ настаивали на необходимости производства новыхъ заказовъ, считаясь лишь съ требованіями фронта и стараясь ихъ предусмотрѣть впередъ».

Безпристрастный историкъ долженъ произвести оцѣнку значенія учрежденія «Особаго Совѣщанія по оборонѣ» несравненно шире.

Это была «живая вода», хлынувшая въ бюрократическое болото.

---

63) Парижская газета «Танъ» отъ 4 марта 1924 года.

64) «Особое Совѣщаніе по оборонѣ».

65) «Сборникъ записокъ, относящихся къ русскому снабженію въ Великую войну». Финансовое Агентство въ С. А. Ш.. стр. 28.

Это былъ прорывъ общественныхъ силъ черезъ плотину устарѣлыхъ учрежденій, способныхъ только съ большимъ запозданіемъ плестись въ хвостѣ требованій жизни. Это былъ «контроль», освѣщающій «темныя мѣста», и подхлестывающій къ работѣ, предусматривающій событія. Поэтому учрежденіе «Особаго Совѣщанія по оборонѣ» являлось началомъ спасенія Россіи изъ того катастрофическаго положенія, къ которому привело армію министерство Сухомлинова. Разсматривая выше различныя области боевого снабженія, мы видѣли, что вездѣ, начиная съ осени 1915 года, наступаетъ улучшеніе и къ 1916 году Русская Армія не только выходитъ изъ агоніи, но даже въ состояніи одержать большую побѣду въ Галиціи.

«Особое Совѣщаніе по оборонѣ» расширило возможность для общественныхъ силъ страны принять активное участіе въ дѣлѣ снабженія Арміи. Уже это одно имѣло громадное значеніе, ибо самая мобилизація промышленности началась у насъ по общественному почину.

Мобилизація промышленности.

Мобилизація промышленности, какъ общественное движеніе, зародилась на состоявшемся 8 - 11 іюня[66] 1915 года въ Петроградѣ IX-мъ очередномъ съѣздѣ представителей промышленности и торговли. На этомъ съѣздѣ была вынесена, по обсужденіи доклада «Промышленность и война» и послѣ смѣлаго выступленія П. П. Рябушинскаго, резолюція, въ которой русская промышленность призывалась къ объединенію и дружной работѣ для обслуживанія всѣхъ нуждъ войны.

Для этой цѣли Съѣздъ нашелъ необходимымъ поручить всѣмъ торгово-промышленнымъ организаціямъ образовать раіонные комитеты, объединяющіе мѣстную промышленность и торговлю и имѣющіе задачей приспособить предпріятія къ изготовленію всего необходимаго для арміи и флота, а также согласовать для сего общую дѣятельность фабрикъ и заводовъ. Согласованіе же между собою работъ отдѣльныхъ раіоновъ и этихъ же работъ съ дѣятельностью правительственныхъ учрежденій Съѣздъ постановилъ возложить на учреждаемый имъ въ Петроградѣ Центральный Военно-Промышленный Комитетъ, въ составъ котораго должны были войти представители научно-техническихъ силъ, представители отъ отдѣльныхъ торгово-промышленныхъ организацій, отъ управленія желѣзныхъ дорогъ и пароходствъ и отъ Всероссійскихъ Союзовъ Земствъ и Городовъ [67].

---

66) 26-29 мая по старому стилю.

67) При Центральномъ Военно - Промышленномъ Комитетѣ были сформированы отдѣлы: 1) механическій, 2) металлургическій, 3) химическій, 4) перевозочный, 5) продовольственный, 6) по обезпеченію рабочимъ составомъ, 7) вещевой, 8) по снабженію топливомъ, 9) финансовый, 10) врачебно-санитарный, 11) изобрѣтеній, 12) юридическій и впослѣдствіи еще 13) авіаціон-

Сформировавшійся такимъ образомъ Центральный Военно-Промышленный Комитетъ приступилъ прежде всего къ выясненію перечня предметовъ, въ которыхъ нуждаются Армія и Флотъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ опредѣлить программу планомѣрнаго использованія производительныхъ силъ страны для изготовленія этихъ предметовъ. Такъ какъ, однако, единаго плана въ дѣлѣ снабженія не было, то на практикѣ Комитету пришлось вырабатывать свою программу частями, по мѣрѣ заказовъ отъ военнаго вѣдомства. Въ теченіе первыхъ же двухъ мѣсяцевъ были образованы мѣстные военно-промышленные комитеты въ 73 городахъ.

Главная нужда, которую комитетъ испытывалъ на пути къ развитію своей дѣятельности, — это былъ недостатокъ станковъ, ибо, какъ для расширенія производства на старыхъ заводахъ, такъ и для устройства новыхъ заводовъ станки были необходимы, а между тѣмъ станки привозились изъ-за границы.

Одновременно съ мобилизаціей крупной промышленности Военно-Промышленнымъ Комитетомъ, началась и мобилизація средней и мелкой промышленности. Въ этой области усилія Военно-Промышленнаго Комитета встрѣтились съ работами Всероссійскихъ Союзовъ Земствъ и Городовъ [68].

«Привлеченіе общественныхъ силъ къ снабженію Арміи и учрежденіе Особаго Совѣщанія», записываетъ въ концѣ іюля въ своихъ воспоминаніяхъ Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко [69], «было съ удовлетвореніемъ встрѣчено въ странѣ; на фронтѣ облегченно вздохнули, и горечь послѣднихъ неудачъ была смягчена надеждой на болѣе свѣтлое будущее. Возможность работать для арміи, активно участвовать въ подготовкѣ ея успѣховъ — помогла переживать плохія извѣстія съ фронта, гдѣ мы продолжали отступать».

Образованіе Военно-Промышленнаго Комитета не встрѣтило особаго сочувствія со стороны правительства, хотя уходъ Сухомлинова и очистилъ нѣсколько атмосферу недоброжелательства къ «вмѣшательству общественности въ дѣла военныя» и несмотря на то, что новый Военный Министръ относился весьма сочувственно къ возникновенію Военно-Промышленнаго Комитета и къ предсѣдателю послѣдняго А. И. Гучкову. Помощникъ Управляющаго Дѣлами Совѣта Министровъ [70] А. Н. Яхонтовъ издалъ свои подробныя записи засѣданій Совѣта Министровъ. Вотъ что записано [71] у этого автора про начало засѣданія Со-

---

ный. Каждый отдѣлъ подраздѣлялся еще на секціи: такъ, напримѣръ, 8-й отдѣлъ по топливу состоялъ изъ секцій: а) нефтяной, б) каменноугольной, в) торфяной и г) дровяной.

68) Мемуары А. А. Поливанова, стр. 204-206.

69) «Архивъ Русской Революціи», т. XVII, стр. 101.

70) «Архивъ Русской Революціи», т. VIII, «Тяжелые дни» (секретныя засѣданія Совѣта Министровъ 16 іюля — 2 сентября 1915 г.).

71) Тамъ же, стр. 36.

вѣта Министровъ 4/17 августа, на которомъ разсматривался проектъ «Положенія о Военно-Промышленномъ Комитетѣ» и на которое былъ приглашенъ предсѣдатель Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета А. И. Гучковъ.

«Впервые со временъ графа Витте въ офиціальной части засѣданія присутствовало лицо «свободной профессіи», съ правительственной службой не связанное[72]. Это былъ Александръ Ивановичъ Гучковъ, приглашенный на засѣданіе по настоянію генерала Поливанова, для участія въ разсмотрѣніи проекта положенія о Военно-Промышленномъ Комитетѣ. Всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, натянуто. У Гучкова былъ такой видъ, будто онъ попалъ въ станъ разбойниковъ и находится подъ давленіемъ угрозы злыхъ козней. Вѣрнѣе, онъ напоминалъ застѣнчиваго человѣка, явившагося въ незнакомое общество съ предрѣшеннымъ намѣреніемъ разсердиться при первомъ поводѣ и тѣмъ проявить свою самостоятельность. На дѣлаемыя по статьямъ проекта замѣчанія Гучковъ отвѣчалъ съ невызываемой существомъ возраженій рѣзкостью и требовалъ либо одобренія положенія о Комитетѣ полностью, либо отказа въ санкціи этого учрежденія, подчеркивая, что положеніе это выработано представителями общественныхъ организацій, желающихъ безкорыстно послужить дѣлу снабженія арміи. Въ концѣ концовъ обсужденіе было скомкано, и всѣ какъ бы спѣшили отдѣлаться отъ не особенно пріятнаго свиданія».

«По выходѣ, однако, А. И. Гучкова изъ комнаты засѣданія», замѣчаетъ другой свидѣтель, а именно генералъ Поливановъ[73], «И. Л. Горемыкинъ[74] проворчалъ неодобрительно и о многочисленности состава центральнаго комитета, и о томъ, что тамъ проектировано ввести 10 представителей отъ рабочихъ, и о томъ, что онъ много шумитъ, а сдѣлаетъ ли что-нибудь — это мы увидимъ».

Даже строгіе критики нашей «общественности» все-таки вынуждены признать большую заслугу передъ Родиной Военно-Промышленнаго Комитета. «Создавшійся Военно-Промышленный Комитетъ», пишетъ генералъ Лукомскій[75], «имѣвшій свои отдѣлы во всѣхъ промышленныхъ центрахъ Россіи, далъ основаніе считать, что съ его помощью будетъ достигнуто полное напряженіе отечественной промышленности, а армія и страна получатъ отъ внутренняго рынка все, что только Россія

---

72) Напоминаемъ, что А. И. Гучковъ былъ въ то время членомъ Государственной Думы; въ предыдущій созывъ Государственной Думы онъ былъ предсѣдателемъ Гос. Думы. Только что приведенный абзацъ чрезвычайно характерно обрисовываетъ отношеніе нашего высшаго чиновничьяго міра къ членамъ нашего парламента. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

73) Мемуары А. А. Поливанова, стр. 206.

74) Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

75) «Сборникъ записокъ, относящихся къ русскому снабженію въ Великую войну». Финансовое Агентство въ С. Ш. А., стр. 33.

въ состояніи дать. Дѣйствительно, надо отдать въ этомъ отношеніи справедливость Военно-Промышленному Комитету, который постепенно расширяя все болѣе и болѣе свою дѣятельность, объединяя фабрично-заводскія предпріятія и кустарныя артели, а также создавая новыя предпріятія, принесъ въ дѣлѣ снабженія Арміи колоссальную помощь военному вѣдомству. Можно, конечно, критиковать дѣятельность Военно-Промышленнаго Комитета въ томъ отношеніи, что на организацію собственнаго аппарата онъ тратилъ очень значительныя суммы; что хотя онъ и не поощрялъ, но во всякомъ случаѣ очень слабо боролся съ громадными аппетитами многихъ промышленниковъ, стремившихся нажиться на казенныхъ поставкахъ. Обвиненій въ этомъ отношеніи противъ Военно-Промышленнаго Комитета было много, но считаю, что при существовавшей обстановкѣ и при отсутствіи правильной организаціи центральнаго органа снабженія, приходилось часто переплачивать, лишь бы скорѣе дать необходимое арміи. Надо также имѣть въ виду, что Военно-Промышленный Комитетъ являлся не единственнымъ заказчикомъ на внутреннемъ рынкѣ. Кромѣ него заказывали Городской и Земскій Союзы и крупные заказы продолжали даваться главными довольствующими управленіями, а, слѣдовательно, Военно-Промышленному Комитету приходилось имѣть дѣло уже съ опредѣлившимися расцѣнками на различные предметы снабженія».

Упрекъ, который дѣлаетъ генералъ Лукомскій Военно-Промышленному Комитету въ томъ, что онъ слабо боролся съ аппетитами многихъ промышленниковъ, чрезвычайно серьезенъ. Но причины этого зла лежали глубже нѣдръ Военно-Промышленнаго Комитета.

Осуществить надлежащую организацію тыла можно было только при условіи изданія «Закона о всеобщей промышленной военной повинности», составленнаго на основаніи тѣхъ же принциповъ, какъ и «Законъ о всеобщей воинской повинности». Государство, считающее себя въ правѣ требовать отъ своихъ гражданъ жертвы кровью и жизнью, конечно, имѣетъ еще большее право требовать отъ своихъ гражданъ, оставшихся въ тылу, жертвъ личнымъ трудомъ и имуществомъ [76]. Вопросъ этотъ для всѣхъ государствъ былъ новый. Онъ требовалъ большой научной и соціальной зрѣлости. Онъ былъ подъ силу только сильному правительству. Наша же Верховная власть, хотя и боролась

76) Ген. Смысловскій, одинъ изъ старшихъ чиновъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, въ своемъ показаніи Верховной Слѣдственной Комиссіи говоритъ: «Весь строй торговыхъ отношеній Главнаго Артиллерійскаго Управленія съ поставщиками, обусловленный существующими законоположеніями, и вся формальная сторона ихъ, порождавшая цѣлый рядъ затрудненій и въ мирное время, совершенно не соотвѣтствовала условіямъ заготовленій въ военное время и при томъ для такой важнѣйшей цѣли, какъ оборона страны... Всѣ мои личныя усилія обратить, на военное время, эти поставки въ повинность, обязательную для заводчиковъ въ такой же мѣрѣ, какъ и воинская, не увѣнчались успѣхомъ».

все время за осуществленіе самодержавія, но, возстановивъ противъ себя общественные круги и не сумѣвъ удержать расположеніе къ себѣ народныхъ массъ, по существу дѣла являлась слабой. Мы видѣли выше, какъ Совѣтъ Министровъ трижды отклонилъ законопроектъ о милитаризаціи заводовъ, работающихъ на оборону. Несомнѣнно, что онъ боялся рабочихъ. Такъ же точно онъ не смѣлъ по-настоящему бороться съ злоупотребленіями промышленниковъ.

Безсиліе правительства.

Въ цитированныхъ выше записяхъ Помощника Управляющаго Дѣлами Совѣта Министровъ А. Н. Яхонтова [77], посвященныхъ секретнымъ засѣданіямъ Совѣта Министровъ въ августѣ и сентябрѣ 1915 г. [78], ярко вырисовывается б е з с и л і е Совѣта Министровъ въ большинствѣ вопросовъ управленія страной. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи причинъ этого безсилія. Ихъ много и многія изъ нихъ обуславливаются событіями войны. Объ этомъ мы будемъ говорить въ III части нашего труда. Здѣсь же мы укажемъ на главную, которая рѣзко формулирована самими министрами въ послѣднихъ засѣданіяхъ. «Правительство не можетъ висѣть въ безвоздушномъ пространствѣ и опираться на одну полицію» [79], говоритъ въ засѣданіи 8 сентября министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ.

На засѣданіи черезъ два дня другой видный министръ, а именно Министръ Земледѣлія А. В. Кривошеинъ, развиваетъ ту же мысль: «Что мы ни говори, что мы ни обѣщай, какъ ни заигрывай съ прогрессивнымъ блокомъ и общественностью — намъ все равно не повѣрятъ. Вѣдь требованія Государственной Думы и всей страны сводятся къ вопросу не программы, а людей, которымъ ввѣряется власть. Поэтому мнѣ думается, что центръ нашихъ сужденій долженъ бы заключаться въ постановкѣ принципіальнаго вопроса объ отношеніи Его Императорскаго Величества къ Правительству настоящаго состава и къ требованіямъ страны объ исполнительной власти, облеченной общественнымъ довѣріемъ. Пускай Монархъ рѣшитъ, какъ ему угодно направить дальнѣйшую внутреннюю политику, по пути ли игнорированія такихъ пожеланій или же по пути примиренія, избравъ во второмъ случаѣ пользующееся общественными симпатіями лицо и возложивъ на него образованіе правительства. Безъ разрѣшенія этого кардинальнаго вопроса, мы все равно съ мѣста не сдвинемся. Лично я высказываюсь за второй путь дѣйствій — избраніе Государемъ Императоромъ лица и порученіе ему составить кабинетъ, отвѣчающій чаяніямъ страны».[80]

---

77) «Архивъ Русской Революціи», томъ XVIII.
78) Съ 16 іюля по 2 сентября по старому стилю.
79) Тамъ же, стр. 107.
80) Тамъ же, стр. 123.

Съ этимъ заявленіемъ А. В. Кривошеина соглашается большинство министровъ.

Государь избралъ первый путь, и главный исполнительный органъ, Совѣтъ Министровъ — сталъ еще безсильнѣе. Соціальный процессъ изоляціи правительства пошелъ еще быстрѣе. Авторитетъ его окончательно палъ. При такихъ условіяхъ правительство оказывается не только безсильнымъ произвести какія-либо коренныя органическія реформы въ структурѣ работы тыла, оно даже неспособно объединить въ стройную организацію тѣ крайнія усилія, которыя проявляетъ теперь вся страна, чтобы спасти свою армію изъ катастрофы.

Эта неспособность правительства увеличивается еще тѣмъ, что самый подборъ министровъ чрезвычайно неудаченъ. Послѣднее не случайность, а является лишь однимъ изъ звеньевъ того соціальнаго процесса, который происходитъ. Выборъ Верховной власти до крайности ограниченъ. Всѣ лучшіе элементы должны быть заподозрѣны въ оппозиціи къ власти. И вотъ на замѣну уволеннаго 15/28 марта генерала Поливанова назначается Военнымъ Министромъ генералъ Шуваевъ. Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко такъ характеризуетъ генерала Шуваева: «...Честный, хорошій человѣкъ, но недостаточно подготовленъ для такого поста въ военное время; его предсѣдательствованіе въ Особомъ Совѣщаніи дѣлало засѣданія путанными и утомительными».[81]

Гораздо строже отзывается о немъ французскій Министръ Снабженія г-нъ Тома, присланный французскимъ правительствомъ для ознакомленія съ нуждами русскаго военнаго снабженія. На просьбу Предсѣдателя Государственной Думы откровенно указать наши больныя мѣста въ организаціи снабженія, французскій министръ отвѣтилъ: «Россія должна быть чрезвычайно богата и очень увѣрена въ своихъ силахъ, чтобы позволять себѣ роскошь имѣть правительство, подобное вашему, гдѣ премьеръ-министръ [82] является бѣдствіемъ, а военный министръ — катастрофой» [83].

Отзывъ г-на Тома, быть можетъ, слишкомъ жестокъ. Но несомнѣнно, что генералъ Шуваевъ выше уровня обыкновеннаго строеваго генерала или рядового интенданта подняться не могъ. Выборъ ген. Шуваева на должность Военнаго Министра обуславливался тѣмъ, что Верховная власть расчитывала, что онъ будетъ бороться съ все болѣе и болѣе усиливающейся ролью общественныхъ силъ въ дѣлѣ снабженія Арміи. «Послѣ ухода Поливанова», пишетъ М. В. Родзянко, «Великій Князь Сергѣй Михайловичъ повелъ агитацію противъ Особаго Совѣщанія и убѣждалъ Государя вовсе упразднить его. Съ Шуваевымъ на засѣданіяхъ происходили постоянныя столкновенія и казалось, будто онъ на-

---

81) «Архивъ Русской Революціи», т. XVII, стр. 123.
82) Г-нъ Штюрмеръ. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).
83) «Архивъ Русской Революціи», т. XVII, стр. 125.

рочно вызывалъ рѣзкости, чтобы имѣть причины для ликвидаціи Совѣщанія».[84]

Но генералъ Шуваевъ не оправдалъ связанныхъ съ его назначеніемъ политическихъ расчетовъ.

«Въ засѣданіи 5-го ноября[85] случилось событіе, которое оставило сильное впечатлѣніе не только въ Думѣ, но и въ странѣ. Во время засѣданія[86] въ залѣ засѣданія появились военный министръ Шуваевъ и морской — Григоровичъ. Они обратились къ предсѣдателю, сообщивъ о желаніи сдѣлать заявленіе. Когда Марковъ 2-й[87] окончилъ свою рѣчь, на трибуну поднялся Шуваевъ и сильно волнуясь сказалъ, что онъ, какъ старый солдатъ, вѣритъ въ доблесть Русской Арміи, что Армія снабжена всѣмъ необходимымъ благодаря единодушной поддержкѣ народа и народнаго представительства. Онъ привелъ цифры увеличенія поступленія боевыхъ припасовъ въ Армію со времени учрежденія Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Закончилъ онъ просьбой и впредь поддерживать его довѣріемъ».[88]

Вскорѣ послѣ этого выступленія, а именно въ началѣ января 1917 года, генералъ Шуваевъ былъ замѣненъ на посту Военнаго Министра генераломъ Бѣляевымъ. Назначеніе послѣдняго состоялось по выбору Императрицы Александры Феодоровны, какъ человѣка вполнѣ вѣрнаго принятому курсу самодержавной политики. Генералъ Бѣляевъ представлялъ собой типъ «военнаго чиновника». Все свое трудолюбіе и большую работоспособность онъ направлялъ по «бумажному» руслу. Въ арміи онъ былъ очень непопуляренъ, ибо за нимъ установилась репутація человѣка, мертвящаго всякое живое дѣло. За нимъ даже прочно установилась кличка «мертвая голова».

Отрицательнаго вліянія на дѣло снабженія назначеніе Бѣляева не могло оказать, такъ какъ въ началѣ марта[89] вспыхнула революція.

Революція.

Въ разбушевавшейся революціонной стихіи сразу же начала падать на заводахъ и промышленныхъ предпріятіяхъ трудовая дисциплина. Техническій и административный персоналъ, который не былъ изгнанъ рабочими, не имѣлъ возможности руководить дѣломъ. Онъ былъ терроризованъ рабочими. Въ результатѣ — крайняя небрежность въ работѣ и все увеличивающееся паденіе производительности. Московская

---

84) «Архивъ Русской Революціи», т. XVII, стр. 125.

85) 18 ноября 1916 года по новому стилю. (Прим. Н. Н. Г.).

86) Государственной Думы. (Прим. Н. Н. Г.).

87) Одинъ изъ депутатовъ.

88) «Крушеніе Имперіи», записки Предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко; «Архивъ Русской Революціи», т. XVII, стр. 148.

89) Въ концѣ февраля по старому стилю.

металлообрабатывающая промышленность уже въ апрѣлѣ пала на 32%, производительность петроградскихъ фабрикъ и заводовъ — на 20-40%, добыча угля и общая производительность Донецкаго бассейна къ 1 іюля — на 30% и т. д. Разстроилась также добыча нефти на бакинскихъ и грозненскихъ промыслахъ.

Временное Правительство оказалось совершенно безсильнымъ бороться съ возраставшей въ странѣ анархіей. Промышленныя предпріятія стали гибнуть. Къ іюню мѣсяцу было закрыто 20% петроградскихъ промышленныхъ заведеній. Вообще за первые мѣсяцы революціи зарегистрированный и, конечно, неполный мартирологъ промышленности выражался въ слѣдующихъ цифрахъ:

Мѣсяцы	Число закрытыхъ заведеній	Число уволенныхъ рабочихъ
мартъ	74	6.644
май	108	8.701
апрѣль	55	2.816
іюнь	125	38.755
іюль	206	47.754
Итого	568	104.670

На боевомъ снабженіи арміи въ теченіе лѣтней кампаніи 1917 года, потрясенія, переживаемыя въ промышленности, еще не успѣли сказаться. Въ виду невозможности вести съ арміей, не желавшей драться, военныя операціи въ томъ же масштабѣ и того же напряженія, какъ это было въ предыдущія кампаніи, расходъ въ боевомъ снабженіи значительно уменьшился. Запасы, созданные патріотическимъ подъемомъ и напряженіемъ страны въ концѣ 1915 года и въ теченіе 1916 года, удовлетворяли этимъ потребностямъ.

Происшедшій въ началѣ ноября 1917 года большевицкій переворотъ довершаетъ разложеніе Россіи...

Насколько повысился уровень военно-техническаго оснащенія Русской Арміи къ 1917 году?

Намъ пришлось уже выше упоминать о довольно распространенной у насъ точкѣ зрѣнія, что къ осени 1917 года Русская Армія была, какъ никогда вооружена и снабжена. Одно изъ доказательствъ этого видятъ въ томъ фактѣ, что вспыхнувшая затѣмъ гражданская война въ теченіе трехъ лѣтъ питалась накопленными для веденія большой войны запасами.

Въ подобномъ разсужденіи скрыта элементарная ошибка. Техническія требованія, предъявленныя большой войной на нашемъ Европейскомъ театрѣ, настолько превосходятъ таковыя же гражданской, что

невозможно даже сравнивать ихъ между собой. Поэтому тѣ запасы, которые были бы недостаточны для веденія большой войны, могли съ избыткомъ и во много разъ покрыть потребности борьбы на внутреннемъ фронтѣ.

Оцѣнка вопроса о боевомъ снабженіи арміи осенью 1917 года не можетъ также обсуждаться въ узкихъ рамкахъ накопленія запасовъ примѣнительно къ болѣе чѣмъ недостаточнымъ нормамъ вооруженія 1914 года. Приходится сослаться на сказанное нами выше, а именно на нашъ выводъ, что осенью 1917 года Русская Армія, по сравненію со своими союзниками и врагами, была хуже вооружена, нежели въ 1914 году. Шелъ 4-ый годъ войны. И наши враги, и наши союзники не довольствовались однимъ только количественнымъ увеличеніемъ своего вооруженія, хотя и въ этомъ отношеніи ихъ масштабъ во много разъ превосходилъ нашъ.

Они шли дальше. Они изыскивали новые виды вооруженія и новые способы пораженія. Они переходили къ массовому изготовленію танковъ. Они создавали боевую авіацію, могущую принять участіе въ наземномъ бою. Они готовились къ массовому примѣненію химическихъ снарядовъ.

Тѣ, кто продолжаетъ утверждать о полномъ благополучіи въ нашемъ вооруженіи и снабженіи къ осени 1917 года, забываютъ старую истину, ярко формулированную Дж. В. Дреперомъ [90].

«Война», пишетъ Дреперъ, «заставляетъ народъ быстро проходить черезъ различные фазисы своего развитія. Если бы арабы, какъ нація, пользовались глубокимъ миромъ, потребовалось бы нѣсколько тысячелѣтій, чтобы довести ихъ до того умственнаго состоянія, какое было ими достигнуто въ теченіе одного столѣтія».

Этотъ законъ чрезвычайнаго ускоренія темпа эволюціи во время войны выразился въ минувшую большую войну въ быстротѣ развитія вооруженія. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что кампанія 1918 г. на Европейскомъ театрѣ отличается болѣе отъ кампаніи 1914 года, чѣмъ эта послѣдняя отъ войны 1870-71 года.

Тѣ, кто упорствуютъ въ приложеніи къ 1917 г. масштаба 1914 г., могутъ быть уподоблены пассажиру скораго поѣзда, ожидающему увидѣть въ окно, черезъ нѣсколько часовъ пути, все тотъ же видъ, который представлялся ему раньше.

---

90) «Исторія умственнаго развитія Европы», стр. 252, русскій переводъ подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго, изд. 2-ое.

Приложеніе.

Выдержка изъ доклада британскаго военнаго агента въ Петроградѣ подполковника А. Нокса.

«Расредѣленіе и сила Русской Арміи въ октябрѣ 1915 года» [91].

12-го октября 1915 года.

Силы Русской Арміи велики только на бумагѣ. Къ несчастью, ея дѣйствительная сила составляетъ лишь одну треть штатной.

Послѣ долгихъ колебаній, генералъ-квартирмейстеръ Западнаго Фронта показалъ мнѣ вѣдомость дѣйствительнаго состоянія армій Западнаго фронта къ 28-му сентября. Я выписалъ изъ этой вѣдомости данныя для каждой изъ армій. Здѣсь же привожу лишь итоги для всего фронта. Всѣ эти данныя должны считаться весьма секретными.

	Дивизіи	Офицеры	Шашки и штыки	Пулеметы	Орудія 3"	Орудія Тяжелыя
Штаты	71 пѣх.	27.600	1.006.780	2.272	2.556	—
	15½ кав.	2.464	53.723	124	186	—
Наличіе		9.408	346.729	1.486	2.369	414
			35.050			

Предполагая, что въ 15½ кавал. дивизіяхъ имѣлось всего 1608 офицеровъ, 86 пулеметовъ и 169 полевыхъ пушекъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ итогамъ для пѣхотныхъ дивизій Западнаго фронта:

Корпуса	Дивизіи	Офицеры	Штыки	Пулеметы	Орудія 3"	Орудія Тяжелыя
31	71	7.800	346.729	1.400	2.200	414

По сравненію со штатнымъ составомъ, пѣхотная дивизія въ среднемъ имѣетъ сейчасъ налицо:

	Офицеры	Штыки	Пулеметы	3" оруд.
Штаты	390	14.180	32	36
Налицо сейчасъ	110	4.883	20	31

Указанный только что средній наличный составъ пѣхотной дивизіи вѣренъ и для всѣхъ 122-хъ пѣхотныхъ дивизій, дерущихся на Сѣверномъ, Западномъ и Юго-Западномъ фронтахъ.

---

91) Подлинный документъ хранится въ Британскомъ военномъ архивѣ.

Исходя изъ этого предположенія, мы приходимъ къ слѣдующимъ, общимъ для всѣхъ 122-хъ пѣхотныхъ дивизій, итогамъ:

Штыковъ	595.726
Пулеметовъ	2.440
3-хъ-дюйм. орудій	3.782

Вся боевая сила русской кавалеріи къ настоящему моменту можетъ оцѣниваться слѣдующими цифрами:

Винтовокъ	55.000
Пулеметовъ	150
3-хъ-дюйм. орудій	275

Отсюда слѣдуетъ, что истинная общая боевая сила всѣхъ дѣйствующихъ противъ Германіи и Австро-Венгріи Русскихъ армій измѣряется слѣдующими цифрами:

Винтовокъ	650.000
Пулеметовъ	2.590
3-хъ-дюйм. орудій	4.057

Сто десять офицеровъ на дивизію въ 16 батальоновъ и шесть батарей, конечно, слишкомъ мало. Число офицеровъ будетъ увеличено производствомъ въ офицеры молодыхъ людей, прошедшихъ ускоренную подготовку; несомнѣнно, что эта подготовка можетъ быть только весьма относительной, но матеріалъ эти молодые люди представляютъ отличный.

Шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ ружей — вотъ все, что имѣетъ сейчасъ Россія для защиты своей границы отъ Ревеля до Черновицъ, протяженіемъ въ 1000 миль. Весь вопросъ въ недостаткѣ ружей. Изъ 122 пѣхотныхъ дивизій, тѣ, которыя имѣютъ номера свыше сотаго, вооружены японскими винтовками. Солдаты называютъ ихъ «японскими» дивизіями. Нѣкоторыя изъ частей вооружены винтовками, захваченными у австро-венгровъ. Такимъ образомъ, общее количество русскихъ трехлинейныхъ винтовокъ, находящихся сейчасъ на вооруженіи въ Русской Арміи, не превосходитъ 600.000. Ополченскія дружины вооружены старыми ружьями системы Бердана.

Подполковникъ А. Ноксъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ИНТЕНДАНТСКОЕ СНАБЖЕНІЕ.

Встрѣченныя затрудненія. — Довольствіе хлѣбомъ. — Мясо. — Прочіе виды продовольствія. — Фуражъ. — «Особыя Совѣщанія». — Потребность въ сильной власти. — Революція. — Вещевое довольствіе. — Отношеніе солдатской массы къ казенному имуществу. — Заключеніе помощника Главнаго Интенданта генерала Богатко.

Встрѣченныя затрудненія.

Передъ войной у насъ прочно привилось мнѣніе, что въ мирное время незачѣмъ составлять какіе-то планы и соображенія о томъ, какъ продовольствовать Армію и страну во время войны; естественныя богатства Россіи считались столь большими, что всѣ пребывали въ спокойной увѣренности, что получать для Арміи все нужное для войны не представитъ никакихъ трудностей.

Такъ пишетъ въ 1925 году бывшій помощникъ Главнаго Интенданта генералъ Н. О. Богатко[1].

Въ іюлѣ 1914 года Русская Армія имѣла полностью все потребное ей при мобилизаціи интендантское снабженіе; во время ея сосредоточенія и въ первые дни по прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій ея части довольствовались изъ спеціально образованныхъ для этой цѣли запасовъ.

Но благополучіе въ интендантскомъ снабженіи закончилось очень скоро.

Потребности арміи оказались столь велики, что наивная мысль удовлетворять эти потребности «порядкомъ мирнаго времени» оказалась сразу же несостоятельной.

«Вообще весь механизмъ, вѣдавшій снабженіемъ арміи, съ его законодательствомъ», заключаетъ ген. Богатко, «не былъ приспособ-

---

1) «Замѣтка объ интендантскомъ снабженіи арміи въ Великую Войну». Сборникъ записокъ, относящихся къ Русскому снабженію въ Великую войну; литографированное изданіе Финансоваго Агентства С. Ш. А., стр. 74, 78, 79.

ленъ къ грандіозной задачѣ, которая встала передъ нами въ минувшую войну».

Въ теченіе перваго же года войны встрѣтились затрудненія въ продовольственномъ снабженіи арміи. Задачи этого снабженія разрастались въ рамки обслуживанія не только милліонныхъ боевыхъ фронтовъ, но и тѣсно связаннаго съ ними безпредѣльнаго по своей емкости Всероссійскаго тыла.

Вслѣдствіе этого дѣло продовольственнаго снабженія Арміи было передано Главному Управленію Землеустройства (впослѣдствіи — Министерство Земледѣлія). Это рѣшеніе являлось полнымъ экспромтомъ, такъ какъ въ до-военный періодъ въ дѣлѣ снабженія оно не участвовало; оно не имѣло для своей дѣятельности никакого технически приспособленнаго аппарата и къ завѣдыванію этой областью было совершенно не подготовлено. Въ мирное время вопросъ снабженія продовольствіемъ находился въ вѣдѣніи Военнаго Министерства (интендантства) и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

«Я не буду вдаваться», пишетъ бывшій Министръ Земледѣлія А. Н. Наумовъ[2] «въ поиски и разъясненія причинъ и обстоятельствъ, побудившихъ вмѣсто исправленія недочетовъ и безотлагательнаго приспособленія существовавшаго продовольственнаго аппарата, измышлять и создавать что-то новое, некомпетентное по существу и громоздкое по формѣ для такой нетерпящей важности и срочности, какъ немедленное продовольствованіе четырехъ огромныхъ фронтовъ и обширныхъ тыловыхъ раіоновъ, — считаю лишь долгомъ отмѣтить, что въ ноябрѣ 1915 г., когда мнѣ пришлось, въ концѣ концовъ подчиниться приказу Государя и принять отъ А. В. Кривошеина Министерство Земледѣлія, а слѣдовательно, силою вещей встать во главѣ всего продовольственнаго снабженія арміи и страны, я вынужденъ былъ очутиться лицомъ къ лицу, въ этой унаслѣдованной мною области, съ полнымъ хаосомъ рѣшеній, мнѣній и предположеній... Въ результатѣ, вмѣсто срочнаго исполненія опредѣленно намѣченнаго и выработаннаго заранѣе плана снабженія, въ горячее время огромныхъ военныхъ событій, захватывавшихъ собою почти цѣликомъ всю тыловую жизнь страны, приходилось приступать лишь къ разработкѣ такового, но, само собой, въ условіяхъ очевидно и исключительно неблагопріятныхъ. На самомъ дѣлѣ: съ одной стороны военно-напряженная жизнь и работа боевыхъ фронтовъ, естественно не укладывавшаяся ни въ какія грани и нормы, требовала ежеминутныхъ разрѣшеній тѣхъ или другихъ продовольственныхъ запросовъ, удовлетворять каковые Министерство, само собой разумѣется, какъ продовольственный административный

2) А. Н. Наумовъ былъ Министромъ Земледѣлія съ ноября 1915 г. по 1 августа 1916 года. Его Записка «Продовольственное снабженіе арміи и населенія въ 1915-1916 г. г. и использованіе пріобрѣтеннаго опыта для будущаго» помѣщена въ упомянутомъ уже литографированномъ Сборникѣ Финансоваго Агентства С. Ш. А.

центръ, должно было быть наготовѣ во всякое время дня и ночи — отсюда понятны та спѣшность и нервность ежедневной текущей работы центральнаго аппарата и та несвоевременность органической работы по созданію плана снабженія, которыя во всякомъ случаѣ не могли содѣйствовать благопріятному ходу творческой и исторически отвѣтственной дѣятельности центра».

Трудность планомѣрнаго использованія средствъ Россіи увеличивалась тѣмъ, «что никакихъ цифровыхъ данныхъ по учету существовавшихъ въ странѣ запасовъ продуктовъ даже первой необходимости не было; никакихъ статистически точныхъ данныхъ, для возможности расчетовъ производства и потребленія хлѣба, мяса и пр. продуктовъ не имѣлось ни въ центрѣ, ни на мѣстахъ. При необходимости получать тѣ или другія справки, разныя Министерства давали различныя данныя»[3].

Довольствіе хлѣбомъ.

Годовой сборъ главнѣйшихъ хлѣбовъ Россіи (рожь, пшеница, ячмень, кукуруза, овесъ) въ среднемъ за 1910-1913 г. г. составлялъ до 4½ милліардовъ пудовъ. Съ 1914 года и въ особенности съ 1915 года началось сокращеніе, въ силу обстоятельствъ военнаго времени, въ связи съ уменьшеніемъ рабочихъ рукъ, скота, посѣвной площади и пр., но одновременно съ этимъ почти прекратился вывозъ хлѣба заграницу. Въ среднемъ, главнѣйшихъ хлѣбовъ вывозилось ежегодно до 680 милліоновъ пудовъ, т. е. около 15% общаго сбора. Въ 1914 году мы вывезли 348 милліоновъ пудовъ, а въ 1915 году изъ четырехъ милліардовъ пудовъ сбора, было вывезено всего 31 милліонъ пудовъ.

Правда, нужно имѣть въ виду, что на примитивномъ крестьянскомъ хозяйствѣ очень чувствительно сказался отливъ рабочихъ рукъ, вызванный призывомъ мужчинъ рабочаго возраста въ войска. Съ 1915 года посѣвная площадь сократилась приблизительно на 20% въ среднемъ почти повсемѣстно, а въ нѣкоторыхъ раіонахъ даже до 50% (Донская и Кубанская области, нѣкоторые уѣзды Саратовской, Самарской, Воронежской, Ставропольской и Астраханской губерній).

И все-таки довольствіе арміи хлѣбными продуктами являлось самою благополучной областью снабженія.

Приводимая ниже таблица потребностей арміи показываетъ, что онѣ могли быть вполнѣ удовлетворены изъ запасовъ, оставшихся отъ урожаевъ 1914, 1915 и 1916 годовъ, даже при условіяхъ сокращенія посѣвной площади.[4]

---

3) Записка А. Н. Наумова, тамъ же, стр. 95.

4) Записка А. Н. Наумова, тамъ же, стр. 108.

ТАБЛИЦА[5].

Потребленіе Русской Арміей различныхъ продуктовъ хлѣбнаго производства.

	Въ милліонахъ пудовъ.				
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Мука	23,6	118,3	212,0	225,0	578,9
Крупа	3,4	15,4	35,0	30,0	83,8
Овесъ и ячмень	52,6	153,6	295,0	175,0	676,2

Но урожай 1916 года былъ мало использованъ для арміи и снабженіе ея пошло на убыль, — такъ свидѣтельствуетъ помощникъ Главнаго Интенданта генералъ Богатко.[6] Причиной этого явилась та неурядица, которая происходила въ самой организаціи дѣла.

Разсматривая вопросъ о снабженіи арміи хлѣбными продуктами въ болѣе узкихъ рамкахъ, а именно въ смыслѣ довольствія ея печенымъ хлѣбомъ и сухарями, слѣдуетъ подчеркнуть, что организація этого дѣла въ самой арміи была поставлена великолѣпно и только благодаря этому въ арміи не ощущался недостатокъ въ сухаряхъ и галетахъ. Организовать же массовое заготовленіе послѣднихъ не удалось. Интендантство имѣло свои сухарные заводы, но небольшой производительности. Для развитія выпечки сухарей Интендантство пыталось привлечь частныхъ предпринимателей. Но большинство сухарныхъ заводовъ скоро прекращало свое существованіе. Еще неблагопріятнѣе обстояло дѣло съ галетными заводами, ибо эти заводы требовали болѣе сложнаго оборудованія нежели сухарные.

Мясо.

Если въ отношеніи хлѣбныхъ запасовъ Россія находилась въ очень благопріятныхъ условіяхъ, то въ отношеніи удовлетворенія потребности арміи мяснымъ довольствіемъ положеніе было совсѣмъ другимъ. «Въ нормальное время», пишетъ Министръ Земледѣлія А. Н. Наумовъ,[7] «наша страна была бѣдна скотомъ по сравненію съ другими государствами. На всю огромную территорію Имперіи въ 1913 году было всего 52 милліона головъ рогатаго скота. Ежегодный естественный приростъ достигъ около 9 милліоновъ головъ. Этимъ же количествомъ измѣрялось, приблизительно, обычное годовое потребленіе населенія. Съ начала войны питаніе арміи требовало усиленнаго притока мяса и въ населеніи увеличилось потребленіе мяса, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ прекращенія пьянства».

---

5) «Россія въ міровой войнѣ 1914-1918 г. г. (въ цифрахъ)». Стр. 60.

6) Записка генерала Богатко; Сборникъ записокъ, относящихся къ снабженію въ Великую войну, изд. Финансоваго Агентства С. Ш. А., стр. 80.

7) Записка А. Н. Наумова, тамъ же, стр. 98.

За первый годъ армія взяла 5 милліоновъ головъ, что вмѣстѣ съ потребленіемъ населенія составляетъ внушительную цифру въ 14 милліоновъ головъ. Кромѣ того эвакуація ряда западныхъ губерній была сопряжена съ потерей для хозяйства страны не менѣе, чѣмъ 4 милліоновъ головъ частью оставшихся въ занятомъ непріятелемъ раіонѣ. частью павшихъ. Въ общемъ, за годъ было израсходовано болѣе 18 милліоновъ головъ, т. е. сверхъ нормальнаго прироста было взято изъ стадъ болѣе 9 милліоновъ головъ. Оставшіеся 44 милліона головъ, считая и Сибирь, должны были дать приблизительно до 7 милліоновъ головъ нормальнаго прироста. Потребленіе же арміи и населенія предъявило спросъ на 14 милліоновъ головъ. Приходилось снова уменьшить капиталъ основного стада на 7 милліоновъ головъ или, какъ это и было осуществлено, сокращать размѣръ мясного питанія въ первую очередь тыла, а затѣмъ и самаго фронта.

При этихъ условіяхъ съ очевидностью явствуетъ все то огромное значеніе тѣхъ или другихъ мѣръ со стороны правительства, имѣвшихъ цѣлью возможно бережно относиться къ общему запасу мясныхъ продуктовъ въ смыслѣ наиболѣе цѣлесообразнаго его использованія, путемъ заготовокъ, храненія и распредѣленія. «Къ глубокому сожалѣнію», пишетъ А. Н. Наумовъ, «и въ этомъ отношеніи при принятіи мною главнаго руководительства дѣломъ Имперскаго снабженія, я встрѣтилъ обстановку дѣловой растерянности, благихъ предначертаній и успокоительныхъ надеждъ, опять таки полное отсутствіе обдуманнаго заранѣе практическаго плана... и въ результатѣ: ужасающія потери живого скота и огромныя порчи въ пути и на стоянкахъ заготовленнаго мяса. Холодильниковъ не было, учета скота никакого и хаотичность въ дѣлѣ закупокъ и распредѣленія... Умѣстнымъ считаю здѣсь упомянуть о той огромной подсобной роли въ дѣлѣ продовольственнаго снабженія страны, главнымъ образомъ Арміи, которую могло бы сыграть консервное дѣло, если бы таковое было правильно и заблаговременно поставлено въ Россіи. Колоссальный запасъ рыбныхъ богатствъ, изобиліе плодовъ и овощей, да, наконецъ, абсолютная масса мяса, включая сюда баранину и свинину, — все это матеріалъ, неистощимый для консервныхъ заготовокъ, требующихъ, въ свою очередь, тоже обдуманнаго плана и системы для наилучшаго способа фабрикаціи, храненія и использованія»[8].

Вотъ та мрачная картина въ дѣлѣ продовольствія арміи мясомъ, которая нарисована главой самого вѣдомства продовольствія. Бывшій Министръ А. Н. Наумовъ свидѣтельствуетъ при этомъ о колоссальной работѣ, которая была проявлена въ его вѣдомствѣ. «Но», пишетъ А. Н. Наумовъ, «...какіе бы планы ни создавались, сила таковыхъ лишь въ ихъ внутренней согласованности и цѣлокупности осуществленія ихъ въ жизни, благодаря единству дѣйствій ихъ исполнителей. На почвѣ разрозненности дѣйствій анулируется эффектъ общности усилій и от-

8) А. Н. Наумовъ, тамъ же, стр. 98.

падаетъ та полнота отвѣтственности, которая является непремѣннымъ условіемъ всякой здоровой постановки дѣла. Между тѣмъ съ первыхъ же шаговъ моей дѣятельности, какъ единственно отвѣтственнаго руководителя продовольственнымъ снабженіемъ арміи и страны, я встрѣтилъ прежде всего, во всѣхъ областяхъ и условіяхъ создавшейся продовольственной обстановки, именно ту разрозненность дѣйствій, учрежденій и лицъ, которая подрывала въ корнѣ текущую работу и ослабляла энергію для предстоящей».[9]

Предоставимъ теперь помощнику главнаго Интенданта генералу Богатко обрисовать условія снабженія арміи, создаваемыя только что очерченной хаотичной постановкой продовольственнаго дѣла въ глубокомъ тылу:[10]

«Доставка мяса въ видѣ живого скота, доступная во всякое время года, была весьма невыгодна для транспорта: вагонъ могъ вмѣстить лишь до 120 пудовъ мяса; во время пути скотъ терялъ въ вѣсѣ; бывали случаи падежа отъ голода и жажды, такъ какъ вслѣдствіе движенія поѣздовъ безъ правильнаго расписанія, задавать кормъ скоту и поить его не было возможности. Перевозка мороженаго мяса по желѣзнымъ дорогамъ въ большомъ количествѣ была удобна только зимой, хотя во время продолжительныхъ оттепелей оно иногда и портилось. Для перевозки его лѣтомъ требовались многочисленные холодильники для предварительнаго замораживанія, вагоны ледники для перевозки и запасы льда на станціяхъ для пополненія растаявшаго въ вагонахъ. Постройка сѣти холодильниковъ Министерству Земледѣлія не удалась за недостаткомъ машинъ для оборудованія. Подача замороженнаго мяса не могла получить широкаго примѣненія. Приготовленіе и перевозка солонины требовала большого количества бочекъ; при погрузкѣ и разгрузкѣ, въ вагонахъ, отъ собственной тяжести рядовъ бочекъ, онѣ давали течь и солонина портилась безъ разсола. Изготовленіе мясныхъ консервовъ для повседневнаго питанія арміи потребовало бы устройства большого числа заводовъ[11] и жестяныхъ банокъ, тогда какъ жести не хватало даже для ограниченнаго количества готовившихся у насъ консервовъ.[12] Вообще подача мяса не была урегулирована до конца войны».

Съ начала войны, совершенно не сообразуясь съ «мясными» средствами страны, суточная мясная дача солдата, которая въ мирное время равнялась ½ фунта, была доведена до 1 фунта, т. е. удвоена.

Въ первоначальный періодъ войны (1914 годъ и первые мѣсяцы 1915 года), когда были еще на-лицо большіе запасы скота и въ прифронтовой полосѣ и когда наши арміи въ Восточной Пруссіи и въ

---

9) А. Н. Наумовъ, тамъ же, стр. 99.

10) Записка генерала Богатко. Сборникъ Финансоваго Агентства въ С. Ш. А.

11) Работало 15 заводовъ, изъ нихъ одинъ казенный. (Прим. Н. Н. Г.).

12) Записка генерала Богатко, стр. 80, 81.

Галиціи вторглись въ непріятельскіе предѣлы, гдѣ оказалось также много скота, потребности арміи въ мясѣ удовлетворялись безъ затрудненій. Но когда истощились запасы скота въ ближайшемъ тылу, когда арміи отступили изъ первоначально занятыхъ раіоновъ Германіи и Австро-Венгріи, когда при отступленіи въ лѣтнюю кампанію 1915 года погибли большею частью отъ голода многочисленные гурты неразумно согнанные въ тылу армій, — вопросъ мясного довольствія сталъ обостряться. Помимо затрудненій въ доставкѣ большого количества скота арміямъ изъ внутреннихъ раіоновъ Государства, возникло серьезное опасеніе, что населеніе городовъ можетъ оказаться безъ мяса. Пришлось уменьшить мясное довольствіе солдатъ, вернувъ его къ нормѣ мирнаго времени.

Принятыя въ серединѣ 1915 года мѣры для внесенія порядка и организаціи въ дѣло мясного снабженія, дали серьезные результаты лишь къ концу 1916 года; до этого же времени бывали періоды, въ которые дѣйствительныя потребности войскъ часто оставались неудовлетворенными[13]. Каковы же были потребности арміи въ мясѣ можно увидѣть изъ приводимой ниже таблицы. Эта таблица составлена на основаніи нормъ довольствія и численности арміи въ различные періоды.

ТАБЛИЦА [14].

Потребности Русской Арміи въ мясномъ довольствіи.

1914 г.	13.500.000 пудовъ.
1915 г.	51.100.000 пудовъ.
1916 г.	82.000.000 пудовъ.
1917 г.	78.100.000 пудовъ.
Итого	224.700.000 пудовъ.

Прочіе виды продовольствія.

Относительно снабженія арміи прочими предметами продовольствія используемая нами записка Помощника Главнаго Интенданта генерала Богатко даетъ слѣдующія указанія.

Жиры. «Въ первые же дни войны», пишетъ онъ, «была установлена, по требованію главнаго Военно-Санитарнаго Инспектора, дача жировъ на одного человѣка 25 золотниковъ при фунтовой дачѣ мяса, 2½ фунт. хлѣба и усиленной дачѣ сахару, чаю, овощей. Въ арміи стали получаться избытки, которые переправлялись обратно въ тылъ семьямъ, и иногда и продавались. А между тѣмъ вопросъ о по-

13) Записка ген. Лукомскаго, Сборникъ Финансоваго Агентства С. Ш. А., стр. 38.

14) «Россія въ міровой войнѣ 1914-1918 г. г. (въ цифрахъ)», стр. 60.

лученіи жировъ обстоялъ далеко не такъ благополучно, какъ это думали».

Въ первый періодъ войны жиры получались изъ Западной Сибири отъ маслодѣльныхъ артелей, которыя вырабатывали масло въ очень большихъ количествахъ и имѣли большіе запасы его для экспорта. Съ истощеніемъ запасовъ и уменьшеніемъ количества выдѣлки его артелями, снабженіе жирами затруднилось, такъ какъ сборъ масла въ другихъ раіонахъ по мелочамъ давалъ малыя количества. На откормъ свиней не было обращено вниманія, сборъ же сала по мелочамъ, также давалъ немного.

Когда запасы жировъ истощились, армія не могла получить полностью даже значительно сокращенную дачу[15]. Насколько велики были потребности Арміи въ жирахъ можно убѣдиться изъ слѣдующей таблицы, вычисленной на основаніи нормъ довольствія и численности арміи въ различные періоды.

ТАБЛИЦА [16].

Потребности Арміи въ жирахъ въ теченіе войны 1914-17 г.г.

1914 г.	1.600.000 пудовъ.
1915 г.	6.510.000 ———
1916 г.	11.500.000 ———
1917 г.	11.200.000 ———
Всего	30.810.000 пудовъ.

Овощи. Сушеніе овощей производилось въ первый годъ преимущественно Ростовскими огородниками; потомъ появились другіе предприниматели и въ сушеныхъ овощахъ недостатка не было. Подвозились также свѣжіе овощи (капуста, свекла, картофель) и квашеная капуста и свекла въ бочкахъ.

Рыбное довольствіе. Въ вышеприведенной выдержкѣ изъ записки Министра Земледѣлія Наумова указывалось, что вслѣдствіе младенческаго состоянія консервнаго дѣла въ Россіи, намъ не удалось использовать наши колоссальныя рыбныя богатства. Въ результатѣ, по заявленію самого Помощника Главнаго Интенданта ген. Богатко «куплены были соленыя сельди заграницей».[17] Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы использовать каждую единицу заграничнаго тоннажа для заводскихъ станковъ, мы ввозили рыбу.

---

15) Сборникъ Финансоваго Агентства С. Ш. А., стр. 81, 87, 88.
16) «Россія въ Міровой войнѣ 1914-1918 г. г. (въ цифрахъ)», стр. 60.
17) Сборникъ Финансоваго Агентства С. Ш. А., стр. 81.

Фуражъ.

Фуражное довольствіе нашей арміи въ началѣ войны обстояло вполнѣ благополучно. Но съ наступленіемъ зимы 1914-15 г. начались нѣкоторыя затрудненія. Въ слѣдующія зимы эти затрудненія увеличились. Приходилось нѣсколько разъ отводить въ тылъ значительное число кавалерійскихъ частей, дабы не потерять конскій составъ. Было нѣсколько періодовъ (особенно зимой 1916-17 г.), когда начинался угрожающій по своимъ размѣрамъ падежъ лошадей изъ-за недостатка фуража. Вслѣдствіе затрудненій, по состоянію желѣзнодорожнаго транспорта, въ подвозѣ къ фронту изъ глубокаго тыла, стало ясно, что безъ суррогатовъ фуража обойтись нельзя. Но вопросъ о массовомъ приготовленіи этихъ суррогатовъ не былъ разрѣшенъ Интендантствомъ до 1917 года.[18]

Общія потребности нашей арміи въ фуражѣ могутъ быть выражены въ нижеслѣдующей таблицѣ.[19]

ТАБЛИЦА.

Потребности Арміи въ фуражѣ въ теченіе войны 1914-1917 г. г.

	В ъ п у д а х ъ.	
	Овесъ и ячмень.	Сѣно.
1914 г.	52.600.000	125.200.000
1915 г.	153.600.000	212.800.000
1916 г.	295.000.000	338.000.000
1917 г.	175.000.000	500.000.000
В с е г о	676.200.000	1.176.000.000

«Особыя Совѣщанія».

Первый годъ войны проходилъ подъ знакомъ **необдуманной расточительности** запасовъ страны.

Осознаніе размѣровъ потребностей арміи и страны происходитъ лишь къ осени 1915 года. Это совпадаетъ съ учрежденіемъ упомянутыхъ въ предыдущей главѣ «Особыхъ Совѣщаній», а именно «Особаго Совѣ-

18) Записка ген. Лукомскаго. Сборникъ Финансоваго Агентства С. Ш. А. стр. 38.

19) «Россія въ міровой войнѣ (въ цифрахъ)», стр. 60.

щанія для объединенія мѣропріятій по Оборонѣ» и «Особыхъ Совѣщаній» — по продовольствію, по топливу и по транспорту.

Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія по продовольственному дѣлу назначенъ былъ Министръ Земледѣлія, а вся исполнительная работа по Совѣщанію, слѣдовательно и по обще-Имперскому продовольствію возлагалась на подвѣдомственныя этому Министру учрежденія.

Вотъ какъ оцѣниваетъ эту попытку упорядоченія работы самъ Министръ Земледѣлія.[20]

«Самая мысль создателя упомянутаго Совѣщанія — привлечь для обсужденія желательной постановки продовольственнаго дѣла въ арміи и странѣ всеобъемлющее представительство существовавшей въ то время активной офиціальной русской общественности, на ряду съ участіемъ многочисленной агентуры всевозможныхъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій и немалаго также количества всякихъ мѣстныхъ уполномоченныхъ по продовольствію лицъ, одно это намѣреніе предрѣшало исключительный по многолюдству и разнообразію своему составъ того Особаго Совѣщанія, которое по своему положенію призвано было играть въ странѣ роль руководящаго центра въ дѣлѣ установленія продовольственной политики и общаго фронтового и тылового снабженія».

«Члены обѣихъ законодательныхъ палатъ (Государственнаго Совѣта и Государственной Думы), представители Всероссійскихъ Земскаго и Городского Союзовъ, просто Земствъ и Городовъ, Военно-промышленныхъ и Биржевыхъ Комитетовъ, всевозможныхъ профессіональныхъ союзовъ (мукомоловъ, сахарозаводчиковъ и др.), Губернаторы, Предсѣдатели Управъ, Чины Министерства Земледѣлія въ качествѣ уполномоченныхъ на мѣстахъ, вѣдомственные представители разныхъ центральныхъ управленій и пр. и пр., — все это почти ежедневно засѣдало до позднихъ часовъ, обсуждало, спорило, голосовало, протестовало — нѣкоторые вопросы (напримѣръ — о твердыхъ цѣнахъ), — вызывали безконечно долгія и страстныя пренія. Ко всему этому надо добавить, что составъ Совѣщанія, силой вещей, часто мѣнялся, каковое обстоятельство, само собой, неблагопріятно отзывалось на преемственности и послѣдовательности извѣстныхъ рѣшеній принципіальнаго характера, — въ общемъ получалась сложная затяжная обстановка, во всякомъ случаѣ мало способствовавшая скорѣйшей выработкѣ того плана продовольственнаго снабженія, безъ наличія коего немыслимы были ни исполнительно-отвѣтственная работа самого Министра Земледѣлія, какъ Предсѣдателя Особаго Совѣщанія, ни таковая же его сотрудниковъ въ центрѣ и на мѣстахъ, ни самый успѣхъ дѣла по существу».

Въ предыдущей главѣ мы говорили уже, что существеннымъ недостаткомъ «Особыхъ Совѣщаній» была ихъ многолюдность, затруднявшая ихъ творческую работу. Въ только что приведенной выдерж-

20) Сборникъ Финансоваго Агентства С. Ш. А., стр. 94.

кѣ — А. Н. Наумовъ подтверждаетъ это. Но въ предыдущей главѣ, говоря, объ «Особомъ Совѣщаніи для объединенія мѣропріятій по оборонѣ», мы указали тоже, что несмотря на этотъ дефектъ оно сыграло спасительную роль, такъ какъ его учрежденіе облегчило участіе общественныхъ силъ страны въ дѣлѣ снабженія Арміи.

То же самое приходится сказать и про «Особое Совѣщаніе по продовольствію». Несмотря на всѣ свои недостатки, оно все-таки связывало центральную власть съ мѣстными силами. Если бы этого не было, то при создавшейся политической обстановкѣ работа Министерства Земледѣлія уподобилась бы ведущему колесу, расцѣпившемуся съ остальнымъ механизмомъ страны и потому работавшему въ пустую.

Намъ кажется, что главныя затрудненія, которыя встрѣчало въ своей работѣ Министерство Земледѣлія, заключались въ другомъ, — а именно, въ неподготовленности нашихъ верховъ къ сложнымъ формамъ современной жизни. Вслѣдствіе этого — исканіе вездѣ примитивныхъ рѣшеній.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда характеръ снабженія могъ сохранять примитивныя формы организаціи, — снабженіе шло благополучно. Такъ было съ выпечкой хлѣба; войскамъ выдавалась мука и они сами выпекали хлѣбъ въ своихъ полевыхъ хлѣбопекарняхъ. Такъ было и въ дѣлѣ снабженія сушеными овощами; здѣсь вопросъ заключался въ простомъ арифметическомъ увеличеніи числа «кустарей», занимавшихся этой сушкой.

Но какъ только мы подходимъ къ области снабженія, въ которой массовое снабженіе требуетъ сложныхъ формъ современной индустріи, благополучіе кончается и дефекты растутъ прямо пропорціонально сложности организаціи. Такъ происходило въ области заготовки сухарей и галетъ, въ довольствіи мясомъ, въ консервномъ дѣлѣ. Организація продовольственнаго дѣла съ трудомъ поднимается надъ уровнемъ кустарныхъ формъ производства; она нигдѣ не можетъ дорости до требованій научной организаціи производства, удовлетвореніе которыхъ стало обязательнымъ для всякой современной массовой работы. Намъ неоднократно приходилось уже указывать, что идеи, родоначальникомъ коихъ является Тэйлоръ, были абсолютно чужды нашимъ руководящимъ кругамъ.

Это исканіе примитивныхъ рѣшеній привело къ отсутствію согласованія между дѣятельностью гражданскаго продовольственнаго аппарата съ распоряженіями органовъ снабженія Дѣйствующей Арміи. «Отсутствіе связи тыла съ фронтомъ», пишетъ А. Н. Наумовъ[21], «сказывалось на каждомъ шагу продовольственной жизни въ столь рѣзкой формѣ, что всякое промедленіе съ принятіемъ мѣръ, въ цѣляхъ упоря-

21) Записка А. Н. Наумова. «Сборникъ Финансоваго Агентства С. Ш. А.», стр. 100.

доченія этихъ взаимоотношеній, грозило катастрофой дѣлу снабженія какъ Арміи, такъ и страны».

Та же приверженность нашихъ верховъ къ примитивнымъ формамъ являлась весьма существенной помѣхой для совмѣстной работы съ общественными силами. Множество лицъ отдавало себѣ отчетъ, что безъ помощи этихъ силъ вести современную большую войну нельзя, но только немногія изъ нихъ отдавали себѣ отчетъ, что участіе этихъ силъ требуетъ гораздо болѣе сложныхъ формъ управленія. Ген. Поливановъ, смѣнившій ген. Сухомлинова, понималъ это. Но весною 1916 года онъ былъ удаленъ съ поста Военнаго Министра и безпорядокъ въ области снабженія продовольствіемъ сильно возросъ.

«15/28 марта», читаемъ мы въ запискахъ Предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко,[22] «былъ уволенъ безъ рескрипта Военный Министръ ген. Поливановъ... Отставка эта произвела удручающее впечатлѣніе. Газеты были полны восхваленіями ушедшаго министра, оцѣнивая результаты его работы сравнительно за короткій срокъ. Въ Думѣ и въ обществѣ говорили о безотвѣтственномъ вліяніи, о министерской чехардѣ... Безпорядки въ тылу приняли угрожающій характеръ. въ Петроградѣ уже чувствовался недостатокъ мясныхъ продуктовъ. Между тѣмъ, проѣзжая по городу можно было встрѣтить вереницы подводъ, нагруженныхъ испорченными мясными тушами, которыя везли на мыловаренный заводъ. Подводы попадались прохожимъ среди бѣлаго дня и приводили жителей столицы въ негодованіе: на рынкѣ нѣтъ мяса, а на глазахъ у всѣхъ везутъ чуть не на свалку испорченныя туши».

«Члены Особаго Совѣщанія ѣздили осматривать городскіе холодильники за Балтійскимъ вокзаломъ. Холодильники въ полномъ порядкѣ. Мясо въ нихъ не портилось, но зато кругомъ были навалены горы гніющихъ тушъ. Оказалось, что это мясо, предназначавшееся для отправки въ армію. Его, видите-ли, негдѣ было хранить. Когда поставщики обращались за разрѣшеніемъ построить новые холодильники, имъ не давали ни средствъ, ни разрѣшенія. По обыкновенію, министерства не могли между собой сговориться: интендантство заказывало, желѣзныя дороги привозили, а сохранять было негдѣ, на рынокъ же выпускать не разрѣшалось. Это было такъ же нелѣпо, какъ и многое другое: точно сговорились всѣ дѣлать во вредъ Россіи...».

«Члены Особаго Совѣщанія доложили обо всемъ видѣнномъ на засѣданіи; я написалъ письмо Алексѣеву и только послѣ этого заинтересовались мяснымъ вопросомъ. Тысячи пудовъ мяса, конечно, погибли. То же самое происходило и съ доставкой мяса изъ Сибири: отъ недостатка и неорганизованности транспорта гибли уже не тысячи, а сотни тысячъ пудовъ. Виновниковъ, конечно, не нашлось, такъ какъ одинъ сваливалъ на другого, а всѣ вмѣстѣ на общую безхозяйственность».

---

22) «Крушеніе Имперіи», Архивъ Русской Революціи, т. XVII.

Потребность въ сильной власти.

Чтобы какъ нибудь выйти изъ создавшагося хаоса, Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ М. В. Алексѣевъ подалъ 15/28 іюня 1916 года докладную записку Государю.

Въ этой запискѣ М. В. Алексѣевъ предлагалъ возглавленіе всей области Общеимперскаго Управленія особымъ лицомъ съ диктаторскими полномочіями.

«Судьба его проекта извѣстна», пишетъ Министръ Земледѣлія А. Н. Наумовъ;[23] «не встрѣтивъ сочувствія къ такому рѣшенію въ общественно-бюрократическомъ своемъ окруженіи, Государь не имѣлъ рѣшимости провести его самолично и на засѣданіи Совѣта Министровъ, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, 28 іюня (10 іюля 1916 года), лишь ограничился высказанными имъ пожеланіями, чтобы всѣ руководившія въ то время центральныя вѣдомственныя учрежденія и лица, въ связи съ условіями переживаемаго страной исключительнаго момента, проявили высшее напряженіе своихъ силъ на благо Родины и были объединены, ради этого, во имя общности служенія единому патріотическому подвигу».

Только что приведенный фактъ особенно показателенъ тѣмъ, что онъ имѣетъ мѣсто какъ разъ въ тотъ періодъ, когда, судя по перепискѣ Государя съ Императрицей Александрой Феодоровной, идея полнаго абсолютизма въ Государственномъ Управленіи получаетъ все большую силу въ ихъ мысляхъ. Къ этому ведутъ всѣ перемѣны въ составѣ министровъ; и въ то же время принять рѣшительную мѣру для упорядоченія и объединенія работы тыла Государь не рѣшается.

Это трагическое противорѣчіе въ дѣйствіяхъ Верховнаго Управленія страной очень характерно обрисовывается въ словахъ пріѣхавшаго въ началѣ мая 1916 года въ Россію, въ качествѣ представителя французскаго Правительства, Министра Снабженій г-на Тома. Бесѣдуя съ Предсѣдателемъ Государственной Думы М. В. Родзянко о недостаткахъ въ снабженіи — на вопросъ Предсѣдателя Государственной Думы: «Скажите, пожалуйста, вполнѣ откровенно Ваше мнѣніе о томъ, что Вамъ недостаетъ въ Россіи», г-нъ Тома отвѣтилъ: «Намъ недостаетъ сильной центральной Русской власти, такъ какъ, если можно такъ выразиться, господинъ Предсѣдатель Думы, Россія должна быть морально очень крѣпкой, чтобы переносить въ критическія минуты, которыя мы сейчасъ переживаемъ, то состояніе тихой анархіи, которое царитъ въ Вашей странѣ и прямо бросается въ глаза».[24]

Въ итогѣ къ концу 1916 года продовольственное снабженіе арміи находится въ очень тяжеломъ положеніи.

---

23) Записка А. Н. Наумова. Сборникъ Финансоваго Агентства С. Ш. А. стр 100.

24) М. В. Родзянко: «Крушеніе Имперіи», Архивъ Русской Революціи, т. XVII, стр. 125.

На совѣщаніи въ Ставкѣ Главнокомандующихъ, происходившемъ 17 - 18 декабря (ст. стиль) 1916 года,[25] Главнокомандующій Западнымъ фронтомъ, генералъ Эвертъ, счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее заявленіе:

«Гдѣ бы ни готовился ударъ, необходимо обезпечить войска продовольствіемъ. Надо пополнить запасы базисныхъ и продовольственныхъ магазиновъ, которые теперь исчерпаны. Вмѣсто того, чтобы имѣть мѣсячный запасъ, мы живемъ ежедневнымъ подвозомъ. У насъ недовозъ и недоѣдъ, что дѣйствуетъ на духъ и настроеніе. Мѣстныя средства также исчерпаны. Надо принять мѣры, чтобы пополнить базисные магазины. Раскладка сокращена такъ, что дальше идти нежелательно».

Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ, генералъ Рузскій, рисуетъ не менѣе печальную картину: «...Сѣверный фронтъ не получаетъ даже битаго (мяса). Общее мнѣніе таково, что у насъ все есть, только нельзя получить. Въ Петроградѣ, напримѣръ, бѣдный стонетъ, а богатый все можетъ имѣть. У насъ нѣтъ внутренней организаціи.....».

Революція.

Вспыхнувшіе въ мартѣ (нов. стиль) въ Петроградѣ безпорядки, съ которыхъ началась революція, предшествовались продовольственными затрудненіями.

Въ теченіе перваго же мѣсяца революціи, генералу Алексѣеву, вступившему въ должность Верховнаго Главнокомандующаго, пришлось уменьшить размѣры продовольственныхъ дачъ въ тылу. Его телеграмма № 2719 отъ 20 марта (3 апрѣля), приводимая нами въ приложеніи къ этой главѣ,[26] является очень характернымъ документомъ; изъ конца этой телеграммы можно увидѣть, что поддержка Временнаго Правительства не обезпечиваетъ еще исполненія распоряженій Верховнаго Главнокомандующаго и ему приходится искать таковую въ Петроградскомъ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Создавшееся съ начала революціи положеніе вещей могло только увеличивать хаосъ въ продовольственномъ дѣлѣ. Продовольственная кампанія въ теченіе марта, апрѣля, мая и іюня 1917 года дала 40% невыполненія продовольственныхъ заготовокъ, іюль далъ уже 70%, а августъ — 60 - 90%.

Довольно полную картину положенія продовольственнаго дѣла

---

25) Выдержки изъ протокола этого совѣщанія напечатаны въ книгѣ: «Разложеніе арміи въ 1917 году», стр. 7.

26) См. стр. 96.

послѣ начала революціи, даетъ въ донесеніи отъ 10-го августа 1917 г.[27] своему Правительству ген. Ноксъ:

«Имѣю честь представить нѣсколько свѣдѣній о состояніи снабженія и транспорта.

1-го августа, на засѣданіи Исполнительнаго Комитета Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ депутатовъ, министръ Продовольствія Пѣшехоновъ говорилъ объ общемъ экономическомъ положеніи государства.

Онъ сказалъ, что въ маѣ это положеніе было очень плохимъ; Армія имѣла продовольствія всего на нѣсколько дней; въ Москвѣ одно время было муки всего на одинъ день; въ Петроградѣ положеніе было лишь немного лучше. Съ тѣхъ поръ произошло улучшеніе. Запасы Арміи измѣряются отъ 20 до 45 днями, Петроградъ имѣетъ ихъ на 20 дней, Москва — на 14.

Однако, будущее угрожающе. Главное затрудненіе происходитъ отъ дезорганизаціи, царящей на желѣзныхъ дорогахъ, которая къ осени грозитъ катастрофой. Продовольствіе Сѣверной Россіи не можетъ базироваться лишь на желѣзнодорожномъ транспортѣ. Для подвоза должны быть использованы водные пути. Но мысль о желѣзнодорожной перевозкѣ до Волги, по которой можно везти грузы дальше на сѣверъ на баржахъ съ тѣмъ, чтобы затѣмъ опять развозить желѣзными дорогами, невыполнима изъ-за чрезмѣрной платы, требуемой грузчиками, притомъ не соглашающимися работать даже по 8 часовъ въ день.

Прежнее Правительство зависѣло отъ урожая на помѣщичьихъ земляхъ, который легко было собрать. Но помѣщичьи посѣвы уменьшились вслѣдствіе препятствій, чинимыхъ крестьянами. Послѣдніе, кромѣ того, стремятся мѣшать примѣненію сельско-хозяйственныхъ машинъ. Они требуютъ предоставленія имъ сбора хлѣбовъ при условіи уплаты имъ за это отъ четверти до трети урожая. Это значитъ, что большая часть урожая помѣщичьихъ земель будетъ растаскана по избамъ и сборъ его станетъ для правительства невозможнымъ.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне отказываются отдавать свое зерно иначе, какъ въ обмѣнъ на мануфактуру. Селенія Юго-Западной Россіи нуждаются въ одеждѣ и въ металлическихъ издѣліяхъ. Министръ Продовольствія дѣлаетъ героическія усилія, чтобы найти нужные для обмѣна предметы, но сейчасъ мануфактуру достать въ Россіи нельзя нигдѣ. Ограниченія въ тоннажѣ препятствуютъ ея ввозу. Если даже удается собрать нѣкоторое количество товара, то распредѣленіе его при царящемъ безпорядкѣ является дѣломъ не легкимъ. 600 вагоновъ тканей было недавно отправлено для обмѣна на Кавказъ. 400 изъ нихъ было «арестовано» въ Таганрогѣ и мѣстные комитеты потребовали распредѣленія содержимаго на мѣстѣ.

---

27) **Despatch D. 3; British Ambassy, Petrograd. Brigadier General A. Knox;** подлинникъ хранится въ архивѣ Британскаго Военнаго Министерства.

Производство сахара будетъ чрезвычайно сокращено, такъ какъ крестьяне силой захватили часть свекловичныхъ хозяйствъ.

Крестьяне дѣлаютъ все возможное, чтобы задержать у себя зерно въ надеждѣ, что цѣны, которыя сейчасъ низки, подымутся. Вдоль желѣзныхъ дорогъ нѣтъ правительственныхъ складовъ и продукты должны отправляться немедленно послѣ ихъ подвоза. Самая же доставка до желѣзныхъ дорогъ представляетъ изъ себя цѣлую проблему. Въ реквизиціи лошадей переусердствовали. Моторизированнаго транспорта нѣтъ. Практически въ наиболѣе хлѣбныхъ раіонахъ желѣзныхъ дорогъ мало, а простыя дороги часто непроходимы весной и осенью. Какъ разъ теперь всѣ перевозочныя средства, находящіяся въ распоряженіи крестьянъ, заняты жатвенной работой и никакое зерно къ желѣзнымъ дорогамъ не подвозится. Лошадиный транспортъ такъ ограниченъ, что зерно не можетъ доставляться съ большихъ разстояній. Отсюда вытекаетъ, что Армія и городское населеніе Россіи должны базироваться лишь на узкой полосѣ земли, примѣрно въ 15 миль по каждую сторону отъ желѣзной дороги.

Хорошій урожай жизненно необходимъ, ибо, хотя въ Россіи зерна всегда достаточно, чтобы прокормить населеніе, мы должны имѣть избытокъ въ полосѣ возможнаго транспорта.

Урожай 1917 года не очень хорошъ. Количество ржи нормально. Пшеница хороша на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Западной Сибири, но, къ сожалѣнію, только посредственна въ Волжскихъ губерніяхъ, откуда ее легко можно перевозить. Овесъ и ячмень — плохи.

Задача, которая лежитъ теперь передъ Министерствомъ Продовольствія, заключается въ перевозкѣ водными путями зерна съ Сѣвернаго Кавказа на верхнюю Волгу до остановки рѣчного транспорта. Тоннажъ Волжскаго флота — 4½ милліона — достаточенъ, но послѣдняя баржа должна покинуть нижнее теченіе рѣки не позже 23-го сентября, такъ что времени осталось мало и эгоистическая лѣнь грузчиковъ, о которой упоминалось уже выше, можетъ сыграть рѣшающую роль. Въ концѣ будущаго мѣсяца можно будетъ судить объ усиліяхъ, потребующихся этой зимой отъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Положеніе теперь, конечно, хуже, чѣмъ оно было въ прошломъ году въ то же время. Главный Интендантъ сообщилъ мнѣ, что онъ всегда старался имѣть на фронтѣ запасы на два мѣсяца. Это удавалось ему до ноября 1916 года. Съ тѣхъ поръ запасы начали постепенно таять, чтобы дойти въ февралѣ лишь до размѣровъ запасовъ на нѣсколько дней.

Помощникъ Министра Продовольствія сообщилъ мнѣ, что теперь на фронтѣ имѣются запасы продовольствія всего лишь на 20-30 дней, въ то время, какъ въ прошломъ году въ это время запасовъ было на 60 дней. Въ Москвѣ и Петроградѣ запасовъ на 20 дней противъ 45 дней въ августѣ прошлаго года. Эти данныя отличаются отъ тѣхъ, что были офиціально сообщены Министромъ Продовольствія на ту же дату.

Министерство Путей Сообщенія указываетъ, что имъ всегда отдается предпочтеніе снабженію арміи и все, что получается отъ Министерства Продовольствія, немедленно отправляется по назначенію.

Для облегченія снабженія арміи, Россія раздѣлена на «Восточную» и «Западную» области. Граница между ними проходитъ по линіи Петроградъ-Одесса. Передаточными станціями являются: Петроградъ, Бологое, Ржевъ, Смоленскъ, Брянскъ, Гомель, Кіевъ, Знаменка, Николаевъ и Одесса.

Каждые нѣсколько мѣсяцевъ совѣщаніе въ Ставкѣ опредѣляетъ число вагоновъ каждаго рода снабженія, которое требуется отъ восточной области для каждаго изъ фронтовъ. Южные фронты, конечно, въ этомъ отношеніи болѣе независимы, чѣмъ остальные. Ежедневная потребность только въ вагонахъ съѣстныхъ припасовъ на іюль была опредѣлена въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Сѣверный фронтъ	561
Западный фронтъ	589
Юго-Западный фронтъ	355
Румынскій фронтъ	102

Задача становится гораздо труднѣй зимой, когда въ среднемъ требуется около 800 вагоновъ въ день для доставки сѣна и 400 вагоновъ для овса и ячменя. Въ февралѣ п о т р е б н о е количество вагоновъ равнялось:

Сѣверный фронтъ	660
Западный фронтъ	893
Юго-Западный и Румынскій фронты	687

Ставка потребовала въ мартѣ отъ Восточной области 51.612 вагоновъ, но изъ-за недоставки продуктовъ къ головнымъ станціямъ, только 32.448 вагоновъ было погружено — недохватъ въ 37,1%.

Въ апрѣлѣ положеніе ухудшилось. Изъ 45.900 потребныхъ вагоновъ, только 12.821 было погружено — недохватъ въ 72%.

Въ первой половинѣ мая и въ іюнѣ недохватъ равнялся 21%».

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, послѣ неудачи «выступленія генерала Корнилова», развалъ арміи и страны пошелъ быстрымъ темпомъ.

Для арміи приближалась продовольственная катастрофа.

Въ началѣ октября 1917 года авторъ этой книги, готовясь къ поѣздкѣ на Междусоюзную Конференцію, имѣлъ въ Ставкѣ подробную бесѣду съ Главнымъ Полевымъ Интендантомъ. Этотъ послѣдній далъ слѣдующія цифровыя данныя о степени обезпеченія Русской Арміи продовольствіемъ.

ТАБЛИЦА.

Наличіе на фронтахъ главныхъ видовъ продовольствія по состоянію на 10/23 октября 1917 года.

	Обезпеченность въ дняхъ.							
	Мука.	Крупа.	Сухари.	Жиры.	Мясо и рыба.	Живой скотъ.	Консервы.	Овесъ.
Сѣверный фронтъ ...	15	37	6	62	3½	10	12	1¾
Западный	10½	12	10	50	6	12	15½	5
Юго-Западный	9	4	2½	2	1/5	4½	7	2/3
Румынскій	8½	5	2½	5	1	2	6	4
Кавказскій	25½	66	34	61	4	3½	25	9

Къ даннымъ этой таблицы Главный Полевой Интендантъ добавилъ, что на дальнѣйшее регулярное пополненіе указанныхъ запасовъ, многіе изъ которыхъ приближаются къ исчерпанію, онъ расчитывать не можетъ.

На вопросъ автора, что же будетъ дальше, Главный Полевой Интендантъ развелъ руками и сказалъ: «Голодные бунты».

Черезъ 10 дней послѣ этого разговора авторъ участвовалъ въ засѣданіи министровъ Временнаго Правительства. На этомъ засѣданіи Министръ Продовольствія г-нъ Прокоповичъ категорически заявилъ, что снабжать породовольствіемъ онъ можетъ только 6.000.000 человѣкъ, между тѣмъ, какъ на довольствіи находилось въ это время 12.000.000 человѣкъ. Присутствующій на этомъ засѣданіи Министръ Путей Сообщенія столь же категорично заявилъ, что если съ интендантскаго пайка будутъ сняты 1.200.000 желѣзнодорожныхъ служащихъ и ихъ семействъ, то желѣзнодорожный транспортъ сейчасъ же остановится. Такимъ образомъ требовалось немедленное сокращеніе арміи, достигавшей въ это время вмѣстѣ съ запасными войсками во внутреннихъ округахъ десяти слишкомъ милліоновъ, — болѣе чѣмъ на 5 милліоновъ человѣкъ.

Подобное требованіе по существу дѣла являлось демобилизаціей. Исполнить это требованіе не пришлось, такъ какъ черезъ нѣсколько дней произошелъ большевицкій переворотъ.

Вещевое довольствіе.

Въ области удовлетворенія потребностей арміи вещевыми довольствіями мы увидимъ ту же картину, какъ и въ области снабженія продовольствіемъ.

«Съ самаго начала войны Главный Интендантъ, предвидѣлъ», пи-

шетъ генералъ Лукомскій,[28] «что требованія арміи превзойдутъ всѣ нормы, опредѣленныя въ мирное время, и принялъ мѣры для заготовки крупныхъ запасовъ интендантскаго довольствія, дабы имѣть возможность удовлетворить требованія, которыя могутъ поступить съ фронта. Но и онъ ошибся въ размѣрѣ этихъ требованій и интендантству также пришлось обратиться съ заказами заграницу на различные предметы снабженія. Въ томъ числѣ пришлось уже въ 1915 году сдѣлать очень крупные заказы на обувь — преимущественно въ Англіи и въ Америкѣ. Эти заказы обошлись казнѣ очень дорого; были случаи крайне недобросовѣстнаго ихъ выполненія и они заняли очень значительный процентъ тоннажа судовъ, столь драгоцѣннаго для подвоза боевыхъ припасовъ».

«Невозможность удовлетворить потребности арміи средствами отечественной промышленности опредѣлилась какъ-то неожиданно для всѣхъ, не исключая и интендантскаго вѣдомства. Оказался недостатокъ кожъ, недостатокъ дубильныхъ веществъ для ихъ выдѣлки, недостатокъ мастерскихъ, недостатокъ рабочихъ рукъ (сапожниковъ). Но все это произошло отъ отсутствія правильной организаціи».

«На рынкѣ кожъ не хватало, а на фронтѣ сгнивали сотни тысячъ кожъ, снимавшихся со скота, употреблявшагося въ пищу для арміи...». «Заводы для приготовленія дубильныхъ веществъ, если бы объ этомъ подумали своевременно, не трудно было устроить; во всякомъ случаѣ не трудно было своевременно получить изъ-за границы и готовыя дубильныя вещества».

«Рабочихъ рукъ было также достаточно, но опять-таки о правильной организаціи и развитіи мастерскихъ и кустарныхъ артелей своевременно не подумали. На этой почвѣ въ нѣкоторыхъ раіонахъ Государства произошли даже серьезныя неудовольствія среди населенія, вылившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ безпорядки. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ мѣстные уѣздные полицейскіе чины, получивъ распоряженіе губернаторовъ о привлеченіи къ работѣ въ земскихъ и интендантскихъ мастерскихъ сапожниковъ изъ раіоновъ, незанятыхъ работой на армію, рѣшили вопросъ просто, — приказали всѣхъ сапожниковъ, находившихся въ селеніяхъ и другихъ населенныхъ пунктахъ уѣздовъ, собрать и, какъ арестованныхъ, подъ конвоемъ чиновъ полиціи, доставить въ уѣздные города».

Только что приведенная выдержка чрезвычайно показательна, ибо принадлежитъ перу ближайшаго сотрудника генерала Сухомлинова, сотрудника, высоко цѣнящаго дѣятельность своего начальника[29]. Поэто-

---

28) Записка ген. Лукомскаго. Стр. 36. Сборникъ Финансоваго Агентства С. Ш. А.

29) Доказательствомъ этой высокой оцѣнки служитъ слѣдующая выдержка изъ воспоминаній Сухомлинова:

«Во главѣ канцеляріи военнаго министерства стоялъ тогда» (въ день увольненія ген. Сухомлинова отъ должности Военнаго Министра) «мой бывшій со-

му обвинять генерала Лукомскаго въ чразвычайной строгости критики не приходится.

А между тѣмъ вышеприведенная выдержка рисуетъ картину полной несостоятельности Военнаго Министерства въ дѣлѣ снабженія. Оно «предвидитъ», но не учитываетъ размѣровъ; оно дѣлаетъ заказы обуви заграницей, занимаетъ «драгоцѣнный тоннажъ» и не развиваетъ производства въ странѣ, вслѣдствіе «отсутствія правильной организаціи» и т. д.

Особенно характерна фраза: «невозможность удовлетворить потребность арміи средствами отечественной промышленности опредѣлилась какъ-то сразу...».

Но къ этой несостоятельности Военнаго Министерства присоединилась еще общая неподготовленность государства къ веденію современной большой войны, требующей участія въ борьбѣ не только арміи, но и всѣхъ силъ народа. И какъ это ни покажется страннымъ съ перваго взгляда, даже въ вопросѣ о снабженіи арміи сапогами примѣшивалась политика. Это явленіе настолько характерно для обрисовки громадныхъ внутреннихъ треній, существовавшихъ въ работѣ нашего глубокаго тыла, что мы считаемъ себя вынужденными остановить вниманіе читателей на положеніи «сапожнаго» вопроса въ изложеніи Предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко.

Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ про свое посѣщеніе Ставки въ концѣ 1914 года, гдѣ онъ имѣлъ бесѣду съ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Великій Князь Николай Николаевичъ «говорилъ о Сухомлиновѣ, которому онъ не довѣряетъ и который старается вліять на рѣшенія Государя. Великій Князь сказалъ, что его вынуждаетъ къ временной остановкѣ военныхъ дѣйствій отсутствіе снарядовъ, а также недостатокъ сапогъ въ арміи».[30]

«Вотъ, Вы имѣете вліяніе», замѣтилъ Великій Князь, — «Вамъ

служивецъ по Кіевскому округу генералъ Лукомскій. Ему ли было не знать досконально мою дѣятельность по возстановленію боеспособности русскихъ вооруженныхъ силъ. И то письмо, которое я отъ него получилъ, послѣ того, какъ стало извѣстно мое увольненіе, было настоящимъ цѣлительнымъ бальзамомъ для той смертельной раны, которую я получилъ отъ мстящей закулисной руки Великаго Князя Николая Николаевича. Письмо Лукомскаго вылилось у него тогда безъ какого-либо посторонняго вліянія въ ту или другую сторону. Писалъ его хорошо меня знавшій и въ дѣятельности моей по Военному Министерству, быть можетъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой въ этомъ компетентный, кромѣ того, въ данную минуту тогда уже не мой подчиненный... Полнѣйшая неожиданность моего увольненія вызвала тогда его возмущеніе, сознаніе громаднѣйшаго вреда для дѣла и честное и нелицепріятное изложеніе этого на бумагѣ». — Стр. 329.

30) Архивъ Русской Революціи, т. XVIII, стр. 86-88.

довѣряютъ. Устройте мнѣ какъ можно скорѣе поставку сапогъ для арміи».

«Я отвѣтилъ, что это можно устроить, если привлечь къ работѣ общественныя организаціи и Земства. Матеріала въ Россіи много, рабочихъ рукъ также, но въ одной губерніи кожи, а въ другой дратва, подметки, гвозди, а еще въ какой-нибудь — дешевыя рабочія руки, кустари сапожники. Лучше всего было бы созвать съѣздъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и съ ихъ помощью наладить дѣло. Великій Князь отнесся къ этому очень сочувственно».

«Вернувшись въ Петроградъ, я былъ въ организаціонномъ Комитетѣ Думы и разспрашивалъ членовъ Думы, какъ по ихъ мнѣнію лучше наладить доставку сапогъ. Обсудивъ, рѣшили циркулярно запросить предсѣдателей управъ и городскихъ головъ. Это было скоро сдѣлано и сразу посыпались благопріятные отвѣты. Такъ какъ возможно было ожидать противодѣйствія со стороны Правительства къ созыву такого съѣзда, то я рѣшилъ объѣхать и поговорить съ нѣкоторыми министрами въ отдѣльности. Кривошеинъ, Сухомлиновъ и Горемыкинъ отнеслись къ идеѣ съѣзда весьма сочувственно и обѣщали поддержать мое предложеніе въ Совѣтѣ Министровъ. Свиданіе же съ министромъ (внутреннихъ дѣлъ) Маклаковымъ вышло весьма оригинальнымъ. На мое заявленіе, что Главнокомандующій поручилъ мнѣ спѣшно заняться поставкой сапогъ для арміи при посредствѣ земствъ и созвать для этого въ Петроградѣ предсѣдателей Городскихъ и Земскихъ управъ, Маклаковъ сказалъ: «Да, да, то, что вы говорите, вполнѣ совпадаетъ съ имѣющимися агентурными свѣдѣніями».

«Съ какими свѣдѣніями?».

«По моимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ подъ видомъ съѣзда для нуждъ арміи будутъ обсуждать политическое положеніе въ странѣ и требовать конституцію...».

«Это заявленіе министра было до того неожиданно и нелѣпо, что я даже привскочилъ въ креслѣ и рѣзко ему отвѣтилъ:

«Вы съ ума сошли... Какое право Вы имѣете такъ оскорблять меня. Чтобы я, Предсѣдатель Государственной Думы, прикрываясь въ такое время нуждами войны, сталъ созывать съѣздъ для поддержки какихъ-то революціонныхъ проявленій! Кромѣ того, Вы вообще ошибаетесь, потому что конституція у насъ есть....».

«Вы, Михаилъ Владиміровичъ, пожалуйста, не принимайте это за личную обиду, во всякомъ случаѣ безъ Совѣта Министровъ я не могу дать разрѣшеніе на такой съѣздъ и внесу этотъ вопросъ на ближайшее засѣданіе».

«Я сообщилъ Маклакову, что нѣкоторые изъ министровъ обѣщали поддержать мое ходатайство и ушелъ отъ него, возмущенный и разстроенный».

«О съѣздѣ были уже разговоры съ членами Думы и неоффиціально многіе изъ предсѣдателей Управъ были уже извѣщены о желаніи Главнокомандующаго привлечь Земства къ работѣ на армію. Многіе тотчасъ же откликнулись. Прислали нужныя свѣдѣнія, а нѣкоторые, не

дожидаясь приглашенія, сами пріѣхали въ Петроградъ. Затѣмъ стали поступать отвѣты изъ Земствъ, что заказы уже даны кустарямъ и мастерскимъ, скупаются кожи и что работа идетъ во всю. Одно изъ Земствъ, ввиду недостатка дубильныхъ веществъ, послало своего человѣка въ Аргентину. Даже нѣкоторые изъ губернаторовъ и тѣ откликнулись и писали, что вполнѣ сочувствуютъ привлеченію Земствъ къ военнымъ поставкамъ. Министръ Маклаковъ и тутъ постарался мѣшать, какъ онъ могъ. Онъ распорядился, чтобы заказы шли черезъ губернаторовъ, что возмутило общественные круги и затормозило дѣло. Въ то же время Маклаковъ издалъ знаменитый приказъ, въ которомъ запрещалось вывозить продукты изъ одной губерніи въ другую. Это уже совершенно стѣсняло и нарушало планъ использованія продуктовъ и возможностей различныхъ губерній. Черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо Маклакова, въ которомъ Предсѣдатель Думы извѣщался, что его предложеніе о созывѣ съѣзда Совѣтомъ Министровъ отклонено и что дѣло поставки сапогъ передано Главному Интенданту Шуваеву, который и долженъ входить въ сношеніе съ земствами и городами. На другой же день является Шуваевъ и откровенно заявляетъ, что онъ не можетъ этимъ заняться, что никогда съ Земствами дѣла не велъ и что по его мнѣнію Земства не отнесутся съ достаточнымъ довѣріемъ къ Интендантству и не станутъ съ нимъ непосредственно работать. Шуваевъ просилъ какъ-нибудь помочь ему. Я откровенно ему отвѣтилъ, что разъ Совѣтъ Министровъ нашелъ, что мнѣ нельзя поручить этого дѣла, мнѣ остается вовсе отъ него отказаться».

«Вскорѣ послѣ того у меня былъ Горемыкинъ[31] для обсужденія вопроса о созывѣ Думы. Я напомнилъ ему въ разговорѣ о его обѣщаніи поддержать предложеніе о Земскомъ съѣздѣ».

«Какой съѣздъ?», удивился Горемыкинъ, «ничего такого мы вовсе не обсуждали въ Совѣтѣ...».

«Я показалъ Горемыкину письмо Маклакова. Онъ прочелъ съ большимъ изумленіемъ и опять повторилъ, что вопросъ въ Совѣтѣ Министровъ вовсе не обсуждался, а про Маклакова онъ замѣтилъ:

« — **Il a menti comme toujours...**»

Всѣ эти тренія привели къ тому, что въ 1915 году въ арміи началъ ощущаться «сапожный» кризисъ.

Изъ личнаго опыта могу засвидѣтельствовать о той трагедіи, которую испытала пѣхота VII арміи въ декабрѣ 1915 г. Эта армія, начальникомъ штаба которой я былъ назначенъ въ октябрѣ 1915 г., предназначалась для десантной операціи противъ Болгаріи, съ цѣлью помочь Сербіи. Ввиду крайне подозрительнаго поведенія въ этомъ отношеніи Румыніи, эта десантная операція не могла состояться, и VII армія была перевезена въ концѣ ноября въ Галицію въ составъ Юго-Западнаго фронта.

---

31) Предсѣдатель Совѣта Министровъ (примѣчаніе Н. Г.).

Высадившись съ желѣзной дороги, части этой арміи должны были пройти 4-5 переходовъ, чтобы занять назначенныя на фронтѣ мѣста. Это походное движеніе совпало съ осенней распутицей и пѣхота потеряла свои сапоги. Тутъ начались наши страданія. Несмотря на самыя отчаянныя просьбы о высылкѣ сапогъ, мы получали ихъ столь ничтожными порціями, что пѣхота арміи ходила босая. Такое катастрофическое положеніе длилось почти два мѣсяца.

Съ началомъ 1916 года положеніе улучшилось и потребности армій въ обуви стали удовлетворяться; за весь 1916 годъ въ арміи и ихъ тыловые склады было выслано до 29 милліоновъ паръ обуви, большая часть которой была изготовлена въ Россіи.[32]

Мы не будемъ останавливаться на изложеніи вопроса объ удовлетвореніи потребностей арміи въ остальныхъ предметахъ вещевого снабженія, а также обознаго и прочаго[33] имущества. Такого остраго кризиса, какъ въ снабженіи обувью, въ прочихъ видахъ снабженія не приходилось переживать. Но общая картина остается та-же. Въ кампанію 1914 года и въ первую половину 1915 г. происходила растрата всѣхъ запасовъ и безсистемныя попытки возстановленія ихъ. Военное Министерство никакъ не можетъ уяснить себѣ размѣры потребностей, а также — что и какъ можно получить изъ страны. Для Сухомлинова и его сотрудниковъ все возникаетъ «какъ-то сразу» — «неожиданно для всѣхъ». Поэтому говорить о какомъ-либо предвидѣніи не приходится. Въ 1916 году во всѣхъ областяхъ снабженія положеніе улучшается. Активное выступленіе общественныхъ силъ страны сказывается вездѣ, но все-таки настоящей организаціи, которая позволила бы получить максимумъ снабженія при наименьшемъ напряженіи страны, нѣтъ нигдѣ. Начавшійся же съ революціей развалъ тыла отражается во всѣхъ отрасляхъ снабженія арміи.

---

32) Записка генерала Богатко; Сборникъ Финансоваго Агентства С. Ш. А. Стр. 82.

33) Въ области санитарной помощи первыя же сраженія показали, что расчеты мирнаго времени совершенно превзойдены дѣйствительностью. Въ первые мѣсяцы приходилось наблюдать скопленіе раненыхъ, остающихся въ теченіе нѣсколькихъ дней безъ дѣйствительной помощи. Автору лично пришлось въ декабрѣ 1914 г. быть свидѣтелемъ очень тяжелаго случая, когда командующій IX арміей ген. Лечицкій зашелъ въ мѣстечкѣ Островецъ въ брошенное зданіе кинематографа и нашелъ тамъ нѣсколько сотенъ тяжело-раненыхъ, оставленныхъ ушедшими впередъ войсками. При этихъ умирающихъ было всего двѣ сестры милосердія, совершенно обезсиленныхъ безсмѣнной работой въ теченіе трехъ сутокъ... Естественно, что въ области санитарной помощи и проявилось прежде всего содѣйствіе общественныхъ силъ. Союзы Земствъ и Городовъ возникли на этой почвѣ. Ими были сформированы многочисленные лазареты и цѣлый рядъ обслуживающихъ армію санитарныхъ и медицинскихъ отрядовъ. Только благодаря этому содѣйствію нашему Военно-Санитарному вѣдомству и Красному Кресту удалось къ концу 1914 года справиться съ выпавшей на ихъ долю задачей.

Отношеніе солдатской массы къ казенному имуществу

Очерченная нами картина удовлетворенія потребностей арміи въ интендантскомъ снабженіи будетъ неполной, если мы не укажемъ здѣсь на одну отрицательную черту, свойственную солдатской массѣ военныхъ призывовъ.

Низкій культурный уровень нашихъ народныхъ массъ не содѣйствовавлъ развитію въ нихъ надлежащаго отношенія къ «казенному имуществу». Народная пословица даже зарегистрировала это пониманіе въ словахъ: «казенное — въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ». Въ предыдущей главѣ намъ приходилось уже говорить объ этомъ. Но тамъ мы указывали, что ссылкой на подобное отношеніе наши военные руководители снабженія старались прикрыть свой собственный грѣхъ — отсутствіе предвидѣнія и неумѣлость въ организаціи. Въ дѣлѣ боевого снабженія упоминаемая здѣсь черта нашей солдатской массы не могла сказаться въ той мѣрѣ, какъ это рисуютъ «снабжатели». Предметы боевого снабженія находились подъ очень сильнымъ контролемъ офицерскаго состава. Иначе обстояло дѣло въ области снабженія предметами не-боевого характера, въ особенности въ вещевомъ довольствіи. Здѣсь контроль былъ слабѣе, да кромѣ того въ толщѣ призванныхъ во время войны прочно укоренился взглядъ, что выданное имъ на руки вещевое довольствіе съ перваго же дня является ихъ полной собственностью, что казна достаточно богата, чтобъ почаще возобновлять эту «собственность». Нужно отмѣтить здѣсь, что въ солдатскомъ составѣ, прошедшемъ въ мирное время полный срокъ дѣйствительной службы, воинское воспитаніе въ значительной мѣрѣ искоренило это пагубное отношеніе къ казенному имуществу. Но когда на укомплектованіе начали прибывать маршевыя роты, составленныя изъ призывныхъ, наскоро и кое-какъ обученныхъ, дѣло сильно измѣнилось въ худшую сторону.

Еще большее ухудшеніе стало замѣчаться тогда, когда подъемъ народнаго духа начала войны прошелъ, когда пошла полоса тяжелыхъ неудачъ лѣтней кампаніи 1915 года, — небрежное отношеніе къ выданному на руки вещевому имуществу явилось своего рода саботированіемъ войны.

Правда, слѣдуетъ опять отмѣтить, что чины маршевыхъ ротъ послѣ влитія въ ряды войсковыхъ частей быстро излѣчивались отъ этого недуга; подъ вліяніемъ кадровъ они «воспитывались» и поэтому на самомъ фронтѣ отношеніе солдатскаго состава къ казенному имуществу оставалось довольно близкимъ къ старому уровню. Но въ тылу распоряженіе казеннымъ имуществомъ пріобрѣтало все болѣе и болѣе характеръ безобразія.

Я приведу одинъ примѣръ изъ пережитаго мною за время пребыванія въ должности начальника Штаба VII арміи.

Въ декабрѣ 1915 года, какъ мнѣ уже приходилось упоминать, моя армія переживала «сапожный» кризисъ. Послѣ долгихъ и упорныхъ

просьбъ, обращенныхъ къ органамъ фронтового снабженія, послѣ постройки «собственными» силами «своего» кожевеннаго завода въ тылу арміи, производящаго болѣе чѣмъ нѣсколько тысячъ кожъ въ мѣсяцъ, мы начали выбираться изъ кризиса. Но при этомъ обнаружилось слѣдующее явленіе: войсковыя части продолжали требовать и требовать обувь, а между тѣмъ по имѣющимся у насъ расчетамъ ихъ потребности должны были быть уже удовлетворены. Я лично объѣхалъ для повѣрки корпуса, нѣкоторыя дивизіи и полки. Оказалось, что всѣ прибывающія маршевыя роты, а ихъ въ этотъ періодъ прибывало много, почти поголовно прибывали со старой, никуда негодной обувью. Между тѣмъ, согласно установленному порядку, всѣ чины маршевыхъ ротъ, высылаемыхъ запасными батальонами, снабжались совершенно новыми сапогами.

Въ ближайшіе же дни выяснилось, что чины маршевыхъ ротъ, проходя черезъ деревни, продавали новые сапоги, обмѣнивая ихъ на никуда негодные, причемъ производилось это почти повально. Всѣ опрошенные послѣ поимки совершенно искренно отвѣчали, что они думали, что когда придутъ въ окопы имъ должны дать новые сапоги. Одновременно съ этимъ открылось, что торговля казеннымъ вещевымъ довольствіемъ приняла настолько массовый характеръ, что произведенный мѣстной полиціей обыскъ въ селахъ, лежащихъ по пути прохожденія маршевыхъ ротъ, обнаружилъ даже небольшія мастерскія, въ которыхъ перешивали солдатскія полотнища палатокъ въ юбки для деревенскихъ бабъ.

Бороться съ этимъ зломъ было очень трудно. Съ маршевыми ротами шли малоопытные прапорщики; полицейскихъ силъ въ деревнѣ было мало. Для того, чтобы наладить порядокъ пришлось усилить кадръ армейскихъ запасныхъ батальоновъ за счетъ опытнаго офицерскаго состава частей, послѣдній же въ это время цѣнился на самомъ фронтѣ въ полномъ смыслѣ на вѣсъ золота; пришлось создать сильную военную полицію въ тылу — опять-таки за счетъ частей, боровшихся на фронтѣ.

Не лишено интереса упомянуть здѣсь о распоряженіи генерала Брусилова, который былъ въ это время Главнокомандующимъ арміями Юго-Западнаго фронта. Этотъ генералъ, поражавшій своимъ циничнымъ отношеніемъ къ офицерской и солдатской крови, задумалъ рѣшить вопросъ чрезвычайно просто: онъ приказалъ пороть 50 ударами розогъ всѣхъ чиновъ маршевыхъ ротъ, которые прибудутъ въ части съ недостачей въ выданномъ имъ вещевомъ довольствіи. Въ этомъ приказѣ генералъ Брусиловъ утверждалъ, что онъ примѣнялъ эту мѣру во время командованія имъ VIII арміи и будто бы она привела къ отличнымъ результатамъ. Это утвержденіе навряд ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности: тылъ VIII арміи во время командованія этой арміей ген. Брусиловымъ считался на Юго-Западномъ фронтѣ самымъ безпорядочнымъ.

Съ началомъ революціи небрежное отношеніе къ казенному иму-

ществу сразу же быстро возросло и вскорѣ превратилось въ какую-то безудержную вакханалію.

Въ общемъ, отношеніе низовъ арміи къ казенному имуществу представляетъ собою какъ бы волнообразную «кривую», которая все время шла книзу. Но во всѣ періоды войны, несмотря на колебанія этой «кривой», можно было замѣтить слѣдующее неизмѣнное явленіе: небрежность и мотовство происходили преимущественно въ маршевыхъ командахъ и тыловыхъ частяхъ; по мѣрѣ приближенія къ боевой линіи порядокъ и бережливость возрастали; такимъ образомъ, ввиду того, что вещевое снабженіе растрачивалось, главнымъ образомъ, въ тылу, войска, дравшіяся на фронтѣ, часто страдали отъ недостатка въ немъ.

Упоминаемая выше отрицательная черта Русской солдатской массы военнаго времени привела къ тому, что требуемыя отъ страны количества различнаго вида матеріальнаго, въ особенности же вещевого снабженія превосходили нормальную потребность. Это вызывало въ свою очередь излишнее непродуктивное напряженіе страны.

Общее количество израсходованныхъ за всю войну предметовъ вещевого снабженія можно выяснить лишь очень приблизительно. Въ книгѣ «Россія въ міровой войнѣ 1914-1918 г. г. (въ цифрахъ)», изданной Центральнымъ Статистическимъ Управленіемъ,[34] это количество исчисляется такъ:

ТАБЛИЦА.

Предположительное количество израсходованнаго въ войну 1914-1917 г. г. имущества.

Сукна	429.000.000	аршинъ.
Сапогъ	65.000.000	паръ.
Валенокъ	15.000.000	паръ.
Подошвенной кожи	460.000	пудовъ.
Полушубковъ	12.000.000	штукъ.
Фуфаекъ и тѣлогрѣекъ	21.000.000	штукъ.
Теплыхъ кальсонъ и ватныхъ брюкъ	30.000.000	штукъ.
Суконныхъ портянокъ и шерст. чулокъ	50.000.000	паръ.
Теплаго бѣлья	51.000.000	штукъ.
Сѣделъ	782.000	штукъ.
Подковъ	217.000.000	штукъ.

Мы склонны думать, что въ дѣйствительности эти цифры были еще больше.

---

34) Стр. 61.

Заключеніе помощника Главнаго Интенданта генерала Богатко.

Въ заключеніе этой главы мы приведемъ тѣ окончательные выводы, которые дѣлаетъ въ своей запискѣ помощникъ Главнаго Интенданта — генералъ Богатко:[35]

«Хотя средства Россіи были весьма велики и разнообразны, но и они требовали бережливаго расходованія. Война застала ее неподготовленной къ развитію и приспособленію промышленности для снабженія Арміи. Самыя эти потребности, ихъ размѣръ, характеръ, продолжительность — никто себѣ ясно не представлялъ. Не было авторитетнаго, твердаго распорядителя-хозяина, вслѣдствіе чего не было принято съ первыхъ же дней войны полнаго, цѣлесообразнаго и бережнаго расходованія этихъ средствъ. Общаго плана для развитія промышленности и использованія ея средствъ не было до конца войны. Не было стремленія экономить и беречь средства.. Послѣдствіемъ отсутствія правильнаго хозяйства было: 1) неполное использованіе того, что могла дать страна; 2) чрезмѣрное перекачиваніе средствъ въ армію; 3) возрастаніе цѣнъ; 4) лишеніе населенія необходимыхъ для него въ повседневной жизни предметовъ питанія и домашняго обихода, а также и предметовъ для изготовленія самаго снабженія (напримѣръ — металловъ для земледѣльческихъ орудій и т. д.); 5) загроможденіе путей сообщенія и излишнее занятіе подвижного состава. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, нельзя было перебросить находившіеся въ изобиліи въ Сибири запасы мяса, зерна и т. д.».

«Вслѣдствіе нарушенія правильнаго транспорта, нельзя было подать топливо, сырье, вывезти заготовленные предметы снабженія и т. д.. Все это вызывало недостатокъ предметовъ первой необходимости въ странѣ и дороговизну и вообще разстраивало и нарушало правильный ходъ экономической жизни страны. Послѣдствіемъ этого было недовольство войной, существовавшимъ порядкомъ, Правительствомъ и въ значительной степени подготовило населеніе къ воспріятію революціи, тѣмъ болѣе, что настойчиваго, здороваго разъясненія всего происходившаго не было, тогда какъ антигосударственные элементы вели агитацію весьма настойчиво и послѣдовательно».

«Богатые источники средствъ Россіи не были исчерпаны до конца войны, но использовать ихъ мы не умѣли».

---

35) Сборникъ Финансоваго Агентства С. А. Ш., стр. 87-88.

ТЕЛЕГРАММА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ГЕНЕРАЛА АЛЕКСѢЕВА ОТЪ 20 МАРТА (3 АПРѢЛЯ) 1917 ГОДА № 2719.

Главкосѣвъ[36]. Копіи: Главкозапъ[37], Поглавкорумъ[38], Командармъ Кавказской.[39]

Временное Правительство, обсудивъ совмѣстно съ Исполнительнымъ Комитетомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ современное положеніе Россіи въ области продовольствія, признало необходимымъ въ видѣ временной мѣры, впредь до сбора и своза на желѣзныя дороги задержанныхъ внутри страны по причинамъ зимнихъ мятелей, а теперь распутицы, запасовъ продовольствія и фуража, ограничить выдачу продуктовъ для всего населенія, какъ гражданскаго, такъ и военнаго, равно всѣмъ войскамъ, расположенныхъ на фронтахъ и въ тылахъ. По даннымъ о количествѣ продовольствія, возможномъ въ теченіе марта и апрѣля къ отправкѣ на фронты, Временное Правительство признало необходимымъ установить суточную дачу хлѣба: два фунта въ войсковомъ раіонѣ и полтора фунта въ тыловомъ раіонѣ, крупы или замѣняющихъ ее припасовъ въ обоихъ раіонахъ двадцать четыре золотника, зернофуража для лошадей при работѣ восемь фунтовъ и при расположеніи на покоѣ шесть фунтовъ, сѣна въ обоихъ случаяхъ пять фунтовъ и соломы только изъ мѣстныхъ средствъ, не требуя дальнихъ перевозокъ, восемь фунтовъ. Зернофуражъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно, подлежитъ замѣнѣ жмыхами по расчету одного фунта жмыховъ за два фунта зернового фуража. Въ виду вполнѣ категорическихъ указаній Временнаго Правительства и во избѣжаніе кризиса въ продовольственномъ отношеніи предлагаю Вамъ съ 28 сего марта установить выдачу суточной дачи натурой въ войсковомъ и тыловомъ раіонахъ: хлѣба пока въ 2 фунта, крупы въ 24 золотника и фуража, какъ выше указано. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу сообщить ваше опредѣленное заключеніе о возможности установленія суточной дачи хлѣба въ тыловомъ раіонѣ полтора фунта. Всякая недовыдача натурой какихъ-либо продуктовъ противъ установленныхъ мною приказомъ моимъ 1916 года, номеръ 446, нормальныхъ дачъ должна или замѣняться всякими подсобными припасами изъ мѣстныхъ средствъ или выдаваться на руки людямъ деньгами по установленной расцѣнкѣ соотвѣтственно указаніямъ приказа Наштаверхъ 1916 года, номеръ 1804, остатки же нормальныхъ фуражныхъ окладовъ соотвѣтственно дачамъ, установлен-

36) Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ.

37) Главнокомандующій Западнымъ фронтомъ.

38) Помощникъ Главнокомандующаго Румынскимъ фронтомъ, генералъ Щербачевъ.

39) Командующій Кавказской арміей.

нымъ приказомъ 1916 года, номеръ 61, должны оставаться въ распоряженіи войсковыхъ частей для пріобрѣтенія ихъ собственнымъ попеченіемъ соломы, гдѣ есть, изъ мѣстныхъ средствъ. Увеличеніе дачи зернофуража и сѣна, хотя бы за счетъ покупки собственнымъ попеченіемъ частей войскъ, по требованію Временнаго Правительства, должно быть категорически воспрещено, въ виду явнаго недостатка фуража во всей странѣ для удовлетворенія всѣхъ потребностей какъ фронта, такъ и тыла, также работающаго на оборону. Приварочные оклады, въ которые входило по приказу 446 — 20 золотниковъ крупы или замѣняющихъ ее продуктовъ должны попрежнему исчисляться со включеніемъ въ нихъ стоимости 20 золотниковъ крупы, риса или другихъ подобныхъ продуктовъ съ тѣмъ, чтобы за неотпускомъ войскамъ соотвѣтствующихъ продуктовъ натурой таковые замѣнялись картофелемъ, овощами и вообще всѣмъ, что возможно пріобрѣсти на мѣстахъ, или выдавались деньгами на руки, какъ указано въ приказѣ 1804. Вмѣстѣ съ тѣмъ Временное Правительство указало, что, несмотря на неоднократныя категорическія запрещенія отдѣльнымъ войсковымъ частямъ производить какія-либо заготовки въ тылу и во внутреннихъ округахъ безъ согласія уполномоченныхъ Минзема[40], таковые случаи въ послѣднее время участились и наносятъ непоправимый вредъ общему дѣлу продовольствія войскъ и населенія, внося полное разстройство какъ въ дѣйтвія уполномоченныхъ по сбору продуктовъ для арміи, такъ и въ дѣйствія желѣзныхъ дорогъ. Въ виду изложеннаго, безусловно необходимо еще разъ категорически воспретить войскамъ всякаго рода такія самостоятельныя заготовки, привлекая виновныхъ къ законной отвѣтственности. Уменьшеніе дачъ не рѣшаетъ, однако, продовольственныхъ затрудненій, какъ въ смыслѣ наличія припасовъ, такъ и особенно въ смыслѣ затрудненій подвоза, поэтому Временное Правительство ставитъ намъ задачею принять самыя энергичныя мѣры по уменьшенію на театрѣ военныхъ дѣйствій числа людскихъ р т о в ъ и л о ш а д е й, наложивъ прежде всего руку на различныя организаціи, рабочія дружины изъ туземцевъ, рабочія дружины вообще, тыловыя учрежденія и заведенія. Отправленіе этихъ людей въ тылъ дастъ рабочую силу для сельскихъ работъ и выведетъ государство изъ кризиса и позволитъ Дѣйствующей арміи пережить страдный періодъ въ продовольственномъ отношеніи до с е р е д и н ы м а я. Особенно настаиваетъ Временное Правительство на отводѣ въ глубокій тылъ части конныхъ дивизій, ибо не расчитываетъ справиться съ предвидимыми уже теперь затрудненіями по подвозу фуража. Прошу срочно составить соображенія, что можно сдѣлать на фронтѣ въ отношеніи уменьшенія числа ртовъ, хотя бы цѣною сокращенія работъ въ тылу и дѣятельности различныхъ организацій. Буду ожидать отвѣта въ виду выяснившагося тяжелаго положенія продовольственнаго вопроса. Затѣмъ правительство подчеркиваетъ крайнюю необходимость использовать земли, оставшіяся въ вой-

40) Министерство Земледѣлія (примѣчаніе Н. Г.).

сковомъ и тыловомъ раіонахъ необработанными и дать заботами арміи широкое развитіе огородамъ, такъ какъ расчитывать на заготовку овощей внутри страны при бѣдности рабочихъ рукъ трудно, и все, что можетъ облегчить работу желѣзныхъ дорогъ, нужно осуществить всѣми мѣрами, ибо дороги эти не могутъ уже теперь справиться съ предъявляемыми имъ арміей требованіями, не говоря почти о полной несостоятельности выполненія оперативныхъ перевозокъ. Для свѣдѣнія сообщаю обращеніе Исполнительнаго Комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ за № 48 отъ 9 марта сего года: «Ко всѣмъ гражданамъ въ тылу и на фронтѣ. Старое правительство, вслѣдствіе полной своей бездарности, не умѣло наладить дѣло заготовки продовольственныхъ продуктовъ и передвиженія грузовъ и оставило странѣ тяжелое наслѣдство въ видѣ почти опустошенныхъ магазиновъ съ очень небольшими запасами провіанта. Поскольку Временное Правительство стремится осуществить на дѣлѣ организацію продовольствія страны, Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ считаетъ необходимымъ поддержать это правительство въ его борьбѣ съ дальнѣйшими затрудненіями въ дѣлѣ снабженія всего населенія продовольствіемъ. Наряду съ сообщенными намъ мѣрами по усиленію заготовки и подвоза самаго продовольствія, Временное Правительство вводитъ ограниченную выдачу продуктовъ по одинаковой нормѣ для всѣхъ классовъ населенія и призываетъ къ временному сокращенію раціона все населеніе страны, равно гражданское, какъ военное, равно войска, стоящія на фронтѣ, какъ и находящіяся въ тылу. Исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, обсудивъ положеніе страны въ области продовольствія, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ гражданъ страны въ тылу и на фронтѣ, что эта мѣра временнаго сокращенія раціоновъ является при настоящемъ положеніи необходимой, и призываетъ къ возможной бережливости. Подписали за предсѣдателя Исполнительнаго Комитета Мат. Скобелевъ, секретарь К. Гвоздевъ».

Алексѣевъ.

20 - III 1917 г. № 2719.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ТРАНСПОРТЪ.

Перевозки по мобилизаціи и сосредоточенію. — Лѣтняя кампанія 1915 года. — Зимняя кампанія 1915-1916 г. г. и лѣтняя кампанія 1916 года. — Зимняя кампанія 1916-1917 г. г. — Отсутствіе «дисциплины» въ использованіи желѣзныхъ дорогъ. — Недостатки въ организаціи и въ руководствѣ желѣзнодорожнымъ транспортомъ. — Революція. — Постройка новыхъ желѣзныхъ путей. — Доставки заграничнаго снабженія.

Перевозки по мобилизаціи и сосредоточенію.

Мы только что разсмотрѣли вопросы снабженія Русской Арміи. Важнѣйшимъ факторомъ для правильности этого снабженія являлся транспортъ.

Въ первой книгѣ мы указали, что наши внутренніе водные пути не могли получить серьезнаго значенія какъ «военныя сообщенія» нашихъ армій. Бѣдность русскаго театра въ шоссейныхъ путяхъ, въ особенности къ востоку отъ линіи Ковно — Барановичи — Ровно, дѣлали невозможнымъ создать изъ автомобильнаго транспорта дѣйствительный подсобникъ желѣзнымъ дорогамъ.[1]

Такимъ образомъ, желѣзныя дороги явились, по существу говоря, почти единственнымъ видомъ транспорта, обслуживающаго всѣ виды пополненія и снабженія Русской Арміи въ войнѣ 1914 - 1917 г. г. [2].

Вотъ почему въ настоящей главѣ, имѣющей цѣлью дать общую

---

1) При изложеніи дѣятельности желѣзныхъ дорогъ авторъ очень широко использовалъ записку бывшаго Начальника Военныхъ Сообщеній Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генерала Ронжина, помѣщенную въ литографированномъ «Сборникѣ записокъ, относящихся къ русскому снабженію въ Великую войну» Финансоваго Агентства С. Ш. А. Стр. 123-155.

2) См. схему желѣзнодорожныхъ путей, приложенную къ первому тому настоящаго труда.

картину обслуживающаго Русскую Армію транспорта, мы ограничимся лишь разсмотрѣніемъ военной службы желѣзныхъ дорогъ.

Русскія желѣзныя дороги блестяще выполнили работу по мобилизаціи Арміи и сосредоточенію ея на театръ военныхъ дѣйствій. Не только тысячи воинскихъ эшелоновъ и командъ своевременно прибыли къ мѣстамъ назначенія, но въ періодъ сосредоточенія по требованію Ставки и Штабовъ фронтовъ, въ связи съ начавшимся наступленіемъ противника, нѣкоторыя части были перевезены значительно далѣе намѣченныхъ пунктовъ, перевозки другихъ были ускорены, что для Сибирскихъ войскъ достигало трехъ-четырехъ сутокъ. Эти перевозки съ отступленіемъ отъ плановъ были выполнены безъ замѣшательства и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказали серьезное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Работа желѣзныхъ дорогъ только по сосредоточенію войскъ выразилась въ перевозкѣ болѣе 3.500 эшелоновъ.

Осенняя кампанія 1914 года и зимняя кампанія 1914 - 1915 г. г.

По окончаніи періода мобилизаціи и стратегическаго развертыванія Арміи, желѣзныя дороги начали свою не менѣе сложную и трудную работу по обслуживанію дерущейся на фронтѣ вооруженной силы.

Эта работа можетъ быть распредѣлена на слѣдующія три главныя категоріи:

1) подвозъ различнаго вида снабженій и укомлектованій,
2) оперативныя перевозки,
3) эвакуація.

Изъ перевозокъ первой категоріи наиболѣе громоздкими были перевозки по снабженію Арміи продовольствіемъ, фуражемъ и предметами вещевого довольствія.

Громоздкость этихъ перевозокъ значительно увеличивалась вслѣдствіе нашей технической отсталости.

Наши войсковые обозы всецѣло базировались на конной тягѣ. Это потребовало перевозку на фронтъ фуража для прокорма сотенъ тысячъ лошадей конныхъ транспортовъ, а также перевозку этихъ конныхъ транспортовъ, при всякомъ перемѣщеніи крупныхъ войсковыхъ соединеній. Каждому армейскому корпусу, кромѣ положенныхъ по штату обозовъ, было придано у насъ не менѣе пяти конныхъ транспортовъ каждый около 200 повозокъ. Для перевозки транспортовъ корпуса требовалось не менѣе 10 поѣздовъ.

Къ той же технической отсталости должно быть отнесено отсутствіе холодильниковъ, которые давали бы возможность снабжать войска замороженнымъ мясомъ. Перевозка скота въ живомъ видѣ вынуждала пользоваться всего 10% подъемной силы вагоновъ.

Послѣдствіемъ этихъ двухъ примѣровъ нашей технической неподготовленности было то, что сотни вагоновъ излишне направлялись на фронтъ.

Снабженіе артиллерійское, инженерное и санитарное вызывали менѣе затрудненій для работы желѣзныхъ дорогъ; во-первыхъ, потому, что сравнительная бѣдность ими Россіи не вызывала тѣхъ массовыхъ перевозокъ артиллерійскаго снабженія, которыя имѣли мѣсто у нашихъ союзниковъ и нашихъ враговъ; во-вторыхъ, «компактность» этихъ грузовъ и установленное уже у насъ ихъ «обезличеніе» облегчали организацію перевозки. Также сравнительно небольшое напряженіе желѣзныхъ дорогъ вызывалъ подвозъ укомплектованій.

Осенью 1914 года, когда количество войскъ было въ соотвѣтствіи съ расчетами мирнаго времени, сильныя магистрали, на которыя выпадала главная работа, легко справлялись съ перевозками по снабженію. Нѣкоторое затрудненіе создалось лишь въ Галиціи; отходящій передъ нашими арміями противникъ разрушалъ желѣзнодорожныя сооруженія и угонялъ свой подвижной составъ. Но и эти затрудненія скоро удалось преодолѣть. Усиленная работа желѣзнодорожныхъ войскъ возстановила разрушенныя сооруженія, а инженеры нашли простой способъ быстраго приспособленія нашего 5-футоваго подвижного состава къ движенію по галиційскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Къ зимней кампаніи 1914 - 1915 г. г. большія наступательныя операціи нашихъ армій затихли; установились опредѣленныя направленія подвоза, и работа желѣзныхъ дорогъ протекала относительно спокойно. Единственныя перевозки, которыя нарушали иногда установившійся графикъ, вызывались экстренной доставкой войскамъ артиллерійскаго снабженія, въ которомъ началъ ощущаться крайній недостатокъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе казалось устойчивѣе, и въ теченіе зимы передовые магазины фронта были пополнены различными видами довольствія.

Оперативныя перевозки начались, по существу говоря, еще во время сосредоточенія. Осенью 1914 года и въ зимнюю кампанію 1914-1915 г. г. эти перевозки были относительно невелики и по размѣрамъ, и по разстоянію. Военныя дѣйствія происходили въ предѣлахъ «Передового театра» и Галиціи. По характеру онѣ носили на себѣ отпечатокъ того крупнаго стратегическаго преимущества, которымъ мы располагали до весны 1915 года — иниціативы дѣйствій. Свободно принимались опредѣленныя военныя рѣшенія, и желѣзнымъ дорогамъ давались посильныя для нихъ задачи. Если и бывали въ то время отдѣльные случаи затрудненій въ узлахъ или на головныхъ участкахъ, то эти мелкія замѣшательства быстро ликвидировались, порядокъ движенія на дорогахъ въ общемъ не нарушался, и всѣ военныя заданія выполнялись безъ промедленія.

Эвакуаціонныя перевозки того же періода войны (т. е. съ начала ея до весны 1915 года) начались вывозомъ при мобилизаціи въ тылъ всего, что признавалось нужнымъ обезпечить отъ захвата противникомъ въ очищаемой нами полосѣ мѣстности. Запаздываніе готовности нашихъ армій вынуждало насъ избрать раіоны ихъ сосредоточенія, нѣсколько отступивъ отъ государственной границы. Поэтому, немедленно по объяв-

леніи войны, въ предѣлахъ этой полосы производилась эвакуація. Вывозу подлежали: государственныя цѣнности, личный составъ и дѣла правительственныхъ учрежденій, имущество, полезное въ военномъ отношеніи, желавшіе выѣхать жители и т. д. Подъ прикрытіемъ нашей конницы эти эвакуаціи прошли вполнѣ успѣшно, не потребовавъ особаго напряженія желѣзныхъ дорогъ.

Гораздо сложнѣе оказался въ начальный періодъ войны вывозъ въ тылъ раненыхъ. Неподготовленность къ тому грандіозному масштабу, который сразу же приняли сраженія, привела къ тому, что въ первые мѣсяцы войны въ эвакуаціи раненыхъ имѣли мѣсто случаи большого безпорядка. Одинъ изъ такихъ случаевъ записанъ въ мемуарахъ Предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко[3]:

«Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Варшаву», пишетъ М. В. Родзянко, «въ ноябрѣ 1914 года пріѣхалъ ко мнѣ Уполномоченный Земскаго Союза Вырубовъ и предложилъ посѣтить Варшаво-Вѣнскій вокзалъ, гдѣ находилось около восемнадцати тысячъ раненыхъ въ бояхъ подъ Лодзью и Бржезанами. На вокзалѣ мы застали потрясающую картину: на перронахъ, въ грязи, слякости и холодѣ, подъ дождемъ, лежало на полу, даже безъ соломы, невѣроятное количество раненыхъ, которые оглашали воздухъ раздирающими душу стонами и жалобно просили: «Ради Бога, прикажите перевязать насъ, мы пятый день не перевязаны». Надобно при этомъ сказать, что послѣ кровопролитныхъ боевъ эти раненые были привезены въ полномъ безпорядкѣ въ товарныхъ вагонахъ и брошены на Варшаво-Вѣнскомъ вокзалѣ безъ помощи...».

Къ началу 1915 года, по мѣрѣ накопленія опыта, эти безобразныя картины прекратились, и эвакуація раненыхъ начала протекать упорядоченно.

Лѣтняя кампанія 1915 года.

Въ лѣтнюю кампанію 1915 года Германія переноситъ центръ тяжести своихъ дѣйствій съ французскаго театра на русскій. Въ маѣ 1915 года нѣмцы, совмѣстно съ австро-венграми, производятъ на р. Дунайцѣ прорывъ нашего фронта въ Галиціи. Подъ давленіемъ значительно превосходящихъ силъ противника наши войска вынуждены были начать отходъ вглубь Россіи, который продолжался четыре мѣсяца. Этотъ грандіозный отходъ начался въ Галиціи и, постепенно распространяясь къ сѣверу, охватилъ весь нашъ фронтъ. Въ началѣ сентября войска остановились на линіи Двинскъ — Лунинецъ — Киверцы — Радзивиловъ — Новоселицы. Въ рукахъ противника осталась, такимъ образомъ, вся Русская Польша, Литва, значительная часть Бѣлоруссіи и почти вся захваченная нами въ началѣ войны часть Галиціи.

Въ періодъ этого отступленія желѣзныя дороги принимали самое

3) Архивъ Русской Революціи, т. XVII, стр. 84 .

живое участіе въ военныхъ операціяхъ. Войска срочно перебрасывались на наиболѣе угрожаемые участки и выгружались иногда на самомъ полѣ боя. Вслѣдствіе потери нами иниціативы дѣйствій, направленія и размѣры оперативныхъ перевозокъ приходилось приноравливать къ не всегда возможнымъ для предвидѣнія дѣйствіямъ противника, и работа желѣзныхъ дорогъ стала пріобрѣтать порывистый, нервный характеръ.

Но исключительно тяжелымъ грузомъ легли на желѣзныя дороги грандіознѣйшія эвакуаціонныя перевозки. Эти перевозки оказались особенно трудными, ибо были непосредственно связаны съ отступленіемъ войскъ, а потому лишены должной планомѣрности, отсутствіе которой пагубно отражается на функціонированіи желѣзныхъ дорогъ.

Началось съ очень нелегкой эвакуаціи Галиціи, дороги которой были не нашей имперской колеи. Перегрузка на пограничныхъ станціяхъ была въ создавшихся условіяхъ практически невыполнима. Пришлось проложить на участкахъ нашихъ приграничныхъ дорогъ новые пути и угнать галиційскій подвижной составъ.

Число уведенныхъ такимъ способомъ единицъ подвижного состава достигало 12.000.

Но особенно тяжело сложилась эвакуація покидаемыхъ нашими войсками областей Польши, Литвы и Бѣлоруссіи. Въ Галиціи мы оставляли недавно занятую нами чужую территорію, и вывозу подлежали преимущественно военные учрежденія и склады. При эвакуаціи имперскихъ областей приходилось вывозить не только громадное количество разнообразнаго военнаго имущества, но эвакуировать и наши густо населенные и промышленные раіоны съ значительнымъ числомъ крупныхъ центровъ. Эвакуація одного такого города, какъ Варшава, съ его лазаретами, фабриками, желѣзнодорожными мастерскими, съ его многочисленными административными учрежденіями, а также многими тысячами жителей, стремившихся во что бы то ни стало выѣхать, была очень серьезной задачей. Но это представляло только небольшую часть того, что подлежало вывозу изъ всего «Передового театра». Эвакуація началась почти одновременно съ отступленіемъ войскъ, и въ тылу быстро поднялась тревога. Импровизированность распоряженій по эвакуаціи со стороны высшихъ военныхъ властей и нарушенное спокойствіе духа у исполнителей дѣлали работу желѣзныхъ дорогъ очень трудной. По мѣрѣ распространенія свѣдѣній объ отступленіи, на станціяхъ, все глубже въ тылу, производилась спѣшная погрузка и отправка казеннаго и частнаго имущества, часто съ нарушеніемъ правильной работы дорогъ. Руководство движеніемъ было до крайности затруднено непрерывно мѣняющейся обстановкой, а иногда и вмѣшательствомъ лицъ командnаго состава. Поѣзда, слѣдовавшіе съ головныхъ участковъ внѣ расчетовъ, подъ вліяніемъ военной необходимости, проталкивали вглубь составы попутныхъ станцій и постепенно какъ бы «спрессовывали» движеніе. Число отправляемыхъ поѣздовъ значительно превышало пропускную способность линій и на станціяхъ начали образо-

ваться пробки. Подходившіе съ фронта поѣзда останавливались въ, пути, образуя иногда неразрывныя линіи вагоновъ въ десятки верстъ длиной. Недостаточное количество меридіональныхъ линій въ предѣлахъ театра войны сказалось очень сильно, не давая возможности отклонять потоки главныхъ направленій и освобождать переобремененныя магистрали.

Особенно тяжело отразилась эта эвакуація на желѣзныхъ дорогахъ къ сѣверу отъ Полѣсья; потребовалось чрезвычайное напряженіе и продолжительное время, чтобы освободить линіи отъ излишняго подвижного состава и наладить правильное движеніе.

Только что описанныя эвакуаціонныя перевозки значительно затрудняли подвозъ снабженія и укомплектованій.

Даже послѣ того, какъ наше отступленіе закончилось, довольно долго работа желѣзныхъ дорогъ была сложной и нервной. Потребовался нѣкоторый промежутокъ времени, пока положеніе войскъ на новыхъ позиціяхъ окрѣпло, пока устроились учрежденія армейскаго тыла и пока линіи желѣзныхъ дорогъ освободились отъ потока эвакуаціонныхъ грузовъ.

Зимняя кампанія 1915 - 1916 г. г. и лѣтняя кампанія 1916 года.

По окончаніи лѣтней кампаніи 1915 года въ рукахъ у противника остались дороги Польскаго, Литовскаго и большей части Бѣлорусскаго краевъ. Особенно чувствительна была потеря нами сѣвернаго участка желѣзнодорожной линіи Вильно — Ровно, представлявшей на театрѣ военныхъ дѣйствій единственную хорошую желѣзнодорожную связь въ меридіональномъ направленіи.[4] Все это рѣзко ухудшило условія работы нашего желѣзнодорожнаго транспорта. А между тѣмъ, начиная съ осени 1915 г., значительно измѣняются тѣ военныя заданія, которыя предъявлялись къ желѣзнодорожному подвозу.

Численность «Дѣйствующей Арміи» сильно возрастаетъ. Какъ мы знаемъ изъ VII-й главы, эта численность колебалась до конца сентября 1915 года между 3 и 4 милліонами. Въ январѣ 1916 года она переваливаетъ 6 милліоновъ, съ тѣмъ, чтобы къ концу 1916 года достигнуть почти 7 милліоновъ. Самое протяженіе фронта сильно возрасло; съ выступленіемъ Румыніи оно почти двойное по сравненію съ 1914 годомъ. Обстановка въ тылу тоже усложнилась. Сѣверная часть базисныхъ магазиновъ не всегда располагала достаточнымъ количествомъ продуктовъ и потому возникла необходимость доставлять недостающее изъ южныхъ магазиновъ. Узловыя станціи, которымъ пришлось теперь перерабатывать сборные поѣзда по снабженію, не были достаточно развиты, такъ какъ къ такой работѣ не готовились.

Съ ростомъ численности нашей арміи особенно рѣзко начали от-

4) См. схему, приложенную къ I-й части этого труда.

зываться на работѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ недочеты въ организаціи нашего интендантскаго снабженія.

Эти недочеты были мало замѣтны въ началѣ войны при избыткѣ продовольственныхъ средствъ и транспортныхъ силъ, но съ теченіемъ времени они начали все сильнѣе и сильнѣе сказываться въ тылу и на фронтѣ. Въ тылу они выражались крайне неравномѣрной нагрузкой базисныхъ магазиновъ Юга и Сѣвера. Южные магазины, обыкновенно хорошо снабженные, отправляли продовольствіе на сѣверъ, что вызывало перевозки какъ бы въ облическомъ направленіи и создавало излишнюю работу желѣзныхъ дорогъ театра военныхъ дѣйствій. Существенной неправильностью организаціи являлось то, что подвозимые въ расходные магазины продукты довольствія были недостаточно «обезличены», т. е. продукты направлялись не только въ опредѣленный расходный магазинъ, но иногда и для опредѣленнаго войскового соединенія. Случалось поэтому, что поѣзда съ интендантскими грузами, прибывъ на станцію расходнаго магазина, вынуждены были производить маневры для разгрузки одного и того же продукта въ разныхъ мѣстахъ магазина, въ зависимости отъ расположенія запасовъ, «принадлежащихъ» опредѣленнымъ войсковымъ частямъ. Эта «принадлежность» шла и дальше, проявляясь при перемѣщеніи частей по фронту, въ видѣ тенденціи войскъ перевозить вмѣстѣ съ собою и ихъ запасы продовольствія и фуража.

Въ результатѣ, даже послѣ того, какъ потрясенія, вызванныя эвакуаціей, были изжиты желѣзнодорожнымъ транспортомъ, послѣдній не можетъ справиться съ выпадающими на него задачами по подвозу снабженій. Затрудненія въ этой области увеличиваются по мѣрѣ того, какъ Россія выходитъ изъ полосы кризиса въ боевыхъ снабженіяхъ, и послѣднія направляются въ Армію во все большихъ и большихъ количествахъ. Изъ личнаго 18-мѣсячнаго опыта въ должности Начальника Штаба VII арміи (съ октября 1915 г. по апрѣль 1917 г.) авторъ можетъ засвидѣтельствовать, что, какъ правило, армія не дополучала въ среднемъ 25% полагающагося ей снабженія. Причины этого недовоза должны быть всецѣло отнесены къ недостаточной провозоспособности нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Для того, чтобы выйти изъ этого хроническаго состоянія недовоза, автору пришлось организовать въ своемъ армейскомъ тылу многочисленные заводы и мастерскія. Дабы дать понятіе о громадности размѣровъ этого «своего» армейскаго производства, мы укажемъ на слѣдующее: къ лѣту 1916 года въ расположеніи арміи работало: кожевенный, два мыловаренныхъ, три дегтярныхъ, четыре лѣсопильныхъ, одинъ чугунно-литейный и механическій заводъ, починочная армейская ружейно-пулеметная, двѣ повозочныхъ, одна для изготовленія проволочныхъ госпитальныхъ шинъ — мастерскихъ; осенью 1916 года, когда въ армію пересталъ поступать керосинъ, пришлось даже собственными армейскими силами пустить нефтяной заводъ въ Надворной (Карпаты). Для работы въ этихъ мастерскихъ и заводахъ пришлось взять изъ войскъ до 2.000 солдатъ изъ мастеровыхъ и использовать до

8.000 плѣнныхъ славянъ. Несомнѣнно, что подобное положеніе дѣлъ было совершенно ненормально. Армейскій тылъ дѣлался очень громоздкимъ и въ случаѣ отступленія всѣ созданные нами заводы и мастерскія должны были попасть въ руки непріятеля. Но другого способа, какъ изготовлять непосредственно въ самой арміи все, что можно было найти на мѣстѣ, дабы избѣгнуть желѣзнодорожной перевозки въ тылъ матеріаловъ и обратной перевозки къ фронту изготовленнаго изъ этихъ матеріаловъ, не было. Только благодаря этому хроническій недовозъ не отражался на самихъ войскахъ.

Усиленіе заданія на перевозку снабженія совпало съ значительнымъ усиленіемъ заданія на оперативныя перевозки. Это приводитъ къ тому, что желѣзныя дороги не выходятъ уже изъ постоянной перенапряженной работы.

Какъ было указано выше, къ началу сентября 1915 г. наши Сѣверо-Западный и Юго-Западный фронты стабилизировались на линіи Двинскъ, Лунинецъ, Киверцы, Радзивиловъ, Новоселицы; Сѣверо-Западный фронтъ былъ раздѣленъ на два: Сѣверный фронтъ, прикрывающій пути на Петроградъ, и Западный, прикрывающій пути на Москву. Это вызвало перераспредѣленіе войскъ, которое въ свою очередь вызвало оперативныя перевозки, направленныя въ раіонъ Двинскъ—Рига.

Въ лѣтнюю кампанію 1916 года центръ тяжести операцій перемѣстился на Юго-Западный фронтъ. Туда начали направляться съ сѣвера и изъ центра громадныя силы, измѣрявшіяся болѣе чѣмъ десяткомъ корпусовъ. При выполненіи этой задачи прежде всего съ особой яркостью сказалась недостаточность нашего сообщенія въ меридіональномъ направленіи. Этотъ недостатокъ въ начертаніи желѣзнодорожной сѣти, какъ мы указывали въ первой части нашего труда, существовалъ органически; но послѣ того какъ противникъ занялъ участокъ Вильно — Барановичи, положеніе очень ухудшилось. Съ потерей узловъ Вильно, Лида, Барановичи, мы лишились единственнаго хорошаго сообщенія между фронтами отъ Вильно до Ровно и нѣкоторое время для перевозокъ съ сѣвера на югъ мы вынуждены были пользоваться ломаннымъ и кружнымъ путемъ: Двинскъ — Полоцкъ — Молодечно — Гомель и отсюда — или на Лунинецъ — Ровно, или на Бахмачъ — Кіевъ — Казатинъ. Такая слабая желѣзнодорожная связь была, конечно, совершенно неудовлетворительной. Съ возможной срочностью, въ очень неблагопріятное время года, была построена въ обходъ Барановичскаго узла вѣтка отъ станціи Синявка на Буды, закончено устройство полотна на сѣверномъ участкѣ Подольской жел. дороги (Калинковичи — Коростень) и сооруженъ временный деревянный мостъ черезъ р. Припять. Послѣ этого положеніе нѣсколько улучшилось. Произведенная въ теченіе 1916 года желѣзнодорожная переброска войскъ на Юго-Западный фронтъ измѣряется нѣсколькими тысячами эшелоновъ. И все-таки размѣръ этой перевозки не удовлетворялъ стратегическимъ требованіямъ создавшейся обстановки.

Одной изъ причинъ того, что Галиційская побѣда въ 1916 году не

дала тѣхъ стратегическихъ результатовъ, которые можно было ожидать, является то, что требуемыя для этого оперативныя перевозки оказались совершенно не подъ силу нашимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Зимняя кампанія 1916 - 1917 г. г.

Къ осени 1916 года, послѣ двухлѣтней форсированной работы, въ движеніи на желѣзныхъ дорогахъ чувствовалась затрудненность. Увеличился % неисправныхъ паровозовъ и началъ серьезно нарушаться порядокъ вагонообмѣна между дорогами театра военныхъ дѣйствій и дорогами внутренней сѣти. Дорогамъ необходимъ былъ нѣкоторый отдыхъ для урегулированія ихъ хозяйственныхъ нуждъ. Однако, непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ перевозокъ на Юго-Западный фронтъ вновь потребовалась перенапряженная работа, вызванная новыми оперативными перевозками. Въ сентябрѣ 1916 года противъ Центральныхъ державъ въ союзѣ съ нами, выступила Румынія.

По соглашенію о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, наше командованіе обязалось перевезти одинъ корпусъ войскъ въ Добруджу и доставлять слѣдовавшее для Румыніи черезъ наши морскіе порты изъ-за границы артиллерійское снабженіе. Но въ первыхъ же своихъ операціяхъ Румынія понесла рѣшительное пораженіе. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего выступленія она вынуждена была очистить почти всю Валахію и Добруджу. Подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ областей, занятыхъ противникомъ, былъ эвакуированъ въ Молдавію и настолько запрудилъ всѣ линіи, что движеніе по румынскимъ дорогамъ почти прекратилось. Утеряно было и сообщеніе по Дунаю, потому что правый берегъ его оказался въ рукахъ противника. Положеніе румынскихъ войскъ, отошедшихъ въ предѣлы Молдавіи, сдѣлалось критическимъ. Потребовалась усиленная помощь нашихъ войскъ, во много разъ превышающая условленную въ договорѣ, несмотря на слабость нашихъ бессарабскихъ линій и затрудненность всей сѣти.

Изъ ближайшихъ раіоновъ нашего Юго-Западнаго фронта войска были двинуты походнымъ порядкомъ и одновременно съ этимъ начались перевозки по желѣзнымъ дорогамъ изъ болѣе удаленныхъ раіоновъ этого фронта, а также съ Западнаго и съ Сѣвернаго фронтовъ. Эти послѣднія перевозки были особенно тяжелы и для дорогъ, и для войскъ. Въ виду загруженности линій театра войны, значительную часть эшелоновъ съ сѣвера пришлось направить въ Румынію кружнымъ путемъ на Бахмачъ — Черкассы — Одессу и отсюда черезъ Раздѣльную — Бендеры. Это составляло разстояніе свыше 1.500 верстъ. Въ виду настойчивыхъ требованій Ставки перевозки эти выполнялись крайне форсированно. Сокращались простои поѣздовъ, чѣмъ нарушалась правильность довольствія войскъ; воинскіе поѣзда были доведены до 50-вагоннаго состава; люди были размѣщены въ вагонахъ по лѣтнимъ нормамъ, несмотря на холодное время года. Однако, всѣ эти мѣры не давали желательныхъ результатовъ. Длительное, чрезмѣрное

напряженіе силъ желѣзныхъ дорогъ начало чувствоваться все сильнѣе. Неоднократно въ узлахъ создавались заторы, что отражалось на работѣ ближайшихъ перегоновъ. Затрудненія эти бывали настолько серьезны, что иногда возникала необходимость направлять войска на нѣкоторыхъ участкахъ походнымъ порядкомъ по очень тяжелымъ въ это время года дорогамъ. По мѣрѣ увеличенія количества нашихъ войскъ въ Румыніи, все большее число поѣздовъ требовалось для снабженія ихъ всѣми видами довольствія, что еще сильнѣе затрудняло оперативныя перевозки. Зимой на Румынскій фронтъ было направлено столько войскъ, что въ дальнѣйшемъ бессарабскія дороги даже при чрезвычайныхъ усиліяхъ не могли справиться съ обслуживаніемъ ихъ текущихъ потребностей.

Нѣкоторымъ облегченіемъ для желѣзныхъ дорогъ явилось то, что послѣ осени 1915 года эвакуацій большихъ территорій не приходилось дѣлать. Имѣла мѣсто частичная эвакуація Рижскаго раіона, но она производилась въ условіяхъ относительно спокойныхъ и достаточно планомѣрныхъ.

Эвакуація раненыхъ и больныхъ продолжалась попрежнему. За время съ начала войны до 10/23 октября 1917 г. по подсчету Ставки[5] было эвакуировано во внутренніе округа: 1.425.000 больныхъ и 2.875.000 раненыхъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ только что перевозокъ трехъ главныхъ категорій (снабженія и укомплектованія, оперативныя и эвакуаціонныя), на желѣзныя дороги выпадалъ цѣлый рядъ второстепенныхъ задачъ.

Таковыми являлись менѣе крупныя перевозки по обслуживанію арміи и использованію подвижного состава для цѣлей, не связанныхъ непосредственно съ транспортомъ.

Изъ перевозокъ подобнаго рода заслуживаютъ вниманія перевозки отпускныхъ и командированныхъ. По мѣрѣ выясненія затяжного характера войны, число отпускныхъ чиновъ значительно возросло. Значительно оказалось и число командированныхъ. Послѣднее вызывалось нѣкоторою примитивностью нашей организаціи снабженій. Передача войскамъ вещевого снабженія часто производилась въ складахъ глубокаго тыла; вмѣстѣ съ этимъ войска, извѣрившіяся въ способность тыла снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ, посылали своихъ чиновъ для самостоятельныхъ закупокъ. Отсутствіе достаточной организаціи въ «службѣ военныхъ сообщеній» вызывало со стороны войскъ необходимость посылать для каждаго получаемаго изъ тыла груза спеціальныхъ провожатыхъ.

Все это приводило къ тому, что по желѣзнодорожной сѣти проѣзжали ежедневно излишнія тысячи «сѣрыхъ шинелей».

---

5) «Труды комиссіи по обслѣдованію санитарныхъ послѣдствій войны 1914 - 1920 г. г.», стр. 159.

Отсутствіе «дисциплины» въ использованіи желѣзныхъ дорогъ.

Относительно использованія подвижного состава въ цѣляхъ, не связанныхъ непосредственно съ транспортомъ, слѣдуетъ указать: а) на устройство броневыхъ поѣздовъ и отдѣльныхъ броне-вагоновъ, б) на использованіе подвижного состава желѣзнодорожными войсками при своихъ работахъ, в) на примѣненіе подвижного состава въ гигіенически-хозяйственномъ дѣлѣ, а именно — поѣзда: бани, прачешныя, склады, аптеки и т. п.; примѣненіе послѣдняго рода вызывалось условіями русскаго театра военныхъ дѣйствій и требовало довольно значительнаго расхода вагоновъ.

Къ сожалѣнію, наравнѣ съ вышеупомянутымъ продуктивнымъ использованіемъ части вагоннаго парка, наблюдались и случаи злоупотребленія. Таковыми являлось стремленіе большинства изъ нашихъ штабовъ армій и фронтовъ имѣть въ постоянномъ своемъ распоряженіи сформированные штабные поѣзда. Эти поѣзда использовались для постояннаго проживанія, устраивались различныя штабныя учрежденія, склады имущества и т. д. Въ 1916 г., когда у насъ было 4 фронта и 13 армій вышеуказанный расходъ достигалъ довольно большихъ размѣровъ и нашъ вагонный паркъ лишался значительнаго числа вагоновъ, преимущественно классныхъ. Для урегулированія этого вопроса Ставка принимала рядъ мѣръ, но, какъ свидѣтельствуетъ бывшій начальникъ Военныхъ Сообщеній при Ставкѣ генералъ Ронжинъ[6]: «Нельзя сказать, чтобы въ лицѣ старшихъ войсковыхъ начальниковъ законныя требованія по желѣзнодорожной части встрѣчали надлежащую поддержку. Недостаточное знакомство съ природой желѣзныхъ дорогъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и излишнее стремленіе къ удобствамъ салонъ-вагоновъ со стороны другихъ — были одинаково тяжелы для желѣзныхъ дорогъ и отрицательно вліяли на персоналъ штабовъ и управленій, отношеніе котораго къ желѣзнодорожному имуществу иногда нельзя было не признать по меньшей мѣрѣ легкомысленнымъ».

Мы думаемъ, что вышеупомянутое злоупотребленіе представляло собою одно изъ проявленій нашей технической отсталости. Бережливость и «дисциплина», столь необходимыя при массовомъ использованіи средствъ техники, не могли вслѣдствіе этой отсталости привиться у насъ. Солдатъ, не берегущій своего ружья и выбрасывающій для облегченія своей ноши патроны, и генералъ, заставляющій «простаивать» излишнее время подвижной составъ, — явленіе одного и того же порядка. Несомнѣнно, что оно тяжелымъ грузомъ ложилось на бѣдное въ техническомъ оборудованіи Государство.

Недостаточное пониманіе условій, необходимыхъ для наиболѣе продуктивнаго использованія современной техники, проявилось и на самыхъ верхахъ. Здѣсь оно выражалось въ стремленіи къ примитивности рѣшеній.

---

6) Сборникъ записокъ, изд. Финансовымъ Агентствомъ С. Ш. А., стр. 151.

Такою примитивностью являлось то рѣзкое раздѣленіе желѣзнодорожной сѣти на двѣ части, которое проведено было нами наспѣхъ составленнымъ «Положеніемъ о Полевомъ Управленіи войскъ» и которое съ большимъ упорствомъ защищала Ставка.

Недостатки въ организаціи и въ руководствѣ желѣзнодорожнымъ транспортомъ.

Согласно вышеупомянутому положенію, всѣ пути сообщенія на территоріи, объявленной театромъ военныхъ дѣйствій, **во всѣхъ отношеніяхъ** подчинялись военнымъ властямъ. Эта территорія включала въ себя обширныя пространства къ западу отъ линіи Петроградъ — Смоленскъ и далѣе отъ р. Днѣпра. Все управленіе желѣзными дорогами, находившимися на территоріи «театра военныхъ дѣйствій», съ объявленіемъ войны было выдѣлено изъ вѣдѣнія Министерства Путей Сообщенія и подчинено Начальнику Военныхъ Сообщеній, входившему со своимъ управленіемъ въ составъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Для того, чтобы работа желѣзныхъ дорогъ «театра военныхъ дѣйствій» была вполнѣ обезпечена и чтобы при срочныхъ перевозкахъ былъ налицо соотвѣтствующій подвижной составъ, — значительный % паровозовъ, вагоновъ и платформъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія Министерства Путей Сообщенія.

Подобное упрощенное рѣшеніе оказывалось чрезвычайно непроизводительнымъ съ точки зрѣнія общаго государственнаго интереса. Обслуживаніе желѣзными дорогами самой страны очень затруднялось вслѣдствіе сильнаго сокращенія находящагося въ распоряженіи Министерства Путей Сообщенія паровознаго и вагоннаго парковъ. Кромѣ того, постоянно были случаи, когда значительное количество подвижного состава, попадавшаго изъ внутреннихъ раіоновъ Имперіи на сѣть театра военныхъ дѣйствій, не возвращалось своевременно въ распоряженіе Министерства Путей Сообщенія.

Въ первый періодъ кампаніи, когда весь подвижной составъ былъ въ исправности и когда подвозъ изъ внутреннихъ раіоновъ государства различнаго рода снабженія былъ сравнительно невеликъ, отрицательныя стороны этого раздѣленія рѣзко не сказывались. Но по мѣрѣ увеличенія % больныхъ паровозовъ, вагоновъ и платформъ и значительнаго возрастанія нарядовъ на подвижной составъ, желѣзныя дороги, остававшіяся въ распоряженіи Министерства Путей Сообщенія, оказывались все болѣе и болѣе не въ состояніи обслуживать жизненные интересы страны. Во второй половинѣ 1916 года, когда желѣзныя дороги доходили до полнаго переутомленія, желѣзнодорожный транспортъ, обслуживающій страну, окончательно разстроился. Это сильно подняло волну общаго недовольства. Чрезвычайно показательны въ этомъ отношеніи строки, написанныя Предсѣдателемъ Государственной Думы

М. В. Родзянко [7], въ которыхъ онъ очерчиваетъ создавшееся въ странѣ положеніе вещей за два-три мѣсяца до революціи:

«Съ продовольствіемъ стало совсѣмъ плохо. Города голодали, въ деревняхъ сидѣли безъ сапогъ и при этомъ всѣ чувствовали, что въ Россіи всего вдоволь, но что нельзя ничего достать изъ-за полнаго развала тыла. Москва и Петроградъ сидѣли безъ мяса, а въ то же время въ газетахъ писали, что въ Сибири на станціяхъ лежатъ битыя туши и что весь этотъ запасъ въ полмилліона пудовъ сгніетъ при первой же оттепели. Всѣ попытки земскихъ организацій и отдѣльныхъ лицъ разбивались о преступное равнодушіе или полное неумѣніе что-нибудь сдѣлать со стороны властей. Каждый министръ и каждый начальникъ сваливалъ на кого-нибудь другого и виноватыхъ никогда нельзя было найти. Ничего, кромѣ временной остановки пассажирскаго движенія, для улучшенія продовольствія правительство не могло придумать. Но и тутъ получился скандалъ. Во время одной изъ такихъ остановокъ паровозы оказались испорченными: изъ нихъ забыли выпустить воду, ударили морозы, трубы полопались, и, вмѣсто улучшенія, только ухудшили движеніе. На попытки земскихъ и торговыхъ организацій устроить съѣзды для обсужденія продовольственныхъ вопросовъ, правительство отвѣчало отказомъ и съѣзды не разрѣшались. Пріѣзжавшіе съ мѣстъ завѣдывавшіе продовольствіемъ, толкавшіеся безъ результата изъ министерства въ министерство, несли свое горе Предсѣдателю Государственной Думы, который въ отсутствіе Думы изображалъ своей персоной народное представительство».

Въ концѣ 1916 года была сдѣлана попытка объединить работу желѣзныхъ дорогъ на театрѣ войны и внутри страны. Была создана новая должность Товарища Министра Путей Сообщенія, который долженъ былъ находиться при Штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго и получать нужныя указанія отъ Начальника Военныхъ Сообщеній Ставки. Эта мѣра способствовала уменьшенію треній между Министерствомъ Путей Сообщенія и Военнымъ Управленіемъ желѣзныхъ дорогъ, но существенно сразу улучшить работу желѣзнодорожнаго транспорта не могла: сократившееся количество подвижного состава къ 1917 году было уже совершенно недостаточнымъ для той работы, которую требовала значительно увеличившаяся общая численность нашей вооруженной силы.

Революція.

Начавшаяся общая разруха, послѣ вспыхнувшей весной 1917 г. революціи, такъ разстроила желѣзнодорожный транспортъ, что объ его возстановленіи уже не приходилось и думать.

Началось безвластіе, паденіе трудовой дисциплины и общій хаосъ. Уже въ іюлѣ 1917 года, само правительство считаетъ положеніе желѣз-

7) Архивъ Русской Революціи, т. XVIII, стр. 157.

ныхъ дорогъ катастрофичнымъ. Для того, чтобы конкретно обрисовать это положеніе, мы приведемъ здѣсь выдержки изъ доклада Начальника Военныхъ Сообщеній Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, поданнаго Начальнику Генеральнаго Штаба 17 (30) іюля 1917 года за № 842.

«Положеніе на желѣзныхъ дорогахъ признается отчаяннымъ и ухудшающимся съ каждымъ днемъ. Распадъ дисциплины, такъ же, какъ и въ арміи, растетъ. Производительность рабочей силы замѣтно упала. Одной изъ причинъ неуспѣшности ремонта паровозовъ слѣдуетъ признать отвлеченіе 50% котельщиковъ для занятія въ комитетахъ, въ которыхъ, въ общей сложности, занято на желѣзныхъ дорогахъ до 6.000 чел.

«Ремонтъ паровозовъ, нормально опредѣлявшійся въ 15% отъ общаго числа паровозовъ и державшійся въ среднемъ за весь 1916 годъ и въ теченіе января и марта 1917 г. около 18%, этотъ % сразу, съ начала революціи началъ быстро возрастать и достигъ въ іюлѣ 1917 г до 24%.

«Многіе изъ находящихся въ работѣ паровозовъ работаютъ уже черезъ силу, и, если не будутъ приняты мѣры къ поднятію продуктивности работы, положеніе грозитъ къ зимѣ катастрофой».

«Всѣ предпринятыя и осуществленныя мѣры по развитію узловъ и постройкѣ вторыхъ путей въ цѣляхъ усиленія пропускной способности остаются неиспользованными въ виду полнаго разстройства и упадка провозной способности. Сравненіе данныхъ за шесть мѣсяцевъ текущаго года съ таковыми же за 1916 годъ показываетъ, что въ этомъ году вывезено на 700.000 вагоновъ меньше, т. е. имѣя въ виду, что рѣчь идетъ только о груженыхъ вагонахъ, въ этомъ году недовезено за шесть мѣсяцевъ 700.000.000 пудовъ груза».

«Средняя **ежедневная погрузка:**
въ 1916 году — около 37.200 вагоновъ
въ 1917 году — » 31.800 »
т. е. упала на 5.400 вагоновъ».

«Въ 1916 году ежедневно задержанныхъ вагоновъ насчитывалось до 3 - 4 тысячъ, а въ текущемъ до 5 - 7 тысячъ; встрѣчаются сейчасъ случаи брошенныхъ составовъ въ пути за неимѣніемъ паровозовъ (Курская дорога). Томская дорога настолько въ этомъ отношеніи слаба, что норму вывоза грузовъ изъ Владивостока пришлось сократить съ 150 вагоновъ въ сутки до 50, чтобы дать возможность вывезти накопившійся избытокъ вагоновъ съ Восточно - Китайской и Забайкальской дорогъ».

«На всѣхъ дорогахъ недостатокъ паровозовъ отразился и на подвозѣ грузовъ вообще, и на топливѣ и продуктахъ въ частности».

«За первую половину текущаго года недогружено **по винѣ дорогъ** на 100 милліоновъ пудовъ угля по сравненію съ тѣмъ же періодомъ за 1916 годъ; особенно много недогружено за май и іюнь, причемъ тормазомъ служила одна изъ наиболѣе расшатан-

ныхъ дорогъ — Московско - Курская, принимавшая всего 500 вагоновъ въ сутки вмѣсто обычныхъ 1300 вагоновъ, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что крайне упалъ пріемъ порожнихъ вагоновъ, что служитъ указаніемъ на полное разстройство планомѣрности и порядка въ работѣ движенія».

«Выработка угля видимо падаетъ, несмотря на то, что въ среднемъ количество рабочихъ въ Донецкомъ бассейнѣ въ 1916 г. было 220.000 человѣкъ, а въ текущемъ году возросло до 270.000, достигая максимальнаго наличія до 285.000 человѣкъ».

Пониженіе производительности «слѣдуетъ приписать уменьшенію числа выходовъ на работу, дошедшаго до 14 въ мѣсяцъ, результатомъ чего средняя выработка на одного рабочаго за мѣсяцъ съ 550 пудовъ въ 1916 году упала въ текущемъ до 350 пудовъ».

Вотъ общая картина того развала, который происходилъ въ желѣзнодорожномъ транспортѣ лѣтомъ 1917 года.

Но для того, чтобы составить себѣ полное представленіе объ этомъ, нужно еще вспомнить тотъ хаосъ, который вносила въ и безъ того развалившуюся желѣзнодорожную службу, ѣдущая разнузданная солдатня, дезертировавшая съ фронта. Для примѣра мы приведемъ текстъ телеграммы одного изъ младшихъ желѣзнодорожныхъ агентовъ, адресованной по начальству. Въ лѣто 1917 года подобныя телеграммы слались тысячами.

«Телеграмма Начальника станціи Самодуровка.
Правленію Ю.-В. дор. и директору мин. пут. сообщенія.
30 мая (12 іюня) 1917 года[8].

«Поѣздъ № 28, прибывшій на скрещеніе поѣздъ № 3, ѣхали 15 теплушекъ отпускныхъ солдатъ, которые по остановкѣ поѣзда окружили меня и подъ угрозой смерти требовали немедленно отправить далѣе, а поѣздъ № 3, шедшій уже ко мнѣ, настаивали задержать. По прибытіи поѣзда № 3 требовали отцѣпить паровозъ отъ почтоваго и прицѣпить вторымъ къ ихъ поѣзду. На мое разъясненіе, что нельзя оставить безъ паровоза почтовый поѣздъ, угрожали расправиться со мной. Удалось убѣдить только тѣмъ, что идущій паровозъ поѣзда № 3 пойдетъ заднимъ ходомъ и еще хуже замедлитъ скорость. Убѣдившись, солдаты ухватили меня къ паровозу поѣзда № 28 и, угрожая машинисту бросить его въ топку, если онъ не повезетъ ихъ быстрѣе. Большое число отпускныхъ пьяные. При такихъ обстоятельствахъ служба становится невозможной; жизнь въ опасности; прошу оградить отъ могущаго быть произвола; поѣзда съ отпускными солдатами отправлять съ усиленными патрулями. Подписалъ Дороховъ».

«Отпускные» солдаты революціоннаго времени являлись по большей части скрытыми дезертирами, представлявшими собою настоящій бичъ для желѣзныхъ дорогъ. Англійскій военный агентъ ген.

8) «Разложеніе Арміи въ 1917 году». стр. 22-23.

Ноксъ счелъ даже нужнымъ отмѣтить это зло въ донесеніи своему правительству[9]:

«Увольненіе Гучковымъ въ отпускъ 5% солдатъ до 40-лѣтняго возраста и 15% солдатъ сверхъ такового, привело къ повсемѣстнымъ штурмамъ поѣздовъ толпами потерявшей всякую дисциплину солдатни. Любимымъ спортомъ этихъ солдатъ, примостившихся на крышахъ классныхъ вагоновъ, было мочиться въ вентиляторы для того, чтобы досадить буржуямъ, ѣдущимъ внутри вагоновъ. Противодѣйствующихъ этому желѣзнодорожныхъ служащихъ они избиваютъ».

Вышеприведенныя строки составляютъ только небольшув выдержку изъ длиннаго донесенія, въ которомъ генералъ Ноксъ чрезвычайно обстоятельно обрисовалъ критическое положеніе нашего желѣзнодорожнаго транспорта.

Для характеристики послѣдняго онъ несомнѣнно пользовался вышеупомянутымъ нами докладомъ Начальника Военныхъ Снабженій Г. У. Г. Ш. Начальнику Генеральнаго Штаба:

«Стремленіе замѣнить компетентное начальство выборными, превратившееся въ своего рода сумасшествіе, проникло и на желѣзныя дороги. Многіе изъ начальниковъ желѣзныхъ дорогъ смѣщены безразсудной толпой. Конференція желѣзнодорожныхъ служащихъ, засѣдающая въ Москвѣ, рѣшила упразднить Министерство Путей Сообщенія и передать управленіе желѣзными дорогами комитету изъ выборныхъ служащихъ».

Но особый интересъ представляетъ заключеніе генерала Нокса, которое въ полномъ смыслѣ слова было пророчествомъ:

«Конечно, пишетъ въ этомъ заключеніи генералъ Ноксъ, первое, что нужно, это возстановленіе дисциплины. **Если это не будетъ сдѣлано, то нѣтъ силы въ мірѣ, которая сможетъ спасти Россію отъ катастрофы. Вопросъ только въ томъ, произойдетъ ли послѣдняя осенью или зимой».**

Постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ путей.

Изложенное выше показываетъ, что въ области желѣзнодорожнаго транспорта, такъ же, какъ и въ разсмотрѣнныхъ нами областяхъ военнаго устройства и снабженія, сказалась наша неподготовленность къ сложнымъ формамъ современнаго руководительства. Тѣмъ не менѣе, мы были бы невѣрно поняты, если бы читатель сдѣлалъ выводъ, что это и явилось главной причиной того разстройства, къ которому пришелъ нашъ желѣзнодорожный транспортъ ко времени начала революціи. Главной причиной является то, что задача, выпавшая на нашъ желѣзнодорожный транспортъ, оказалась для него непосильной.

---

9) **Despatch D. 3,** отъ 10 августа 1917 года. — Подлинный документъ хранится въ Архивѣ Британскаго Военнаго Министерства.

Для того, чтобы убѣдиться, какъ велики были въ «количественномъ» отношеніи усилія, затраченныя для развитія желѣзнодорожнаго транспорта во время войны, свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры:

ТАБЛИЦА[10]

Постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ линій во время войны по состоянію на 15/28 сентября 1917 года.

желѣзнодорожныя линіи	вновь построенныя ж.-д. линіи	вторые пути	перешитые	Итого
	въ верстахъ			
Линіи эксплоатируемыя	3290	1195	273	4758
Линіи, находящіяся въ постройкѣ	2843	726	81	3650
Линіи, постройки коихъ прекращены	389	586	—	975
Линіи заграничныхъ колей, отошедшія къ непріятелю	—	—	384	384
Итого	6522	2507	738	9767

Къ этой работѣ еще нужно добавить постройку полевыхъ желѣзныхъ дорогъ, облегченнаго типа. Приблизительно къ той же датѣ работа по постройкѣ этихъ дорогъ выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

ТАБЛИЦА[11].

Состояніе полевыхъ желѣзныхъ дорогъ на 1/14 сентября 1917 года.

	построено	строится	эксплоатируется
	въ верстахъ		
Сѣверный фронтъ:			
а) паровыя ж. д.	155	22	99
б) конныя ж. д.	162	—	145
Всего	317	22	244
Западный фронтъ:			
а) паровыя ж. д.	222	82	217
б) конныя ж. д.	282	—	282
в) тепловозныя ж. д.....	68	5	60
Всего....	572	87	559

10) Заимствовано изъ изданія Центральнаго Статистическаго управленія «Россія въ міровой войнѣ (въ цифрахъ)», стр. 60.

11) Тамъ же.

	построено	въ верстахъ строится	эксплоатируется
Юго-Западный фронтъ:			
а) паровыя ж. д.	239	13	224
б) конныя ж. д.	338	35	324
в) тепловозныя	45	4	43
Всего	622	52	591
Румынскій фронтъ:			
а) паровыя ж. д.	121	70	91
б) конныя ж. д.	66	—	66
в) тепловозныя ж.д	—	—	—
Всего	187	70	157
Кавказскій фронтъ:			
а) паровыя ж. д.	424	230	366
б) конныя ж. д.	110	57	—
в) тепловозныя ж. д.	20	90	—
Всего	554	377	366
ИТОГО на всѣхъ фронтхъ:			
а) паровыхъ ж. д.	1161	417	997
б) конныхъ ж. д.	958	92	817
в) тепловозныхъ ж. д.	133	99	103
ВСЕГО:	2252	608	1917

Доставки заграничнаго снабженія.

Предлагаемый очеркъ былъ бы не полонъ, если мы не скажемъ особо нѣсколько словъ о томъ, какъ осуществлялась во время войны доставка въ Россію привозимаго изъ-за границы снабженія.

Для сношенія съ внѣшнимъ міромъ у Россіи оставалось только два порта: Владивостокъ и Архангельскъ. Къ незамерзающему Мурману въ началѣ войны еще не была проведена желѣзная дорога; да если бы она и была своевременно закончена, потребовалось бы еще много времени для оборудованія порта.

Владивостокъ, хотя и не былъ достаточно приспособленъ для пріема крупныхъ и тяжелыхъ грузовъ, все-таки представлялъ собой первоклассный портъ. Но на Владивостокъ могли направляться грузы только изъ Японіи и Америки. Къ тому же отправки послѣдней очень долго были ограничены, такъ какъ почти весь тоннажъ для морскихъ перевозокъ былъ сосредоточенъ въ Атлантическомъ океанѣ. Вслѣдствіе этого, въ теченіе 1915 и 1916 г. г. главнымъ портомъ, принимавшимъ для Россіи приходившіе изъ-за границы грузы, являлся Архангельскъ.

Оборудованіе Архангельскаго порта не удовлетворяло выпавшей на него во время войны задачѣ. Кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ прибытіе въ него судовъ прекращалось. Наконецъ, же-

лѣзная дорога отъ Архангельска на Вологду имѣла узкую колею съ ограниченной провозоспособностью.

Невозможность поддерживать съ Архангельскомъ регулярное сообщеніе въ теченіе всего года требовала усиленнаго направленія къ нему грузовъ въ навигаціонный періодъ. Неравномѣрность перевозки вызывала накапливаніе уже готовыхъ грузовъ въ мѣстахъ выполненія заказовъ и вызывала затрудненіе въ ихъ храненіи. Когда же наступала возможность отправить ихъ въ Архангельскъ, то случалось, что прибывали въ первую голову не тѣ грузы, въ которыхъ оказывалась острая нужда на форнтѣ. Въ этихъ трудныхъ условіяхъ особенно болѣзненно сказывалась неподготовленность нашихъ верховъ къ современной организаціонной работѣ.

Вотъ что записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко [12]:

«Вопіяющіе безпорядки открыло Совѣщаніе [13] въ Архангельскомъ порту. Еще въ началѣ войны въ Думу стали поступать свѣдѣнія, что вывозка по узкоколейной дорогѣ изъ Архангельска очень затруднена, а портъ заваленъ грузами. Заказы изъ Америки, Англіи и Франціи складывались горами, и не вывозились въ глубь страны. Уже въ первые дни войны Литвиновъ-Фалинскій предупреждалъ, что Архангельскій портъ въ ужасномъ состояніи. Изъ Англіи ожидалось полученіе большого количества угля для петроградскихъ заводовъ, но уголь этотъ негдѣ было сложить. Несмотря на то, что Архангельскъ былъ единственный военный портъ, соединявшій насъ съ союзниками, на него почти не обращали вниманія. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Особаго Совѣщанія пришлось поднять вопросъ объ Архангельскѣ и запросить министровъ, что они намѣрены предпринять. Министры, въ лицѣ Сухомлинова, Рухлова и Шаховского, либо отписывались, либо обѣщали на словахъ, ничего на дѣлѣ не предпринимая. Между тѣмъ, къ концу лѣта 1915 года, количество грузовъ было такъ велико, что ящики, лежавшіе на землѣ, отъ тяжести наложенныхъ поверхъ грузовъ буквально вростали въ землю».

Перешивка Архангельской желѣзной дороги съ узкой колеи на широкую не дала того усиленія провозоспособности, которое требовалось создавшейся обстановкой. Съ выступленіемъ Румыніи положеніе еще ухудшилось, ибо часть своего и безъ того крайне ограниченнаго числа поѣздовъ Архангельской желѣзной дороги Россія вынуждена была уступить подъ транзитъ заграничныхъ снабженій для румынской арміи.

Единственный выходъ по разгрузкѣ Архангельска отъ залежей представлялся въ направленіи большей части грузовъ изъ Америки на Владивостокъ. Это было выполнено лишь къ концу 1916 года. Но Си-

---

12) Архивъ Русской Революціи, т. XVIII, стр. 100.

13) Особое Совѣщаніе по оборонѣ. (Прим. Н. Г.).

бирская желѣзная дорога тоже не справлялась съ перевозками, и въ 1917 году Владивостокъ былъ забитъ грузами.

Здѣсь опять сказалось несоотвѣтствіе нашихъ верховъ тѣмъ требованіямъ, которыя выдвинули сложныя условія современной войны.

«Въ концѣ января [14]»,. заноситъ въ своихъ воспоминаніяхъ [15] Предсѣдатель Государственной Думы, «въ Петроградъ пріѣхали делегаты союзныхъ державъ для согласованія дѣйствій на фронтахъ въ предстоящей военной кампаніи. На засѣданіяхъ конференціи съ союзниками обнаружилось полнѣйшее невѣжество нашего Военнаго Министра Бѣляева. По многимъ вопросамъ и Бѣляевъ, и другіе наши министры оказывались въ чрезвычайно неловкомъ положеніи передъ союзниками: они не сговорились между собой и не были въ курсѣ дѣлъ даже по своимъ вѣдомствамъ. Въ особенности это сказалось при обсужденіи вопроса о заказахъ заграницей. Лордъ Мильнеръ долго молча вслушивался въ рѣчи нашихъ министровъ и затѣмъ спросилъ: «Сколько же вы дѣлаете заказовъ?» Ему сообщили. «А сколько вы требуете тоннажа для ихъ перевозки?» — и, получивъ снова отвѣтъ, онъ замѣтилъ: «Я вамъ долженъ сказать, что вы просите тоннажа въ пять разъ меньше, чѣмъ нужно для перевозки вашихъ заказовъ».

---

14) Января 1917 года. (Примѣч. Н. Г.).

15) Архивъ Русской Революціи, т. XVII, стр. 165.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ХОДЪ ВОЙНЫ И НАСТРОЕНІЯ АРМІИ И ТЫЛА ВЪ КАМПАНІИ 1914, 1915 и 1916 г. г.

Мобилизація. — Характеристка русскаго патріотизма. — Взаимоотношеніе столкнувшихся силъ. — Начальныя операціи. — Осень 1914 года. — Кампанія 1915 года. — Великое отступленіе. — Моральное воздѣйствіе этого отступленія на армію. — Моральное воздѣйствіе этого отступленія въ тылу. — Кризисъ въ Верховномъ Главномъ Командованіи. — Увольненіе Великаго Князя Николая Николаевича и вступленіе въ Верховное Главнокомандованіе Государя Императора. — Настроеніе солдатскихъ массъ. — Кампанія 1916 года. — Надломъ духа въ странѣ.

Мобилизація.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы привели выдержку изъ монографіи члена Государственной Думы Б. А. Энгельгардта, въ которой онъ оспариваетъ, «что патріотическій подъемъ, который проявило населеніе столицы при объявленіи войны», являлся «дѣйствительнымъ показателемъ отношенія народныхъ массъ къ войнѣ». Наоборотъ, личныя наблюденія приводили его къ заключенію, «что съ самаго начала войны русскій мужикъ шелъ подъ знамена очень неохотно».

Предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ совсѣмъ иныя впечатлѣнія.

«Вернувшись въ Петроградъ передъ самымъ объявленіемъ войны», пишетъ М. В. Родзянко, «я былъ пораженъ перемѣною настроенія жителей столицы. — Кто эти люди? — спрашивалъ я себя съ недоумѣніемъ, — которые толпами ходятъ по улицѣ съ національными флагами, распѣвая народный гимнъ и дѣлая патріотическія демонстраціи передъ домомъ Сербскаго Посольства».

«Я ходилъ по улицѣ, вмѣшивался въ толпу, разговаривалъ съ нею и, къ удивленію, узнавалъ, что это рабочіе, тѣ самые рабочіе, которые нѣсколько дней тому назадъ ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады».

«На вопросъ мой, чѣмъ объясняется перемѣна настроенія, я по-

лучилъ отвѣтъ: — Вчера было семейное дѣло; мы горячо ратовали о своихъ правахъ; для насъ реформы, проектируемыя въ законодательныхъ учрежденіяхъ, приходили слишкомъ медленно, и мы рѣшили сами добиться своего. Но теперь, сегодня, дѣло касается всей Россіи. Мы придемъ къ Царю, какъ къ нашему знамени, и мы пойдемъ за нимъ во имя побѣды надъ нѣмцами».

«Аграрныя и всякія волненія въ деревнѣ сразу стихли въ эти тревожные дни, и какъ великъ былъ подъемъ національнаго чувства, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры: къ мобилизаціи явилось 96% всѣхъ призывныхъ, явились безъ отказу и воевали впослѣдствіи на славу».

«Въ самой Государственной Думѣ въ засѣданіи 26 іюля (8 августа н. ст.) всѣ партійныя перегородки пали, всѣ, безъ исключенія, члены Государственной Думы признали необходимость войны до побѣднаго конца во имя чести и достоинства дорогого Отечества и дружно объединились между собой въ этомъ сознаніи и рѣшили всемѣрно поддерживать Правительство».

«Безъ различія національностей всѣ поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что пораженіе невыносимаго германскаго милитаризма является безусловно необходимымъ».

Трудно, конечно, претендовать на полную объективность въ оцѣнкѣ столь сложныхъ явленій, какъ народное настроеніе. Субъективизмъ участника событій непремѣнно накладываетъ свою печать. Но цитированная выше выдержка изъ воспоминаній М. В. Родзянко цѣнна тѣмъ, что содержитъ одинъ совершенно объективный показатель: 96 % подлежащихъ призыву явились къ воинскимъ начальникамъ. Между тѣмъ, трудныя условія, въ которыхъ находился точный учетъ чиновъ запаса, заставлялъ предполагать, что разница между расчетами и фактической явкой можетъ быть до 10%. Слѣдовательно, уклоненія отъ мобилизаціи почти не было.

Намъ кажется, что М. В. Родзянко ближе къ истинѣ, нежели Б. А. Энгельгардъ. Послѣдній, составляя свою монографію, не могъ осилить пессимизма навѣяннаго пережитой революціей, а также не смогъ отслоить явленій производнаго характера отъ явленій основныхъ.

Для правильной оцѣнки такого сложнаго явленія, какъ народное настроеніе, нужно учесть то, что Русскія народныя массы были на много низшей степени соціальнаго развитія, нежели таковыя же западноевропейскихъ народовъ. Быстрое вырожденіе революціи въ большевизмъ служитъ яркимъ этому доказательствомъ. Задерживающія начала воспитываемыя въ рядѣ поколѣній просвѣщеніемъ и жизнью среди правового порядка не могли развиться въ нашихъ народныхъ массахъ.

«Русскій народъ, пишетъ генералъ Даниловъ, оказался психологически къ войнѣ неподготовленнымъ. Главная масса его, крестьянство, едва ли отдавала себѣ ясный отчетъ, зачѣмъ его зовутъ на войну. Цѣли войны были ему неясны. Крестьянинъ шелъ на призывъ потому что привыкъ вообще исполнять все то, что отъ него требовала власть; онъ

терпѣливо, но пассивно несъ свой крестъ, пока не подошли великія испытанія».

«Народныя настроенія нашей молодой некультурной націи, вслѣдствіе недостаточнаго воспитанія и не могли быть стойкими. **Они легко должны были подвергаться колебаніямъ, походя на быстро смѣняющіяся настроенія ребенка, который часто улыбается, не успѣвъ еще смахнуть слезъ со своего лица.** Не могло быть въ народныхъ массахъ, при существующихъ условіяхъ и сознанія государственнаго единства, крайне трудно прививаемаго при наличіи разноплеменности, безконечныхъ пространствъ, рѣдкаго населенія и плохихъ сообщеній. Даже коренное русское населеніе было лишено сознанія единства. Мы Вятскіе, Тульскіе, Пермскіе, до насъ нѣмецъ не дойдетъ — такими словами часто и, надо сказать, довольно правильно характеризовали у насъ не сознательное отношеніе крестьянства къ вопросу объ общей опасности Государству».

«Не было здороваго пониманія долга и въ кругахъ интеллигенціи. Это лучше всего доказывается обиліемъ лицъ, искавшихъ случая или возможности уклониться отъ призыва вовсе или въ крайности, — избѣжать тягости службы на фронтѣ, пристроившись въ тылу. Нашъ мобилизаціонный отдѣлъ былъ заваленъ просьбами и ходатайствами объ освобожденіяхъ или въ крайности временныхъ отсрочкахъ призыва. И что еще хуже, эти случаи не вызывали необходимыхъ репрессій со стороны власти и даже не клеймились должнымъ образомъ нравственно; въ обществѣ, напротивъ, относились къ этому явленію съ почти преступной снисходительностью. Тыловымъ нерѣдко протежировали, ихъ пригрѣвали, и старались закрѣпить ихъ незаконное положеніе болѣе прочнымъ и устойчивымъ образомъ».

Объ этихъ темныхъ сторонахъ мобилизаціи свидѣтельствуетъ[1] также и бывшій начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла генералъ С. А. Добророльскій. Онъ пишетъ, что во время мобилизаціи имѣли мѣсто частичные безпорядки среди запасныхъ Томской, Пермской, Орловской и Могилевской губерній. Особенно подчеркиваетъ С. А. Добророльскій то обиліе «всевозможныхъ просьбъ и ходатайствъ, письменныхъ и личныхъ, которыя поступали къ военному министру, черезъ Мобилизаціонный Отдѣлъ, объ освобожденіи или, въ крайности, объ отсрочкѣ призыва въ войска. Подобныя просьбы поступали не изъ толщи народа, а отъ лицъ нашего культурнаго общества и изъ среды буржуазіи. И какія только кнопки ни нажимались для удовлетворенія ходатайствъ. Конечно, на первомъ мѣстѣ шла протекція въ видѣ рекомендательно-просительныхъ писемъ отъ лицъ самаго высокаго положенія въ мірѣ бюрократіи и по происхожденію. Борьба съ этимъ зломъ велась, но необходимо признать, преимущественно безуспѣшно. Протекція — одна изъ коренныхъ язвъ уклада нашей русской жизни, бороться съ которой можно только

---

1) Статья «Мобилизація Русской Арміи въ 1914 г.», напечатанная въ № I «Военнаго Сборника» (Бѣлградъ), стр. 114-115.

дружными усиліями самаго общества... И въ горячіе дни мобилизаціи было не до этого».

Только-что указанное отрицательное явленіе въ средѣ интеллигентныхъ круговъ Россіи мы уже отмѣтили въ предыдущихъ главахъ.

Но мы привели свидѣтельства объ этомъ явленіи записанныя Ю. Н. Даниловымъ и С. А. Добророльскимъ для того, чтобы сопоставить ихъ съ ихъ же пессимистической оцѣнкой настроенія русскихъ народныхъ массъ.

Безпорядки среди запасныхъ происшедшіе въ четырехъ губерніяхъ не даютъ права для обобщеній касающихся всей Россіи. Тотъ-же фактъ, что эти безпорядки по заявленію самого-же Добророльскаго, заключались въ томъ, что «партіи запасныхъ громили закрытыя винныя лавки и склады казеннаго вина и грабили оттуда запасы вина»[2] свидѣтельствуетъ не о нежеланіи идти на войну, а лишь о малой культурности нашихъ народныхъ массъ. Насколько же уклоненіе отъ призыва въ войска въ началѣ войны отсутствовало въ нашихъ народныхъ массахъ въ противоположность нашимъ привилегированнымъ слоямъ, краснорѣчиво доказывается цифрой приведенной Предсѣдателемъ Государственной Думы: «Къ мобилизаціи явилось 96% призывныхъ».

Одинъ изъ нашихъ современныхъ крупныхъ литераторовъ А. И. Купринъ разсказываетъ слѣдующее. Онъ былъ въ качествѣ отставного офицера назначенъ съ объявленіемъ мобилизаціи въ составъ пріемной комиссіи одного изъ уѣздовъ Петроградской губерніи. И онъ утверждаетъ, что было много случаевъ, когда призванные комиссіей запасные нижніе чины отказывались отъ медицинскаго освидѣтельствованія, заявляя, что они вполнѣ здоровы и годны для службы въ войскахъ и что они не желаютъ напрасно отнимать время у пріемной комиссіи.

Характеристика русскаго патріотизма.

Всѣ кто былъ свидѣтелемъ войны Россіи съ Японіей не можетъ не быть пораженнымъ огромнымъ различіемъ въ народныхъ настроеніяхъ въ 1904 году и въ 1914 году.

Первымъ стимуломъ, толкавшимъ всѣ слои населенія Россіи на бранный подвигъ являлось сознаніе, что Германія сама напала на насъ. Миролюбивый тонъ Русскаго Правительства по отношенію къ нѣмцамъ былъ широко извѣстенъ и поэтому нигдѣ не могло зародиться сомнѣній подобныхъ тѣмъ, какія имѣли мѣсто въ Японской войнѣ. Угроза Германіи разбудила въ народѣ соціальный инстинктъ самосохраненія.

Другимъ стимуломъ борьбы, оказавшимся понятнымъ нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась изъ необходимости защищать право на существованіе единокровнаго и единовѣрнаго Сербскаго народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того «пан-

2) Тамъ-же, стр. 114.

славизма», о которомъ любилъ упоминать Кайзеръ Вильгельмъ, толкая австрійцевъ на окончательное поглощеніе сербовъ. Это было сочувствіе къ обиженному младшему брату. Вѣками воспитывалось это чувство въ русскомъ народѣ, который за освобожденіе Славянъ велъ длинный рядъ войнъ съ турками. Разсказы рядовыхъ участниковъ въ различныхъ походахъ этой вѣковой борьбы передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе и служили одной изъ любимыхъ темъ для собесѣдованія деревенскихъ политиковъ. Они пріучили къ чувству своего рода національнаго рыцарства. Это чувство защитника обиженныхъ славянскихъ народовъ нашло свое выраженіе въ словѣ «братушка», которымъ наши солдаты окрестили во время освободительныхъ войнъ болгаръ и сербовъ и которое такъ и перешло въ народъ. Теперь вмѣсто турокъ, нѣмцы грозили уничтоженіемъ сербовъ — и тѣ-же нѣмцы напали на насъ. Связь обоихъ этихъ актовъ была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа.

Подъ впечатлѣніемъ кошмарныхъ событій 1917 года, многіе изъ русской интеллигенціи, подобно Ю. Н. Данилову и С. А. Добророльскому склонны отрицать наличіе патріотизма въ нашемъ народѣ. Фраза, приведенная въ выдержкѣ изъ книги Ю. Н. Данилова, прозвучавшая на митингахъ 1917 года, когда не желавшіе драться солдаты говорили: «мы Вятскіе, Тульскіе, Пермскіе; до насъ нѣмецъ не дойдетъ», очень часто теперь цитируется. Но при этомъ забывается, что она была произнесена только черезъ три года кровавыхъ усилій побѣдить, послѣ того, какъ революція опрокинула установленный государственный порядокъ и послѣ того, какъ началось общее государственное разложеніе.

Можетъ ли читателю, внимательно прочитавшему нашу главу о потеряхъ, придти сомнѣніе въ наличіи патріотизма и готовности къ жертвенному долгу среди нашей солдатской массы? Кровь милліоновъ и милліоновъ убитыхъ и раненыхъ, принесенная на алтарь Отечества, вопіетъ противъ такого обвиненія. А 260.000 русскихъ плѣнныхъ, пытавшихся убѣжать изъ германскаго плѣна? Авторъ и до составленія этой книги исповѣдывалъ ту же вѣру въ патріотизмъ русскихъ народныхъ массъ,[3] тѣмъ не менѣе онъ долженъ сознаться въ томъ, что эта цифра русскихъ плѣнныхъ, старавшихся убѣжать изъ вражескаго плѣна превзошла всѣ его ожиданія.

Та же глава о потеряхъ цифрами показываетъ насколько доблестенъ былъ русскій офицеръ. А вѣдь послѣдній и являлся представителемъ русскихъ интеллигентскихъ слоевъ.

Но если въ средѣ интеллигенціи наряду съ героями и горячимъ патріотизмомъ были лица неспособныя къ жертвенному долгу, то совершенно такъ же и въ народной толщѣ были такіе; конечно, очень существененъ вопросъ количественнаго соотношенія тѣхъ и другихъ.

3) Читатель можетъ убѣдиться въ этомъ прочтя стр. 33-36 книги: ген. Головина «Изъ исторіи кампаніи 1914 г. на Русскомъ фронтѣ; начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи». Издано въ 1926 г.

Установить этого соотношенія нельзя. Но подробное изученіе войны, сдѣланное нами въ предшествующихъ главахъ позволяетъ утверждать, что это соотношеніе не могло отличаться отъ такового же у нашихъ союзниковъ.

Различіе было въ другомъ.

У нашихъ Западныхъ друзей, благодаря большей соціальной зрѣлости народныхъ массъ, самый патріотизмъ былъ несравненно болѣе осознанъ въ массахъ. Въ этомъ отношеніи правъ Ю. Н. Даниловъ, сравнивая настроенія нашего народа съ настроеніемъ ребенка.

Политическое міровоззрѣніе русской многомилліонной солдатской массы въ первые годы войны всецѣло покрывалось формулой «За Вѣру, Царя и Отечество». Пусть многіе доказываютъ теперь, что монархическія чувства русскаго простолюдина были преувеличены. Не будемъ спорить объ этомъ; легкость съ которой пала Монархія въ Мартовскіе дни 1917 года, какъ будто бы подтверждаетъ это. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшее теченіе революціи не привело къ демократическому строю; послѣдній смогъ устоять всего лишь 8 мѣсяцевъ и палъ столь же быстро, какъ Царскій режимъ, уступивъ мѣсто жесточайшей во всей Исторіи деспотіи. Это показываетъ, что въ массахъ русскаго народа живутъ другія политическія представленія, чѣмъ это думали наши интеллигентные круги подходившіе къ политическимъ настроеніямъ народныхъ массъ съ Западноевропейскимъ масштабомъ.

Формула «За Вѣру, Царя и Отечество» была для русскихъ народныхъ массъ 1914 года своего рода политическимъ обрядомъ. А для того, чтобы понять какую громадную роль въ психологіи этихъ массъ могъ играть «обрядъ», нужно только вспомнить первенствующее значеніе, которое занимаетъ «обрядъ» въ области религіозныхъ чувствъ тѣхъ же массъ.

Это подтверждалось каждодневнымъ наблюденіемъ и это ярко проглядывало въ исторіи нашихъ религіозныхъ движеній. Послѣднія затрагивали наши массы только тогда, когда затрагивался «обрядъ». Это громадное значеніе «обряда» для русскихъ народныхъ массъ, несомнѣнно являлось слѣдствіемъ нашего родства съ Востокомъ. Это — мистицизмъ, выявляющійся въ малокультурной средѣ, ибо нужно понять, что при мистическомъ складѣ души въ обрядѣ видятъ нѣчто большее, чѣмъ внѣшнюю форму; за обрядомъ предполагается нѣчто болѣе глубокое, человѣческимъ разумомъ непостигаемое; въ «обрядъ» вѣрятъ. Только тогда, когда эта вѣра въ данный обрядъ будетъ разбита онъ теряетъ сразу свою силу и лопается какъ мыльный пузырь; душа малокультурнаго, но склоннаго къ мистицизму, народа переживаетъ тогда кризисъ и ищетъ новый «обрядъ» въ который она сможетъ опять повѣрить.

Въ почитаніи «обряда» и выразилась главнымъ образомъ религіозность русскаго крестьянина.

Въ почитаніи своего рода политическаго обряда и выражалось его политическое міросозерцаніе.

Оттого и произошелъ такой рѣзкій переломъ въ 1917 г. и въ этомъ по нашему и была сущность революціи — существовавшій «политическій обрядъ» русскихъ народныхъ массъ былъ окончательно разбитъ.

Мы настаиваемъ на томъ, что внутреннее строеніе, т. е. строеніе психологическое, Русскаго патріотизма было другое, нежели внутреннее строеніе патріотизма любого изъ Западноевропейскихъ народовъ. Русскій патріотизмъ былъ значительно болѣе примитивенъ, онъ былъ — если можно такъ выразиться — лишь сырой матеріалъ изъ котораго въ условіяхъ культурной жизни и выростаютъ тѣ болѣе сложные виды «патріотизмовъ», которые можно было наблюдать во Франціи, въ Великобританіи и въ Америкѣ.

Въ примитивныхъ формахъ патріотизма отсутствуетъ соціальная его осознанность; ближайшее слѣдствіе этого — отсутствіе внутри-общественнаго контроля. И этотъ недостатокъ можно было наблюдать у насъ не только въ малокультурныхъ слояхъ народа, но и въ болѣе просвѣщенныхъ кругахъ. Приведенная выше выдержка изъ воспоминананій С. А. Добророльскаго кончается словами о томъ, что «борьба съ желаніемъ «уклониться» въ средѣ нашихъ высшихъ, т. е. болѣе образованныхъ круговъ» велась безуспѣшно, ибо бороться съ этимъ зломъ можно только дружными усиліями самаго общества, а этого у насъ и не было. Объ этой отрицательной сторонѣ русскаго общества мы уже говорили выше и приводили для сравненія Великобританію, гдѣ молодымъ людямъ не записавшимся въ добровольцы барышни преподносили пушинку...

Такимъ образомъ, нашъ выводъ о примитивности формъ русскаго патріотизма относится не только къ низшимъ слоямъ народа, а долженъ быть распространенъ и на высшіе его слои.

А между тѣмъ въ 1914 году Россія втягивалась въ грандіознѣйшую борьбу, акты которой должны были протекать въ крайне сложныхъ условіяхъ современности. Такое испытаніе было для русскаго народа съ его примитивнымъ патріотизмомъ, несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ для болѣе сознательныхъ Западно-европейскихъ народовъ.

Взаимоотношеніе столкнувшихся силъ.

Попытаемся теперь оцѣнить взаимоотношенія вооруженныхъ силъ Россіи и ея враговъ, столкнувшихся въ началѣ кампаніи 1914 г. на нашемъ Западномъ Театрѣ военныхъ дѣйствій.

Основной данной опредѣляющей военную мощь государства является боевая сила ея арміи. Послѣдняя, въ современную эпоху огневой тактики, съ господствующимъ значеніемъ артиллерійскаго огня, исчисляется количествомъ линейныхъ (пѣхотныхъ) дивизій. Каждая изъ этихъ дивизій представляетъ собою то сочетаніе пушечнаго, пулеметнаго и ружейнаго огня, которое и должно считаться основой боевой силы.

Ко дню объявленія войны Германіей — Россія имѣла:

70 полевыхъ пѣхотныхъ дивизій и

19 стрѣлковыхъ бригадъ.

Съ объявленіемъ общей мобилизаціи начиналось формированіе еще 35 второочередныхъ пѣхотныхъ дивизій.

Такимъ образомъ, согласно расчетамъ министерства ген. Сухомлинова, боевая сила исчислялась 114-ю съ половиной пѣхотными дивизіями.

Но эта цифра дала бы точное представленіе о реальной боевой силѣ Россіи только въ томъ случаѣ, если наша пѣхотная дивизія дѣйствительно представляла бы собою наивыгоднѣйшее сочетаніе пушечнаго, пулеметнаго и ружейнаго огня. Пояснимъ эту мысль грубымъ примѣромъ: линейная дивизія, хотя бы считавшая въ своихъ рядахъ огромное количество людей, но не имѣющая пушекъ — представляетъ собою совершенно ничтожную боевую силу; такъ же точно дивизія, состоящая изъ однихъ только артиллеристовъ, не можетъ представлять собою самостоятельную боевую единицу. Для начала минувшей большой войны существовала опредѣленная комбинація между числомъ людей и огневыхъ машинъ, которая является наивыгоднѣйшей.

Мы имѣли дивизіи 16-ти батальон. состава, а нѣмцы — 12-ти батальоннаго. Первая же кампанія показала, что загроможденіе линейной дивизіи числомъ людей дѣлаетъ ее лишь излишне громоздкой и ведетъ только къ лишнимъ потерямъ. Россія въ серединѣ войны перешла къ 12-ти баталіоннымъ дивизіямъ и боевая сила ея линейной дивизіи отъ этого не уменьшилась.

Въ началѣ войны мы имѣли 8-ми орудійныя батареи, а нѣмцы 6-ти орудійныя. Первыя же сраженія подтвердили, что огневая сила батареи скорострѣльныхъ орудій почти не возрастаетъ отъ увеличенія числа ея орудій сверхъ шести. Въ теченіе войны Россія перешла на 6-ти орудійныя батареи и опять огневая сила линейныхъ дивизій отъ этого не пострадала.

Какъ показалъ опытъ войны, наиболѣе близко къ опредѣленію наивыгоднѣйшей комбинаціи числа людей и огневыхъ машинъ въ линейной (пѣхотной) дивизіи подошли нѣмцы.

Вслѣдствіе этого, для исчисленія дѣйствительной боевой силы Русской арміи, мы примемъ за единицу счета (за «единицу боевой силы арміи») боевую силу Германской полевой пѣхотной дивизіи.

Въ главѣ III-ей мы упоминали, что на одну германскую полевую пѣхотную дивизію приходилось 14 батарей дивизіонной и корпусной артиллеріи. Въ резервныхъ пѣхотныхъ дивизіяхъ число такихъ батарей было меньшимъ, а именно, 8. Наконецъ, въ ландверныхъ частяхъ это число падало до 6 и даже до 4 на дивизію. Но если принять во вниманіе, что нѣмецкая полевая тяжелая артиллерія насчитывала съ самаго начала войны 381 батарею, то можно принять, что въ среднемъ на каждую пѣхотную дивизію все же приходилось по 14 батарей. На

Русскую пѣхотную дивизію, считая и второочередныя, и принимая во вниманіе корпусную артиллерію, а также 60 батарей полевой тяжелой, придется всего 7 батарей.

Такимъ образомъ, наша полевая пѣхотная дивизія равнялась по своей огневой артиллерійской силѣ п о л о в и н ѣ германской полевой пѣхотной дивизіи.

Мы уже указывали выше, что существуетъ извѣстный предѣлъ для количества пѣхоты въ линейной дивизіи. Увеличеніе пѣхоты сверхъ этого предѣла почти не увеличиваетъ боевую силу линейной дивизіи. Такимъ предѣломъ въ 1914 г. нужно считать 12 баталіоновъ, то есть то количество, которое и имѣла германская линейная дивизія. Поэтому мы можемъ утверждать, что дѣйствительная боевая сила Русской пѣхотной дививизіи представляла собою не «единицу», а п о л о в и н у установленной нами выше «единицы боевой силы арміи». Это заключеніе, въ свою очередь, приводитъ насъ къ выводу, что дѣйствительная боевая сила Русской арміи въ 1914 г. при 114-ти съ половиной пѣхотныхъ дивизіяхъ должна измѣряться 60 вышеупомянутыми единицами счета.

Этотъ выводъ вполнѣ совпадаетъ съ авторитетнымъ утвержденіемъ генерала Маниковскаго, что война потребовала отъ Русской арміи (въ 114½ линейныхъ дивизій) въ два раза большаго артиллерійскаго вооруженія нежели это было предположено.

Изъ 114½ пѣхотныхъ дивизій, Россія сосредоточила противъ Германіи и Австро-Венгріи 94½ пѣхотныхъ дивизій. Остальныя дивизіи остались на Кавказѣ противъ ожидавшагося выступленія Турціи, а также для наблюденія за прочими границами Имперіи.

Но сосредоточеніе этихъ 94½ дивизій сильно растягивалось во времени:

ТАБЛИЦА.

	Число пѣхотныхъ дивизій, окончившихъ свое сосредоточеніе.	Боевая сила въ принятыхъ нами единицахъ счета.
На 15-й день мобилизаціи	27	13 - 14
23-й	52	26
60-й	90½	45
85-й	94½	47

Изъ этой таблицы мы видимъ, что полное сосредоточеніе Русской арміи на Западномъ театрѣ Россіи продолжалось 2-3 мѣсяца, въ то время какъ Германская и Австро-Венгерская арміи, предназначенныя для дѣйствія противъ Россіи, могли быть уже развернутыми къ 15-му дню мобилизаціи.

На дѣлѣ произошло нѣкоторое запозданіе въ сосредоточеніи австро-венгерской арміи, ввиду предпринятаго монархіей Габсбурговъ нападенія на Сербію. Но это запозданіе измѣрялось днями, а не мѣсяцами.

Какъ извѣстно, Германія рѣшила большею частью своихъ силъ обрушиться съ началомъ войны противъ Франціи. Противъ Россіи съ первыхъ же дней войны находилось не менѣе 20 пѣхотныхъ дивизій.[4]

Начавшіяся уже военныя дѣйствія противъ Сербіи задержали нѣсколько, какъ мы только что говорили, развертываніе всѣхъ предназначенныхъ противъ Россіи Австро-Венгерскихъ силъ, которыя въ итогѣ достигали 37½ пѣхотныхъ дивизій, 2 ландштурмныхъ дивизій и 13 ландштурмныхъ бригадъ, что составляло въ общемъ силы, равныя 46 пѣхотнымъ дивизіямъ.[5]

Дѣйствительную боевую силу австро-венгерской пѣхотной дивизіи можно считать равной силѣ Русской пѣхотной дивизіи. Измѣряя же эту величину въ принятыхъ нами единицахъ, мы получимъ, что дѣйствительная боевая сила австро-венгерской пѣхотной дивизіи равнялась, подобно русской, половинѣ этой единицы. Такимъ образомъ, общая боевая сила нѣмецкихъ и австро-венгерскихъ войскъ, участвовавшихъ въ первыхъ боевыхъ операціяхъ 1914 года, противъ Россіи, должна быть оцѣнена такъ:

---

4) Согласно приложенія №1 ко II-му тому «Исторіи Маровой войны», издаваемой Германскимъ Имперскимъ Архивомъ (**Reichsarchiv; Der Weltkrieg; Zweiter Band; Verlegt bei Muttler und Sohn, Berlin — 1925**). эти силы состояли:

а) 1-я, 2-я, 35-я, 36-я, 37-я, 41-я 1-я рез., 3-я рез., 35-я рез., 36-я рез., 3-я ландв., 4-я ландв., дивизіи;

б) дивизіи ген. Бродрюка, ландверныхъ, и эрзацъ-бригадъ: 1-й, 2-й, 6-й, 9-й, 70-й, бригады ген. Унгернъ, бригады ген. Гайдукъ, Лаценскій отрядъ полк. Буса, —

всего силы равныя 17-ти линейнымъ дивизіямъ. Но кромѣ этого имѣлись еще ландверныя и эрзатцъ-войска, оставшіяся въ крѣпостяхъ: Познани, Торнѣ, Кульмѣ, Грауденцѣ, Маріенбургѣ, Кенигсбергѣ. Эти части начали формироваться съ первыхъ же дней войны. Генералъ Бюа въ своей книгѣ «**L'armée allemande pendant la guerre 1914-1918**» опредѣляетъ величину всѣхъ силъ, оставленныхъ Германіей противъ Россіи (для активныхъ дѣйствій и въ крѣпостяхъ), равной: 6-ти полевымъ, 3-мъ резервнымъ, 8-ми эрзатцъ и 9 ландвернымъ дивизіямъ — итого 26-ти пѣхотнымъ дивизіямъ. Полагая, что нѣкоторыя изъ этихъ частей окончили свое формированіе черезъ мѣсяцъ, мы считаемъ, что общіе размѣры силъ, оставленныхъ нѣмцами на ихъ Восточномъ фронтѣ, должны оцѣниваться не менѣе какъ въ 20 пѣхотныхъ дивизій.

5) **Reichsarchiv; Der Weltkrieg 1914-1918; Zweiter Band, g. 366.**

	Число пѣхотныхъ дивизій	Боевая сила въ принятыхъ нами единицахъ счета.
Германія	20	15*
Австро - Венгрія	46	23
	Итого	38

*) Въ числѣ дѣйствовавшихъ противъ Россіи германскихъ силъ были не только полевыя, но также резервныя дивизіи и Ландверъ, имѣвшія какъ мы говорили выше менѣе сильное артиллерійское вооруженіе, нежели полевыя дивизіи; поэтому мы согласно точному исчисленію уменьшили общую силу нѣмцевъ, выраженную въ «единицахъ счета» до 15-ти.

Сравнивая данныя этой таблицы съ данными предыдущей, мы видимъ, что Россія при полномъ напряженіи могла выставить противъ объединенныхъ силъ Центральныхъ Державъ равныя силы только къ концу 2-го мѣсяца.

Между тѣмъ, по мнѣнію, получившему всеобщее распространеніе не только въ обывательскихъ кругахъ, но и въ Правительственныхъ, Россія представлялась такимъ колоссомъ, что ей стоило лишь слегка пошевелиться, дабы раздавить въ началѣ 1914 года находившіяся противъ нея непріятельскія силы. Что такое мнѣніе господствовало даже въ верхахъ нашихъ союзниковъ французовъ свидѣтельствуетъ слѣдующая телеграмма отъ 4/17 сентября 1914 г. Русскаго Посла въ Парижѣ Извольскаго. Въ этой телеграммѣ,[6] адресованной Министру Иностранныхъ Дѣлъ, говорится: «Роли союзныхъ Французской и Русской армій по отношенію къ Германіи сейчасъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ: французы наступаютъ, имѣя противъ себя 5/6 германскихъ силъ, а мы, какъ явствуетъ изъ послѣднихъ офиціальныхъ телеграммъ, остановились передъ 1/6 этихъ силъ. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя противниками, изъ коихъ Австрія выставила все, что имѣла. Полное пораженіе, нанесенное нами Австріи, привѣтствуется здѣсь самымъ восторженнымъ образомъ, но какъ въ публикѣ, такъ и въ военныхъ кругахъ, убѣждены, что Россія достаточно могущественна, чтобы справиться одной съ 1/6 германскихъ силъ, независимо отъ операціи противъ Австріи... Я не считаю себя въ правѣ умолчать объ этой критикѣ, не предупредивъ Васъ о назрѣвающемъ, можетъ быть, недоразумѣніи, чтобы не сказать противорѣчіи между нами и французами, которые убѣждены, что въ настоящую минуту Франція почти одна выдерживаетъ натискъ Германскаго колосса...».

Переоцѣнка нашей силы лежала и въ основѣ нашего плана войны. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ свои усилія противъ одного изъ нашихъ враговъ съ тѣмъ, чтобы разбивъ его перебросить главную массу войскъ для одержанія побѣды надъ другимъ, Сухомлиновъ и его

6) Цитировано Циховичемъ «Стратегическій очеркъ войны 1914 - 18 г. г.». Часть 1-я, стр. 62 - 64.

сотрудники задаются цѣлью сразу же наносить рѣшительные удары по австро-венгерскимъ арміямъ сосредоточившимся въ Галиціи и по нѣмецкимъ силамъ оставленнымъ въ Восточной Пруссіи, то есть по двумъ расходящимся операціоннымъ линіямъ. Такая переоцѣнка своихъ силъ Русскимъ Генеральнымъ Штабомъ привела къ естественному слѣдствію: наши союзники — Французы сразу-же стали предъявлять Россіи совершенно непосильныя требованія. Яркимъ доказательствомъ такого отношенія могутъ служить тѣ телеграммы, которыя передавались въ первые мѣсяцы войны русскимъ военнымъ агентомъ (графомъ Игнатьевымъ) въ Парижѣ, а также тѣми заявленіями, которыя дѣлались отъ имени французскаго Правительства его Посломъ въ Петроградѣ.

1-го августа, т. е. въ день объявленія Германіей войны Россіи, въ телеграммѣ нашего военнаго агента говорилось, что французскій военный Министръ «совершенно серьезно полагалъ возможнымъ для насъ вторженіе въ Германію и движеніе на Берлинъ со стороны Варшавы». Это требованіе Французскаго Правительства въ переводѣ на стратегическій языкъ означало слѣдующее: къ существовавшимъ уже двумъ операціоннымъ линіямъ (въ направленіяхъ на Галицію и на Восточную Пруссію) прибавлялась еще третья — Варшава - Бердинъ. При существовавшемъ въ дѣйствительности соотношеніи силъ подобная просьба была въ полномъ смыслѣ слова равносильна требованію отъ Россіи самоубійства.

Эта просьба Французскаго Правительства, повторенная нѣсколько разъ, поставила Русское Верховное Командованіе въ очень трудное положеніе. Военный французскій профессоръ Ecole Supérieure de Guerre такъ оцѣниваетъ въ своемъ курсѣ по Исторіи войны 1914-18 г. г. создавшееся положеніе:

«Ainsi le Commandement Russe, déja engagé du fait de son plan d'opérations dans deux directions divergentes, en adopte une troisième pour satisfaire sur l'heure aux suggestions peu mûries de son partenaire français: geste assurément chevaleresque, mais qui va la conduire à une dispersion stratégique grosse de danger».[7]

Начальныя операціи.

Въ дѣйствительности эта разброска силъ привела къ катастрофѣ въ Восточной Пруссіи и къ уменьшенію стратегическаго результата нашей побѣды въ Галиціи.

Подъемъ національнаго чувства въ нашихъ народныхъ массахъ въ началѣ войны сопровождался энтузіазмомъ по отношенію къ союзникамъ, въ особенности къ Франціи, безъ всякаго колебанія ставшей согласно договору рядомъ съ нами. Поэтому, когда съ первыхъ же дней войны изъ Франціи начали прибывать тревожныя вѣсти онѣ немедлен-

7) Ecole Supérieure de Guerre. Cours d'Histoire. La Guerre de 1914-1918 par le Colonel Dufour. Tome 1, page 202.

но же вызвали всеобщій порывъ желанія скорѣе выручить нашу вѣрную союзницу изъ тяжелаго положенія.

Изъ напечатанныхъ мемуаровъ французскаго посла въ Петроградѣ г. Палеолога можно убѣдиться какъ настойчивы были просьбы Франціи о помощи и съ какимъ же горячимъ сочувствіемъ принимались эти просьбы Россіей.

Уже 23 іюля (5 августа), т. е. на слѣдующій день послѣ объявленія войны Германіей Франціи, ея посолъ г. Палеологъ сдѣлалъ Императору Николаю II-му слѣдующее заявленіе: «Французская армія вынуждена будетъ выдержать могущественный натискъ 25-ти германскихъ корпусовъ. Я у м о л я ю Ваше Величество, приказать Вашимъ войскамъ немедленное наступленіе. Иначе французская армія рискуетъ быть раздавленной».[8]

8 (21) августа г-нъ Палеологъ записываетъ:

«На бельгійскомъ фронтѣ наши операціи принимаютъ дурной оборотъ. Я получилъ приказаніе воздѣйствовать на Императорское Правительство, дабы ускорить насколько возможно наступленіе русскихъ армій» (Sur le front de Belgique nos opérations prennent une mauvaise tournure. Je reçois l'ordre d'intervenir auprès du Gouvernement Impérial, afin d'accélérer autant que possible l'offensive des armées russes).

Политическіе руководители Франціи, испуганные призракомъ надвигающейся катастрофы, начали со всей доступной имъ силой давить на Государя и русскіе руководящіе круги. Вопросъ при этомъ ставился не только о содѣйствіи, но о спасеніи Франціи. Въ результатѣ политика не только препятствуетъ Русскому Верховному Главнокомандованію исправить ошибки плана войны, но толкаетъ на углубленіе ихъ; и Русскія арміи, не дожидаясь окончанія своего сосредоточенія и своей готовности бросаются въ наступленіе.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Французскій посолъ свидѣтельствуетъ, что военные руководители Русской Арміи вполнѣ сознавали опасность подобной торопливости въ началѣ военныхъ дѣйствій. Въ замѣткѣ отъ 13(26) августа г. Палеологъ пишетъ, что имѣлъ бесѣду съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновымъ. Въ отвѣтъ на слова Палеолога: «Подумайте, какой тяжелый часъ наступилъ для Франціи» (Songez comme l'heure est grave pour la France), русскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и Главнокомандующій арміями Сѣверо-Западнаго фронта отдаютъ себѣ отчетъ, что поспѣшное наступленіе въ Восточную Пруссію осуждено на неизбѣжную неудачу, «такъ какъ наши войска еще слишкомъ разбросаны и перевозка ихъ встрѣчаетъ много препятствій (considèrent qu'une offensive dans la Prusse Orientale est vouée à un échec certain parce que nos troupes sont encore trop dispersées et que les transports rencontrent beaucoup d'obstacles)».

---

8) Мемуары Палеолога, стр. 55. Слова: « Je supplie » отмѣчены самимъ авторомъ воспоминаній курсивомъ.

«Но, добавилъ С. Д. Сазоновъ, такъ какъ мы не имѣемъ права дать **погибнуть** нашему союзнику, то, несмотря на неоспоримый рискъ предпринятой операціи, нашъ долгъ немедленно же наступать, что Великій Князь и приказалъ»... (**«que nous n'avons pas le droit de laisser notre alliée en péril et que malgré les risques incontestables de l'entreprise nous avons le devoir d'attaquer immédiatement. C'est ce que le Grand Duc Nicolas vient d'ordonner...»**).

Русское Верховное Главнокомандованіе работаетъ подъ давленіемъ постоянно гнетущей мысли о необходимости спасать гибнущую Францію. Торопя вступленіе армій генерала Ренненкампфа и генерала Самсонова въ Восточную Пруссію, Ставка сочла нужнымъ упомянуть въ основномъ приказѣ о томъ, что это дѣлается для оказанія помощи Франціи.[9]

Наша первая операція въ Восточной Пруссіи, начавшаяся побѣдоноснымъ сраженіемъ арміи генерала Ренненкампфа у Гумбинена, кончается катастрофой въ арміи ген. Самсонова, въ которой центральные два корпуса окружены нѣмцами, и пораженіемъ арміи генерала Ренненкампфа въ сраженіи у Мазурскихъ Озеръ.

Но тѣмъ не менѣе Франція спасена.

«Два корпуса, пишетъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ маршала Жофра генералъ Дюпонъ,[10] сняты съ французскаго фронта; корпусъ дублировавшій гвардію — Гвардейскій Резервный (G. R.) отнимаютъ отъ арміи фонъ Бюлова и XI арм. корпусъ — отъ арміи фонъ Гаузена. Одна кавалерійская дивизія — 8-я (саксонская) ихъ сопровождаетъ... Это мѣропріятіе, можетъ быть, является нашимъ спасеніемъ. Предположите Гвардейскій Резервный Корпусъ на своемъ мѣстѣ 7-го сентября между Бюловымъ и Клукомъ, а XI арм. корпусъ съ Саксонской кавалерійской дивизіей — въ арміи фонъ Гаузена 9-го сентября у Феръ-Шампенуаза. Какія послѣдствія! Отъ этой ошибки начальника Германскаго Генеральнаго Штаба въ 1914 г. генерала фонъ Мольтке, другой Мольтке, его дядя, долженъ былъ перевернуться въ гробу».

На русскомъ фронтѣ стратегическія послѣдствія неудачъ арміи ген. Ренненкампфа и ген. Жилинскаго сведены къ нулю разгромомъ четырехъ Австро-Венгерскихъ армій въ Галиціи. Сотни тысячъ плѣнныхъ взяты доблестными арміями Юго-Западнаго фронта; вся Галиція очищена противникомъ торопливо уводящимъ остатки своихъ разбитыхъ армій къ Кракову и за Карпаты. Хотя эта побѣда одерживается почти

---

9) «Принимая во вниманіе, что война Германіей была объявлена сначала намъ, и что Франція, какъ союзница наша, считала своимъ долгомъ немедленно же поддержать насъ и выступить противъ Германіи, естественно, необходимо и намъ, въ силу тѣхъ же союзническихъ обязательствъ, поддержать французовъ, въ виду готовящагося противъ нихъ главнаго удара нѣмцевъ». Изъ директивы Ставки, посланной за № 345 отъ 28 іюля (10 августа) 1914 г. Главнокомандующему арміями Сѣверо-Западнаго фронта.

10) «Германское высшее командованіе въ 1914 году». Предисловіе къ этой книгѣ написано самимъ маршаломъ Жофромъ.

одновременно съ нашимъ пораженіемъ въ Восточной Пруссіи, тѣмъ не менѣе она не можетъ загладить тягостное моральное впечатлѣніе отъ этого послѣдняго. Рождается недовѣріе къ своимъ силамъ противъ нѣмцевъ. Особенно тяжело отзывается это въ тылу, гдѣ оппозиціонные къ Правительству элементы, легко поддаются мрачному пессимизму. А. И. Гучковъ въ своихъ показаніяхъ, данныхъ въ 1917 году послѣ революціи Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства утверждаетъ, что уже въ августѣ мѣсяцѣ 1914 года «онъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что война проиграна», причемъ причиной подобнаго пессимистическаго взгляда явились его «первыя впечатлѣнія уже на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, пораженіе у Сольдау»,[11] которое ему пришлось «однимъ крыломъ захватить...». Вотъ въ какую панику впадали нѣкоторые изъ наиболѣе энергичныхъ общественныхъ дѣятелей; какова же должна была быть «отдача» въ обывательской средѣ!

Осень 1914 года.

Удачное оттѣсненіе нѣмцевъ отъ рѣки Вислы въ октябрѣ 1914 года внесло въ Армію увѣренность въ своихъ силахъ и противъ нѣмцевъ. Радужныя надежды нашего командованія вылились въ слѣдующихъ словахъ реляціи отъ 25 октября (7 ноября) 1914 года: «Расширяя въ теченіе 13 дней нашъ успѣхъ по всему 500 верстному фронту, мы сломили повсюду сопротивленіе врага, который находится въ полномъ отступленіи... Одержанная побѣда позволяетъ нашимъ войскамъ перейти къ новымъ задачамъ, съ приступленіемъ къ которымъ начинается новый періодъ кампаніи».

Но имѣвшая мѣсто въ ноябрѣ Лодзинская операція, хотя и окончившаяся для насъ удачно все таки влила большую ложку дегтя въ бочку съ медомъ. Въ этой операціи около двухъ Германскихъ корпусовъ попали въ мѣшокъ и оказались въ положеніи аналогичномъ съ двумя корпусами Самсонова въ послѣднихъ числахъ августа. Каково было положеніе окруженныхъ нами Германскихъ войскъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки изъ воспоминаній ген. Людендорфа.[12] «Въ Познани, вдали отъ поля сраженія, мы узнали изъ русскихъ радіотелеграммъ, съ какими надеждами они оцѣнивали положеніе; какъ они готовились къ рѣшительному удару; какъ они радовались мысли о плѣненіи нѣсколькихъ нѣмецкихъ корпусовъ. Были уже отданы приказанія о сосредоточеніи подвижныхъ составовъ для отвоза нѣмецкихъ плѣнныхъ. Я не могу передать то, что я перечувствовалъ. Что угрожало? Вопросъ шелъ не только о плѣненіи столькихъ храбрыхъ солдатъ и торжествѣ непріятеля; вопросъ шелъ о проигрышѣ кампаніи.

11) Гдѣ дрался лѣвофланговый корпусъ арміи генерала Самсонова. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

12) **Ludendorff. «Meine Kriegserinnerungen»**, s. s. 83, 84.

Послѣ такого пораженія оставалось только отвести 9-ю армію назадъ. А каковъ былъ бы тогда конецъ 1914 года?».

Причинами тому, что нѣмцамъ удалось, хотя и съ огромными потерями, выскользнуть изъ мѣшка въ который они попали, являлись грубыя ошибки сдѣланныя въ руководствѣ арміями Главнокомандующимъ Сѣверо-Западнымъ фронтомъ генераломъ Рузскимъ и его Штабомъ. Но въ толщѣ войскъ, а также обывательскому мнѣнію въ тылу это не было видно, тѣмъ болѣе, что генералъ Рузскій пользовался большой популярностью въ Думскихъ и общественныхъ кругахъ. Поэтому мысль о томъ, что бороться съ нѣмцами Русской арміи не подъ силу начинаетъ пускать все большіе и большіе ростки. Нѣмцы съ большимъ искусствомъ ведутъ въ этомъ направленіи свою пропаганду. Раздувая размѣры своихъ успѣховъ въ Восточной Пруссіи они подрываютъ довѣріе союзниковъ къ Русской арміи; въ послѣдней они этимъ подрываютъ вѣру войскъ въ свою силу, а въ самой Россіи они обостряютъ оружіе всѣхъ оппозиціонно-настроенныхъ противъ Правительства общественныхъ элементовъ. Это какъ разъ совпадаетъ съ первыми признаками грядущей катастрофы въ снабженіи. Въ этомъ отношеніи характерна запись ген. Куропаткина въ его дневникѣ, помѣченная 27 декабря (ст. ст.) 1914 года:

«Пріѣхалъ А. И. Гучковъ съ передовыхъ позицій. Очень мрачно настроенъ. Видѣлся съ нимъ сегодня. Много разсказывалъ. Съ продовольствіемъ не справляются въ Арміи. Люди голодаютъ. Сапогъ у многихъ нѣтъ. Ноги завернуты полотнищами. А между тѣмъ масса вагоновъ съ сапогами стоятъ затиснутые забитыми станціями. Вожди далеко за телефонами. Связи съ войсками не имѣютъ. Убыль въ пѣхотѣ, въ офицерахъ, огромная. Есть полки, гдѣ нѣсколько офицеровъ. Особенно тревожно состояніе артиллерійскихъ запасовъ. Читалъ мнѣ приказъ командира корпуса не расходовать болѣе 3-5 снарядовъ въ день на орудіе. Пѣхотѣ, осыпаемой снарядами противника, наша артиллерія не помогаетъ. Укомплектованія не своевременны. Одна стрѣлковая бригада не получала укомплектованія три мѣсяца. Во время боевъ, когда Германцы прорвались изъ мѣшка,[13] на правый флангъ прислали укомплектованіе 14.000 человѣкъ безъ ружей. Эта колонна подошла чуть не въ боевую линію и очень стѣснила войска. Одинъ изъ корпусовъ не получалъ укомплектованій 1½ мѣсяца...».

Несомнѣнно, что въ этой записи много истиннаго, но несомнѣнно также и сильное сгущеніе мрачныхъ красокъ — вродѣ напримѣръ факта о присылкѣ укомплектованія безъ ружей, будто бы имѣвшемъ какое то рѣшительное значеніе для прорыва нѣмцевъ изъ мѣшка. Для насъ важно не это, а то, что запись ярко свидѣтельствуетъ о тѣхъ оцѣнкахъ и настроеніяхъ, которыя приносились изъ арміи въ страну. Приведенная запись тѣмъ болѣе характерна, что сдѣлана она рукой одного изъ бывшихъ военныхъ министровъ и Главнокомандующаго въ Японскую

13) Конецъ Лодзинской операціи. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

войну, слѣдовательно лицомъ умѣющимъ разбираться въ событіяхъ войны. Такъ къ концу 1914 года изъ Арміи въ страну ползли мрачные слухи, передававшіе во всѣ углы вѣсти о неустроеніи и предсказанія близкой катастрофы.

Лодзинская операція ставитъ точку надъ стремленіемъ нашего Верховнаго Главнаго Командованія вторгнуться внутрь Германіи и путемъ дѣйствія по кратчайшей операціонной линіи облегчить положеніе нашихъ союзниковъ на Французскомъ театрѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ эта же операція дала большіе положительные результаты въ общемъ стратегическомъ положеніи: для ея проведенія нѣмцы должны были перекинуть на свой восточный фронтъ еще 7 пѣхотныхъ и 1 кавалерійскую дивизію. Это несомнѣнно сильно облегчило положеніе нашихъ союзниковъ въ сраженіяхъ на Изерѣ и Ипрѣ.

Такимъ образомъ, дѣйствія Русскихъ Армій въ концѣ 1914 г. руководились той же рѣзко и съ страшнѣйшимъ напряженіемъ проводимой идеей выручать нашихъ союзниковъ. Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ съ свойственнымъ ему рыцарствомъ рѣшаетъ стратегическія задачи выпадающія на русскій фронтъ не съ узкой точки зрѣнія національной выгоды, а съ широкой обще-союзнической точки зрѣнія. Но эта жертвенная роль обходится Россіи очень дорого. Русская Армія теряетъ убитыми и ранеными около 1.000.000 людей и, что дѣлаетъ особо чувствительными эти потери — это то, что онѣ почти всецѣло выпадаютъ на долю кадроваго состава арміи. Вмѣстѣ съ этимъ напряженный темпъ боевыхъ дѣйствій вызываетъ усиленный расходъ огнестрѣльныхъ запасовъ о недостаточности которыхъ мы уже много говорили выше.

Въ отношеніи потерянныхъ нами и занятыхъ нами территорій, кампанія 1914 года на Русскомъ театрѣ даетъ несравненно болѣе благопріятную картину, нежели та, которую мы видимъ у нашихъ сосниковъ на Французскомъ театрѣ (см. схему № 11). Хотя мы и потеряли небольшую часть Польши на лѣвомъ берегу Вислы, но мы и не собирались удерживать ее и по плану войны; зато мы овладѣли Галиціей и въ Восточной Пруссіи вновь подошли съ востока къ Мазурскимъ озерамъ. Въ итогѣ начертаніе нашего фронта улучшилось по сравненію съ исходнымъ положеніемъ въ 1914 году, такъ какъ глубина «Польскаго мѣшка» уменьшилась.

Однако, какъ мы видѣли выше, понесенныя нами въ кампаніи 1914 года потери, а также неустройство въ тылу съ упрямствомъ поддерживаемое невѣжественнымъ и легкомысленнымъ Сухомлиновымъ тяжело отражались на настроеніи страны. Вслѣдствіе этого настроенія каждая изъ неудачъ на фронтѣ воспринималась особенно болѣзненно и общій стратегическій результатъ кампаніи совершенно заслонялся. А между тѣмъ онъ былъ положительный и большой. Германія строившая весь свой успѣхъ войны на быстромъ пораженіи по-очередно Франціи и Россіи оказалась не въ силахъ разбить ни ту, ни другую; Германскій Генеральный Штабъ былъ сбитъ съ той позиціи, на которой онъ бази-

ровалъ свою военную мысль въ теченіе долгихъ годовъ и, какъ слѣдствіе этого, утратилъ твердую идею плана войны, начавъ колебаться между западомъ и востокомъ. Это сдѣлалось типичной особенностью послѣдующаго періода войны, когда вмѣсто одного главнаго Германскаго фронта противъ французовъ, таковыхъ, отчасти захватнымъ порядкомъ самовластія Гинденбурга и интригъ Людендорфа получилось два — французскій и русскій. И этотъ важнѣйшій въ стратегическомъ отношеніи результатъ является **слѣдствіемъ дѣйствій на русскомъ фронтѣ.**

Къ сожалѣнію, союзники не отплачивали полноцѣнной монетой за помощь оказанную имъ Россіей. Нужды послѣдней не учитывались съ такой же полнотой. Первое проявленіе такого отношенія можно увидѣть въ томъ, какъ въ Средиземномъ морѣ Союзные Флоты пропускаютъ два сильныхъ германскихъ бронированныхъ крейсера «Гебенъ» и «Бреслау» въ Мраморное море. Этотъ пропускъ имѣетъ своимъ прямымъ слѣдствіемъ вступленіе Турціи въ ряды враговъ Россіи, что и состоялось въ началѣ ноября 1914 г. Объявленіе войны Турціей отвлекало часть русской вооруженной силы на Кавказскій фронтъ, но это было еще ничтожное послѣдствіе по сравненію съ другимъ: выступленіе Турціи закрывало доступъ въ Черное море, а это какъ мы уже указывали выше было равносильно блокадѣ; здѣсь была Ахиллесова пята русскаго колосса. Эта блокада являлась для Россіи особенно чувствительной къ началу кампаніи 1915 года, такъ какъ Русская Армія израсходовала въ своемъ жертвенномъ порывѣ большую часть своихъ огнестрѣльныхъ припасовъ.

Кампанія 1915 года.

Въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1915 года Гинденбургъ и Людендорфъ, получившіе на усиленіе своего фронта новые четыре корпуса сверхъ корпусовъ прибывшихъ уже къ нимъ передъ Лодзинской операціей, задумываютъ нанести Россіи сокрушительный ударъ, который долженъ окончательно вывести ее изъ строя. Для этого они намѣчаютъ широкій охватъ-клещи, въ которомъ они хотятъ сжать центральныя Русскія арміи, находившіяся въ Польшѣ и Западной Галиціи. Осуществленіе этихъ клешей должно было начаться разгромомъ Русской X-й Арміи, находившейся въ Восточной Пруссіи у Мазурскихъ озеръ и рѣшительнымъ наступленіемъ Австро-Венгровъ изъ Карпатъ на фронтъ Львовъ — Тарнополь. Обоимъ этимъ ударамъ по русскимъ флангамъ предшествовалъ энергичный штурмъ русскихъ позицій на лѣвомъ берегу Вислы въ раіонѣ прегражданшемъ прямые пути на Варшаву.

Эта фронтальная атака нѣмцевъ приводитъ къ кровопролитнѣйшимъ боямъ, причемъ особенно много крови было пролито въ окрестностяхъ Боржимова. Однако, нѣмецкій штурмъ быъ остановленъ и не помѣшалъ Русскому Верховному Главнокомандованію приступить къ

осуществленію задуманныхъ имъ тоже наступательныхъ операцій: рѣшительному наступленію черезъ Карпаты на фронтъ Горлице — Вышковъ для проникновенія на равнину Венгріи, и вспомогательному наступленію изъ Польши въ Восточную Пруссію (на фронтъ Ортельсбургъ — Сольдау). Это привело къ очень напряженнымъ сраженіямъ въ Восточной Пруссіи (2-е сраженіе у Мазурскихъ озеръ и у Прасныша) и на Карпатахъ. Планы нашихъ враговъ потерпѣли полное крушеніе. Въ этомъ долженъ былъ признаться и самъ Людендорфъ.

Сдача крѣпости Перемышля съ 135 тысячнымъ гарнизономъ и блестящая наша побѣда на Кавказскомъ театрѣ у Сарыкамыша давали намъ полную моральную компенсацію за тактическія неудачи въ Восточной Пруссіи (пораженіе 10-й нашей Арміи во 2-мъ сраженіи у Мазурскихъ озеръ, окончившееся окруженіемъ XX-го Корпуса въ Августовскихъ лѣсахъ). Но всѣ эти напряженнѣйшіе бои заставили насъ израсходовать послѣдніе запасы огнестрѣльныхъ припасовъ и мы подошли вплотную къ катастрофѣ, которая становилась неминуемой.

Неудача замысла Гинденбурга и Людендорфа сокрушить русскую вооруженную силу однимъ ударомъ не заставляетъ Германское Верховное Главное Командованіе отказаться отъ этой мысли. Оно окончательно рѣшаетъ перенести центръ тяжести своихъ усилій въ лѣтнюю Кампанію 1915 г. съ французскаго на русскій театръ и для этого опять перебрасываетъ съ перваго на второй значительныя силы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Германской Ставкѣ хорошо была извѣстна надвигающаяся въ Русской Арміи катастрофа въ боевомъ снабженіи. Кромѣ того безрезультатныя дѣйствія нашихъ союзниковъ для оказанія намъ помощи въ первый періодъ Кампаніи 1915 года, наводили нѣмцевъ на мысль, что Французское и Британское Главнокомандованія окажутся болѣе эгоистичными, нежели Русское, что арміи нашихъ союзниковъ не проявятъ такого же жертвеннаго порыва для того, чтобы оттянуть на себя германскія силы, какъ это сдѣлала Русская армія въ кампанію 1914 года; что помощь союзниковъ ограничится формулой «постолько посколько», а при такихъ условіяхъ нѣмцы смогутъ спокойно навалиться всѣми силами на Россію.

Насколько чувствительно было это перемѣщеніе свидѣтельствуютъ цифры заимствованныя нами изъ книги бывшаго начальника Французскаго Генеральнаго Штаба Генерала Бюа,[14] котораго нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ русскимъ. Согласно даннымъ генерала Бюа, въ началѣ войны, противъ Франціи нѣмцами направлено 79% ихъ силъ, а противъ Россіи 21%; въ августѣ 1915 года противъ соединенныхъ силъ французовъ и англичанъ остается всего 60% нѣмецкихъ пѣхотныхъ дивизій, а противъ Россіи сосредоточено 40%.

Нѣкоторую помощь намъ оказало присоединеніе Италіи къ лагерю нашихъ союзниковъ (24-го мая). Но такъ какъ выступленіе Италіи оттягивало на себя лишь Австро-Венгерскія войска, а Австро-Венгрія

---

14) «L'armée allemande pendant la guerre 1914-1915».

къ этому выступленію подготовилась, оно оказалось помощью мало дѣйствительной.

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ и протекаетъ для Россіи лѣтній періодъ Кампаніи 1915 года (май - октябрь). Этотъ періодъ начинается прорывомъ Макензена у Горлице. Каково было взаимоотношеніе артиллерійскихъ силъ во время этого прорыва свидѣтельствуетъ слѣдующій примѣръ. Противъ фронта одного изъ нашихъ корпусовъ (X-го) III-й Русской Арміи, на которую обрушился ударъ Макензена, наши противники сосредоточили болѣе 200 тяжелыхъ орудій, не считая легкой артиллеріи. У насъ же во всей III-ей Арміи въ составѣ 7-ми корпусовъ на фронтѣ 200 верстъ было всего 4 тяжелыхъ орудія: двѣ 42-хъ линейныя пушки, двѣ 6-ти дюймовыя гаубицы, причемъ одна изъ двухъ 42-хъ линейныхъ пушекъ въ началѣ боевъ лопнула отъ крайней изношенности тѣла орудія.[15]

Нѣмцы хорошо используютъ свое подавляющее превосходство въ артиллерійскихъ силахъ. Вотъ какъ въ общихъ чертахъ можетъ быть обрисована картина наступленія Макензена наносившаго главный ударъ. Какъ громадный звѣрь нѣмецкая армія подползала своими передовыми частями къ нашимъ окопамъ, но лишь настолько, чтобы приковать къ себѣ наше вниманіе и въ то же время быть готовою немедленно же послѣ очищенія окоповъ занять ихъ. Затѣмъ этотъ звѣрь-гигантъ подтягивалъ свой хвостъ — тяжелую артиллерію. Послѣдняя становилась въ раіоны малодоступные для нашей легкой артиллеріи, часто даже внѣ достижимости ея выстрѣловъ, и съ нѣмецкою методичностью начинала барабанить по нашимъ окопамъ. Она молотила по нимъ до тѣхъ поръ, пока они не были сравнены съ землею и защитники ихъ перебиты. Послѣ этого звѣрь осторожно вытягивалъ свои лапы — пѣхотныя части — и занималъ наши окопы; въ это время тяжелая артиллерія держала подъ жестокимъ огнемъ расположеніе нашихъ батарей и нашъ тылъ, а выдвинувшаяся нѣмецкая легкая артиллерія и пулеметы охраняли выдвигающуюся пѣхоту отъ нашихъ контръатакъ. Въ послѣднемъ случаѣ «потери атакующаго» выпадали на нашу долю — нѣмцы же отсиживались въ воронкахъ изрытой снарядами мѣстности и разстрѣливали насъ въ упоръ. Закрѣпившись на захваченной у насъ позиціи «звѣрь» опять подтягивалъ свой хвостъ и германская тяжелая артиллерія съ прежней методичностью начинала молотить по нашей новой позиціи.

Нѣмцы могли безпрепятственно повторять этотъ способъ дѣйствій. У насъ было не только мало артиллеріи для того, чтобы имъ противодѣйствовать, но и та, которая была молчала изъ-за отсутствія снарядовъ. Достаточно напомнить, что граду снарядовъ германскаго барабаннаго огня мы могли противопоставить въ среднемъ только 5-10 выстрѣловъ на легкую пушку въ день.

---

15) Свидѣтельство начальника Штаба 3-ей Арміи ген. С. Добророльскаго, «Военный Сборникъ» № I, стр. 99, изд. Бѣлградъ.

При такихъ условіяхъ наша оборона фактически являлась невозможной и «Макензеновскій кулакъ» проползаетъ по Галиціи до Перемышля, а затѣмъ поворачиваетъ на фронтъ Люблинъ - Холмъ. Одновременно съ этимъ начинается рѣшительное наступленіе нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи. На этотъ разъ дѣйствительно образуются клещи, которыя грозятъ отхватить наши центральныя арміи, находящіяся въ такъ называемомъ «Польскомъ мѣшкѣ».

Великое Отступленіе.

Выходъ изъ создавшагося положенія былъ только одинъ: отводъ всѣхъ армій вглубь страны, для того, чтобы спасти ихъ отъ окончательнаго разгрома и для того, чтобы было съ чѣмъ послѣ возстановленія снабженія продолжать войну. Но Русская Ставка три мѣсяца не можетъ на это рѣшиться. Только въ первыхъ числахъ августа начался грандіозный отходъ армій Сѣверо - Западнаго фронта, проведенный съ большимъ умѣніемъ генераломъ Алексѣевымъ. Много трагическихъ переживаній выпадаетъ на долю Высшаго Русскаго Командованія за время этого отступленія; сдаются крѣпости Новогеоргіевскъ и Ковно, очищаются крѣпости Ивангородъ, Гродно и Брестъ-Литовскъ, въ тылу царитъ паника. Нѣсколько разъ германскіе клещи готовы окончательно захватить отходящія Русскія арміи, но въ послѣднемъ итогѣ къ октябрю мѣсяцу Русскія арміи выходятъ изъ грозящаго окруженія и останавливаются на новой линіи, протягивающейся отъ Риги на Двинскъ, озеро Нарочь и далѣе на югъ на Каменецъ-Подольскъ (см. схему № 12).

Мы указывали выше, что если можно упрекать нашу Ставку, такъ только въ томъ, что она слишкомъ поздно рѣшилась на отводъ нашихъ армій вглубь страны. Это запозданіе стоило много лишнихъ жертвъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если вспомнить цифры потерь русской арміи за этотъ періодъ.

Въ лѣтнюю кампанію 1915 года Русская Армія теряетъ убитыми и ранеными 1.410.000 человѣкъ, т. е. въ среднемъ 235.000 въ мѣсяцъ. Это рекордная цифра для всей войны. Средняя величина потерь въ мѣсяцъ для всей войны равняется 140.000. Плѣнными въ ту же кампанію Русская Армія теряетъ 976.000, т. е. по 160.000 въ среднемъ въ мѣсяцъ. Если же взять только май, іюнь, іюль и августъ, то для каждаго изъ этихъ четырехъ мѣсяцевъ потеря плѣнными въ среднемъ возрастаетъ до 200.000. Среднее же таковое число въ мѣсяцъ для всей войны исчисляется въ 62.000.[16]

Рѣшиться на отводъ армій вглубь страны было для нашего высшаго командованія психологически чрезвычайно трудно. Всякое от-

16) За весь же 1915 годъ Русскія Арміи потеряли убитыми и ранеными болѣе 2.000.000 и плѣнными около 1.300.000.

ступленіе подрываетъ духъ войскъ, а такой грандіозный отходъ, какъ очищеніе громадной территоріи Имперіи, именно всей Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и части Волыни долженъ былъ тяжело отразиться и на психикѣ всей страны.

Для того, чтобы понять съ какимъ трудомъ вынашивалась въ нашемъ высшемъ командованіи идея о необходимости общаго отступленія вглубь страны слѣдуетъ перечитать мемуары лицъ находившихся при генералѣ М. В. Алексѣевѣ, на плечи котораго выпалъ тяжелый крестъ отводить наши арміи Сѣверо-Западнаго фронта.

«Во время борьбы въ Польскомъ мѣшкѣ», пишетъ генералъ Борисовъ, являвшійся ближайшимъ довѣреннымъ ген. Алексѣева по стратегическимъ вопросамъ, «въ первый разъ у меня возникъ сильный споръ съ Алексѣевымъ. Я исходя изъ опыта бельгійскихъ крѣпостей и зная крѣпостное дѣло изъ прежней своей службы въ Ивангородской крѣпости, въ Генеральномъ Штабѣ, настаивалъ на очищеніи нами не только Ивангорода, Варшавы, но и Новогеоргіевска. Но Алексѣевъ отвѣтилъ: «Я не могу взять на себя отвѣтственность бросить крѣпость, надъ которой въ мирное время такъ много работали». Послѣдствія извѣстны. Новогеоргіевскъ оборонялся не годъ, не полгода, а всего лишь 4 дня по открытіи огня нѣмцами, или 10 дней со дня обложенія: 27-го іюля (9 августа) 1915 года обложенъ, а 6 (19) августа палъ. Это произвело на Алексѣева очень сильное впечатлѣніе. Мы были уже въ Волковыскѣ. Алексѣевъ вошелъ въ мою комнату, бросилъ телеграмму на столъ, опустился въ кресло со словами — Новогеоргіевскъ сдался. — Нѣсколько мгновеній мы молча смотрѣли другъ на друга, потомъ я сказалъ: — Больно и обидно, но ничего на театрѣ не измѣняетъ. — Алексѣевъ отвѣтилъ: — Очень больно для Государя и Народа».[17]

Нельзя не согласиться съ В. Борисовымъ, что разъ отходъ нашихъ армій изъ «Польскаго мѣшка» въ условіяхъ лѣтней кампаніи 1915 года былъ стратегической необходимостью, то очищеніе крѣпости явилось логически вытекающимъ слѣдствіемъ. Но большая разница: логически мыслить въ качествѣ безотвѣтственнаго совѣтчика, или окончательно рѣшать вопросъ въ качествѣ отвѣтственнаго начальника. Здѣсь невольно вспоминаются слова Жомини, сказавшаго, что война прежде всего «**est un drame effrayant et passionné**».

Воспоминанія генерала Палицына[18] тоже бывшаго въ это время при генералѣ Алексѣевѣ обрисовываютъ переживанія нашего Главнаго Командованія лѣтомъ 1915 года болѣе глубоко, нежели ген. Борисовъ. Изъ этихъ воспоминаній видно съ какимъ трудомъ рѣшались на это не только ген. Алексѣевъ (Главнокомандующій арміями Сѣверо-Западна-

17) «Ген. Алексѣевъ». Статья ген. В. Борисова въ № 2 «Военнаго Сборника», стр. 13 и 14, изд. Бѣлградъ.

18) Ген. Палицынъ былъ Начальникомъ Ген. Штаба въ 1905-1908 г. г. и пользовался особымъ уваженіемъ ген. Алексѣева, бывшаго тогда однимъ изъ его помощниковъ.

го фронта), но и Ставка, т. е. Верховное Главнокомандованіе. «Общее положеніе, записываетъ генералъ Палицынъ[19] 26 мая (8 іюня) 1915 года, предлагаетъ намъ два простыхъ вопроса: Россія или Польша. Причемъ представительницей интересовъ первой является Армія. Обстановка на всемъ фронтѣ такова, что именно эти вопросы требуютъ отвѣта; и кто, спрашивается, можетъ и долженъ дать этотъ отвѣтъ: Главнокомандующій (т. е. ген. Алексѣевъ, примѣчаніе Н. Н. Г.) отвѣтить на эти два вопроса не можетъ. Они не въ кругѣ его вѣдѣнія. Верховный Главнокомандующій и его Генеральный Штабъ стоятъ передъ ними и оттуда долженъ придти отвѣтъ и повелѣніе. Но и наша мысль также работаетъ надъ этими вопросами и мы оцѣниваемъ ихъ подъ вліяніемъ нашихъ нуждъ и нашей жизни. Главнокомандующій (ген. Алексѣевъ; примѣчаніе Н. Н. Г.) чувствуетъ и, скажу, видитъ, насколько положеніе наше при отсутствіи средствъ къ борьбѣ хрупко; онъ видитъ и необходимый въ нашихъ условіяхъ исходъ. Гуляя вечеромъ между хлѣбами, мы, въ разговорѣ, часто къ нему подходимъ и скоро отъ него отходимъ. Мы какъ то боимся своихъ мыслей, ибо всѣ затрудненія, которыя должны возникнуть при первомъ шагѣ его исполненія, намъ ясны. Не неся никакой отвѣтственности, я смѣлѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, ибо они умозрительнаго свойства, но мнѣ понятны тѣ муки и тревоги, которыя длительно и ежечасно переживаются Главнокомандующимъ, тѣмъ болѣе, что наше внутреннее, по отношенію противника, положеніе не легкое, въ особенности въ виду совершающагося на Югѣ;[20] оно еще усугубляется до состоянія безнадежности, вслѣдствіе отсутствія средствъ для борьбы. И надеждъ на близкое будущее нѣтъ. Пока вопросъ о томъ «зачѣмъ мы будемъ отходить» на вѣсу, а съ нимъ и цѣлый рядъ остальныхъ».

24 іюня (7 іюля) 1915 года генералъ Палицынъ опять затрагивая вопросъ о необходимости отводить наши арміи въ глубь страны записываетъ:[21] «Михаилъ Васильевичъ (ген. Алексѣевъ, примѣч. Н. Н. Г.) прекрасно знаетъ это; знаетъ, что вопросы эти требуютъ заблаговременнаго рѣшенія, что они сложны и послѣдствія этого рѣшенія чрезвычайно важны. Дѣло не въ Варшавѣ и Вислѣ, даже не въ Польшѣ, а **въ Арміи.** Противникъ знаетъ, что у насъ нѣтъ патроновъ и снарядовъ, а мы должны знать, что не скоро ихъ получимъ, а потому, чтобы сохранить Россіи Армію должны ее вывести отсюда. Массы, къ счастью, это не понимаютъ, но въ окружающемъ чувствуется, что назрѣваетъ что то неладное. Надежда удержаться насъ не оставляетъ, ибо нѣтъ яснаго сознанія, что пассивное удержаніе нашего положенія, само по себѣ есть одно горе при отсутствіи боевого снабженія. Въ такихъ тя-

---

19) «Военный Сборникъ», книга 3-я, стр. 178, 179, изд. Бѣлградъ.

20) Въ это время арміи нашего Юго-Западнаго Фронта, буквально истекая кровью, должны были отступать изъ Галиціи.

21) «Военный Сборникъ», кн. 4-я, стр. 278.

желыхъ условіяхъ, протекаетъ творческая работа Главнокомандующаго и помочь ему нельзя, ибо рѣшенія должны исходить отъ него».

Если столь психологически труднымъ было положеніе Генерала Алексѣева, Главнокомандующаго Сѣверо-Западнымъ фронтомъ, то насколько тяжелѣе было творчество Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, отъ котораго катастрофическая обстановка въ лѣто 1915 года требовала рѣшиться на отводъ Русскихъ армій вглубь страны. Верховный Главнокомандующій и его Ставка не могли не сознавать всѣхъ ужасающихъ послѣдствій, связанныхъ съ подобнымъ отступленіемъ.

Во многомилліонной солдатской массѣ росли слухи объ измѣнѣ. Эти слухи становились все сильнѣе и сильнѣе и проникали даже въ среду болѣе интеллигентныхъ лицъ. Причиной, дающей особую силу этимъ слухамъ являлось то обстоятельство, что происшедшая катастрофа въ боевомъ снабженіи, какъ бы оправдывала тѣ мрачныя предположенія, которыя нашли сильное распространеніе еще въ концѣ 1914 года.

Моральное воздѣйствіе этого отступленія на армію.

Однимъ изъ очень характерныхъ показателей съ какой нервностью реагировали на эти слухи объ измѣнѣ даже высшіе круги, служитъ дѣло Мясоѣдова.[22]

Генералъ Ноксъ, внимательно наблюдавшій за состояніемъ Русской Арміи, записываетъ въ августѣ мѣсяцѣ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Духъ Русской Арміи проходитъ черезъ многія тяжелыя испытанія, только одного изъ которыхъ было бы достаточно, чтобы подорвать духъ многихъ другихъ армій. Нельзя не поражаться тому, что многіе изъ выдающихся начальниковъ настолько подавлены убѣжденіемъ въ техническомъ превосходствѣ нѣмцевъ, что считаютъ, что нѣмецъ «все можетъ». Это — естественное, но нездоровое явленіе. Среди солдатской же массы было много случаевъ сдачи въ плѣнъ и дезертирства въ тылъ. Предпринимаемыя строгія мѣры и наказанія повидимому мало дѣйствительны».

«Число заболѣвшихъ громадно. Отыскиваются всякіе предлоги, чтобы уйти въ тылъ. Среди солдатъ распространяется убѣжденіе, что не стоитъ драться, разъ вездѣ бьютъ».[23]

---

22) См. стр. 20 «Днѣвника Великаго Князя Андрея Владиміровича». Свидѣтельство Вел. Кн. Андрея Владиміровича въ данномъ случаѣ цѣнно, ибо этотъ Великій Князь, окончившій въ свое время курсъ Военно-Юридической Академіи, особенно интересовался военно-юридическими вопросами; онъ имѣлъ несомнѣнно, возможность близко ознакомиться съ «дѣломъ Мясоѣдова».

23) «With the Russian Army», pp. 349-350.

Далѣе генералъ Ноксъ упоминаетъ объ одномъ изъ писемъ, которыя въ большомъ числѣ посылались изъ рядовъ войскъ прямо Главнокомандующему съ критикой ближайшаго начальства. Весьма вѣроятно, что многія изъ этихъ писемъ были написаны изъ патріотическихъ чувствъ и нѣкоторыя изъ нихъ были справедливы; но самый фактъ ихъ появленія являлся яркимъ признакомъ паденія довѣрія къ начальникамъ и паденія дисциплины.

Пессимистическое настроеніе фронта передавалось въ тылъ при посредствѣ тысячи нитей связывающихъ современную многомилліонную армію съ народомъ. Письма къ роднымъ, жалобы раненыхъ, разсказы возмущенныхъ представителей общественности являлись тѣми каплями, составлявшихъ цѣлые потоки мрачныхъ настроеній, которыя въ концѣ сливались въ океанъ общаго недовольства и растерянности. Генералъ Серинъи въ своей очень интересной книгѣ[24] составленной на основаніи наблюденій на Французскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій пишетъ:[25]

«Кризисъ недовѣрія начинается всегда среди тѣхъ, которые не сражаются. Мармонъ, въ своемъ «Духѣ военныхъ учрежденій», разсказываетъ, что бѣгство всегда начиналось среди солдатъ послѣднихъ рядовъ фаланги. Этотъ случай повторялся на поляхъ сраженія во время міровой войны: обычно писаря и чиновники всякаго рода первые бросали свои посты. Да и было бы удивительно, если бы было иначе, потому что менѣе пріученные къ боевымъ переживаніямъ, менѣе дисциплинированные, а главное менѣе поглощенные битвой, эти люди слабѣли духомъ гораздо раньше своихъ товарищей непосредственно ощущавшихъ реальности боя».

«Кризисъ недовѣрія необычайно увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ поля битвы. Какой то оптическій обманъ увеличиваетъ всѣ явленія, удачи, какъ и неудачи. Тылъ составляетъ себѣ мнѣніе не на основаніи дѣйствительнаго положенія, а на основаніи разсказовъ раненыхъ и бѣженцевъ, извращающихъ факты въ зависимости отъ своего душевнаго состоянія. Преувеличеніе является правиломъ. Поэтому можно утверждать, что какъ правило положеніе никогда не бываетъ такимъ хорошимъ или такимъ плохимъ, какимъ оно кажется на первый взглядъ людямъ, находящимся въ тылу».

«Изъ всего вышесказаннаго ясно, что душевное состояніе высшаго начальника можетъ быть подорвано событіями гораздо раньше, чѣмъ духъ его войскъ».

«Многочисленныя доказательства послѣдняго мы имѣли въ теченіе міровой войны, у нашихъ союзниковъ и у нашихъ враговъ...».

«Чѣмъ дальше удаляться съ поля битвы, тѣмъ больше факты деформируются, плохія извѣстія раздуваются вслѣдствіе своего прохожденія черезъ многочисленныя уста, и страхъ — называя вещи своимъ

---

24) Général Serigny. «Reflexions sur l'art de la Guerre».
25) Стр. 42 - 46.

именемъ, — растетъ. Воображеніе, играя свою обычную роль, наполняетъ умы химерами. Самое удаленіе опасности окружаетъ ее еще большими ужасами. Пессимизмъ развивается какъ во времена Ксенофонта, въ самыхъ заднихъ рядахъ фронта. Однимъ словомъ, кризисъ недовѣрія начинается въ тылу и, по современному масштабу войны, среди самой націи...».

Такого же рода психологическое явленіе имѣетъ мѣсто и у насъ въ лѣтнюю кампанію 1915 года. Для того, чтобы показать насколько увеличивалась подавленность настроенія по мѣрѣ удаленія отъ боевыхъ линій въ тылъ, мы сошлемся на четыре документа относящихся къ одному и то же періоду времени:

1) на письмо одного изъ командировъ пѣхотныхъ полковъ,
2) на письмо одного изъ командировъ армейскихъ корпусовъ,
3) на письмо Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго,
4) на доклады Военнаго Министра генерала Поливанова въ секретныхъ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ.

Упомянутыя только что письма адресованы генералу Поливанову, который и ссылается на нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ.[26] Слѣдовательно, читая доклады самого ген. Поливанова въ Совѣтѣ Министровъ, мы можемъ прослѣдить каково было различіе въ настроеніи на различныхъ ступеняхъ военно-іерархической лѣстницы.

Командиръ Л.-Гв. Гренадерскаго полка генералъ Рыльскій описываетъ въ частномъ письмѣ къ ген. Поливанову участіе полка въ бою 6-11 іюня (19-24 іюня) 1915 г. у с. Крупе, въ которомъ полкъ понесъ потери въ 36 офицеровъ и около 2500 нижнихъ чиновъ. Это письмо онъ заканчиваетъ такъ:

«Армія, насколько мы можемъ судить, ожидаетъ какого то событія, которое должно повернуть войну въ нашу пользу. Одинъ слухъ, самый якобы достовѣрный, смѣняется другимъ. По послѣдней версіи къ намъ перевозится японская армія и тогда война рѣшится однимъ ударомъ. Многіе уже видѣли японцевъ въ тылу. Массовая галлюцинація».

Письмо генерала Рыльскаго вѣрно схватываетъ настроеніе арміи. Хотя вѣра въ свои силы и подорвана, но надежда на окончательную побѣду въ рядахъ бойцовъ еще есть. Отходя назадъ, войска дерутся, льютъ рѣки крови, но по существу говоря нигдѣ не «бѣгутъ».

Командиръ XXIX корпуса генералъ Зуевъ пишетъ генералу Поливанову о крайне неудовлетворительной постановкѣ вопроса укомплектованія Арміи, объ громадной убыли въ офицерскомъ составѣ Арміи, о колоссальномъ превосходствѣ противника въ вооруженіи...

«Нѣмцы вспахиваютъ поля сраженій градомъ металла и равняютъ съ землей всякіе окопы и сооруженія, заваливая часто ихъ защитниковъ съ землею. Они тратятъ металлъ, мы — человѣческую жизнь. Они идутъ впередъ, окрыленные успѣхомъ и потому дерзаютъ; мы, цѣ-

26) Мемуары ген. А. А. Поливанова, стр. 185 - 186.

ною тяжкихъ потерь и пролитой крови лишь отбиваемся и отходимъ. Это крайне неблагопріятно дѣйствуетъ на состояніе духа у всѣхъ».

Письмо далеко не безнадежное. Дѣйствительность обрисована мрачными красками, но надежда выйти изъ этого тяжелаго положенія не потеряна.

Такъ и переживалъ «фронтъ» катастрофу 1915 года. Личныя впечатлѣнія автора совершенно совпадаютъ съ изложеннымъ въ только что упомянутыхъ двухъ письмахъ.

Моральное воздѣйствіе этого отступленія въ тылу.

А вотъ письмо изъ тыла.

Пишетъ Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго тому же генералу Поливанову.

«Получаются свѣдѣнія, что въ деревняхъ, при участіи лѣвыхъ партій, уже отпускаютъ новобранцевъ (призывъ 15 мая) съ совѣтами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться. Если будетъ 2-3 недѣльное обученіе, съ винтовкой на 3-4 человѣка, да еще такое внушеніе, то ничего сдѣлать съ войсками невозможно. Уже были одобрены Его Величествомъ двѣ мѣры: 1) лишеніе семействъ лицъ добровольно сдавшихся пайка, и 2) по окончаніи войны высылка этихъ плѣнныхъ въ Сибирь для ея колонизаціи. Было бы крайне желательно внушить населенію, что эти двѣ мѣры будутъ проведены неукоснительно и, что надѣлы перейдутъ къ безземельнымъ честно исполнявшимъ свой долгъ. Вопросъ кармана (земли) довлѣетъ надъ всѣми. Авторитетнѣе Думы въ смыслѣ осужденія добровольной сдачи и подтвержденія необходимости возмездія нѣтъ никого. Не желая обращаться по этому вопросу къ Родзянко въ обходъ Правительства, Великій Князь поручилъ мнѣ просить Васъ, не найдете ли возможнымъ использовать Вашъ авторитетъ въ сферѣ членовъ Думы, чтобы добиться соотвѣтствующаго рѣшенія, хотя бы мимоходомъ въ рѣчи Родзянко, или лидера центра, что, очевидно, тѣ нижніе чины, которые добровольно сдаются, забывая долгъ передъ Родиной, ни въ коемъ случаѣ не могутъ расчитывать на одинаковое къ нимъ отношеніе, и что мѣры воздѣйствія, въ видѣ лишенія пайка и переселенія ихъ всѣхъ, послѣ мира, въ пустынныя мѣста Сибири вполнѣ справедливы. Глубоко убѣжденъ, что это произведетъ огромный эффектъ. Правительство же (Министерство Внутреннихъ Дѣлъ) могло бы черезъ губернаторовъ, передъ наборомъ и призывомъ, также внушить эту мысль. Тогда на фронтъ приходилъ бы не заранѣе готовый сдаться элементъ, а люди долга...».

«Прошу извиненія за назойливость, но какъ тонущій, хватающійся за соломинку ищу спасенія тяжелому положенію въ рядѣ мѣръ...».

Такъ писать могъ только человѣкъ окончательно извѣрившійся въ свою армію и совершенно потерявшій голову.

А теперь посмотримъ какъ преобразуется въ представленіи самого генерала Поливанова полученныя имъ свѣдѣнія.

Это уже форменная паника.

«Считаю своимъ гражданскимъ и служебнымъ долгомъ заявить Совѣту Министровъ, **что отечество въ опасности»**,[27] такъ въ засѣданіи Совѣта Министровъ 16(29) іюля 1915 года, приступилъ Военный Министръ генералъ Поливановъ въ своему очередному докладу о положеніи на фронтѣ. «Въ голосѣ его чувствовалось что то повышенно рѣзкое, записываетъ помощникъ Управляющаго Дѣлами Совѣта Министровъ А. Н. Яхонтовъ. Присущая ему нѣкоторая театральность рѣчи и обычно замѣтное стремленіе вліять на слушателя образностью выраженій стушевывается на этотъ разъ потрясающимъ значеніемъ произнесенныхъ словъ. Воцарилось томительное молчаніе. Наступившая тишина казалась невыносимой, безконечной... Когда прошли первыя минуты, когда охватившее всѣхъ нервное напряженіе немного ослабѣло, Предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ обратился къ А. А. Поливанову съ просьбою объяснить, на чемъ онъ строитъ столь мрачное заключеніе».

«Военный Министръ въ общихъ чертахъ нарисовалъ картину фронта. Наше отступленіе развивается съ возрастающей быстротой, во многихъ случаяхъ, принимающей характеръ чуть ли не паническаго бѣгства...[28] Во всякомъ случаѣ для каждаго, мало мальски знакомаго съ военнымъ дѣломъ, человѣка ясно, что приближаются моменты рѣшающіе для всей войны. Пользуясь огромнымъ преобладаніемъ артиллеріи, нѣмцы заставляютъ насъ отступать однимъ артиллерійскимъ огнемъ. Въ то время какъ они стрѣляютъ изъ орудій чуть ли не по одиночкамъ, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезныхъ столкновеній. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать въ дѣло пѣхотныя массы непріятель почти не несетъ потерь, тогда какъ у насъ люди гибнутъ тысячами. Естественно, что съ каждымъ днемъ нашъ отпоръ слабѣетъ, а вражескій натискъ усиливается. Гдѣ ждать остановки отступленія — Богу вѣдомо. Сейчасъ въ движеніи непріятеля все болѣе обнаруживается три главнѣйшихъ направленія: на Петербургъ, на Москву и на Кіевъ... Въ слагающейся обстановкѣ нельзя предвидѣть, чѣмъ и какъ удастся намъ противодѣйствовать развитію этого движенія.[29] Войска утомлены безконечными пораженіями и отступленіями. Вѣра въ конечный успѣхъ и въ вождей подорвана. Замѣтны все болѣе грозные признаки надвигающейся дембрализаціи. Учащаются случаи дезертирства и добровольной сдачи въ плѣнъ. Да и трудно ждать порыва и самоотверженія отъ людей, вливаемыхъ въ боевую линію безоружными съ приказомъ подбирать винтовки убитыхъ товарищей».

---

27) «Тяжелые Дни», А. Н. Яхонтовъ, «Архивъ революціи». Т. XVIII.

28) Это не соотвѣтствовало дѣйствительности. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

29) Сильно преувеличенное заключеніе .(Примѣчаніе Н. Н. Г.).

Въ засѣданіи 30 іюля (12 августа) ген. Поливановъ рисуетъ столь же мрачную картину:[30]

«На театрѣ войны безпросвѣтно. Отступленіе не прекращается. А. А. Поливановъ говоритъ, что онъ не въ состояніи дать сколько нибудь отражающей дѣйствительность картины фронта. Вся армія постоянно передвигается внутрь страны и линія мѣняется чуть ли не каждый часъ. Деморализація, сдача въ плѣнъ, дезертирство принимаютъ грандіозные размѣры. Ставка повидимому окончательно растерялась и ея распоряженія принимаютъ какой то истерическій характеръ. Вопли оттуда о виновности тыла не прекращаются, а напротивъ усиливаются и являются водою на мельницу противоправительственной агитаціи».

Пессимизмъ генерала Поливанова отвѣчаетъ общему настроенію Совѣта Министровъ и мы считаемъ, что А. Н. Яхонтовъ правильнѣе озаглавилъ бы свою запись не словами «Тяжелые Дни», а словами «Дни Паники». Эта паника вызвана была стратегически правильнымъ рѣшеніемъ Верховнаго Главнокомандующаго объ отводѣ Арміи вглубь страны. Это былъ, какъ мы уже говорили, единственный способъ спасти Армію и сохранить дальнѣйшую возможность продолжать борьбу, и единственно въ чемъ можно упрекнуть Ставку, это то, что она приняла это героическое рѣшеніе слишкомъ поздно, проливъ много лишней крови.

Но Совѣтъ Министровъ не въ состояніи это понять. Онъ весь подъ впечатлѣніемъ тѣхъ ближайшихъ тяжелыхъ послѣдствій, которыя вызываются нашимъ отступленіемъ. Однимъ изъ этихъ тяжелыхъ послѣдствій явилось бѣженство. И вотъ министры подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ массъ бѣженцевъ уходящихъ вмѣстѣ съ нашими войсками вглубь страны обрушиваются на Ставку.

Для примѣра приведемъ резюмэ обмѣна мнѣній министровъ въ секретномъ засѣданіи 30 іюля (12 августа), записаннаго А. Н. Яхонтовымъ.[31]

«Въ моихъ записяхъ набросано лишь общее содержаніе этой бесѣды, безъ отмѣтокъ, кто и что говорилъ. Ставка окончательно потеряла голову. Она не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ, въ какую пропасть затягивается Россія. Нельзя ссылаться на примѣръ 1812 года и превращать въ пустыню оставляемыя непріятелю земли. Сейчасъ условія, обстановка, самый размахъ событій не имѣютъ ничего общаго съ тогдашнимъ. Въ 12-мъ году маневрировали отдѣльныя арміи, причемъ раіонъ ихъ дѣйствій ограничивался сравнительно небольшими площадями. Теперь же существуетъ сплошной фронтъ отъ Балтійскаго чуть ли не до Чернаго моря, захватывающій огромныя пространства на сотни верстъ. Опустошать десятки губерній и выгонять ихъ населеніе вглубь страны — равносильно осужденію всей Россіи на страшныя бѣдствія. Но логика и велѣнія государственныхъ интере-

30) Яхонтовъ, «Тяжелые Дни», стр. 30.

31) Тамъ же, стр. 32.

совъ не въ фаворѣ у Ставки. Штатскія разсужденія должны умолкать передъ «военной необходимостью», какіе бы ужасы подъ нею ни скрывались. Въ концѣ концовъ внѣшній разгромъ Россіи дополняется внутреннимъ...».

А вотъ текстуальное заявленіе сдѣланное на этихъ же засѣданіяхъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ министровъ А. В. Кривошеинымъ.[32]

«Изъ всѣхъ тяжкихъ послѣдствій войны — это явленіе[33] самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое. И что ужаснѣе всего — оно не вызвано дѣйствительною необходимостью или народнымъ порывомъ, а придумано мудрыми стратегами для устрашенія непріятеля. Хорошій способъ борьбы! По всей Россіи расходятся проклятія, болѣзни, горе и бѣдность. Голодные и оборванные повсюду вселяютъ панику, угашаются послѣдніе остатки подъема первыхъ мѣсяцевъ войны. Идутъ они сплошной стѣной, топчутъ хлѣбъ, портятъ луга, лѣса. За ними остается чуть ли не пустыня, будто саранча прошла, либо Тамерлановы полчища. Желѣзныя дороги забиты, передвиженіе даже воинскихъ грузовъ, подвозъ продовольствія скоро станутъ невозможными, не знаю, что творится въ оставляемыхъ непріятелю мѣстностяхъ, но знаю, что не только ближній, но и глубокій тылъ нашей арміи опустошенъ, разоренъ, лишенъ послѣднихъ запасовъ. Я думаю, что нѣмцы не безъ удовольствія наблюдаютъ повтореніе 1812 года. Если даже они лишаются нѣкоторыхъ мѣстныхъ запасовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ они освобождаются отъ заботы о населеніи и получаютъ полную свободу дѣйствій въ безлюдныхъ раіонахъ. Впрочемъ, эти подробности не въ моей компетенціи. Очевидно онѣ были своевременно взвѣшены Ставкою и были тогда признаны несущественными. Но въ моей компетенціи, какъ Члена Совѣта Министровъ, заявить, что устраиваемое Ставкой великое переселеніе народовъ влечетъ Россію въ бездну, къ революціи и къ гибели».

Изученіе протоколовъ секретныхъ засѣданій Совѣта Министровъ крайне интересно не только въ отношеніи того паденія духа и растерянности, которыя были вызваны въ тылу отступленіемъ нашихъ армій. Это изученіе вскрываетъ также и то недовольство Ставкою, которое все растетъ. Несомнѣнно, что Ставкой было сдѣлано раньше много ошибокъ. Дѣлалось также много ошибокъ и въ періодъ отступленія 1915 г. Мы согласны даже съ мыслью, что наша Ставка какъ высшій органъ Генеральнаго Штаба была по сравненію съ такими же органами Французской, Британской, Германской и Австро-Венгерской армій хуже подготовлена. Но размахъ самыхъ событій былъ столь великъ, что ошибки были вполнѣ естественны, и не въ пылу самаго исполненія труднѣйшей стратегической операціи допустима была такая безпощадная критика въ центральномъ органѣ Правительства. Странно видѣть то, что члены Правительства говорятъ о «размахѣ событій»

32) Тамъ же, стр. 37.

33) Бѣженство (примѣчаніе Н. Н. Г.).

и не хотятъ видѣть, что веденіе войны въ такихъ условіяхъ требуетъ и «размаха жертвъ».

Собесѣдованія министровъ чрезвычайно показательны въ соціально-психологическомъ отношеніи.

Члены Совѣта Министровъ, нападая на Ставку, не отдавали себѣ отчетъ, какъ мы увидимъ далѣе, что они собственными руками подготовляютъ смѣну Верховнаго Главнокомандующаго. Предсѣдатель Совѣта Министровъ это чувствуетъ и предупреждаетъ своихъ коллегъ по Совѣту:[34]

«Я не возражаю противъ такой постановки, говоритъ И. Л. Горемыкинъ по поводу рѣшенія Совѣта Министровъ просить Государя о созывѣ засѣданія подъ Высочайшимъ предсѣдательствомъ для того, чтобы «открыть царю правду», но считаю долгомъ еще разъ повторить передъ Совѣтомъ Министровъ мой настойчивый совѣтъ съ чрезвычайной осторожностью говорить передъ Государемъ о дѣлахъ и вопросахъ, касающихся Ставки и Великаго Князя. Раздраженіе противъ него принимаетъ въ Царскомъ Селѣ характеръ грозный послѣдствіями. Боюсь, какъ бы наши выступленія не явились поводомъ къ тяжелымъ осложненіямъ».

Кризисъ въ Верховномъ Главномъ Командованіи.

Изучаемые нами протоколы вскрываютъ, что сами министры несомнѣнно подготовляли кризисъ Верховнаго Главнокомандованія. Но дѣлали это они безсознательно, ибо они, такъ же какъ и вся Россія глубоко почитали самого Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича.

Въ засѣданіи 6 (19) августа генералъ Поливановъ обрисовавъ самыми сгущенными красками тяжелое положеніе Арміи, заявилъ:[35]

«Какъ ни ужасно то, что происходитъ на фронтѣ, есть еще одно гораздо болѣе страшное событіе, которое угрожаетъ Россіи. Я сознательно нарушу служебную тайну и данное мною слово до времени молчать. Я обязанъ предупредить Правительство, что сегодня утромъ на докладѣ Его Величество объявилъ мнѣ о принятомъ имъ рѣшеніи устранить Великаго Князя и лично вступить въ командованіе Арміей».

«Это сообщеніе Военнаго Министра, записываетъ дальше А. Н. Яхонтовъ, вызвало въ Совѣтѣ сильнѣйшее волненіе. Всѣ заговорили сразу и поднялся такой перекрестный разговоръ, что невозможно было уловить отдѣльныхъ выступленій. Видно было, до какой степени большинство потрясено услышанной новостью, которая явилась послѣд-

---

34) Засѣданіе 24 іюля 1915 г. «Тяжелые Дни», Яхонтова, стр. 25, 26.
35) «Тяжелые Дни», стр. 52, 53.

нимъ оглушительнымъ ударомъ, среди переживаемыхъ военныхъ несчастій и внутреннихъ осложненій».

Мы не приводимъ здѣсь полностью того обмѣна мнѣній, который произошелъ вслѣдъ за тѣмъ между министрами и который слово въ слово записанъ А. Н. Яхонтовымъ. Это привело бы къ слишкомъ большому удлиненію выдержекъ изъ работы послѣдняго. Этотъ обмѣнъ мнѣній чрезвычайно показателенъ. Изъ него видно, какимъ общимъ довѣріемъ пользуется имя Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича.

...«Великій Князь Николай Николаевичъ — говоритъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ кн. Щербатовъ, — несмотря на все происходящее на фронтѣ, не потерялъ своей популярности и какъ въ арміи, такъ и въ широкихъ кругахъ населенія съ его именемъ связаны надежды на будущее».[36]

Въ такомъ же духѣ говорятъ всѣ министры, и въ томъ числѣ А. В. Кривошеинъ, рѣзкое осужденіе Ставки котораго мы выше приводили; теперь онъ говоритъ[37] ...«популярность Великаго Князя еще крѣпка и онъ является лозунгомъ, вокругъ котораго объединяются послѣднія надежды. Армія тоже, возмущаясь командирами и штабами, считаетъ Николая Николаевича истиннымъ вождемъ. И вдругъ смѣна верховнаго главнокомандованія. Какое безотрадное впечатлѣніе и въ обществѣ и въ народныхъ массахъ, и въ войскахъ. Я понимаю тѣхъ, кто говоритъ, что потеряешь равновѣсіе душевное. Нужно имѣть особенные нервы, чтобы выдерживать все происходящее. Россія переживала болѣе тяжелыя эпохи, но никогда не было такой, когда все дѣлается къ тому, чтобы еще усложнить и запутать и безъ того безвыходное положеніе».

Въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ засѣданій Совѣтъ Министровъ нервно обсуждаетъ вопросъ о предстоящей смѣнѣ Верховнаго Главнокомандованія. Онъ даже боится возмущенія въ странѣ.

Московская Городская Дума посылаетъ привѣтствіе Великому Князю Николаю Николаевичу съ выраженіемъ къ нему непоколебимаго довѣрія. Ген. Поливановъ въ секретномъ засѣданіи 19 августа (1 сентября) на предложеніе Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина ...«не отвѣчать всѣмъ этимъ болтунамъ и не обращать на нихъ вниманія...» заявляетъ:[38]

«Не могу согласиться съ предлагаемымъ г. Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ упрощеннымъ рѣшеніемъ вопроса величайшей политической важности. Важно имѣть въ виду, что Городское Управленіе Первопрестольной столицы на всю Россію заявляетъ о своемъ непоколебимомъ довѣріи къ Великому Князю Верховному Главнокомандующему, какъ вождю нашихъ армій противъ врага. На этотъ фактъ мы

---

36) Тамъ же, стр. 53.
37) Тамъ же, стр. 55.
38) Тамъ же, стр. 82, 83.

должны обратить вниманіе Его Величества и просить отложить свой отъѣздъ въ Ставку и смѣну командованія».

«Нельзя не считаться съ тѣмъ, говоритъ вслѣдъ за этимъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода А. Д. Самаринъ, что постановленіе о довѣріи Великому Князю было принято Московской Городской Думой единогласно. Даже Шмаковъ и его приверженцы голосовали за резолюцію. При такихъ условіяхъ было бы трудно квалифицировать ее, какъ революціонную. Не революція, а безконечный страхъ за будущее. Намъ нужно честно безъ утайки и оговорокъ объяснить Государю, что задуманный имъ шагъ помимо всего прочаго, является величайшимъ рискомъ для династіи. Какъ вѣрноподданные слуги Русскаго Царя, съ которымъ связаны всѣ судьбы нашей Родины, мы обязаны сказать, что увольненіе Великаго Князя недопустимо, что мы не отвѣчаемъ за порядокъ и безопасность въ странѣ».[39] Въ результатѣ министры въ засѣданіи 20 августа (2 сентября), происходившемъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя обратились къ нему съ просьбой не производить смѣны Верховнаго Главнокомандующаго.

21-го же августа (3 сентября) всѣ министры за исключеніемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина и Министра Юстиціи А. А. Хвостова послали Государю Императору коллективное всеподданнѣйшее письмо слѣдующаго содержанія:[40]

«Всемилостивѣйшій Государь,

«Не поставьте намъ въ вину наше смѣлое и откровенное обращеніе къ Вамъ. Поступить такъ насъ обязываетъ вѣрноподданническій долгъ и любовь къ Вамъ и Родинѣ, и тревожное сознаніе грознаго значенія совершающихся нынѣ событій».

«Вчера, въ засѣданіи Совѣта Министровъ, подъ Вашимъ личнымъ предсѣдательствомъ, мы повергли передъ Вами единодушную просьбу о томъ, чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ отстраненъ отъ участія въ Верховномъ Командованіи Арміей. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смѣемъ думать, всей вѣрной Вамъ Россіи».

«Государь, еще разъ осмѣливаемся Вамъ высказать, что принятіе Вами такого рѣшенія грозитъ, по нашему крайнему разумѣнію, Россіи, Вамъ и династіи Вашей тяжелыми послѣдствіями».

«Въ томъ же засѣданіи воочію сказалось коренное разномысліе между Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и нами, въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри страны событій и въ установленіи образа дѣйствій Правительства. Такое положеніе во всякое время недопустимое, въ настоящіе дни гибельно».

---

39) Тамъ же, стр. 85.

40) Тамъ же, стр. 98.

«Находясь въ такихъ условіяхъ, мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознаніемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ».

«Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные:

Петръ Харитоновъ [41]
Александръ Кривошеинъ [42]
Сергѣй Сазоновъ [43]
Петръ Баркъ [44]
Князь Н. Щербатовъ [45]
Александръ Самаринъ [46]
Графъ Павелъ Игнатьевъ [47]
Князь Всеволодъ Шаховской» [48].

Такъ говорятъ и дѣйствуютъ тѣ же лица, которыя только что передъ этимъ буквально поносили Ставку, и при этомъ въ своей критикѣ затрагивали не только вопросъ исполненія, но и принципіальныя стратегическія рѣшенія. Такимъ принципіальнымъ рѣшеніемъ явился отводъ Русской Арміи вглубь страны и это рѣшеніе могло исходить только отъ самого Верховнаго Главнокомандующаго. Такимъ образомъ, въ своей критикѣ министры по существу дѣла нападали и на Верховное Главнокомандованіе.

Интересно прослѣдить по мемуарамъ самого Военнаго Министра Поливанова какъ онъ относился къ вопросу о смѣнѣ Великаго Князя. Въ этихъ мемуарахъ ген. Поливановъ является противникомъ смѣны. Онъ разсказываетъ, какъ онъ старался ее предотвратить и нѣтъ основанія заподазривать искренность его записей.

Но какъ же тогда совмѣстить его доклады въ Совѣтѣ Министровъ. Вѣдь они являются тѣмъ масломъ, которое все время подливалось въ огонь.

Мы уже говорили выше о томъ психологическомъ явленіи, которое наблюдалось не только на русскомъ, но на другихъ фронтахъ: пессимизмъ растетъ по мѣрѣ удаленія отъ боевыхъ линій. Общее отступленіе нашихъ армій вызываетъ панику въ тылу и въ томъ числѣ въ Совѣтѣ Министровъ. О паническомъ настроеніи самого ген. Поливанова свидѣтельствуетъ одинъ поразительный фактъ. Въ засѣданіи Совѣта Министровъ 12(25) августа, разсказывая о своей поѣздкѣ въ Став-

41) Государственный Контролеръ.
42) Главноуправляющій Землеустройствомъ и Земледѣліемъ.
43) Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.
44) Министръ Финансовъ.
45) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.
46) Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода.
47) Министръ Народнаго Просвѣщенія.
48) Министръ Торговли и Промышленности.

ку съ письмомъ Государя къ Великому Князю, въ которомъ писалось о смѣнѣ Верховнаго Главнокомандующаго, ген. Поливановъ говоритъ:[49]

«Долженъ сознаться, что я отправлялся въ Ставку съ весьма смутнымъ чувствомъ, отнюдь не будучи увѣренъ въ благополучномъ исходѣ моей миссіи. Къ счастью, мои опасенія не оправдались. Великій Князь, какъ я подозрѣваю по нѣкоторымъ признакамъ, уже былъ предупрежденъ объ ожидающейся перемѣнѣ, но не зналъ, въ какой формѣ она произойдетъ и, повидимому, боялся худшаго. Прочтя письмо Его Высочество обрадовался и принялъ меня какъ вѣстника милости необычайной. Ни о какой возможности **сопротивленія или неповиновенія не можетъ быть и рѣчи».**

Каждому бывшему въ тѣ времена на фронтѣ хорошо извѣстно, что не было абсолютно никакихъ данныхъ опасаться какого бы то ни было переворота. Кромѣ того рыцарскій и лояльный характеръ самого Великаго Князя долженъ былъ бы заставить откинуть всякое опасеніе подобнаго рода. Между тѣмъ изъ словъ ген. Поливанова видно, что онъ именно опасался неподчиненія Великаго Князя повелѣнію Государя Императора, т. е. по существу дѣла, переворота. Такое опасеніе могло родиться только въ панически настроенномъ воображеніи.

Таково было настроеніе лицъ непосредственно стоявшихъ у власти. Посмотримъ теперь какъ переживалось наше отступленіе въ общественныхъ и обывательскихъ кругахъ. Для оцѣнки этого настроенія можетъ послужить чрезвычайно цѣнный документъ, найденный въ личномъ архивѣ Императора Николая II-го.[50] Это докладъ членовъ Военно-Морской Комиссіи Государственной Думы, поданный Государю въ августѣ 1915 года. Докладъ не помѣченъ датой, но судя по упоминанію о сдачѣ Ковно, онъ не могъ быть представленъ ранѣе чѣмъ въ августѣ 1915 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ видно изъ текста, относится къ тому времени, когда Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ еще Великій Князь Николай Николаевичъ. Такимъ образомъ, этотъ докладъ выражаетъ собой настроеніе руководящихъ общественныхъ круговъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда наверху назрѣвала смѣна Верховнаго Главнаго Командованія. Полностью текстъ этого доклада воспроизведенъ въ приложеніи № 1 къ настоящей главѣ.

Изъ этого доклада можно убѣдиться, что наши общественные круги переживали отступленіе нашихъ армій вглубь страны съ большимъ спокойствіемъ, нежели само правительство. На нихъ сильное впечатлѣніе производитъ не самый фактъ отхода, а тѣ причины, которыя его вызвали. На первомъ мѣстѣ среди этихъ причинъ ставится катастрофа въ боевомъ снабженіи. Поэтому красною нитью проходитъ въ докладѣ осужденіе правящихъ верховъ и стремленіе общественности захватить руководство тыловой работой въ свои руки. Правда, послѣдняя мысль

---

49) Тамъ же, стр. 66.

50) Напечатанъ въ книгѣ «Монархія передъ крушеніемъ 1914-1917». Государственное издательство; Москва. 1927 г.

не высказывается прямо. Составители доклада ходятъ около нея окольными путями, высказывая ее наиболѣе ярко только въ вопросѣ о рытьѣ окоповъ внутри страны.

Но тѣмъ не менѣе эта мысль является лейтъ мотивомъ всего доклада. Нужно помнить, что разбираемый нами докладъ совпадаетъ съ начальнымъ періодомъ промышленной мобилизаціи поднятой общественными же кругами.

Внимательно изучая докладъ нельзя не замѣтить, что онъ весь представляетъ собой сложный переплетъ дѣйствительно серьезныхъ обвиненій Правительства и Главнокомандованія съ указаніемъ на упущенія болѣе чѣмъ ничтожнаго характера. Такимъ прямо комическимъ моментомъ въ трагическомъ тонѣ доклада является, напримѣръ, упоминаніе о «потрясающей рѣчи одного изъ членовъ Государственной Думы» о плохомъ укрѣпленіи Пскова.

Но всѣ эти отклоненія доклада отъ серьезнаго тона свидѣтельствуютъ о той тревогѣ, которая распространяется въ странѣ. Несомнѣнно, что нервность этого настроенія и привела къ малой отчетливости редакціи его основной мысли. Насколько форма доклада не отвѣчаетъ его содержанію, лучшимъ примѣромъ можетъ служить его конецъ. Этотъ конецъ говоритъ о томъ, что «только непререкаемой Царскою властью можно установить согласіе между Ставкою Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго и Правительствомъ». Императоръ Николай II прочитавъ докладъ имѣлъ полное право сдѣлать логическій выводъ о томъ, что русскіе общественные круги желаютъ, чтобы Монархъ въ своемъ лицѣ совмѣстилъ Управленіе страной и Верховное Главнокомандованіе.

Несомнѣнно, что удаленіе Великаго Князя Николая Николаевича обуславливалось также и вліяніемъ идущимъ изъ непосредственнаго окруженія Императора. Напечатанныя нынѣ письма Императрицы Александры Федоровны не оставляютъ въ этомъ сомнѣнія. Но мы настаиваемъ на томъ, что подъ вліяніемъ революціонныхъ настроеній эта смѣна слишкомъ исключительно приписывалась вліяніямъ личнаго характера. Несомнѣнно, что общія причины въ вопросѣ смѣны Верховнаго Главнокомандующаго имѣли на Государя большее вліяніе, чѣмъ личные мотивы, и нѣтъ никакихъ основаній заподазривать искренность словъ Государя объявившаго свое вступленіе въ командованіе Арміей желаніемъ лично стать во главѣ войскъ въ минуты катастрофы.

Увольненіе Великаго Князя Николая Николаевича и вступленіе въ Верховное Главнокомандованіе Государя Императора.

Смѣна Верховнаго Главнокомандующаго произошла 23-го августа. Верховнымъ Главнокомандующимъ сталъ Государь съ Начальникомъ Штаба генераломъ Алексѣевымъ. По существу говоря послѣдній и становился теперь Верховнымъ Главнокомандующимъ. Это понимала вся Армія и это въ извѣстной степени примирило съ происшедшей перемѣ-

ной, т. к. высшія лица Штаба Великаго Князя Николая Николаевича были крайне непопулярны.

Какое впечатлѣніе произвела эта смѣна на самую Армію?

«Этотъ значительный по существу актъ, — пишетъ генералъ Деникинъ въ своемъ трудѣ «Очерки Русской Смуты», [51] — не произвелъ большого впечатлѣнія. Генералитетъ и офицерство отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что личное участіе Государя въ командованіи будетъ лишь внѣшнее, и потому всѣхъ интересовалъ болѣе вопросъ: — Кто будетъ Начальникомъ Штаба?».

«Назначеніе генерала Алексѣева успокоило офицерство. Что касается солдатской массы, то она не вникала въ технику управленія; для нея Царь и раньше былъ верховнымъ вождемъ арміи и ее смущало нѣсколько одно лишь обстоятельство: издавна въ народѣ укоренилось убѣжденіе, что Царь несчастливъ».

Эти строки, написанныя однимъ изъ наиболѣе видныхъ вождей бѣлаго движенія грѣшатъ тѣмъ же непониманіемъ народныхъ массъ, которое привело затѣмъ самого автора цитированныхъ выше строкъ къ крушенію. То, что при смѣнѣ Верховнаго Главнокомандованія снаружи царило полное спокойствіе — это вѣрно. Болѣе того, мы сами были свидѣтелями съ какимъ энтузіазмомъ встрѣчали войска Государя впервые послѣ того, какъ онъ сталъ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Но это нисколько не противорѣчило тому, что удаленіе Великаго Князя Николая Николаевича сопровождалось глубокимъ сожалѣніемъ именно солдатской массы. Въ представленіи этой массы Великій Князь Николай Николаевичъ носилъ благородный обликъ поборника правды, рѣшительнаго искоренителя лжи — грознаго для всѣхъ и въ то же время справедливаго для всѣхъ.

«Прошло три - четыре мѣсяца войны, записываетъ одинъ большевицкій писатель[52] — и Николай Николаевичъ сталъ просто популяренъ. Въ арміи о немъ говорили не иначе какъ съ восторгомъ, а часто съ благоговѣніемъ».

Вокругъ имени Великаго Князя стали создаваться легенды. Народныя массы стремились воплотить въ немъ черты любимаго вождя.

Вотъ свидѣтельство иностраннаго наблюдателя Русской Арміи. Оно принадлежитъ перу неоднократно нами цитированнаго британскаго генерала А. Нокса; приводимыя строки написаны имъ для Британской энциклопедіи.

«Великій Князь Николай Николаевичъ былъ, прежде всего, патріотомъ съ сильно развитымъ чувствомъ долга. Хотя, благодаря принадлежности къ Царской Семьѣ, ему было гарантировано высокое положеніе въ Арміи, онъ, тѣмъ не менѣе, посвятилъ себя научному изученію своей профессіи. Его служебная дѣятельность показываетъ, что онъ обладалъ всѣми качествами военнаго вождя. Обладая импониру-

51) Томъ I-й, стр. 34.

52) «250 дней въ Царской Ставкѣ». Мих. Лемке, стр. 82.

ющей внѣшностью, онъ обладалъ неограниченной энергіей, сильною волей и способностью быстро рѣшаться. Всякая интрига была абсолютно чужда его благородному характеру. Онъ обладалъ исключительнымъ даромъ внушать вѣру въ себя и любовь. Его справедливость одинаково притягивала и сердца генераловъ и сердца солдатъ. Многочисленные разсказы про него, распространявшіеся среди русскихъ солдатъ крестьянъ, рисовали его легендарнымъ героемъ, защитникомъ Святой Россіи противъ германизма и развращенности Двора. Солдаты вѣрили, что онъ, очень строгій въ вопросахъ воинской дисциплины, одинаково требователенъ въ этомъ отношеніи къ генераламъ, а также и къ самому себѣ».

Популярность Алексѣева была иная. Въ арміи она распространялась, главнымъ образомъ, на офицерскіе круги. Командный составъ видѣлъ въ немъ наиболѣе знающаго изъ всѣхъ русскихъ генераловъ руководителя. Армейскій рядовой офицеръ видѣлъ въ немъ своего брата, вышедшаго на высшія ступени іерархіи исключительно благодаря личнымъ заслугамъ.

Солдатская масса его мало знала; въ немъ не было тѣхъ внѣшнихъ чертъ, которыя требуются мало культурнымъ массамъ для облика ихъ героевъ. То же самое происходило и въ странѣ: всѣ мало мальски образованные слои знали Алексѣева, уважали и вѣрили ему; народныя же массы его совсѣмъ не знали.

Вотъ почему и въ Арміи и въ общественныхъ кругахъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ многочисленные мемуары, наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса считалось — оставленіе Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича и назначеніе къ нему новаго Начальника Штаба въ лицѣ Алексѣева.

Устраняя отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, Государь отказывлся отъ содѣйствія чрезвычайно важной моральной силы. Онъ думалъ, что эта моральная сила заключавшаяся въ народной популярности Великаго Князя можетъ быть вполнѣ замѣнена монархической традиціей. Эта мысль была въ свое время отлично формулирована въ англійской газетѣ **«Daily Chronicle»**, такъ объяснявшей англійской публикѣ состоявшуюся въ Русскомъ Верховномъ Главнокомандованіи перемѣну:

«Царская власть обладаетъ какими то мистическими и отеческими свойствами, неотразимо дѣйствующими на душу русскаго народа. Рѣшеніе Царя вновь свидѣтельствуетъ о тѣсныхъ узахъ, существующихъ между народомъ и царемъ-батюшкою. Принимая на себя верховное командованіе, Царь ясно доказалъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ рѣшимости Россіи довести войну до конца».

Ошибка въ подобной точкѣ зрѣнія заключалась прежде всего въ томъ, что для успѣшнаго доведенія войны до побѣднаго конца необходима не замѣна силъ, а с л о ж е н і е всѣхъ имѣющихся въ распоряженіи силъ. Испытанія предъявленныя Россіи были слишкомъ велики, для того, чтобы позволять себѣ отказъ отъ какой бы то ни было

изъ имѣющихся въ распоряженіи силъ. Несомнѣнно, что здѣсь мы видимъ одно изъ наиболѣе яркихъ проявленій того примитивнаго отношенія къ современной сложной соціальной жизни, которое мы обнаруживали во всѣхъ областяхъ государственной жизни Россіи.

Настроенія солдатскихъ массъ.

Когда окончилось намѣченное Верховнымъ Главнокомандованіемъ отступленіе, по мѣрѣ того какъ войска устраивались на новыхъ линіяхъ обороны и спокойная рука генерала Алексѣева приводила все въ порядокъ, настроеніе арміи стало улучшаться.

Особое свойство русскаго солдата быстро оправляться отъ тяжелыхъ пораженій замѣчено было еще нѣмцами и включено было ими въ характеристику Русской Арміи.

Вотъ въ какихъ словахъ въ 1913 году отмѣчено это свойство Германскимъ Большимъ Генеральнымъ Штабомъ:

«Русскій солдатъ очень выносливъ въ физическомъ отношеніи и мало требователенъ. Вмѣстѣ съ этимъ **Русская военная часть обладаетъ исключительной способностью быстро оправляться послѣ неудачныхъ боевъ и быть опять способной къ упорной оборонѣ».**[53]

Интересно сравнить эту оцѣнку русскаго солдата, написанную до войны внимательно изучившимъ Русскую Армію Нѣмецкимъ Генеральнымъ Штабомъ, съ замѣткой записанной тоже внимательнымъ иностраннымъ наблюдателемъ Русской Арміи въ 1915 году генераломъ Ноксомъ. Въ октябрѣ 1915 года онъ заноситъ въ свои воспоминанія:[54]

«Хотя послѣ долгихъ напряженій Русскій солдатъ выглядитъ печально (невзрачно), тѣмъ не менѣе онъ обладаетъ исключительной способностью къ быстрому возстановленію своей боеспособности».

Мы вполнѣ отдаемъ себѣ отчетъ какъ трудно оцѣнивать настроеніе солдатскихъ массъ въ особенности русскихъ массъ того времени. Единственнымъ показателемъ этого настроенія могли являться только отчеты военной цензуры о письмахъ посылаемыхъ изъ арміи. Къ глубокому сожалѣнію мы лишены возможности использовать этотъ богатый архивный матеріалъ, остатки котораго хранятся въ Россіи и ждутъ своего изслѣдованія. По нимъ можно было бы дать общую картину измѣненія въ настроеніи арміи.

Нѣкоторыя интересующія насъ указанія можно найти въ записи генерала Нокса, сдѣланной имъ въ началѣ февраля 1916 года:

«Во время моего посѣщенія Сѣвернаго фронта въ февралѣ я былъ пораженъ тѣмъ восторгомъ, съ которымъ офицеры говорили о духѣ солдатъ. Цензора 12-й арміи (повидимому — крайне правые) читаютъ всѣ письма и классифицируютъ по отражающимся въ нихъ настроені-

---

53) «Der deutsche Generalstab», von Kuhl, s. 68 (курсивъ Куля).
54) «With the Russian Army in 1914-1917», p. 350.

ямъ такъ: а — хорошее, б — недовольство или подавленность, в — жалобы на офицеровъ, г — жалобы на пищу... и т. д. Въ большинствѣ частей 80% писемъ должны быть отнесены къ первой категоріи (хорошее настроеніе); въ нѣкоторыхъ же частяхъ эта категорія занимаетъ всѣ 100%».

Эта замѣтка генерала Нокса подтверждается и изъ другого источника. Въ книгѣ Лемке «250 дней въ Царской Ставкѣ»[55] упоминается о сводкѣ военно-цензурнаго отчета Штаба Арміи Западнаго Фронта, относящейся тоже къ началу февраля 1916 года.

Согласно этой сводкѣ корреспонденція посланная изъ армій Западнаго Фронта была распредѣлена такъ:

2,15% — писемъ въ угнетенномъ настроеніи,
30,25% — писемъ бодрыхъ,
67,60% — писемъ уравновѣшенныхъ, но содержащихъ въ себѣ спокойную вѣру въ конечный успѣхъ Русской Арміи.

Эти данныя тѣмъ болѣе интересны, что онѣ относятся къ фронтамъ, совершившимъ наибольшій отходъ въ лѣтнюю кампанію 1915 года.

Послѣдніе мѣсяцы 1915 года сопровождались относительнымъ затишьемъ на нашемъ театрѣ. Были нѣкоторыя частныя операціи, но ихъ масштабъ былъ небольшой и въ общемъ можно установить съ несомнѣнностью, что Русскія Арміи морально отдохнули и къ началу 1916 года настроеніе массъ Русской Арміи оправилось. Оно не носило на себѣ печать того горячаго порыва, который былъ присущъ началу войны, оно представляло собой спокойную увѣренность. Это какъ разъ отвѣчаетъ той громадной организаціонной работѣ, которая творилась ген. Алексѣевымъ по возстановленію нашей вооруженной силы послѣ катастрофы въ лѣто 1915 года.

Но въ этомъ возстановившемся настроеніи Арміи ярко проглядываютъ два тревожные симптома:

а) Общее недовольство «тыломъ», подъ которымъ прежде всего понималась дѣятельность Правительства. Это недовольство подготовляло во всѣхъ слояхъ арміи почву чрезвычайно благопріятную для всякаго рода слуховъ о бездарности, злоупотребленіяхъ и даже измѣнахъ въ верхахъ страны. Всякая критика быстро передается изъ устъ въ уста. Однимъ словомъ Армія морально возстановившись въ военномъ отношеніи, въ политическомъ отношеніи представляетъ собою разболѣвающійся организмъ, къ которому легко можетъ привиться всякая зараза. Армія все болѣе и болѣе превращается въ резонаторъ, въ которомъ всякое революціонное настроеніе тыла находитъ быстрый и многократный отзвукъ.

б) Второй тревожный симптомъ, который обнаруживается въ настроеніяхъ нашей арміи къ концу 1915 года, это разочарованіе въ

55) Стр. 545.

союзникахъ. въ самомъ дѣлѣ, полныя жертвеннаго порыва дѣйствія Русской Арміи въ 1914 году заставили нѣмцевъ перенести центръ тяжести своихъ дѣйствій въ лѣтнюю кампанію 1915 года противъ Россіи. Это рѣзко мѣняетъ распредѣленіе нѣмецкихъ силъ между Французскимъ и Русскимъ фронтами. Какъ мы говорили выше, въ августѣ 1914 года это взаимоотношеніе выражалось такъ:

79% германскихъ силъ, дѣйствующихъ противъ Французской, Британской и Бельгійской Армій и
21% германскихъ силъ, дѣйствующихъ противъ Россіи.

Въ 1915 году это взаимоотношеніе измѣняется такъ:[56]

	Противъ Французской, Британской и Бельгійской Армій:	Противъ Русской Арміи:	Противъ Сербской и Итальянской Армій:
Въ январѣ	69%	31%	—
февралѣ	67%	33%	—
мартѣ	66%	34%	—
апрѣлѣ	65%	35%	—
маѣ	62%	38%	—
іюнѣ	62%	38%	—
іюлѣ	61%	39%	—
августѣ	60%	40%	—
сентябрѣ	62%	33%	5%

Такимъ образомъ наши союзники не смогли помѣшать германцамъ удвоить свои силы противъ Россіи и навалиться на нее, какъ разъ въ самое критическое для Русской Арміи время.

Прежняя жертвенная готовность по отношенію къ своимъ союзникамъ смѣняется въ Русской Арміи чувствомъ горькой обиды и разочарованія.

Пусть объ этомъ разочарованіи въ союзникахъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ ихъ представителей, а именно неоднократно цитированный нами генералъ Ноксъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ записываетъ свой разговоръ 1 октября 1915 года съ Генералъ-Квартирмейстеромъ Штаба Армій Западнаго Фронта:

«Разговоръ коснулся доли тяготъ, выпавшихъ на долю каждаго изъ союзниковъ и маленькій Лебедевъ,[57] горячій патріотъ, увлекся во всю. Онъ сказалъ, что исторія осудитъ Англію и Францію за то, что онѣ мѣсяцами притаились, какъ зайцы въ своихъ норахъ, сваливъ всю тяжесть на Россію. Я, конечно, спорилъ съ нимъ и указывалъ ему, что

56) **Général Buat, «L'armée allemande pendant la guerre, 1914-1918».**
57) Генералъ Павелъ Лебедевъ. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

если бы не Англія, то Архангельскъ и Владивостокъ были бы заблокированы и Россія вынуждена была бы заключить миръ весною 1915 г. Я напомнилъ ему, что, хотя въ мирное время мы имѣли лишь ничтожную армію, сейчасъ мы развернули ее до численной силы почти равной Русской и это несмотря на то, что численность нашего населенія всего 45.000.000, а Россіи — 180.000.000. Относительно Франціи я повторилъ слова Делькассе, что для того, чтобы усилія Россіи достигли уровня напряженія Франціи, первая должна была бы мобилизовать 17.000.000».

«Лебедевъ отвѣтилъ, что не желаетъ сравнивать, что сейчасъ дѣлаетъ каждая изъ армій, но онъ сожалѣетъ, что въ Англіи не понимаютъ, что текущая война непосредственно грозитъ ея существованію. Несомнѣнно, что Англія дѣлаетъ много, но она не дѣлаетъ всего, что она могла бы дѣлать. Россія же ничего не бережетъ и все отдаетъ; что можетъ быть ей дороже, чѣмъ жизнь ея сыновъ? Но она широко ими жертвуетъ. Англія же широко даетъ деньги, а людей своихъ бережетъ. Число людей, которыми Россія готова жертвовать, ограничивается лишь возможностями ихъ вооруженія. Эти возможности, какъ я знаю, ограничены. Англія ведетъ эту войну, какъ будто это обыкновенная война; но это не такъ. Изъ всѣхъ союзниковъ, Россіи легче всего заключить сепаратный миръ. Правда, она при этомъ можетъ потерять Польшу, но Польша Россіи совсѣмъ не нужна. Россіи прійдется заплатить контрибуцію; но черезъ 20 лѣтъ послѣ этого Россія возстановитъ всѣ свои силы. Не таково положеніе Англіи. Если Германія выиграетъ войну, то черезъ 20 лѣтъ Германія будетъ имѣть флотъ въ три раза сильнѣе Англійскаго. Затѣмъ онъ сказалъ: «Мы же продолжаемъ войну. Мы отдаемъ все. Думаете ли Вы, что намъ легко видѣть длинныя колонны населенія, убѣгающаго передъ вторгающимися нѣмцами? Мы прекрасно сознаемъ, что дѣти на этихъ повозкахъ не доживутъ до весны». Что могъ я отвѣтить на это, ибо я зналъ, что многое изъ того, что говорилъ Лебедевъ, была правда. Я говорилъ, что могъ. Я надѣюсь, только, что говорилъ не глупѣе того, что высказывали нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, на бесѣдахъ которыхъ я присутствовалъ».

Въ толщѣ арміи и въ глубинахъ народа широко всходила мысль, что будто бы война намъ была ловко навязана союзниками, желавшими руками Россіи ослабить Германію. Автору часто приходилось слышать начиная съ зимы 1915 - 1916 года, циркулировавшую среди солдатской массы фразу: «Союзники рѣшили вести войну до послѣдней капли крови Русскаго солдата».

Мысль о томъ, что русскій народъ втравленъ въ войну вопреки его интересамъ особенно легко прививалась къ темнымъ народнымъ массамъ, въ которыхъ довѣріе къ Правительству было въ корнѣ подорвано.

Кампанія 1916 года.

Кампанія 1916 года начинается опять требованіемъ со стороны союзниковъ помощи отъ Россіи.

Германскія атаки на Верденъ ускоряютъ начало наступательныхъ операцій на нашихъ Сѣверномъ и Западномъ фронтахъ. Несмотря на то, что время года дѣлало невозможнымъ веденіе въ Россіи какихъ либо наступательныхъ операцій, Русское Верховное Главнокомандованіе рѣшило все таки произвести таковую въ широкомъ размѣрѣ для отвлеченія на себя нѣмецкихъ силъ съ французскаго театра. Атаки начались на Западномъ фронтѣ въ раіонѣ озера Нарочъ 15 марта и на Сѣверномъ фронтѣ въ раіонѣ Якобштадта и Двинска 21 марта. Прорывы не удались. Захватъ 2-3 тысячъ плѣнныхъ и оттѣсненіе противника на нѣкоторыхъ участкахъ на 2 - 3 версты, конечно, не отвѣчали тѣмъ громаднымъ потерямъ, которыя понесли Русскія Арміи. 30-го марта приказано было пріостановить наступленіе. Правда, помощь французамъ была осуществлена, т. к. съ 22-го по 30 марта германскія атаки у Вердена прекратились, но неудача наступленія не могла не оказать вліянія на моральную сторону русскаго командованія.[58]

Въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ одного характернаго разговора съ ген. Алексѣевымъ записаннаго М. Лемке въ его книгѣ «250 дней въ Царской Ставкѣ».[59] Этотъ разговоръ происходитъ 29 марта,[60] т. е. непосредственно подъ впечатлѣніемъ вышеупомянутыхъ наступленій на нашихъ Сѣверномъ и Западномъ фронтахъ.

М. Лемке, состоявшій офицеромъ военно-цензурнаго отдѣленія Ставки, бесѣдовалъ со своимъ начальникомъ, генералъ-квартирмейстеромъ Ставки, генераломъ Пустовойтенко, когда въ комнату вошелъ М. В. Алексѣевъ.

Въ завязавшемся разговорѣ М. В. Алексѣевъ сказалъ:

«— Да, настоящее не весело...».

«— Лучше ли будущее, Ваше Высокопревосходительство?» — спросилъ М. Лемке.

«— Ну, это какъ знать... отвѣтилъ М. В. Алексѣевъ. О, если бы мы могли его предупредить безъ серьезныхъ ошибокъ. Это было бы величайшимъ счастьемъ для человѣка дѣла и величайшимъ несчастьемъ для человѣка чувства...».

«— Вѣрующіе люди не должны смущаться такимъ заглядываніемъ, потому что всегда будутъ вѣрить въ исправленіе всего Высшею Волею», — вставилъ Пустовойтенко.

«— Это совершенно вѣрно», отвѣтилъ Алексѣевъ, — и вы знаете, только, вѣдь, и живешь мыслью объ этой Высшей Волѣ, какъ вы ска-

58) Заіончковскій, «Міровая война», стр. 253-254.

59) Стр. 648-650.

60) По новому стилю.

зали. А вы, вѣроятно, не изъ вѣрующихъ?», спросилъ онъ М. Лемке.

«— Просто атеистъ», — посмѣялся Пустовойтенко...

«— Нѣтъ, а я вотъ счастливъ, что вѣрю, и глубоко вѣрю въ Бога и именно въ Бога, а не въ какую то слѣпую и безличную Судьбу. Вотъ вижу, знаю, что война кончится нашимъ пораженіемъ, что мы не можемъ кончить ее чѣмъ нибудь другимъ, но, вы думаете меня это охлаждаетъ хоть на минуту въ исполненіи своего долга? Нисколько, потому-что страна должна испытать всю горечь своего паденія и подняться изъ него рукой Божьей Помощи, чтобы потомъ встать во всемъ блескѣ своего богатѣйшаго народнаго нутра».

«— Вы вѣрите также въ это богатѣйшее нутро?». — спросилъ Лемке.

«— Я не могъ бы жить ни одной минуты безъ такой вѣры. Только она и поддерживаетъ меня въ моей роли и моемъ положеніи... Я человѣкъ простой, знаю жизнь низовъ гораздо больше, чѣмъ генеральскихъ верховъ, къ которымъ меня причисляютъ по положенію. Я знаю, что низы ропщутъ, но знаю и то, что они такъ испакощены, такъ развращены, такъ обезумлены всѣмъ нашимъ прошлымъ, что я имъ такой же врагъ, какъ Михаилъ Савичъ,[61] какъ вы, какъ всѣ мы»...

«— А вы не допускаете мысли о болѣе благополучномъ выходѣ Россіи изъ войны, особенно съ помощью союзниковъ, которымъ надо насъ спасти для собственной пользы?».

«— Нѣтъ, союзникамъ вовсе не надо насъ спасать, имъ надо только спасать себя и разрушить Германію. Вы думаете, я имъ вѣрю хоть на грошъ?. Кому можно вѣрить? Италіи, Франціи, Англіи... Скорѣе Америкѣ, которой до насъ нѣтъ никакого дѣла... Нѣтъ, батюшка, вытерпѣть все до конца, вотъ наше предназначеніе, вотъ что намъ предопредѣлено, если человѣкъ вообще можетъ говорить объ этомъ...».

«— Армія наша — наша фотографія. Да это такъ и должно быть. Съ такой Арміей въ ея цѣломъ можно только погибать. И вся задача командованія свести эту гибель къ возможно меньшему позору. Россія кончитъ прахомъ, оглянется, встанетъ на всѣ свои четыре медвѣжьи лапы и пойдетъ ломать... Вотъ тогда мы узнаемъ ее, поймемъ какого звѣря держали въ клѣткѣ. Все полетитъ, все будетъ разрушено, все самое дорогое и цѣнное признается вздоромъ и тряпками...».

«— Если этотъ процессъ неотвратимъ, то не лучше ли теперь же принять мѣры къ спасенію самого дорогого, къ меньшему краху, хоть нашей наносной культуры?», спросилъ Лемке.

«— Вы безсильны спасти будущее, никакими мѣрами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидѣть сложа руки и только ждать, когда же все начнетъ валиться. А валиться будетъ бурно, стихійно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю, хотя бы о моментѣ демобилизаціи арміи. Вѣдь это же будетъ такой потокъ дикой отваги разнуздавшагося солдата, который никто не остановитъ. Я до-

61) Ген. Пустовойтенко (прим. Н. Н. Г.).

кладывалъ объ этомъ нѣсколько разъ въ общихъ выраженіяхъ, мнѣ говорятъ, что будетъ время все сообразить и что ничего страшнаго не произойдетъ; всѣ такъ де будутъ рады вернуться домой, что о какихъ то эксцессахъ никому въ голову не придетъ... А между тѣмъ, къ окончанію войны у насъ не будетъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ, ничего — все износили и изгадили своими собственными руками».

Можетъ быть при передачѣ этого разговора М. Лемке сгустилъ краски. Но мы думаемъ, что все таки онъ вѣрно рисуетъ пессимистическое настроеніе въ верхахъ нашего Главнаго Командованія явившееся результатомъ неудачъ нашего наступленія противъ нѣмцевъ.

Это вліяніе ярко сказалось и на совѣщаніи Главнокомандующихъ собранномъ въ Ставкѣ 14 апрѣля. Если внимательно проштудировать протоколъ этого Совѣщанія, станетъ совершенно очевиднымъ, что Главнокомандующій Сѣвернаго фронта генералъ Куропаткинъ и Главнокомандующій Западнаго фронта генералъ Эвертъ «потеряли сердце»; они не вѣрятъ въ успѣхъ хотя и не смѣютъ это сказать прямо. Одинъ только Главнокомандующій Юго-Западнаго фронта генералъ Брусиловъ бодро смотритъ на предполагаемое въ маѣ общее наступленіе.

Тѣмъ не менѣе генералъ Алексѣевъ настаиваетъ на томъ, что главный ударъ долженъ быть произведенъ на нашемъ Западномъ фронтѣ. Но пониженное настроеніе духа Главнокомандующаго Западнаго фронта ген. Эверта сказывается на томъ, что время начала общаго наступленія откладывается.[62]

Тѣмъ временемъ на Итальянскомъ театрѣ произошла катастрофа. Отъ Россіи снова требуется экстренная помощь.

Для того, чтобы дать полную и точную картину тѣхъ условій, въ которыхъ началось побѣдоносное, но въ то же время чрезвычайно кровавое, наступленіе Русской Арміи въ Галиціи въ лѣтнюю кампанію 1916 года мы приведемъ въ приложеніи № 2 къ настоящей главѣ Всеподданнѣйшій докладъ генерала М. В. Алексѣева, поданный имъ Государю 13 (26) мая 1916 года. Этотъ докладъ чрезвычайно характеренъ для обрисовки постоянной требовательности союзниковъ по отношенію къ Россіи.

Упоминаемый нами документъ чрезвычайно важенъ также какъ доказательство того, что планъ наступленія, намѣченный ген. Алексѣевымъ на лѣто 1916 года былъ нарушенъ требованіемъ ускоренной помощи Итальянцамъ. Это нарушеніе расчетовъ ген. Алексѣева несомнѣнно должно было отразиться на всемъ стратегическомъ ходѣ событій въ Галиціи и помѣшать генералу Алексѣеву использовать въ полной мѣрѣ достигнутые въ Галиціи тактическіе результаты.

22-го мая (4 іюня) четыре Русскія Арміи (8-я, 11-я, 7-я и 9-я) Юго-Западнаго фронта начали свои атаки, которыя и привели къ Ве-

---

62) Клембовскій: «Стратегическій очеркъ войны 1914-1917 г. г.». Часть 5-я, стр. 29.

личайшей Галиційской Битвѣ 1916 года, продолжавшейся около 4 мѣсяцевъ. Тактическіе результаты этой битвы были громадными. Взято было въ плѣнъ 8.924 офицеровъ, 408.000 нижнихъ чиновъ, захвачено 581 орудій, 1.795 пулеметовъ, 448 бомбометовъ и минометовъ. Отнята у противника территорія болѣе чѣмъ въ 25.000 кв. километровъ.[63] Такихъ результатовъ не достигла ни одна наступательная операція нашихъ союзниковъ въ 1915, 1916 и 1917 г. г.

Съ общесоюзной точки зрѣнія стратегическіе результаты нашего наступленія въ Галиціи были также большими:

Во-первыхъ — Итальянская Армія была спасена, т. к. Австро-Венгры должны были прекратить свое наступленіе въ Италіи и перебросить противъ Россіи до 15 дивизій.

Во-вторыхъ положеніе Французской Арміи было сильно облегчено, т. к. нѣмцы вынуждены были перебросить съ французскаго театра на нашъ — 18 дивизій,[64] и четыре дивизіи сформированныхъ внутри страны.

Въ-третьихъ — положеніе союзниковъ на Салоникскомъ фронтѣ тоже значительно облегчено, т. к. съ этого фронта было увезено противъ Россіи 3½ Германскихъ дивизій и 2 лучшихъ Турецкихъ.

Въ-четвертыхъ — новое рѣшительное пораженіе Австро-Венгерскихъ Армій, вынуждало Германію усилить постоянную поддержку своего близкаго къ окончательному крушенію союзника.

Въ-пятыхъ — успѣхъ Русской арміи обусловилъ выступленіе Румыніи противъ Центральныхъ Державъ.

Надломъ духа въ странѣ.

Но всѣ перечисленныя стратегическія выгоды выпадаютъ не на сторону Россіи, а на долю Союзниковъ. Даже выступленіе Румыніи было для Россіи менѣе выгоднымъ, чѣмъ пребываніе ея въ нейтралитетѣ, ибо это выступленіе заставило насъ уступать Румыніи часть нашего заграничнаго ввоза, который и безъ того былъ катастрофически ограниченнымъ.

Боевые успѣхи, достигнутые на Юго-Западномъ фронтѣ вызвали подъемъ настроенія въ тѣхъ частяхъ Русской Арміи, которыя дрались на Юго-Западномъ фронтѣ. Въ противоположность этому вліянію неудача попытокъ прорыва Германскихъ позицій на нашемъ Западномъ и Сѣверномъ фронтахъ отразилась отрицательно на духѣ дравшихся

63) См. схему № 13.

64) Снимая 18 дивизій съ французскаго фронта, нѣмцы немедленно же формируютъ тамъ новыя 18 дивизій; но эти формированія производятся за счетъ уничтоженія егерскихъ батальоновъ во всѣхъ дивизіяхъ; такимъ образомъ общая сила нѣмцевъ во Франціи все таки уменьшилась на число отправленныхъ противъ Россіи дивизій.

тамъ войскъ. На Западномъ фронтѣ послѣ ряда колебаній Главнокомандующаго этимъ фронтомъ генерала Эверта была произведена атака въ серединѣ іюня на Барановическомъ направленіи, повторенная затѣмъ послѣ перегруппировки въ первыхъ числахъ іюля. При обоихъ этихъ наступленіяхъ мы не имѣли того превосходства въ артиллерійскомъ огнѣ, которое требуется современными условіями огневого боя. Неся громадныя потери наши войска продвинулись лишь на незначительное разстояніе послѣ чего атаки и были прекращены. Но даже въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ наши наступленія поставили нѣмцевъ въ очень трудное положеніе. Самъ Людендорфъ признаетъ, что положеніе нѣмцевъ было близкимъ къ критическому.

Неудачи попытокъ прорыва нѣмецкихъ позицій на Сѣверномъ и Западномъ фронтахъ чувствительнѣе отражались въ нашемъ тылу и на общественномъ настроеніи нежели побѣды въ Галиціи и на Кавказѣ (Эрзерумъ).

Въ растущемъ пессимизмѣ всѣ ошибки нашего командnаго состава разсматривались въ увеличительное стекло. При этомъ совершенно упускалось изъ виду, **что атаки нашихъ Союзниковъ не приводили къ большимъ результатамъ, чѣмъ наши атаки противъ нѣмцевъ,** несмотря на то, что въ распоряженіи союзныхъ генераловъ было такое обиліе техническихъ средствъ, о которымъ у насъ даже мечтать не смѣли.

Характернымъ документомъ пропитаннымъ этимъ преувеличенно критическимъ отношеніемъ къ нашему командному составу, является Записка Предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко, составленная въ концѣ 1916 года.[65] Въ ней много несправедливаго, фактически невѣрнаго и тѣмъ не менѣе она исторически чрезвычайно интересна какъ показатель тѣхъ настроеній, которыя господствовали въ нашихъ общественныхъ кругахъ и которыя несомнѣнно вліяли и на настроенія Арміи. Охарактеризовать эти настроенія можно такъ: вѣра въ окончательный успѣхъ и довѣріе къ командному составу совершенно подорваны. Вотъ тѣ выводы къ которымъ приходитъ въ своей Запискѣ М. В. Родзянко:

«Подводя итоги вышесказанному, пишетъ онъ, приходится придти къ нижеслѣдующимъ основнымъ положеніямъ, которыми армія объясняетъ себѣ неудачи 1916 года».

«1) Русское Высшее Командованіе либо не имѣетъ заранѣе подготовленныхъ плановъ операцій, либо, если ихъ имѣетъ, то ихъ не выполняетъ (Ковельская операція)».

«2) Высшее Командованіе не умѣетъ или не можетъ организовать крупную операцію на вновь открывающемся фронтѣ, частью за не-

---

65) Эта Записка еще нигдѣ не напечатана; одна изъ ея копій хранится въ Hoover War Library; эта Записка представляетъ собой тотъ докладъ, — посланный въ Ставку о которомъ М. В. Родзянко упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Архивъ Русской Революціи», т. XVII, стр. 135).

имѣніемъ достаточныхъ свѣдѣній, частью за полной хозяйственной безпомощностью военныхъ властей (Румынская операція)».

«3) Высшее Командованіе не имѣетъ единообразныхъ методовъ обороны и нападенія и не умѣетъ подготовлять наступленіе».

«4) Въ дѣлѣ назначенія и смѣны командnаго состава нѣтъ системы и назначенія на высшіе посты носятъ часто случайный характеръ, благодаря чему посты занимаются лицами не соотвѣтствующими занимаемому посту».

«5) Высшее Командованіе не считается съ потерями живой силы и не проявляетъ достаточной заботливости о солдатахъ».

«Эти основныя причины, повлекшія за собой остановку наступленія генералъ-адъютанта Брусилова, повлекли за собой нашъ разгромъ въ Румыніи. Тѣ же причины, которыя потушили величайшій въ исторіи этой войны прорывъ войскъ въ началѣ 1916 г., ликвидировали и наши Румынскія операціи. Устраненіе этихъ общихъ причинъ неудачъ необходимо для побѣды, ибо армія отчетливо сознаетъ, что если эти причины не будутъ устранены, то побѣды мы, несмотря ни на какія жертвы, не добьемся. Сознаніе это проникло глубоко въ ряды арміи и не только въ ряды офицеровъ, но и въ ряды простыхъ солдатъ и это обстоятельство при обсужденіи вопроса о дальнѣйшемъ продолженіи войны нужно всегда имѣть въ виду. Армія перестала вѣрить своимъ вождямъ, армія не допускаетъ, чтобы вожди могли бы распоряжаться цѣлесообразно и правильно, армія находится въ такомъ состояніи, что всякій злой слухъ, всякая клевета коментируется и принимается какъ лишнее доказательство полной неспособности командnаго состава побороть встрѣчающіяся на ихъ пути затрудненія и вести армію къ побѣдѣ. Въ силу этого въ арміи появляется вялое настроеніе, отсутствіе инициативы, параличъ храбрости и доблести. Если сейчасъ, какъ можно скорѣе будутъ приняты мѣры, во-первыхъ къ улучшенію высшаго командnаго состава, къ принятію какого-либо опредѣленнаго плана, къ измѣненію взглядовъ командnаго состава на солдата, и къ подъему духа арміи справедливымъ возмездіемъ тѣхъ, которые неумѣлымъ командованіемъ губятъ плоды лучшихъ подвиговъ, то время, пожалуй, не упущено. Если же та же обстановка сохранится до весны, когда всѣ ожидаютъ либо нашего наступленія, либо наступленія Германцевъ, то успѣха лѣтомъ 1917 года, какъ и лѣтомъ 1916 года ожидать не приходится».

Читая теперь эти строки трудно даже представить себѣ, что онѣ написаны послѣ **величайшей** изъ побѣдъ, равной которой не было одержано за 1914, 1915 и 1916 годы ни однимъ изъ союзниковъ. Такъ смотрѣло на создавшееся положеніе вещей подавляющее большинство сознательной части Арміи и Страны.

Что-же происходило въ темныхъ солдатскихъ и народныхъ массахъ?

И въ Арміи и въ странѣ ощущались потери, понесенныя въ 1916 году, которыя достигали 2.060.000 убитыхъ и раненыхъ и 344.000 плѣн-

ныхъ.[66] Эти потери были тѣмъ болѣе чувствительными, чѣмъ слабѣе было сознаніе въ необходимости ихъ для Россіи; послѣднее же являлось непосредственнымъ слѣдствіемъ того, что въ народныхъ массахъ довѣріе къ Правительству и вѣра въ Союзниковъ были окончательно подорваны.

Осознаніе приносимыхъ жертвъ является однимъ изъ основныхъ условій для увеличенія жертвенной способности народныхъ массъ, — это соціально-психическій законъ общій для всѣхъ народовъ. Вотъ выводъ сдѣланный однимъ французскимъ военнымъ писателемъ генераломъ Сериньи на основаніи его наблюденій за происходившимъ во Франціи:[67]

«Объясните народу, что требованія національной охраны вынуждаютъ примѣнить всю совокупность Коммерческаго Флота для перевозки Американскихъ войскъ и что вслѣдствіе этого размѣры продовольствія должны быть сокращены до минимума — онъ пойметъ это и приметъ это какъ неизбѣжность; но если вы отдадите рѣзкій приказъ сжать свои животы — онъ возмутится. Въ теченіе трехъ лѣтъ Германія испытывала съ изумительной выдержкой гораздо худшія лишенія, и это потому, что путемъ рѣчей, газетныхъ статей, лекцій ея народу дали уразумѣть всю необходимость требуемыхъ жертвъ...».

Въ этомъ отношеніи существовавшее въ Россіи положеніе вещей было крайне неблагопріятнымъ. Ни Правительство, ни сами народныя массы не были подготовлены къ современнымъ сложнымъ формамъ управленія. Представители перваго привыкли только приказывать, считая даже, что всякія излишнія разсужденія только подрываютъ авторитетъ власти; вторыя — вслѣдствіе своей малой культурности не были способны подняться выше интересовъ «своей колокольни» и осознать интересы широкаго государственнаго значенія. Положеніе же ухудшалось еще тѣмъ, что всѣ представители русской интеллигенціи были отброшены къ концу 1916 года Правительствомъ въ лагерь оппозиціи. И въ результатѣ вмѣсто того, чтобы слышать изъ устъ представителей своихъ болѣе образованныхъ классовъ слова бодрости и разъясненія, народныя массы слышали только критику, осужденіе и предсказанія неминуемой катастрофы.

Мы считаемъ, что для оцѣнки настроенія нашихъ общественныхъ круговъ чрезвычайно характерны выдержки изъ письма А. И. Гучкова написаннаго 15 (28) августа 1916 года генералу М. В. Алексѣеву.[68]

«Вѣдь въ тылу идетъ полный развалъ, вѣдь власть гніетъ на корню. Вѣдь, какъ ни хорошо теперь на фронтѣ, но гніющій тылъ грозитъ еще разъ, какъ было годъ тому назадъ, затянуть и Вашъ доблестный фронтъ и Вашу талантливую стратегію, да и всю страну, въ то невы-

66) Въ одну только лѣтнюю кампанію 1916 года потери достигли 1.200.000 убитыхъ и раненыхъ и 212.000 плѣнныхъ.

67) Général Serigny, «Reflexions sur l'art de la guerre».

68) «Монархія передъ Крушеніемъ 1914-1917 г.», стр. 282.

лазное болото, изъ котораго мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью. Вѣдь, нельзя же ожидать исправныхъ путей сообщенія въ завѣдываніи г. Трепова, — хорошей работы нашей промышленности на попеченіи кн. Шаховского, — процвѣтанія нашего сельскаго хозяйства и правильной постановки продовольственнаго дѣла въ рукахъ гр. Бобринскаго. А, если Вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюрмеромъ, у котораго (и въ арміи, и въ народѣ) прочная репутація если не готоваго предателя, то готоваго предать, — что въ рукахъ этого человѣка ходъ дипломатическихъ сношеній въ настоящемъ и исходъ мирныхъ переговоровъ въ будущемъ, — а, слѣдовательно, и вся наша будущность, — то Вы поймете, Михаилъ Васильевичъ, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и общественную мысль и народныя настроенія».

«Мы въ тылу безсильны, или почти безсильны, бороться съ этимъ зломъ. Наши способы борьбы обоюдоостры и, при повышенномъ настроеніи народныхъ массъ, особенно рабочихъ массъ, могутъ послужить первой искрой пожара, размѣры котораго никто не можетъ ни предвидѣть, ни локализировать. Я уже не говорю, что насъ ждетъ послѣ войны — надвигается потопъ, — и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встрѣтить этотъ катаклизмъ мѣрами, которыми ограждаютъ себя отъ проливного дождя: надѣваютъ галоши и открываютъ зонтикъ».

«Можете ли Вы что-нибудь сдѣлать? Не знаю. Но будьте увѣрены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатію) грозитъ пересѣчь линіи Вашей хорошей стратегіи въ настоящемъ, и окончательно исказить ея плоды въ будущемъ. Исторія, и въ частности наша отечественная, знаетъ тому не мало грозныхъ примѣровъ».

Выраженіе всеобщаго недовольства, окончательное паденіе авторитета власти, предчувствіе, даже увѣренность въ надвигающейся страшной катастрофѣ, можно прочесть рѣшительно во всѣхъ мемуарахъ, относящихся къ этому времени. Во всѣхъ слояхъ общества и народа ползли слухи одинъ мрачнѣе другого. Почти открыто говорилось о необходимости династическаго переворота.

Страна была окончательно деморализована. Изъ такого тыла не могъ уже вливаться въ армію духъ бодрости; такой тылъ могъ только вносить въ армію духъ разложенія.

Приложеніе № 1.

ДОКЛАДЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II ЧЛЕНОВЪ ВОЕННО-МОРСКОЙ КОМИССІИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Членовъ Военно-Морской Комиссіи Государственной Думы, входящихъ въ составъ Особаго Совѣщанія для обсужденія мѣропріятій по оборонѣ Государства

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ.

Ваше Императорское Величество,

Тяжелыя испытанія, переживаемыя сейчасъ доблестной русской арміей, а вмѣстѣ съ нею и всей Россіей, побудили насъ просить Васъ, Государь, принять настоящую записку, въ которой мы кратко выразили все то, что стало намъ извѣстнымъ о настоящей войнѣ и о способахъ ея веденія, приведшихъ къ трудному положенію, и то, чѣмъ можно помочь тяжелой бѣдѣ, переживаемой нашимъ отечествомъ.

Въ засѣданіяхъ Комиссіи Государственной Думы по военнымъ и морскимъ дѣламъ изъ объясненій представителей военнаго вѣдомства и изъ рѣчей членовъ Государственной Думы стали намъ очевидны размѣры постигшаго насъ несчастья.

Мы узнали, что доблестная наша Армія, истекая кровью и потерявъ уже свыше 4.000.000 воиновъ убитыми, ранеными и плѣнными, не только отступаетъ, но, быть можетъ, будетъ еще отступать. Мы узнали и причины этого горестнаго отступленія. Мы узнали, что армія наша сражается съ непріятелемъ не равнымъ оружіемъ, что въ то время, какъ нашъ врагъ засыпаетъ насъ непрерывнымъ градомъ свинца и стали, мы посылаемъ ему въ отвѣтъ во много разъ меньшее число пуль и снарядовъ.

Мы узнали, что въ то время какъ у врага нашего изобиліе пушекъ легкихъ и тяжелыхъ, у насъ послѣднихъ совершенно недостаточно, а легкія пушки выпустили уже столько снарядовъ, что скоро начнутъ одна за другой выходить изъ строя.

Мы узнали, что въ то время, какъ врагъ нашъ съ каждымъ днемъ увеличиваетъ число своихъ пулеметовъ и довелъ ихъ уже, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ военнымъ вѣдомствомъ, до грознаго числа 55.000, у насъ едва хватаетъ пулеметовъ для пополненія утрачиваемыхъ и пришедшихъ въ негодность.

Мы узнали, что въ то время, какъ непріятель богато снабженъ ружьями, имѣя винтовку на каждаго солдата, у насъ сотни тысячъ нашихъ воиновъ стоятъ безоружными, въ ожиданіи той минуты, когда

можно будетъ взять винтовку, выпавшую изъ рукъ пораженныхъ товарищей.

Мы узнали также и то, что если многое въ этой войнѣ вышло за предѣлы человѣческаго разумѣнія и не могло быть предвидѣно, то, съ другой стороны, многое могло бы быть избѣгнуто, если бы нѣкоторые военные начальники не проявили столько преступной нерадивости.

Мы узнали, что изъ дѣйствующей арміи, еще съ сентября мѣсяца прошлаго года, доносили, что не хватитъ снарядовъ, и умоляли во время подумать объ этомъ. Но этого совѣта не послушали, а когда бѣда пришла и стала неминучей, только тогда спохватились и стали исправлять дѣло. Но мы знаемъ, что еще много мѣсяцевъ пройдетъ, пока мы, если не сравняемся съ врагомъ, то по крайней мѣрѣ приблизимся къ силѣ его вооруженія.

Мы узнали и другое. Мы узнали, какъ совершилось наше отступленіе изъ Галиціи. Мы узнали, что войска, отступая, почти нигдѣ не находили приготовленныхъ укрѣпленныхъ позицій. Мы узнали, что послѣ тяжкихъ переходовъ войска должны были сами рыть себѣ наспѣхъ, на скорую руку жалкіе окопы, пока непріятель не подходилъ снова и не засыпалъ снова истомленныхъ, обезсиленныхъ людей смерчемъ тяжелыхъ снарядовъ противъ которыхъ не могли защитить только-что вырытыя земляныя канавы.

Мы узнали, что даже самыя важныя мѣста, большіе города на нашей родной землѣ не укрѣплялись совсѣмъ или укрѣплялись недостаточно.

Мы выслушали потрясающую рѣчь одного изъ членовъ Государственной Думы, только-что пріѣхавшаго изъ Пскова и разсказывавшаго намъ, что Псковъ, древній Псковъ, укрѣпляется только теперь, на скорую руку, кое-какъ, впопыхахъ, при общемъ безпорядкѣ и сумятицѣ.

Мы узнали также, что еще годъ тому назадъ и 10 дней послѣ начала войны одинъ изъ дальновидныхъ военачальниковъ требовалъ начать работы по укрѣпленію Кіева. Ему было отказано. Между тѣмъ если бы его послушались, сейчасъ Кіевъ былъ бы окруженъ кольцомъ почти неприступныхъ окоповъ, и тогда у насъ было бы сознаніе, что все въ предѣлахъ человѣческихъ силъ сдѣлано ради того, чтобы сберечь древнюю Святыню и матерь городовъ русскихъ.

Мы узнали и то, что въ этомъ дѣлѣ укрѣпленія, какъ и въ остальныхъ, непроходимая стѣна раздѣляла двѣ власти, которыя должны были бы работать рука объ руку: власть военно-полевую и власть центральную.

Вслѣдствіе необычайной глубины тыловъ арміи, огромныя пространства считались театромъ войны, и въ то же время, какъ войска наши подходили къ Кракову, Кіевъ все же почитался на театрѣ военныхъ дѣйствій. При этихъ условіяхъ, при разобщенности Штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ военнаго Министерства, послѣднее не могло при-

ступить къ укрѣпленію тыловыхъ позицій, даже если полагало это нужнымъ. Военачальники же, увлекаясь движеніемъ впередъ, не думали объ условіяхъ отступленія, не думали о томъ, какъ они будутъ оборонять родную страну. При этихъ условіяхъ и создалось то горестное явленіе, что годъ войны почти потерянъ для возведенія тыловыхъ укрѣпленій, которыя создаются только вблизи уже подступившаго врага, а потому дѣлаются поспѣшно и несовершенно.

Это же разъединеніе властей привело къ грознымъ послѣдствіямъ и въ другихъ областяхъ. Огромное пространство, цѣлое государство явилось подчиненнымъ военнымъ начальникамъ, — такъ называемымъ начальникамъ тыла, — не только въ военномъ, но и во всѣхъ отношеніяхъ.

Неопытные въ гражданскихъ и особенно въ хозяйственныхъ дѣлахъ, но облеченные огромной властью, эти люди привели въ разстройство обширный край своими распоряженіями. Центральная же власть, даже видя явную несообразность совершаемаго, не имѣла права вступиться и прекратить зло.

Въ такомъ положеніи оказался вопросъ о милліонахъ бѣженцевъ, поднявшихся со своихъ мѣстъ при нашествіи врага. Военныя власти, неопытныя въ этихъ дѣлахъ, неумѣлыя въ управленіи, при помощи властей гражданскихъ не сумѣли устроить это дѣло, а центральная власть была безсильна помочь имъ.

Мы узнали также и то, что дѣло пополненія нашихъ армій, несущихъ тяжкія потери, стоитъ не на должной высотѣ. Люди, призываемые въ войска, обучаются въ очень краткій срокъ, обыкновенно не свыше четырехъ недѣль. Обученіе ихъ поставлено плохо вслѣдствіе недостаточности запасныхъ батальоновъ, а въ сихъ послѣднихъ обучающихъ, — какъ офицеровъ, такъ и унтеръ-офицеровъ, — и въ силу отсутствія руководящихъ началъ въ воспитаніи молодыхъ солдатъ.

Кромѣ того, вслѣдствіе недостаточности винтовокъ, новобранцы обучаются по нѣсколько солдатъ на одну винтовку, что при краткости срока обученія не можетъ не вліять самымъ губительнымъ образомъ на дѣло боевой подготовки людей. То же обстоятельство, что эти люди отправляются на театръ военныхъ дѣйствій не вооруженные, безъ винтовокъ и долго стоятъ въ тылу, ожидая полученія оружія, глубоко вліяетъ на ихъ душевное состояніе и пріучаетъ ихъ смотрѣть на себя, какъ на обреченныхъ, которымъ суждено умереть, но не дано возможности обороняться.

Мы узнали также и то, что замѣщеніе отвѣтственныхъ военныхъ должностей, какъ-то начальниковъ дивизій и командировъ корпусовъ совершается по старшинству въ чинахъ, по особому списку, въ которомъ изображено старшинство генераловъ, и если дѣлается исключеніе, то только для тѣхъ, кто имѣетъ сильныхъ покровителей и заступниковъ.

Такимъ образомъ, не доблесть, не талантъ, не знаніе, не военное искусство, явленное на дѣлѣ, служатъ руководящимъ началомъ при движеніи на служебной лѣстницѣ, — а иныя соображенія. При этихъ

условіяхъ дѣйствительно способные люди, настоящіе военачальники, могущіе вести войска къ побѣдѣ, только въ рѣдкихъ случаяхъ подымались на высшія ступени командованія, высшія же должности обыкновенно отдавались офицерамъ, хотя и менѣе даровитымъ, но зато старшимъ въ чинахъ. Межъ тѣмъ въ военномъ дѣлѣ быть можетъ три четверти успѣха лежитъ въ искусномъ подборѣ командnаго состава, и потому нынѣшній порядокъ назначенія является губительнымъ для дѣла побѣды.

Мы узнали все это, Государь, но мы узнали и нѣчто горшее. Мы узнали, что отъ всего этого, отъ всѣхъ этихъ бѣдъ и нестроеній заколебался самый духъ войскъ и духъ народный. Видя нерадѣніе, непредусмотрительность, отсутствіе порядка, войска стали утрачивать довѣріе къ своимъ начальникамъ.

Отсутствіе снарядовъ, неприготовленность укрѣпленій, сбивчивыя, противорѣчивыя дѣйствія относительно мирнаго населенія — все это заронило сомнѣніе въ умахъ воиновъ, — какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, — въ способности высшихъ начальниковъ защищать страну.

Со стѣсненнымъ сердцемъ узнали мы, Государь, о томъ, что свыше 1.200.000 русскихъ воиновъ находятся въ плѣну у врага. И еще болѣе были мы подавлены, когда узнали о позорной сдачѣ Ковны, о томъ, что комендантъ крѣпости бѣжалъ, о томъ, что необученныя и плохо вооруженныя войска были поставлены на защиту этой столь важной крѣпости.

Тотъ же самый духъ недовѣрія, недовольства и раздраженія, но еще въ большей степени, сталъ замѣчаться и въ средѣ самаго народа. Народъ знаетъ, что снарядовъ и пуль мало, онъ знаетъ, что кто-то въ этомъ виноватъ, но онъ видитъ, что общественные круги горячо принялись за исправленіе старыхъ ошибокъ, стараются наверстать потерянное и привлекаютъ всѣ силы на дѣло снаряженія армій, — и не прошлые недочеты волнуютъ его въ настоящее время.

Народъ не понимаетъ, почему роютъ недостаточные окопы, и только тогда, когда непріятель близко, почему при этомъ происходятъ такія большія неурядицы, почему, собравъ десятки тысячъ людей, ихъ по нѣсколько дней держатъ безъ работы или отсылаютъ обратно по домамъ.

Народъ готовъ работать надъ защитой родины и съ радостью будетъ копать каждую пядь русской земли, чтобы закрыть ее непроходимой полосой укрѣпленій, какъ сдѣлали это наши союзники французы у себя на родинѣ. Народъ проситъ для этого только руководителей, только необходимые чертежи и незначительное число военныхъ инженеровъ, а все остальное мы сами, Государь, мы — граждане, обыватели, при помощи земствъ, городовъ и гражданскихъ властей, выполнимъ своими руками.

Народъ не понимаетъ, почему не строятъ желѣзныхъ дорогъ, необ-

ходимыхъ для обороны. Народъ крѣпко опасается за судьбу столичныхъ военныхъ заводовъ и не понимаетъ, почему въ глубинѣ Россіи не подготовляется теперь же все необходимое на тотъ случай, если бы врагъ угрожалъ Петрограду.

Народъ не понимаетъ, почему такая безнадежная путаница происходитъ съ несчастными бѣженцами, почему они занимаютъ дороги, нужныя войскамъ, почему ихъ не выселяютъ во время, если ихъ нужно выселять, и почему земля, оставляемая врагу, то опустошается до тла, то отдается нетронутой со всѣми ея богатствами.

Народъ не понимаетъ, почему изъ Юго-Западнаго края и Бессарабіи, которые Богъ благословилъ урожаемъ въ 300 милліоновъ пудовъ пшеницы, почти все это огромное богатство не вывезено, и почему это произошло, — отъ нерадивости ли и безпорядка, или отъ невозможности выполнить это дѣло.

Государь, долгъ нашъ, какъ Вашихъ вѣрноподданныхъ, и горячая любовь къ отечеству побудили насъ высказать все то, отъ чего кровью обливается наше сердце и смущается умъ, но мы вѣримъ, что можно побѣдить, можно сломить упорство врага, противопоставивши ему старую русскую доблесть.

Мы не слышали отъ представителей народа, въ самыхъ скорбныхъ и горькихъ рѣчахъ ихъ, ни единаго слова о заключеніи мира. Неизвѣданныя силы таятся въ глубинахъ русскаго народа. Но нужно устроеніе и направленіе этихъ силъ по плодотворному руслу.

Ваше Императорское Величество! Пріемлемъ смѣлость сказать Вамъ: понимая неизбѣжность обособленія власти, стоящей во главѣ арміи отъ власти, управляющей страной, мы твердо знаемъ, однако, что безъ высшей власти, все объединяющей, невозможно правильное направленіе дѣла обороны. Только непререкаемой Царской властью можно установить согласіе между Ставкой Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго и Правительствомъ.

Царь можетъ повелѣть своимъ военачальникамъ и правителямъ составить расчетъ будущихъ дѣйствій на продолжительное время, съ предвидѣніемъ всей сложности и многообразности послѣдствій предпринятыхъ рѣшеній, и положить конецъ безпорядочнымъ дѣйствіямъ, разсчитаннымъ на нѣсколько дней и не имѣющимъ основной, далеко хватающей мысли.

Царь можетъ расширить рамки расчетовъ и соображеній. Царь можетъ побудить, чтобы стремились не къ робкому подражанію врагу, а къ напряженію всѣхъ усилій огромной и мощной страны, желающей побѣдить цѣною всяческихъ жертвъ, чтобы превзойти врага и снаряженіемъ и дальновиднымъ расчетомъ.

Только Царь можетъ повелѣть, чтобы на отвѣтственныя должности выбирались тѣ, кто уже выказалъ свою доблесть въ бояхъ, а не люди часто неспособные вести тяжкое дѣло войны. Царь можетъ призвать всѣ силы Великой Россіи, чтобы создать тѣ неприступныя преграды, которыя одна за другой будутъ защищать родину до того пре-

дѣла, гдѣ Провидѣнію угодно будетъ даровать намъ окончательную побѣду надъ истощеннымъ нашимъ упорствомъ врагомъ.

Въ эту побѣду мы вѣримъ, Государь.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные:

Предсѣдатель Военно-Морской Комиссіи Государственной Думы:
Андрей Шингаревъ.

Товарищъ Предсѣдателя: Василій Шульгинъ.

Товарищъ Пресѣдателя: Никандръ Савичъ.

Члены Комиссіи:

Дмитрій Сверчковъ.
Иванъ Ефремовъ.
Дмитрій Чихачевъ.
Анатолій Добровольскій.
Николай Марковъ 2-й.

Приложеніе № 2.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ ГЕН. АЛЕКСѢЕВА.

Первая итальянская армія, занимавшая позиціи на лѣвомъ флангѣ общаго итальянскаго фронта, въ Трентино, и въ общемъ въ теченіе года бездѣйствовавшая, 6-го сего мая была атакована превосходными силами австрійцевъ, располагавшихъ многочисленною тяжелою артилеріею, и потерпѣла серьезную неудачу. Армія потеряла до 16.000 плѣнныхъ и 80 орудій.

Операція противниковъ еще развивается, и возможныя послѣдствія дальнѣйшаго наступленія, повидимому, сильно тревожатъ высшее итальянское командованіе, которое, какъ черезъ генерала Жоффра и нашего военнаго агента въ Италіи полковника Энкеля, такъ и непосредственно, обратилось къ намъ съ настойчивыми просьбами оказать содѣйствіе путемъ немедленнаго[69] перехода въ наступленіе по крайней мѣрѣ арміями юго-западнаго фронта.

Всеподданнѣйше докладываю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ суть полученныхъ мною телеграммъ.

Уже 7 мая генералъ Кадорна,[70] вернувшись изъ Трентино, ознакомивъ военныхъ агентовъ съ обстановкою, призналъ ее серьезною и тогда же высказалъ, что:

1) не предвидитъ возможности осуществить установленную общимъ планомъ дѣйствій атаку на Изонцо и

---

69) Здѣсь и далѣе напечатанное разрядкой подчеркнуто въ подлинникѣ (прим. Н. Н. Г.).

70) Нач. Штаба итальянской арміи (прим. Н. Н. Г.).

2) проситъ русскую армію помочь итальянцамъ, согласно условій, выработанныхъ въ Шантильи.[71]

Но еще до этого разговора генералъ Кадорна обратился къ генералу Жоффру съ просьбой повліять на русское высшее командованіе, чтобы наша армія перешла въ наступленіе «въ возможно непродолжительномъ времени».

Однако, генералъ Жоффръ отвѣтилъ, что причины, по которымъ русская армія отсрочила начало своего наступленія слишкомъ важны, чтобы были основанія мѣнять нынѣ установленный срокъ для выполненія операціи.[72]

Узнавъ изъ отвѣтовъ военныхъ агентовъ, русскаго и французскаго, что начало наступленія отсрочено, примѣрно на мѣсяцъ, генералъ Кадорна успокоился, заявивъ, что при такихъ обстоятельствахъ онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе о совершенной нежелательности нарушенія общаго плана союзниковъ, съ которыми онъ болѣе чѣмъ когда-либо желаетъ дѣйствовать въ полномъ единеніи. Однако, генералъ Кадорна закончилъ просьбой нынѣ же на нашемъ фронтѣ произвести возможно сильное давленіе на австрійцевъ, дабы помѣшать переброскѣ ими въ Тироль дальнѣйшихъ подкрѣпленій.[73]

Таково было въ общемъ настроеніе 7 мая высшаго итальянскаго командованія, соглашавшагося, что общій планъ дѣйствій союзниковъ не долженъ быть нарушенъ существеннымъ образомъ событіями на итальянскомъ фронтѣ.

Надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. 8 мая атакованные итальянцы, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, отошли съ потерями на линію Чима Ундичи — Чима делла Кальдіера — мѣстечко Оспедалетто — гора Чимонъ Рава — Чима д'Аста.[74]

Вечеромъ 9 мая высшее итальянское командованіе сообщило французскому военному агенту, что положеніе еще ухудшилось, такъ какъ XIV корпусъ очистилъ линію гора Верена — гора Камполонго, на лѣвомъ берегу Астико, что предполагается задержаться на лѣвомъ берегу долины Валь д'Асса, а въ крайности, отойти на линію мѣстечко Вальстанія въ долинѣ Бренты, — гора Монте Ченджію, въ долинѣ Астико. Резервную армію рѣшено усилить до 5 корпусовъ и атаковать ею дебуширующія колонны австрійцевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ французскому агенту было поручено передать генералу Жоффру просьбу повліять въ смыслѣ немедленнаго перехода русской арміи въ наступленіе.

---

71) Конференція въ Шантильи представителей союзныхъ армій происходила подъ предсѣдательствомъ ген. Жоффра, 6-8 декабря 1915 года. Дальнѣйшія выноски принадлежатъ подлиннику доклада (прим. Н. Н. Г.).

72) Сообщеніе генерала Лагиша отъ 8 мая 1916 года.

73) Телеграмма полковника Энкеля отъ 7 мая, № 530.

74) Телеграмма полковника Энкеля отъ 9 мая, № 535.

Полковникъ Энкель считалъ 10 мая положеніе весьма серьезнымъ вслѣдствіе обнаруженной войсками малой стойкости, при которой катастрофа можетъ стать вопросомъ немногихъ дней.[75]

Съ 10 мая начинаютъ поступать отъ полковника Ромеи (изъ Петрограда) и черезъ полковника Энкеля просьбы высшаго итальянскаго командованія, по своему тону близкія къ требованіямъ, о немедленномъ наступленіи нашей арміи.

«Если давленіе австрійцевъ будетъ продолжаться съ той же силою», говоритъ полковникъ Ромеи, — «положеніе наше можетъ стать очень опаснымъ и можетъ заставить насъ выбрать новую позицію еще далѣе въ тылу, что безусловно лишитъ насъ возможности перейти въ наступленіе на Изонцо одновременно съ русской и другими союзными арміями. Единственнымъ средствомъ для предотвращенія этой опасности является производство сейчасъ же сильнаго давленія на австрійцевъ войсками южныхъ русскихъ армій. Подобныя дѣйствія Россіи вполнѣ соотвѣтствовали бы условіямъ, заключеннымъ между союзниками, согласно которымъ каждый союзникъ, а въ частности Россія, обязанъ произвести сильнѣйшее давленіе, какъ только другой союзникъ будетъ атакованъ».[76]

Еще болѣе требовательный тонъ телеграммы полковника Ромеи отъ 11-го мая:

«Итальянская главная квартира самымъ энергичнымъ образомъ настаиваетъ на томъ, чтобы русская армія немедленно начала наступленіе на австрійскомъ фронтѣ, и утверждаетъ, что нынѣшнее затишье въ дѣйствіяхъ русскихъ армій создаетъ весьма серьезную опасность для союзниковъ. Если энергичное наступленіе австрійцевъ продолжится, то не только будетъ исключена всякая возможность наступленія итальянцевъ на Изонцо, но въ недалекомъ будущемъ предвидится необходимость для итальянцевъ быть вынужденными оставить эту линію. Если Россія будетъ продолжать настаивать на томъ, что она въ настоящее время не можетъ перейти въ рѣшительное наступленіе, то необходимо, чтобы она по крайней мѣрѣ, теперь, же произвела демонстративное наступленіе съ цѣлью удержать противъ себя силы австрійцевъ и оттянуть тѣ силы, которыя, вѣроятно, находятся въ пути на итальянскій фронтъ».[77]

Въ такомъ же смыслѣ получилъ заявленіе и полковникъ Энкель, съ особымъ указаніемъ на то, что настоящія событія, если Россія не окажетъ немедленной помощи, повлекутъ за собою невозможность для итальянцевъ принять какое либо серьезное участіе въ послѣдующемъ наступленіи союзниковъ.[78]

---

75) Телеграмма полковника Энкеля отъ 10 мая, № 537.

76) Телеграмма полковника Ромеи отъ 10 мая (Ромеи — итальянскій военный агентъ въ Россіи. Прим. Н. Н. Г.).

77) Телеграмма полковника Ромеи отъ 11 мая.

78) Телеграмма полковника Энкеля отъ 10 мая № 539.

Содержаніе этихъ переговоровъ указываетъ на растерянность высшаго итальянскаго командованія и отсутствіе готовности, прежде всего въ своихъ средствахъ искать выхода изъ создавшагося положенія, несмотря на то, что и въ настоящее время превосходство силъ остается на его сторонѣ. Только немедленный переходъ въ наступленіе русской арміи считается единственнымъ средствомъ измѣнить положеніе; не учитывается то, что въ ближайшее время австрійцы не могутъ, по условіямъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ, серьезно усилить свои войска на итальянскомъ фронтѣ даже при совершенно успѣшномъ ходѣ нашей атаки.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было соизволитъ на опредѣленіе времени начала нашей операціи въ концѣ мая, даже въ первыхъ числахъ іюня. Соотвѣтственно съ этимъ выполняется постепенное перемѣщеніе войскъ и распредѣленіе артиллеріи, ведется устройство исходнаго положенія для производства атаки.

Выполненіе немедленной атаки, согласно настояній итальянской главной квартиры, неподготовленное и, при неустранимой нашей бѣдности въ снарядахъ тяжелой артиллеріи, производимое только во имя отвлеченія вниманія и силъ австрійцевъ отъ итальянской арміи, не обѣщаетъ успѣха. Такое дѣйствіе поведетъ только къ разстройству нашего плана во всемъ его объемѣ.

Можно съ увѣренностью теперь сказать, что итальянская армія не способна уже принять участіе въ предстоящихъ общихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ, что было высказано генераломъ Кадорна союзнымъ военнымъ агентамъ еще 7 мая, т. е. въ самомъ началѣ операціи, когда размѣры неудачи не были столь опредѣленны, какъ въ настоящее время. Между тѣмъ итальянская армія имѣетъ достаточныя силы и средства, чтобы перемѣною плана и группировки войскъ парировать опасность и нанести сильный ударъ австрійцамъ, наступающимъ изъ Трентино.

Тѣмъ не менѣе, я сообщилъ 11 мая главнокомандующимъ, что обстановка потребуетъ болѣе скораго начала нашей операціи, чѣмъ было установлено на совѣщаніи 1 апрѣля, и просилъ генералъ-адъютанта Брусилова сообщить, когда по общему положенію дѣлъ на фронтѣ онъ можетъ начать свою атаку.

Главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ[79] извѣстилъ, что артиллерійскую подготовку онъ можетъ начать 19 мая, проситъ подкрѣпить его отъ другихъ фронтовъ однимъ корпусомъ войскъ у Проскурова и обильнѣе снабдить огнестрѣльными припасами.

Нѣкоторое упрежденіе въ началѣ атаки не должно, однако, измѣнить общаго плана нашихъ дѣйствій, уже намѣченнаго и одобреннаго на совѣщаніи 1 апрѣля. Поэтому назначеніе отъ того или другого фронта корпуса войскъ въ распоряженіе генералъ-адъютанта Брусилова не можетъ быть допущено безъ ущерба подготовки удара на главнѣйшемъ

79) Брусиловъ (примѣчаніе Н. Н. Г.).

направленіи. Можно допустить одно выдѣленіе въ непосредственное распоряженіе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, кромѣ гвардіи, по одному корпусу на сѣверномъ и западномъ фронтахъ для спѣшной переброски впослѣдствіи въ раіонъ Ровно или Проскурова для развитія успѣха атаки и расширенія первоначальной задачи, возложенной на юго-западный фронтъ. Тогда, быть можетъ, можно будетъ нѣсколько ограничить размѣръ операціи, намѣченной въ Двинскомъ раіонѣ, или даже ограничиться здѣсь сильными демонстративными дѣйствіями.

Докладываю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ о послѣднемъ только въ видѣ предположенія. Главнокомандующимъ же мною сообщено, что общій планъ дѣйствій остается и нынѣ неизмѣннымъ, почему юго-западный фронтъ долженъ выполнять атаку с в о и м и с и л а м и, обезпечивъ соотвѣтствующею группировкою превосходство на главномъ направленіи, т. е. въ VIII арміи, не разсчитывая теперь на усиленіе его корпусомъ за счетъ другихъ фронтовъ, — подготовка къ атакѣ должна быть закончена 19 мая, для начала же дѣйствій надлежитъ ожидать указаній отъ штаба верховнаго главнокомандующаго; прочимъ фронтамъ ускорить свою подготовку, чтобы между началомъ атаки юго-западнаго и западнаго фронтовъ не было большого промежутка времени.

Благоугодно ли будетъ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ дать мнѣ т е л е г р а м м о ю полномочія, начать юго-западнымъ фронтомъ артиллерійскую подготовку къ атакѣ 19 мая, если ходъ событій на итальянскомъ фронтѣ потребуетъ этого, и сообразно съ этимъ вести нашу подготовку на всѣхъ фронтахъ, — равно разрѣшить назначить по одному корпусу сѣвернаго и западнаго фронтовъ въ ВАШЕ распоряженіе.

Генералъ-Адъютантъ **Алексѣевъ.**

13 мая[80] 1916 года.

---

80) Старый стиль (примѣчаніе Н. Н. Г.).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

РАЗЛОЖЕНІЕ АРМІИ (1917 г.).

Революція. — Фронтъ и тылъ. — Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Доклады членовъ Государственной Думы. — А. Ф. Керенскій. — Нежеланіе народныхъ массъ продолжать войну. — Мнѣнія военачальниковъ. — Вопросъ о наступленіи. — Ударныя добровольческія части. — Дальнѣйшее паденіе духа въ солдатской массѣ. — Коллективное заявленіе Главнокомандующихъ. — Перемѣны въ Верховномъ управленіи вооруженными силами Россіи. — Катастрофа на фронтѣ. — Генералъ Л. Г. Корниловъ. — Офицерство. — Корниловское выступленіе. — Окончательный развалъ.

Революція.

Событія, разыгравшіяся въ Петроградѣ въ первыхъ числахъ марта (по новому стилю) и приведшія къ паденію царскаго правительства, разразились для Арміи неожиданно. Войска были ошеломлены быстротой совершившагося переворота.

«Многимъ кажется удивительнымъ и непонятнымъ тотъ фактъ», — записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1] ген. Деникинъ, командовавшій въ это время VII-мъ арм. корпусомъ, — «что крушеніе вѣкового монархическаго строя не вызвало среди Арміи, воспитанной въ его традиціяхъ, не только борьбы, но даже отдѣльныхъ вспышекъ. Что Армія не создала своей Вандеи... Мнѣ извѣстны только три эпизода рѣзкаго протеста: движеніе отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой въ первые дни волненій въ Петроградѣ, выполненное весьма неумѣло и вскорѣ отмѣненное, и двѣ телеграммы, посланныя Государю командирами 3-го Коннаго и Гвардейскаго Коннаго Корпусовъ, графомъ Келлеромъ и Ханомъ Нахичеванскимъ. Оба они предлагали себя и свои войска въ распоряженіе Государя для подавленія «мятежа»... Было бы ошибочно думать, что Армія являлась вполнѣ подготовленной для воспріятія временно «демократической республики», что въ ней не было «вѣрныхъ частей» и «вѣрныхъ начальниковъ», ко-

1) «Очерки Русской Смуты», т. I, вып. 1, стр. 61-62.

торые рѣшились бы вступить въ борьбу. Несомнѣнно, были. Но сдерживающимъ началомъ для всѣхъ явились два обстоятельства: первое — видимая легальность обоихъ актовъ отреченія[2], причемъ второй изъ нихъ, призывая подчиниться Временному Правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивалъ изъ рукъ монархистовъ всякое оружіе, — и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронтъ. Армія т о г д а была послушна своимъ вождямъ. А они — генералъ Алексѣевъ, всѣ Главнокомандующіе — признали новую власть. Вновь назначенный Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, въ первомъ приказѣ своемъ говорилъ: «Установлена власть въ лицѣ новаго правительства. Для пользы нашей Родины, я Верховный Главнокомандующій, призналъ ее, показавъ тѣмъ примѣръ нашего воинскаго долга. Повелѣваю всѣмъ чинамъ славной нашей арміи и флота неуклонно повиноваться установленному правительству черезъ своихъ прямыхъ начальниковъ. Только тогда Богъ дастъ намъ побѣду».

Такъ оцѣниваетъ въ своей книгѣ «Очерки Русской Смуты» генералъ Деникинъ настроеніе офицерской среды.

Солдатская масса была слишкомъ темна и инертна, чтобы сразу разобраться въ событіяхъ. Поэтому, можно было наблюдать въ различныхъ частяхъ Арміи совершенно противорѣчивыя проявленія. Тотъ же ген. Деникинъ утверждаетъ, что во время чтенія манифеста объ отреченіи Государя «мѣстами въ строю непроизвольно колыхались ружья, взятыя на караулъ, и по щекамъ старыхъ солдатъ катились слезы...» [3]. Мы же сами отлично помнимъ донесенія нѣсколькихъ командировъ полковъ, доносившихъ въ Штабъ Арміи о томъ, что ихъ солдаты отказывались присягать Временному Правительству передъ своимъ полковымъ знаменемъ, требуя немедленнаго уничтоженія на его полотнищѣ вензеля отрекшагося Императора.

Но несмотря на всю разнорѣчивость внѣшнихъ проявленій солдатскихъ настроеній, одно можетъ считаться несомнѣннымъ: довѣріе къ бывшему царскому правительству было окончательно подорвано и внутреннее единство традиціонной формулы «за Вѣру, Царя и Отечество» было разрушено. Царь противопоставлялся Отечеству. Слухи объ измѣнѣ Императрицы Александры Феодоровны, о грязной роли Распутина, хотя и ложные, сыграли особенно разлагающую роль. Самое убійство Распутина членами Царской Семьи объяснялось въ солдатскихъ массахъ, какъ доказательство справедливости циркулирующихъ слуховъ. Дезорганизація, наблюдаемая въ тылу, недостатокъ въ снабженіи, разстройство транспорта, озлобленная критика правительства во всѣхъ слояхъ интеллигенціи, съ другой сторо-

---

2) Манифесты Императора Николая II и Великаго Князя Михаила Александровича. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

3) «Очерки Русской Смуты», Деникинъ, стр. 60.

ны — отталкиваніе общественныхъ силъ самимъ правительствомъ, министерская чехарда и самое ничтожество выдвигаемыхъ на эти посты лицъ — все это широко проникало въ гущу солдатской массы и атрофировало въ ней всякое чувство довѣрія и уваженія къ правительственной власти. Мистическій ореолъ Царской Власти былъ разрушенъ.

«Ваше Величество», телеграфируетъ Главнокомандующій арміями Западнаго фронта генералъ Эвертъ[4], «на армію въ настоящемъ ея составѣ при подавленіи внутреннихъ безпорядковъ расчитывать нельзя... Я принимаю всѣ мѣры къ тому, чтобы свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ столицѣ не проникали въ армію, дабы оберечь ее отъ несомнѣнныхъ волненій. Средствъ прекратить революцію въ столицѣ нѣтъ никакихъ».

Фронтъ и тылъ.

Изучая настроеніе солдатскихъ массъ на фронтѣ въ первые дни революціи, нельзя не замѣтить, что степень революціонизированія и податливости къ разлагающимъ вліяніямъ этихъ массъ росла по мѣрѣ удаленія отъ боевой линіи въ тылъ. Это явленіе имѣло мѣсто въ теченіе всего 1917 года и обуславливало то, что каждая новая волна разложенія Арміи приходила съ тыла. Это явленіе представляетъ собой какъ бы общій психологическій законъ процесса развала Арміи. Генералъ Сериньи, въ своемъ трудѣ, выдержку изъ котораго мы уже приводили[5], обратилъ вниманіе на подобное же явленіе на французскомъ театрѣ:

«Это явленіе очень ясно обнаружилось у насъ во время пораженческой пропаганды, имѣвшей мѣсто въ 1917 году; войсковыя части, которыя первыми ей поддались, были тѣ, которыя, выведенныя изъ боевыхъ линій, находились на отдыхѣ; эта гангрена была принесена къ нимъ укомплектованіями и вернувшимися изъ отпусковъ внутри страны. То же самое имѣло мѣсто у нашихъ враговъ въ октябрѣ 1918 года. Германія была въ полномъ разложеніи. Тыловыя части и запасные полки подняли красные флаги и срывали съ офицеровъ погоны; въ это же самое время войска боевой линіи продолжали упорно драться. Послѣ заключенія перемирія эти войска перешли въ полномъ порядкѣ Рейнъ и, не успѣвъ заразиться, способствовали возстановленію порядка въ Имперіи...».

Законъ распространенія разложенія арміи съ тыла къ фронту проявляется въ Россіи въ томъ, что быстрѣе всего идетъ процессъ разложенія въ солдатскихъ массахъ Сѣвернаго фронта въ непосредственномъ тылу котораго находился главный очагъ революціи — Петро-

---

4) «Архивъ Русской Революціи», т. III, стр. 261.

5) Général Serigny. « Réflexions sur l'art de la guerre », p. 45.

градъ. Второе мѣсто по своей «разлагаемости» занимаютъ арміи нашего Западнаго фронта, въ тылу котораго находился второй революціонный центръ — Москва. Юго-Западный фронтъ, имѣвшій въ своемъ тылу Кіевъ, былъ здоровѣе, и волны разложенія, по сравненію съ Сѣвернымъ и Западнымъ фронтами, сюда запаздывали. Наконецъ, въ наилучшемъ моральномъ состояніи находились наши арміи Румынскаго фронта; пребываніе на территоріи чужого государства значительно задерживало проникновеніе заразы.

Движущей силой революціи оказался петроградскій гарнизонъ (запасныя части), мятежъ котораго и привелъ къ такой молніеносной побѣдѣ революціи. Въ такомъ же разложеніи оказались ближайшіе сосѣди петроградскаго гарнизона — Балтійскій флотъ и Кронштадтъ.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Руководящимъ органомъ революціи съ первыхъ же дней сталъ образовавшійся изъ революціонныхъ главарей петроградскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Этотъ «Совѣтъ» сразу же присоединилъ къ своему наименованію слова «и солдатскихъ депутатовъ» и употребилъ всѣ усилія для того, чтобы захватить въ свои руки руководство возставшими частями. 1/14 марта отъ имени Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ отдается приказъ по войскамъ Петроградскаго гарнизона, хорошо всѣмъ извѣстный подъ названіемъ «приказъ № 1».[6]

Начальные пункты этого приказа гласили:

«1) Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

«2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10-ти часамъ утра, 2-го сего марта.

«3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и своимъ комитетамъ.

«4) Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

---

6) Одновременно съ опубликованіемъ приказа № 1 въ Петроградѣ, Совѣтъ принялъ мѣры по распространенію его текста въ частяхъ фронта.

«5) Всякаго рода оружіе, какъ-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должно находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ».

Непосредственнымъ слѣдствіемъ «приказа № 1» является фактическій захватъ власти въ столицѣ Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Временное Правительство очутилось, по существу дѣла, на второмъ планѣ, сохраняя лишь до поры до времени видимость власти. И одной изъ первыхъ уступокъ, которую Временное Правительство вынуждено было сдѣлать Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, является смѣщеніе только что назначеннаго на постъ Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича.

«Уже въ первые десять дней», пишетъ большевицкій писатель Я. Яковлевъ [7], «Ставка становится центромъ заговора, пытающимся сохранить Николая Николаевича въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго... Эту Ставку бьетъ солдатская и рабочая масса». Внесемъ только исправленіе — не солдатская масса, а Петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ пытался сразу же распространить дѣйствіе «приказа № 1» и на всю Армію. Но это ему не удалось, и Петроградскому Совѣту пришлось отдать «приказъ № 2», въ которомъ объявлялось, что «приказъ № 1» относится только къ войскамъ Петроградскаго гарнизона.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на первоначальную внѣшнюю неудачу, «приказъ № 1» сыгралъ громадную роль въ разложеніи арміи.

Во-первыхъ, онъ наталкивалъ солдатскую массу на самочинное образованіе «солдатскихъ совѣтовъ».

Во-вторыхъ, онъ въ корнѣ подрывалъ установленную воинскую дисциплину.

Уже въ цитированномъ выше параграфѣ 5-мъ этого приказа говорилось, что всякаго рода оружіе «ни въ какомъ случаѣ не должно выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ»... Такимъ образомъ узаконялось неповиновеніе и въ то же время офицеры обрисовывались опасными врагами солдатъ.

Во всѣхъ параграфахъ приказа № 1 составители этого приказа вели демагогическую игру съ темной солдатской массой, которая съ особеннымъ восторгомъ принимала все, что освобождало ее отъ какихъ-либо обязательствъ, въ особенности отъ всякаго проявленія воинской дисциплины; послѣдняя являлась особенно ненавистной, ибо съ началомъ революціи, когда всѣ темные инстинкты народныхъ массъ стремились разнуздаться, воинская дисциплина оставалась въ Арміи единственнымъ задерживающимъ началомъ.

Многіе изъ членовъ Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдат-

---

7) «Разложеніе арміи въ 1917 году», стр. 5.

скихъ депутатовъ такъ и смотрѣли на приказъ № 1, какъ на разлагающее старую армію начало. Объ этомъ откровенно свидѣтельствуетъ одинъ изъ этихъ депутатовъ, г-нъ Гольденбергъ[8] (редакторъ газеты «Новая Жизнь»). «Приказъ № 1», заявляетъ Гольденбергъ, «являлся единодушнымъ выраженіемъ воли Совѣта. Въ день, когда началась революція, мы поняли, что если не развалить старую армію, она раздавитъ революцію. Мы должны были выбирать между арміей и революціей. Мы не колебались: мы приняли рѣшеніе въ пользу послѣдней и употребили — я смѣло утверждаю это — надлежащее средство».

Доклады членовъ Государственной Думы.

Дабы дать хотя бы приблизительную картину солдатскихъ настроеній въ первый мѣсяцъ революціи, мы используемъ докладъ члена Государственной Думы Н. О. Янушкевича[9] объ его объѣздѣ вмѣстѣ съ другими членами Государственной Думы частей фронта. Этотъ докладъ былъ заслушанъ 13/26 марта Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы, пытавшимся въ первый мѣсяцъ революціи всячески поддерживать Временное правительство кн. Львова.

Докладъ Н. О. Янушкевича типиченъ. Если просмотрѣть доклады всѣхъ членовъ Государственной Думы, объѣзжавшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ, по порученію Временнаго правительства нашу Дѣйствующую Армію, то мы увидимъ большое сходство ихъ между собой.

Несомнѣнно, что однородность возложенной задачи на всѣхъ этихъ посланцевъ Временнаго правительства накладываетъ на нихъ одинъ и тотъ же отпечатокъ. Эти посланцы должны были укрѣпить вѣру Арміи во Временное правительство, вышедшее изъ нѣдръ Государственной Думы. Исканіе этого довѣрія прежде всего въ солдатской массѣ приводитъ посланцевъ Временнаго правительства къ нѣкоторой демагогіи. У Янушкевича это отражается въ стремленіи объяснить всякія солдатскія волненія «безтактностью» офицеровъ, не пріявшихъ революцію; характерна одна мелочь: онъ называетъ комитеты «солдатскими и офицерскими», а не въ обратномъ порядкѣ; тенденція понравиться солдатскимъ массамъ проявляется и во многомъ другомъ.

Но въ общемъ нельзя не считать, что всѣ эти посланцы Временнаго правительства ѣхали съ глубокимъ и искреннимъ патріотическимъ желаніемъ помочь Арміи пережить предстоящій ей кризисъ.

Докладъ Янушкевича позволяетъ прослѣдить тотъ психическо-соціальный законъ, о которомъ мы говорили выше, и устанавливающій, что разложеніе арміи происходитъ съ тыла.

По мѣрѣ сближенія съ фронтомъ, Янушкевичъ свидѣтельствуетъ все улучшающееся настроеніе, которое на самыхъ боевыхъ линіяхъ «такое веселое, радостное и хорошее, что отрадно становится».

8) Цитировано у Деникина «Очерки Русской Смуты», т. I, вып. 1, стр. 66.
9) См. приложеніе № 1.

Общее политическое настроеніе солдатской массы характеризуется Янушкевичемъ: «солдаты чего-то ждутъ...»

Это выжидательное настроеніе солдатской массы въ первые дни послѣ паденія стараго режима констатируется во всѣхъ мемуарахъ. Психологически оно чрезвычайно характерно. Народныя массы привыкли до сихъ поръ совершенно пассивно относиться ко всѣмъ вопросамъ государственнаго значенія; рѣшали все Царь и его правительство. Такое отношеніе было освящено вѣками. И вдругъ, въ нѣсколько дней, все это рушилось. Всѣ газеты, на которыя теперь съ жадностью набросилась солдатская масса, всѣ ораторы на митингахъ, на которыхъ часами она простаивала, заговорили о свободѣ и о томъ, что народъ долженъ рѣшать все самъ. Солдатская масса, ошеломленная, прислушивалась и еще не знала, куда идти. Гдѣ-то въ ея глубинѣ шевелились чисто эгоистичныя устремленія: получить землю у помѣщиковъ, ограбить «буржуя», уйти съ фронта домой... Но задерживающія начала, хотя и надтреснутой, но еще не развалившейся государственности, сдерживали анархическія тенденціи, заставляя ихъ укрываться въ подсознаніи. Въ такихъ условіяхъ благоразумная часть солдатской массы, находившейся на фронтахъ, потянулась къ Государственной Думѣ и Временному правительству. Овація, упоминаніями о которыхъ полонъ докладъ Янушкевича, были вполнѣ искренними. Солдатская масса на фронтѣ еще не знала, что карта Временнаго правительства въ это время уже была бита Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Но среди этой массы крайніе революціонные элементы уже чувствуютъ это. Въ этомъ можно убѣдиться въ мимолетной замѣткѣ Янушкевича: «...Затѣмъ къ намъ обращались съ просьбой предоставить имъ возможность послать кого-нибудь отъ какой-либо части въ Петроградъ, узнать, въ чемъ дѣло». Подобныя посылки были осуществлены во всѣхъ арміяхъ; этимъ способомъ сторонники «углубленія» революціи устанавливали связь съ Петроградскимъ Совѣтомъ, стремившимся стать во главѣ всего революціоннаго движенія.

Членъ Государственной Думы Янушкевичъ не видитъ этого. Онъ упоенъ внѣшнимъ фасадомъ встрѣчи, совершенно забывая, что всякія проявленія толпы всегда крайне эмоціональны и бурны, и что эта внѣшность вовсе не гарантируетъ отъ того, что черезъ кратчайшій промежутокъ времени та же толпа столь же горячо будетъ привѣтствовать совершенно противоположное.

Не видитъ также Янушкевичъ, что образовавшійся между офицерами и солдатами разрывъ имѣетъ причины болѣе глубокія, нежели «безтактность» офицеровъ. Не видитъ онъ, что здѣсь намѣчается уже начало вражды, приведшей впослѣдствіи къ гражданской войнѣ.

Не видитъ онъ также, что въ разговорахъ объ отпускахъ, въ просьбахъ старыхъ солдатъ отпустить ихъ домой выбивается наружу нежеланіе продолжать войну. Этотъ «отказъ отъ войны» еще запрятанъ въ глубинѣ подсознанія солдатской массы, — онъ не смѣетъ еще откро-

венно высказываться, но онъ существуетъ въ видѣ потенціальной отрицательной силы и при этомъ уже большого напряженія.

Для того, чтобы убѣдиться въ правильности нашего анализа, мы приведемъ выдержку изъ доклада о поѣздкѣ на фронтъ другого члена Государственной Думы, Масленникова, объѣхавшаго часть Юго-Западнаго фронта въ сопровожденіи П. Н. Шмакова. Этотъ объѣздъ совершенъ на мѣсяцъ позже (въ концѣ апрѣля нов. ст.) и потому тѣ процессы въ солдатской массѣ, о которыхъ мы говорили, разбирая докладъ Янушкевича и которые проявлялись только въ видѣ отдѣльныхъ, неотчетливыхъ признаковъ, теперь выявляются яснѣе. Это тѣмъ болѣе показательно, что Масленниковъ объѣзжалъ Юго-Западный фронтъ, который въ своемъ «революціонномъ созрѣваніи» нѣсколько запаздывалъ по сравненію съ Сѣвернымъ фронтомъ, имѣвшимъ въ своемъ непосредственномъ тылу Петроградъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ разбору доклада Масленникова и Шмакова [10], мы должны упомянуть о томъ, что въ теченіе перваго же мѣсяца революціи во всѣхъ частяхъ фронта образовались солдатскіе совѣты. Командный составъ рѣшилъ взять это стихійное движеніе солдатской массы въ свои руки, создавъ «войсковые комитеты», и введя туда также представителей офицерскаго состава. Предполагали, что этимъ способомъ удастся возстановить сильно пошатнувшееся съ началомъ революціи довѣріе солдатской массы къ командному составу и перекинуть мостъ черезъ образовавшійся разрывъ между солдатами и офицерами.

Въ этомъ духѣ и были даны указанія изъ Ставки генераломъ Алексѣевымъ, замѣнившимъ Великаго Князя Николая Николаевича на посту Верховнаго Главнокомандующаго.

Ко времени объѣзда части Юго-Западнаго фронта Масленниковымъ и Шмаковымъ, въ полкахъ, въ дивизіяхъ, въ корпусахъ, въ арміяхъ и во фронтахъ комитеты уже были вполнѣ сформированы. Вслѣдствіе этого, для того, чтобы опредѣлить настроенія солдатскихъ массъ. г. г. Масленниковъ и Шмаковъ находятся въ болѣе легкомъ положеніи, нежели Янушкевичъ, объѣзжавшій фронтъ въ ту пору, когда подобные комитеты формировались въ полномъ безпорядкѣ, а потому какъ выразители солдатскихъ настроеній мало отличались отъ митинговъ, настроеніе которыхъ почти всецѣло обуславливалось удачнымъ выкрикомъ случайныхъ вожаковъ толпы.

При посѣщеніи первыхъ же двухъ полковъ, о которыхъ Масленниковъ и Шмаковъ отзываются, какъ о вполнѣ боеспособныхъ, имъ приходится уже столкнуться съ формулой «война безъ аннексій и контрибуцій», въ которой вылилась первая пораженческая пропаганда большевиковъ.

Насколько содержаніе этой формулы своеобразно трактовалось

---

10) Обширныя выдержки изъ этого доклада приведены въ приложеніи № 2 къ настоящей главѣ.

солдатской массой, свидѣтельствуютъ многочисленные случаи, когда подъ предлогомъ этой формулы солдаты отказывались выносить впередъ на нѣсколько шаговъ окопы, требуемые для обороноспособности нашихъ позицій. Говоря про Полоцкій полкъ,[11] депутаты выражаются такъ:

«Общее впечатлѣніе отъ полка говоритъ въ его пользу... Въ рѣчахъ вѣрное пониманіе смысла девиза «безъ аннексій и контрибуцій»...

Относительно же посѣщенія слѣдующаго полка той же дивизіи, депутаты записываютъ:

«Командиръ полка, привѣтствуя депутатовъ, говоритъ, что девизомъ полка служитъ «война безъ аннексій и контрибуцій»....

Впечатлѣніе отъ посѣщенія остальныхъ частей 5-го Армейскаго корпуса формулируется депутатами, какъ благопріятное; тѣмъ не менѣе, въ ихъ докладѣ опять встрѣчаются упоминанія о формулѣ «безъ аннексій и контрибуцій», которую всѣ солдаты «ставятъ девизомъ».

Хотя депутаты вслѣдъ за тѣмъ и успокаиваютъ, что солдаты «несомнѣнно въ наступленіе пойдутъ», но этотъ оптимизмъ является слѣдствіемъ желанія видѣть вещи не такими, какими онѣ суть, а такими, какими имъ хотѣлось, чтобы онѣ были.

Откровенное поясненіе, что значитъ въ солдатскихъ умахъ формула «безъ аннексій и контрибуцій», депутаты слышатъ въ рѣчи предсѣдателя съѣзда представителей комитетовъ 11-й арміи. Рѣчь предсѣдателя этого съѣзда, прапорщика 11-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, «носила явный характеръ направленія большевиковъ. Охарактеризовавъ 4-ую Думу, какъ представительницу интересовъ буржуазныхъ классовъ и капитала, онъ высказалъ, что армія будетъ драться до конца только въ случаѣ выясненія истинныхъ намѣреній нашихъ союзниковъ, чтобы Россіи дана была гарантія, что борьба идетъ не за капиталистическія цѣли союзниковъ. Вообще, въ рѣчи предсѣдателя чувствовалось, быть можетъ, невольное намѣреніе подорвать авторитетъ Думы, Временнаго Правительства и довѣріе къ союзникамъ. Послѣднее встрѣтилось депутатамъ впервые. Рѣчь предсѣдателя имѣла грандіозный успѣхъ...».

Подтвержденіе этому тревожному явленію, обнаруженному депутатами «впервые», было получено черезъ день при посѣщеніи гвардейскихъ саперъ. «Политическое направленіе президіума[12] показало себя крайне лѣвымъ, большевицкаго толка. На собраніи, впервые за всю поѣздку, былъ очень остро затронутъ вопросъ о мирѣ. Членъ президіума, редакторъ латышской газеты, указывалъ на мирную конференцію, какъ на скорѣйшій способъ ликвидировать войну. Другіе ораторы требовали обнародованія нашихъ условій съ союзниками для гарантіи, что мы не боремся за имперіалистическія и капиталистическія стремленія нашихъ союзниковъ. Къ послѣднимъ чувствовалось явное недовѣріе.

---

11) 7-й пѣх. дивизіи .

12) Президіума ихъ войскового комитета. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

Въ рѣчахъ ни одного слова, враждебнаго Германіи. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ собранія — крикъ «ура».

Дальше г. г. Масленникову и Шмакову пришлось уже вплотную подойти къ очень яркимъ проявленіямъ пораженчества: «...Солдаты пѣхоты часто перерѣзывали телефонные провода артиллерійскихъ наблюдательныхъ пунктовъ. Грозятъ артиллеріи въ случаѣ стрѣльбы въ противника поднять артиллеристовъ на штыки. Не позволяютъ подъ угрозой штыковъ открывать пулеметный огонь. Братанія продолжаются, хотя и въ значительно меньшей степени, чѣмъ на Пасху, когда братанія приняли прямо уродливыя формы... Разсказываютъ, что въ нашихъ окопахъ, удаленныхъ отъ нѣмецкихъ шаговъ на 30, пулеметы въ чехлахъ...».

Все это заставляетъ г. г Масленникова и Шмакова придти къ слѣдующему общему заключенію о боеспособности фронта:

«Резюмируя общее впечатлѣніе отъ посѣщенія указанныхъ частей, можно сдѣлать слѣдующій выводъ:

«Сравнивая духъ арміи въ настоящее время и въ первые дни революціи, при посѣщеніи Сѣвернаго фронта, къ сожалѣнію, приходится констатировать, что та пропаганда, которую вела Германія у насъ въ тылу черезъ своихъ вольныхъ и невольныхъ провокаторовъ и шпіоновъ, а также пропаганда на фронтѣ подъ видомъ перемирій и братаній, сдѣлала свое губительное дѣло. Солдаты болѣе не рвутся въ бой, чтобы доказать, какъ русскій гражданинъ защищаетъ свою свободную Россію, а идутъ разговоры лишь объ оборонѣ, да и то съ боязнью защищать мифическіе французскіе и англійскіе капиталы. Тылы этой пропагандой уже заражены въ значительной степени. Чужды этой пропаганды наши доблестныя артиллерія и казачество. О духѣ кавалеріи мы не знаемъ. Боевая пѣхота въ нѣкоторыхъ частяхъ начинаетъ поддаваться этой пропагандѣ, если не совсѣмъ подпала, то только благодаря героическимъ элементамъ среди солдатъ и беззавѣтной службѣ на благо Родины нашего доблестнаго офицерства, ставящаго свой долгъ выше незаслуженныхъ обидъ, клеветы и оскорбленій. Успѣхъ нежелательной пропаганды въ пѣхотныхъ частяхъ лежитъ въ томъ, что онъ бьетъ по самому больному мѣсту. Всѣ устали воевать — большевицкая пропаганда проповѣдуетъ скорѣйшее прекращеніе активныхъ военныхъ дѣйствій (оборонительная война и мирный конгрессъ). Главные пункты этой пропаганды: подорвать вѣру въ правительство, союзниковъ, Государственную Думу и внести рознь и разладъ во внутреннюю жизнь войскъ. Уставъ воевать, но слыша изъ Россіи голоса о необходимости защищать свободу, стараются найти компромиссъ, угодить и чувству самосохраненія и необходимости воевать. Вотъ почему такъ крѣпко укоренилось неправильное пониманіе мира безъ аннексій, какъ отказа отъ всякой наступательной войны. Отсюда недовѣріе къ власти и союзникамъ и этимъ же объясняется недоброжелательное отношеніе къ офицерскому составу. Наряду съ этимъ,

огромная масса солдатъ рада вѣрить въ то, что нѣмцы пойдутъ на всѣ требованія, выставляемыя русской демократіей».

«Нѣмцы, отлично учтя это настроеніе, всячески стараются его поддержать и развить, прекративъ обстрѣлъ нашихъ позицій и проповѣдуя свое миролюбіе организованнымъ и планомѣрно проводимымъ братаніемъ».

«Зараза, идущая изъ тыла, одинаковая съ пропагандой нѣмцевъ, убѣждаетъ менѣе сознательную часть солдатъ въ возможности ихъ мыслей и чаяній. Твердое желаніе союзниковъ воевать и призывъ Временнаго правительства къ исполненію долга передъ ними, отдаляетъ миръ, вотъ почему скрещивающаяся пропаганда о недовѣріи къ Англіи нравится».

«Офицерство, въ большинствѣ ратующее за войну до побѣды, сочувствія не встрѣчаетъ, и агитація противъ него падаетъ на подготовленную почву. Характерно отмѣтить, что въ большинствѣ случаевъ, наиболѣе подозрѣваемые офицеры — въ боевомъ отношеніи лучшіе. Это явленіе объясняется невольной боязнью, что хорошіе офицеры сумѣютъ заставить наступать».

Въ разсматриваемомъ нами докладѣ г. г. Масленникова и Шмакова можно отчетливо прослѣдить связь между пораженческими настроеніями войскъ и ихъ отношеніемъ къ Временному правительству.

Въ V-мъ корпусѣ, съ котораго начали свой объѣздъ депутаты и общее впечатлѣніе о войскахъ котораго, какъ мы видѣли выше, сложилось благопріятное, «политическія воззрѣнія, въ общемъ, сходятся съ воззрѣніями праваго крыла Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Отношеніе къ Думѣ и Временному правительству (подчеркивается иногда необходимость единенія послѣдняго съ Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ) — благожелательное. Отношеніе къ депутатамъ восторженное. Обыкновенное явленіе — спрашиваютъ, къ какимъ партіямъ принадлежатъ депутаты. Всюду одни и тѣ же вопросы: будущая форма правленія, Учредительное Собраніе, земля, отношенія Временнаго Правительства съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ...».

Но уже въ концѣ своего объѣзда, въ объединенномъ засѣданіи 1-й и 2-й Гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, они слышатъ «среди рѣчей солдатъ — фразы: штыкъ противъ нѣмцевъ, прикладъ противъ внутренняго врага. Далѣе слѣдуютъ двѣ крайнія рѣчи солдатъ. Первая заключаетъ въ себѣ угрозу Временному правительству, если оно не пойдетъ рука объ руку съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, удалить его вонъ...»

А. Ф. Керенскій.

Какъ мы указывали выше, солдатская масса, въ первые дни революціи, была ошеломлена быстротой и легкостью, съ которой пала Царская власть. По инерціи, она бурно привѣтствуетъ новую власть въ

лицѣ Временнаго правительства. Но вскорѣ до нея уже доходятъ свѣдѣнія, что истинная власть не тамъ, а въ рукахъ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Она не хочетъ порвать съ Временнымъ правительствомъ, вынесеннымъ на гребнѣ первой волны революціи; но ея симпатіи на сторонѣ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Крайне характерно указаніе доклада на то, что настроенія солдатскихъ представителей въ комитетахъ войсковыхъ частей, сохранившихъ большую боеспособность, соотвѣтствуютъ политическимъ воззрѣніямъ праваго крыла Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Такъ оно и было повсемѣстно. Большевицкій писатель Яковлевъ, въ предисловіи къ книгѣ «Разложеніе арміи въ 1917 году»[13] подтверждаетъ это, заявляя, что «въ первые дни революціи во главѣ этихъ (войсковыхъ) комитетовъ стали сначала эсеровскіе и меньшевистскіе интеллигентскіе элементы,[14] которые пытались вложить революцію въ Прокрустово ложе буржуазныхъ полуреформъ». Эти элементы создали ту громадную популярность, которой началъ пользоваться съ первыхъ же дней революціи въ солдатскихъ массахъ, находившихся на фронтѣ, А. Ф. Керенскій. Это и выдвинуло его въ іюлѣ мѣсяцѣ во главу правительства, несмотря на то, что онъ уже не отвѣчалъ революціоннымъ устремленіямъ Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Въ этомъ и являлась трагичность роли Керенскаго. Вся сила его была въ солдатскихъ массахъ на фронтѣ; эта масса запаздывала въ своемъ разложеніи по сравненію съ главнымъ очагомъ революціи, Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; всякое дальнѣйшее «углубленіе» революціи подрывало силу Керенскаго и увеличивало силу петроградскаго совдепа. Вотъ почему солдатская масса на фронтѣ и является теперь ареной борьбы двухъ направленій: одного — старающагося задержать революцію въ ея политической стадіи; другого — стремящагося ускорить ея превращеніе изъ политической въ соціальную. Несомнѣнно, что представители перваго направленія, къ числу которыхъ долженъ быть отнесенъ и Керенскій, безсознательно тоже толкали революцію къ переходу въ соціальную. Керенскій неоднократно кричалъ на солдатскихъ митингахъ: «Товарищи, углубляйте революцію». Но здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, нужно видѣть лишь демагогію, посредствомъ которой онъ и его политическіе единомышленники думали захватить власть надъ стихіей толпы. Такой же неразумной демагогіей должны быть объяснены распоряженія Керенскаго, замѣнившаго въ маѣ мѣсяцѣ Гучкова на посту военнаго и морского министра, ведшія къ подрыву авторитета военныхъ начальниковъ, къ паденію дисциплины и къ дальнѣйшему разложенію арміи. Керенскій совершен-

---

13) Страница 5-я.

14) Эти элементы какъ разъ и составляли правое крыло Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. (Примѣчаніе Н. Н. Г.)

но не отдавалъ себѣ отчета въ томъ психологическомъ процессѣ, который происходилъ въ Арміи съ начала революціи. Положеніе же въ этомъ отношеніи было исключительно труднымъ; причина этой исключительной трудности заключалась въ томъ, что войска, заболѣвшія революціоннымъ психозомъ, должны были въ то же время воевать. Совершенно естественно, что то бремя, которое выпало на долю Россіи въ первые три года войны, при маломъ пониманіи цѣлей и задачъ войны самой народной массой, должно было вызвать сначала неудовлетворенность, а затѣмъ и недовольство войной. Такимъ образомъ, наряду со стимулами политическаго, экономическаго и соціальнаго содержанія, свойственными всякой революціи, въ русской народной и солдатской массахъ съ начала революціи усиленнымъ темпомъ нарастаетъ желаніе окончить войну.

Нежеланіе народныхъ массъ продолжать войну.

Съ первыхъ же дней революціи начались на русскомъ фронтѣ такъ называемыя «братанія». Нѣмцы очень умѣло пользуются этимъ для веденія пропаганды среди нашей солдатской массы. Въ первые мѣсяцы командному составу удается еще бороться съ этимъ зломъ при посредствѣ огня артиллерійскихъ частей, дольше сохранявшихъ порядокъ. Въ приложеніи[15] приведены выдержки изъ донесеній о братаніи, имѣвшемъ мѣсто на нашемъ Сѣверномъ фронтѣ въ мартѣ и апрѣлѣ 1917 года.

Насколько сильно было стремленіе солдатской массы «кончить войну», свидѣтельствуетъ тотъ колоссальный ростъ дезертирства и уклоненія, который начался въ Русской Арміи съ начала революціи. Напомнимъ нѣкоторыя цифры, которыя мы уже приводили въ предыдущихъ главахъ.

Средняя заболѣваемость въ мѣсяцъ съ началомъ революціи увеличилась на 120%, хотя никакихъ эпидемическихъ болѣзней въ Русской Арміи не было и санитарное состояніе ея продолжало оставаться благополучнымъ.

Среднее число зарегистрированныхъ дезертировъ въ мѣсяцъ съ началомъ революціи увеличилось на 400%.

Кромѣ того, съ марта 1917 года началась громадная «утечка» солдатъ съ фронта и отказъ идти на фронтъ изъ тыла подъ самыми различными предлогами.

Въ воспоминаніяхъ[16] ген. Половцева, командовавшаго войсками Петроградскаго военнаго округа въ іюнѣ и іюлѣ 1917 г., встрѣчается описаніе одного изъ видовъ такого дезертирства, происходившаго подъ самымъ носомъ Временнаго правительства: «...По арміи прошелъ слухъ,

---

15) Приложеніе № 3 къ настоящей главѣ.

16) «Дни затменія», стр. 81.

что всѣхъ солдатъ старше 40 лѣтъ отпустятъ домой, да какая-то агитація въ этомъ смыслѣ пошла изъ Совѣта. И вотъ 40-лѣтніе начали дезертировать и являться въ столицы съ требованіемъ о томъ, чтобы ихъ на законномъ основаніи уволили. Поселились они лагеремъ на Семеновскомъ плацу, разбились на роты, основали собственную республику, начали сначала посылать повсюду депутаціи, но, потерпѣвъ неудачу, стали устраивать огромныя шествія, болѣе 50-ти ротъ. Черновъ[17] ихъ обнадежилъ. Керенскій съ яростью прогналъ. Я началъ морить голодомъ, прекративъ отпускъ у воинскаго начальника всякаго для нихъ пропитанія, но оказалось, что ихъ республика можетъ жить самостоятельно на заработки отъ торговли папиросами, отъ ношенія багажа на вокзалахъ и проч.».

Какъ мы указывали въ концѣ главы, посвященной изученію распредѣленія призванныхъ на военную службу людей между войсками и тыломъ, съ началомъ революціи утекло самовольно или подъ различными предлогами, изъ Дѣйствующей Арміи въ тылъ около 2.000.000 человѣкъ.

Этотъ повальный уходъ въ тылъ нельзя назвать иначе, какъ стихійно начавшейся демобилизаціей.

Приводимыя выше цифры позволяютъ совершенно опредѣленно утверждать, что «отказъ отъ войны» русскихъ массъ, вскорѣ же послѣ начала революціи, сталъ основнымъ процессомъ революціи. Политическіе дѣятели, вынесенные къ власти на гребнѣ первой волны революціи, принадлежавшіе по преимуществу къ либеральной буржуазіи, этого не поняли. Не понялъ этого и Керенскій, замѣнившій въ іюлѣ мѣсяцѣ кн. Львова и ставшій вмѣстѣ съ правыми соціалистами-революціонерами распорядителемъ судебъ Россіи.

Всѣ они продолжали призывать русскія народныя массы къ продолженію войны до окончательной побѣды. Одна только кучка большевиковъ, имѣя во главѣ привезеннаго изъ Германіи въ запломбированномъ вагонѣ Ленина, поставила свою ставку на призывъ русской солдатской массы къ немедленному прекращенію войны съ центральными державами.

Мнѣнія военачальниковъ.

Посмотримъ теперь, какъ оцѣнивались настроенія войскъ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля самими военачальниками. Въ приложеніи[18] приведены выдержки изъ нѣкоторыхъ донесеній нѣкоторыхъ изъ войсковыхъ начальниковъ Западнаго фронта. Какъ мы говорили уже выше, войска нашего Западнаго фронта въ отношеніи своего разложе-

17) Черновъ, соціалистъ-революціонеръ, былъ въ правительствѣ Керенскаго министромъ. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

18) Приложеніе № 4.

нія могутъ быть поставлены на среднее мѣсто между быстро развалившимся Сѣвернымъ фронтомъ и болѣе медленно разлагавшимися Юго-Западнымъ и Румынскимъ. На основаніи всѣхъ полученныхъ Штабомъ Западнаго фронта донесеній войсковыхъ начальниковъ, имъ было составлено въ серединѣ апрѣля (по новому стилю) слѣдующее заключеніе:

«Мнѣнія большинства начальствующихъ лицъ сходятся на томъ, что дисциплина въ войскахъ упала; довѣріе между офицерами и солдатами подорвано; нравственная упругость и боеспособность войскъ значительно понизились. Въ настоящее время войска пригодны только къ оборонѣ, наступленіе будетъ возможно черезъ 1-2 мѣсяца послѣ того, какъ возбужденіе, вызванное переворотомъ, уляжется. Однако, на успѣхъ наступленія можно расчитывать при непремѣнномъ условіи самой тщательной подготовки.

«Почти всѣ начальники указываютъ на то, что масса всякаго рода литературы, хлынувшей въ армію, въ частности «Извѣстія» [19], воззванія и приказы Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, приносятъ громадный вредъ, такъ какъ отвлекаютъ части отъ боевого дѣла и расшатываютъ ихъ, потому что масса солдатъ во многомъ плохо разбирается, многое принимаетъ на вѣру и усваиваетъ изъ прочитаннаго лишь то, что ей въ данный моментъ нравится. Организующіеся офицерско-солдатскіе комитеты вносятъ замѣтное успокоеніе.

«Многіе начальники утверждаютъ, что послѣ переворота стремленіе войскъ къ побѣдѣ осталось, а въ нѣкоторыхъ частяхъ даже усилилось.

«Духъ новыхъ дивизій [20] нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ старыхъ коренныхъ дивизіяхъ; большая часть ихъ пока пригодна лишь къ оборонѣ.

«Нѣкоторыя дивизіи (83, 62 и 69), подолгу (1 - 1½ года) занимающія одинъ и тотъ же участокъ, жалуются на сильное утомленіе и прежде всего нуждаются въ продолжительномъ отдыхѣ.

«Большинство начальствующихъ лицъ смотритъ на будущее спокойно и надѣется, что черезъ 1 - 2 мѣсяца (къ половинѣ мая) боеспособность войскъ будетъ возстановлена; къ ихъ числу относятся во второй арміи комкоры [21] 9, 10 и Своднаго, начдивы 7 Сиб., 1 Гренад., 169 и Уральской Казачьей; въ 3-й арміи Командармъ [22] 3, Комкоры 31, 4-го Коннаго, 3 и 46, Начдивы — 75, 172, 1-й Кубанской Каз., 16 кавал., 100, Пограничной и 5-й Донской Казачьей; въ 10-й арміи — Коман-

---

19) Газета, издаваемая Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

20) Здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ «третьихъ» дивизіяхъ, которыя были сформированы въ 1917 г. по мысли ген. Гурко и о которыхъ мы говорили въ предыдущихъ главахъ. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

21) Командиры корпусовъ. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

22) Командующій арміей. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

дармъ 10, Комкоры — 2 Кавказск., 20 и 35; начдивы — 1 Кавк. Гренад., 51, 134, 11-й Сибир., 29, 133 и Инаркоръ[23] 2 Кавказскаго.

«Нѣкоторые начальники признаютъ что войска и въ настоящее время находятся на должной высотѣ, въ томъ числѣ Комкоры Гренадерскаго, 3 Сибирскаго, 38 и 1 Сибирскаго, начдивы 5, 42, 129, 7 Туркестанской, 9, 67, 2 Кубанской Казач., 2 Туркестанск. Казач. и Комбригъ[24] 42 Артиллерійской.

«Наконецъ, есть начальники, которые смотрятъ на состояніе войскъ болѣе мрачно; къ таковымъ относятся Командармъ 2, начдивы 168, 8 Сиб., 17 Сиб., 2 Гренад., 15 Сиб., 112, 130, 83, 2 Сводной Казач.. 27, 77, 2 Кавказск. Гренад., 62, 69, 175, 28, 55, 170; 31; 2 кавал. и командиры полковъ 167, 168, 669, 670 и 671».

Для того, чтобы судить, какъ оцѣнивалось въ самомъ Штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго общее положеніе на всѣхъ фронтахъ, можетъ служить приводимый въ приложеніи документъ[25]. Послѣдній представляетъ собой запротоколированное заключеніе совѣщанія, имѣвшаго мѣсто въ Ставкѣ 18 марта (1 апрѣля) 1917 года.

Относительно состоянія арміи въ этомъ документѣ говорится слѣдующее:

«Армія переживаетъ болѣзнь. Наладить отношенія между офицерами и солдатами удастся, вѣроятно, лишь черезъ 2 - 3 мѣсяца.

«Пока же замѣчается упадокъ духа среди офицерскаго состава, броженіе въ войскахъ, значительное дезертирство.

«Боеспособность арміи понижена, и расчитывать на то, что въ данное время армія пойдетъ впередъ, очень трудно.

«Такимъ образомъ:

«1) Приводить нынѣ въ исполненіе намѣченныя весной активныя операціи н е д о п у с т и м о.

«2) Не расчитывая на Балтійскій флотъ, надо организовать оборону Финляндіи и подступовъ къ Петрограду, что потребуетъ усиленія Сѣвернаго фронта.

«3) На всѣхъ фронтахъ, до возстановленія порядка въ тылу и образованія необходимыхъ запасовъ, необходимо перейти къ оборонѣ.

«4) Необходимо принять самыя энергичныя мѣры для уменьшенія ѣдоковъ на фронтахъ.

«Для этого необходимо убрать съ фронтовъ всѣхъ инородцевъ и военноплѣнныхъ и рѣшительно сократить число людей и лошадей во всѣхъ тыловыхъ учрежденіяхъ.

«5) Надо, чтобы правительство все это совершенно опредѣленно и ясно сообщило нашимъ союзникамъ, указавъ на то, что мы теперь

---

23) Инспекторъ артиллеріи корпуса. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

24) Командиръ бригады. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

25) Приложеніе № 5.

не можемъ выполнить обязательства, принятыя на конференціяхъ въ Шантильи и Петроградѣ».

Если внимательно вчитаться въ донесенія военачальниковъ въ періодъ первыхъ мѣсяцевъ революціи, то нельзя не замѣтить одно очень существенное противорѣчіе: съ одной стороны, многіе начальники утверждаютъ, что послѣ переворота стремленіе къ побѣдѣ осталось и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ усилилось, — съ другой стороны, почти всѣ начальники заявляютъ, что сейчасъ войска неспособны къ наступленію. Странное усиленіе «стремленія къ побѣдѣ»!

Только что замѣченное нами противорѣчіе объясняется двумя причинами: во-первыхъ, многіе начальники сочли нѣкоторый подъемъ духа, съ которымъ приняла, въ первые дни революціи, солдатская масса объявленіе всякаго рода свободъ, — за истинное патріотическое воодушевленіе. Во-вторыхъ — съ началомъ революціи начальники, выражавшіе пессимистическіе взгляды на революцію, брались подъ подозрѣніе въ «контръ-революціи». Военные министры — Гучковъ, а затѣмъ, въ еще большей мѣрѣ, Керенскій, искавшіе популярности въ солдатскихъ массахъ, немедленно увольняли[26] такихъ начальниковъ. Такимъ образомъ, создавался «отборъ» начальниковъ, заигрывающихъ съ революціей или, по крайней мѣрѣ, не смѣющихъ высказывать всей правды.

Только что указанное нами нужно учесть при изученіи донесеній войсковыхъ начальниковъ того времени и считать, какъ правило, что эти донесенія рисуютъ положеніе дѣлъ болѣе оптимистично, чѣмъ оно было въ дѣйствительности.

Несомнѣнно, что это должно было отразиться на сводкахъ высшихъ штабовъ и заключеніяхъ старшихъ начальниковъ. Сказалось оно и на Ставкѣ, и на самомъ Верховномъ Главнокомандующемъ, генералѣ Алексѣевѣ. Въ письмѣ отъ 12/25 марта № 2188 къ Военному Министру Гучкову, генералъ Алексѣевъ пишетъ:

«Моральное состояніе арміи недостаточно опредѣлилось, вслѣдствіе всего пережитого и неусвоеннаго еще умами офицеровъ и солдатъ, равно вслѣдствіе проникающей въ ряды арміи пропаганды идей, нарушающихъ вѣками установившійся военный порядокъ. Богъ дастъ, армія переживетъ острый кризисъ болѣе или менѣе благополучно, но нужно предусматривать возможность и **пониженія боеспособности арміи**[27], хотя бы и временнаго. Это въ общемъ ходѣ событій явится наиболѣе опаснымъ моментомъ для Россіи. Хорошо освѣдомленный противникъ, конечно, учтя это обстоятельство, постарается использовать нашъ пері-

---

26) Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Гучковъ уволилъ до полутораста старшихъ начальниковъ, въ томъ числѣ 70 начальниковъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій.

27) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

одъ слабости для нанесенія рѣшительнаго удара. Неизвѣстно, кого обвинитъ тогда въ пораженіи общее мнѣніе арміи».

Въ этомъ отрывкѣ изъ письма генерала Алексѣева мы читаемъ осужденіе пропаганды, но въ немъ нѣтъ рѣшительнаго указанія на то, что начавшаяся революція несетъ съ собой разложеніе Арміи и, весьма вѣроятно, ея гибель. Генералъ Алексѣевъ говоритъ только о «возможности» временнаго пониженія боеспособности Арміи и только объ остромъ кризисѣ, который, Богъ дастъ, Армія переживетъ.

Интересно сопоставить здѣсь это недостаточное пониманіе нашими руководящими политическими и военными верхами всей силы разложенія, которую несетъ съ собой революція, съ точкой зрѣнія германскихъ политическихъ руководителей.

«...Правительство», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Людендорфъ[28], «опасалось, какъ бы наше наступленіе не задержало процессъ разложенія Россіи. Въ началѣ апрѣля, въ періодъ сильнаго развитія на фронтѣ братанія, армейская группа Лизингера произвела частную атаку тэтъ-де-пона на р. Стоходъ, остававшагося въ рукахъ у русскихъ со времени боевъ 1916 г., къ сѣверо-востоку отъ Ковеля. Эта операція сама по себѣ не имѣла сколько-нибудь серьезнаго значенія, но число русскихъ, захваченныхъ здѣсь въ плѣнъ, было столь велико, что вызвало даже мое удивленіе. Канцлеръ просилъ меня дѣлать возможно менѣе шума по поводу этого дѣла. Скрѣпя сердце, я согласился. Войска, участвовавшія въ этой атакѣ, не заслуживали этой сдержанности. Появившіяся въ газетахъ наши урѣзанныя описанія боя на Стоходѣ многимъ показались странными. Я предвидѣлъ это впечатлѣніе, но считалъ себя обязаннымъ подчиниться желанію канцлера, не разрушать надежды[29] на миръ. На этомъ же основаніи, Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго запретилъ всякую другую подобную операцію».

Пусть читатель сравнитъ высказанное въ только что приведенныхъ строкахъ съ мнѣніемъ генерала Алексѣева, высказаннымъ въ письмѣ Гучкову, о томъ, что непріятель, к о н е ч н о, воспользуется пониженіемъ боеспособности нашей арміи, чтобы въ первые же мѣсяцы нанести намъ рѣшительный ударъ.

Мы здѣсь имѣемъ передъ собой два различныхъ міровоззрѣнія: одно — учитывающее грозную силу разрушенія, присущую революціонному процессу; другое — примитивно низводящее этотъ процессъ въ рамки временнаго кризиса.

Вопросъ о наступленіи.

Это ограниченное пониманіе психическо-соціальной природы революціи привело наши высшіе военные круги къ мысли объ излѣченіи

---

28) **Lüdendorf. « Meine Kriegserinnerungen ». S. 343.**
29) Русской солдатской массы. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

Арміи отъ революціоннаго процесса путемъ перехода въ наступленіе; это наступленіе было отложено на іюнь мѣсяцъ, ввиду заявленія большинства войсковыхъ начальниковъ о необходимости 1 - 3 мѣсяцевъ для того, чтобы пережить революціонный кризисъ.

Вотъ какъ обосновываетъ необходимость наступленія для Русской Арміи въ 1917 году ген. Деникинъ [30], бывшій въ это время начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго: «...Въ пассивномъ состояніи, лишенная импульса и побудительныхъ причинъ къ боевой работѣ, русская Армія несомнѣнно и быстро догнила бы окончательно, въ то время, какъ наступленіе, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроеніе, если не взрывомъ патріотизма, то пьянящимъ, увлекающимъ чувствомъ побѣды. Это чувство могло разрушить всѣ интернаціональныя догмы, посѣянныя врагомъ на благодарной почвѣ пораженческихъ настроеній соціалистическихъ партій. Побѣда давала миръ внѣшній и нѣкоторую возможность внутренняго. Пораженіе открывало передъ государствомъ бездонную пропасть. Рискъ былъ неизбѣженъ и оправдывался цѣлью — спасеніе Родины. Верховный Главнокомандующій, я и генералъ-квартирмейстеръ (Юзефовичъ) совершенно единомышленно считали необходимымъ наступленіе. Старшій командный составъ принципіально раздѣлялъ этотъ взглядъ. Колебанія, и довольно большія при этомъ, на разныхъ фронтахъ были лишь въ опредѣленіи степени боеспособности войскъ и ихъ готовности».

Эта выдержка чрезвычайно характерно обрисовываетъ указанную нами примитивность мышленія, съ которой подходилъ высшій командный составъ къ революціонному процессу. Въ самомъ дѣлѣ, изъ словъ генерала Деникина видно, что весь расчетъ на спасеніе русской Арміи былъ основанъ на одержаніи окончательной побѣды, приводящей къ миру. Между тѣмъ, въ 1917 году война находилась еще въ той стадіи, когда была примѣнима только стратегія изнуренія и когда наполеоновскіе сокрушительные удары, рѣшающіе сразу судьбу войны, были абсолютно невозможны. Въ особенности это было невозможно для русской Арміи, которая, несмотря на то, что вышла изъ катастрофы въ боевомъ снабженіи, все-таки оказывалась въ 1917 году, по сравненію съ нѣмцами, въ отношеніи своего вооруженія, болѣе отсталой, чѣмъ въ 1914 г. Эта отсталость русской Арміи не позволяла не только расчитывать на всесокрушающую побѣду на русскомъ фронтѣ, но и вообще на большой успѣхъ, который, по словамъ генерала Деникина, оздоровилъ бы настроеніе Арміи, «если не взрывомъ патріотизма, то пьянящимъ, увлекающимъ чувствомъ большой побѣды». Наоборотъ, нужно было ожидать, что въ лучшемъ случаѣ наше наступленіе быстро замретъ, не приведя ни къ какимъ видимымъ для массы успѣхамъ.

«Рискъ былъ неизбѣженъ и оправдывался цѣлью — спасеніе Родины», пишетъ генералъ Деникинъ. Но рискъ бываетъ осмысленнымъ и безсмысленнымъ. Второго рода онъ и былъ въ данномъ случаѣ.

---

30) «Очерки Русской Смуты», томъ I-й, вып. 1-й, стр. 178.

Мотивомъ, который тоже выставляли въ пользу наступленія, являлось то, что будто бы оно необходимо было для союзниковъ. Въ данномъ случаѣ этотъ мотивъ отпадаетъ, такъ какъ наше наступленіе было бы полезнымъ для общесоюзнаго дѣла только въ томъ случаѣ, если бы оно произошло въ апрѣлѣ или маѣ 1917 года. На это и указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Людендорфъ. Въ іюнѣ же мѣсяцѣ оно представляло собой лишь изолированный ударъ, который нѣмцамъ легко было парировать присылкой противъ русскаго фронта требуемыхъ подкрѣпленій.

Поэтому наступленіе на русскомъ фронтѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ для общесоюзной стратегіи было совершенно безцѣльно, а для самой Россіи представлялось чрезвычайно опасной авантюрой.

Относительно утвержденія ген. Деникина, что Верховный Главнокомандующій ген. Алексѣевъ былъ также ярымъ сторонникомъ наступленія, какъ и его Начальникъ Штаба, генералъ Деникинъ, мы позволимъ себѣ очень и очень усумниться.

Вотъ какъ высказывается ген. Алексѣевъ о предположенномъ наступленіи въ своемъ письмѣ отъ 12/25 марта № 2188, адресованномъ Военному Министру Гучкову:

«Что касается до намѣчаемыхъ мною совмѣстно съ союзными нашими арміями оперативныхъ плановъ, то объ этомъ въ данную минуту говорить уже поздно, ибо рѣшенія были приняты на конференціи въ Шантильи 15 и 16 ноября 1916 года и на конференціи въ Петроградѣ въ февралѣ 1917 года. Мы приняли на этихъ конференціяхъ извѣстныя обязательства, и **теперь дѣло сводится къ тому,** чтобы съ меньшей потерей нашего достоинства передъ союзниками или отсрочить принятыя обязательства, или **совсѣмъ уклониться отъ исполненія ихъ»** [31].

«Обязательства эти сводятся къ слѣдующему положенію: Русская армія обязуется не позже, какъ черезъ три недѣли послѣ начала наступленія союзниковъ, рѣшительно атаковать противника. Уже пришлось сообщить, что вслѣдствіе организаціонныхъ работъ, разстройства транспорта и запасовъ, мы можемъ начать активныя дѣйствія не раньше первыхъ чиселъ мая».

«Данныя Вашего письма говорятъ, что и этого **измѣненнаго обязательства мы исполнить не можемъ.** Безъ укомплектованія начинать какую-либо операцію обширнаго размѣра немыслимо. Придется высказать союзникамъ, что **ранѣе іюня они не могутъ на насъ расчитывать,** объяснивъ это тѣми или другими благовидными предлогами».

«Такимъ образомъ сила обстоятельствъ приводитъ насъ къ выводу, что въ ближайшіе четыре мѣсяца (т. е. апрѣль, май, іюнь и іюль — примѣч. Н. Н. Г.) наши арміи должны бы сидѣть спокойно, не предпринимая рѣшительной, широкаго масштаба, операціи».

Проповѣдь наступленія въ средѣ русскаго командnаго состава отвѣчала желаніямъ новыхъ политическихъ руководителей страны. Это

---

31) Курсивъ нашъ. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

была своего рода революціонная демагогія, посредствомъ которой многіе сторонники наступленія дѣлали карьеру и выдвигались на высшія должности. Среди таковыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ указать на генерала Брусилова, смѣнившаго въ іюлѣ мѣсяцѣ генерала Алексѣева на посту Верховнаго Главнокомандующаго.

Ударныя добровольческія части.

Вѣра въ возможность спасти армію отъ разложенія при посредствѣ наступленія породила мысль сформировать для участія въ этомъ наступленіи ударныя части изъ добровольцевъ. Согласно настроенію того времени, эти части получали различныя революціонныя наименованія. Особенно горячимъ сторонникомъ такихъ формированій былъ ген. Брусиловъ. 22 мая/ 4 іюня 1917 г. онъ отдаетъ приказъ по фронту № 561, въ которомъ говорится: «Для поднятія революціоннаго наступательнаго духа арміи является необходимымъ сформированіе особыхъ ударныхъ революціонныхъ баталіоновъ, навербованныхъ изъ волонтеровъ въ центрѣ Россіи, чтобы этимъ вселить въ арміи вѣру, что весь русскій народъ идетъ за нею во имя скораго мира и братства народовъ съ тѣмъ, чтобы при наступленіи революціонные баталіоны, поставленные на важнѣйшихъ боевыхъ участкахъ, своимъ порывомъ могли бы увлечь за собой колеблющихся».

Генералъ Алексѣевъ не сочувствовалъ этой мѣрѣ. Въ своей телеграммѣ № 3738 отъ 18/31 мая онъ пишетъ въ отвѣтъ генералу Брусилову на его предположенія: «Совершенно не раздѣляю надеждъ Вашихъ на пользу для лихой, самоотверженной, доблестной и искусной борьбы съ врагомъ, предположенной мѣры. Разрѣшаю только потому, что Вы мысль эту поддерживаете...».

Телеграммой же № 3813 отъ 21 мая/3 іюня ген. Алексѣевъ сообщаетъ ген. Брусилову: «Сборъ въ тылу арміи неизвѣстныхъ и необученныхъ элементовъ вмѣсто ожидаемой пользы можетъ принести вредъ для ближняго тыла Вашихъ армій. Только извлеченіе надежныхъ людей изъ состава войскъ можетъ дать подготовленный матеріалъ для формированія. Таковъ мой взглядъ, который не могутъ измѣнить Ваши соображенія».

Генералъ Алексѣевъ оказался правъ. Съ тыла могло придти очень мало полезнаго элемента. Тѣ, кто ожидали другого, а именно того, что изъ страны придутъ массы энтузіастовъ-добровольцевъ, подобно тому, какъ это было въ большую французскую революцію, ошибались въ основной вещи: скрытой, но въ то же время главной движущей силой русской революціи, являлось нежеланіе народныхъ массъ продолжать войну.

Формированіе добровольческихъ частей вскорѣ же приняло тотъ характеръ, который и указывалъ генералъ Алексѣевъ. Въ ударные баталіоны поступили лучшіе элементы изъ разлагающихся пѣхотныхъ ча-

стей. Среди послѣднихъ далеко на первомъ мѣстѣ въ смыслѣ разложенія находились такъ называемыя «третьи дивизіи», которыя, какъ мы въ своемъ мѣстѣ говорили, были сформированы по иниціативѣ ген. Гурко, въ бытность его Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Въ этихъ разлагающихся частяхъ положеніе офицеровъ, а также тѣхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, которые продолжали сознавать свой патріотическій долгъ, становилось буквально нестерпимымъ. Повліять на затопившую ихъ массу разнузданной солдатни они были совершенно безсильны. Болѣе того, самое ихъ пребываніе въ рядахъ своихъ частей угрожало ихъ жизни, такъ какъ обезумѣвшая солдатская масса видѣла въ нихъ помѣху братаній, дезертирства, всякаго рода безчинствъ и немедленнаго прекращенія войны.

Уходя въ ударные батальоны, эти лучшіе элементы получали возможность не только продолжать исполнять свой долгъ, но попросту жить безъ постоянной угрозы избіенія.

Казалось бы, что подобный оборотъ дѣла долженъ былъ подсказать нашему высшему командному составу мысль объ иномъ употребленіи формировавшихся отборныхъ частей, чѣмъ это было предположено Брусиловымъ и другими иниціаторами.

Эти отборныя части должны были бы послужить той силой, на которую можно было опереться для того, чтобы остановить революцію и привести армію и страну въ порядокъ. Въ этомъ отношеніи эти ударные батальоны послужили бы цѣннѣйшей поддержкой для казачьихъ, кавалерійскихъ и артиллерійскихъ частей, разлагавшихся гораздо медленнѣе, чѣмъ пѣхота, въ которой за время войны выбылъ почти весь кадровый составъ.

Какую пользу именно въ этомъ отношеніи могли принести сформированные отборные батальоны, намъ пришлось убѣдиться на личномъ опытѣ въ качествѣ Начальника Штаба армій Румынскаго фронта.

Въ первыхъ числахъ іюня въ 163-й пѣх. дивизіи (одна изъ упомянутыхъ выше «третьихъ» дивизій) вспыхнулъ бунтъ. Большевикъ, прапорщикъ Филипповъ, руководившій этимъ мятежомъ, объявилъ даже въ мѣстѣ расположенія штаба дивизіи въ г. Кагулѣ, независимую соціалистическую республику. Немедленно же мною [32] было отдано распоряженіе окружить взбунтовавшуюся дивизію полками 3-й кав. дивизіи, двумя ударными батальонами и нѣсколькими батареями. Послѣ нѣсколькихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, взбунтовавшаяся дивизія сдалась и выдала зачинщиковъ и затѣмъ сейчасъ же была расформирована.

Такое же примѣненіе получили черезъ нѣсколько дней ударные батальоны и на Юго-Западномъ фронтѣ, въ VII-й арміи, противъ взбунтовавшагося VII-го Сибирскаго корпуса.

Было нѣсколько подобныхъ случаевъ и въ другихъ арміяхъ.

Легкость, съ которой происходили всѣ эти усмиренія, ясно подска-

32) Генералъ Щербачевъ, Главнокомандующій фронта, былъ въ отъѣздѣ.

зывала ту мысль, о которой мы упоминали выше, а именно, что на формирующіяся отборныя части нужно было смотрѣть, какъ на единственную реальную возможность остановить происходящій развалъ арміи и страны. Но для этого требовалось сохраненіе этихъ частей, а между тѣмъ проповѣдуемое большинствомъ командnаго состава наступленіе являлось смертнымъ приговоромъ для этихъ отборныхъ частей, такъ какъ не могло быть никакого сомнѣнія, что эти части, примѣненныя какъ ударныя, вынесутъ на себѣ всю тяжесть потерь. Если же вся остальная пѣхота ихъ не поддержитъ, отборнымъ частямъ грозило полное истребленіе.

Дальнѣйшее паденіе духа въ солдатской массѣ.

Каково было настроеніе пѣхотной солдатской массы, свидѣтельствуютъ тѣ многочисленныя воззванія, которыя тысячами распространялись среди ротъ. Мы приведемъ здѣсь текстъ одного изъ нихъ, какъ очень характернаго по своему содержанію, а также по тому, что составитель его является весьма типичнымъ представителемъ солдатской массы того времени.

«Братья», говорится въ этомъ воззваніи[33], «просимъ васъ не подписываться которому закону хочутъ насъ погубить, хочутъ дѣлать наступленіе, не нужно ходить, нѣтъ тѣхъ правъ, что раньше было, газеты печатаютъ, чтобы не было нигдѣ наступленіе по фронту, насъ хотятъ сгубить начальство. Они измѣнники, наши враги внутренніе, они хотятъ опять, чтобы было по старому закону. Вы хорошо знаете, что каждому генералу скостили жалованье, вотъ и они хочутъ сгубить насъ, мы только выйдемъ до проволочныхъ загражденій, насъ тутъ вотъ побьютъ, намъ все равно не порвать фронтъ непріятеля, насъ всѣхъ тутъ сгубятъ, я развѣдчикъ хорошо знаю, что у непріятеля поставлено въ десять рядовъ рогатокъ и наплетено загражденіе и черезъ 15 шаговъ пулеметъ отъ пулемета. Намъ нечего наступать, пользы не будетъ; если пойдемъ, то перебьютъ, а потомъ некому будетъ держать фронтъ, передавайте, братья, и пишите сами это немедленно».

Коллективное заявленіе Главнокомандующихъ.

2/15 мая Верховный Главнокомандующій ген. Алексѣевъ въ сопровожденіи Главнокомандующихъ фронтами, а именно: Сѣвернаго — ген. А. М. Драгомирова, Западнаго — ген. Гурко, Юго-Западнаго — ген. Брусилова и Румынскаго — ген. Щербачева, пріѣхалъ въ Петро-

33) Это воззваніе цитировано въ телеграммѣ № 01225 отъ 20 апрѣля Командующаго 9-й арміей ген. Лечицкаго Военному министру; напечатано въ книгѣ «Разложеніе арміи въ 1917 году», стр. 35-36.

градъ для того, чтобы въ засѣданіи Временнаго Правительства и исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ открыто заявить о томъ развалѣ, который происходилъ въ Арміи. Полный текстъ отчета этого знаменательнаго засѣданія помѣщенъ въ книгѣ ген. Деникина [34]. Онъ представляетъ собой громадный историческій интересъ, такъ какъ въ немъ собраны оцѣнки состоянія русской Арміи, сдѣланныя лицами высшаго командnаго состава.

Вотъ главнѣйшія выдержки изъ высказанныхъ мнѣній:

Генералъ Алексѣевъ:

«Вѣра въ нашихъ союзниковъ падаетъ. Съ этимъ приходится считаться въ области дипломатической, а мнѣ особенно въ области военной.

«Казалось, что революція дастъ намъ подъемъ духа, порывъ и, слѣдовательно, побѣду. Но, къ сожалѣнію, въ этомъ мы пока ошиблись. Не только нѣтъ подъема «порыва», но выплыли самыя низменныя побужденія — любовь къ своей жизни и ея сохраненію. Объ интересахъ Родины и ея будущемъ забывается. Причина этого явленія та, что теоретическія соображенія были брошены въ массу, истолковавшую ихъ неправильно. Лозунгъ — безъ аннексій и контрибуцій — приводитъ толпу къ выводу: для чего жертвовать теперь жизнью?..

«Армія на краю гибели. Еще шагъ, и она, ввергнутая въ бездну, увлечетъ за собою Россію и ея свободы, и возврата не будетъ...»

Генералъ А. Драгомировъ:

«Господствующее настроеніе въ арміи — жажда мира. Популярность въ арміи легко можетъ завоевать всякій, кто будетъ проповѣдывать миръ безъ аннексій и предоставленіе самоопредѣленія народностямъ. Своеобразно понявъ лозунгъ — безъ аннексій, — не будучи въ состояніи уразумѣть положеніе различныхъ народовъ, темная масса все чаще и чаще задаетъ вопросъ: почему къ нашему заявленію не присоединяется демократія нашихъ союзниковъ? Стремленіе къ миру является настолько сильнымъ, что приходящія пополненія отказываются брать вооруженіе — зачѣмъ намъ, мы воевать не собираемся. Работы прекратились. Необходимо принимать даже мѣры, чтобы не разбирали обшивку въ окопахъ и чинили дороги.

«Въ одномъ изъ отличныхъ полковъ на принятомъ участкѣ оказалось красное знамя съ надписью: «миръ во что бы то ни стало». Офицеръ, разорвавшій это знамя, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Цѣлую ночь группы солдатъ Пятигорцевъ разыскивали этого офицера по Двинску, укрытаго штабомъ.

«Ужасное слово — приверженцы стараго режима — выбросило изъ арміи лучшихъ офицеровъ. Мы всѣ ждали переворота, а между тѣмъ много хорошихъ офицеровъ, составлявшихъ гордость Арміи, ушли въ резервъ только потому, что старались удержать войска отъ развала или же не умѣли приспособиться.

---

34) «Очерки Русской Смуты», т. I, вып. 2-й, глава XXII, стр. 48-78.

«Но еще болѣе опасны медленныя, тягучія настроенія. Страшно развился эгоизмъ. Каждая часть думаетъ только о себѣ. Ежедневно приходитъ масса депутацій — о смѣнѣ, о снабженіи и т. п. Всѣхъ приходится убѣждать, и это чрезвычайно затрудняетъ работу командиаго состава. То, что раньше выполнялось безпрекословно, теперь вызываетъ цѣлый торгъ. Приказаніе о переводѣ батареи на другой участокъ сейчасъ же вызываетъ волненіе: «Вы ослабляете насъ, значитъ — измѣнники». Когда оказалось необходимымъ вывести въ резервъ, на случай десанта противника, въ виду слабости Балтійскаго флота, одинъ корпусъ, то сдѣлать этого было нельзя, всѣ заявляли: «Мы и безъ того растянуты, а если еще растянемся, то не удержимъ противника». А между тѣмъ, раньше перегруппировки удавались намъ совершенно легко. Въ сентябрѣ 1915 г. съ Западнаго фронта было выведено 11 корпусовъ, и это спасло насъ отъ разгрома, который могъ бы рѣшить участь всей войны. Теперь это невозможно. Каждая часть реагируетъ на малѣйшее измѣненіе.

«Трудно заставить сдѣлать что-либо во имя интересовъ Родины. Отъ смѣны частей, находящихся на фронтѣ, отказываются подъ самыми разнообразными предлогами: плохая ппогода, не всѣ вымылись въ банѣ. Былъ даже такой случай, что одна часть отказалась идти на фронтъ подъ тѣмъ предлогомъ, что два года тому назадъ уже стояла на позиціи подъ Пасху. Приходится устраивать торговлю комитетовъ заинтересованныхъ частей.

«Наряду съ этимъ сильно развилось исканіе мѣста полегче. Когда распространился слухъ о формированіи арміи въ Финляндіи, то были устранены солдатами командиры нѣсколькихъ полковъ, отказавшіеся будто бы идти въ Финляндію и пожелавшіе, ради личныхъ выгодъ, занять позицію.

«Гордость принадлежности къ великому народу потеряна, особенно въ населеніи Поволжскихъ губерній, — «намъ не надо нѣмецкой земли, а до насъ нѣмцы не дойдутъ; не дойдетъ и японецъ».

«Съ отдѣльными лицами можно говорить, и удается добиваться желательныхъ результатовъ, но съ общимъ настроеніемъ удается справиться лишь съ большимъ трудомъ.

«Недостойно ведетъ себя лишь очень незначительная часть офицеровъ, стараясь захватить толпу и играть на ея низменныхъ чувствахъ. Въ одномъ изъ полковъ былъ вынесенъ приговоръ суда общества офицеровъ объ удаленіи изъ полка одного изъ офицеровъ. Офицеръ этотъ, собравъ группу солдатъ, апеллировалъ къ нимъ, призывая заступиться за него, изгоняемаго изъ полка, за то, будто бы, что онъ защищалъ солдатскіе интересы. Съ большимъ трудомъ удалось успокоить собравшуюся толпу солдатъ, но офицера пришлось оставить въ полку.

«Выборное начало нигдѣ не было проведено полностью, но явочнымъ порядкомъ мѣстами вытѣсняли неугодныхъ, обвиняя ихъ въ приверженности къ старому режиму, а мѣстами оставили начальниковъ, признанныхъ безусловно непригодными и подлежащими увольненію.

Не было никакой возможности заставить отказаться отъ просьбъ объ оставленіи такихъ непригодныхъ лицъ.

«Что касается эксцессовъ, то были отдѣльныя попытки стрѣльбы по своимъ офицерамъ...»

«...Чувство самосохраненія развивается до потери самаго элементарнаго стыда и принимаетъ паническій характеръ.

«Нѣмцы учли это и отлично испоьзовали стремленіе къ миру. Въ періодъ развала и разрухи началось братаніе, поддерживавшее это мирное направленіе, а затѣмъ уже, съ чисто провокаціонными цѣлями, германцы стали присылать парламентеровъ».

Генералъ Гурко:

«...Армія наканунѣ разложенія. Отечество въ опасности и близко къ гибели. Вы должны помочь намъ. Разрушать легче, и если вы умѣли разрушить, то умѣйте и возстановить».

Генералъ Брусиловъ:

«...Кавалерія, артиллерія и инженерныя войска сохранили 50% кадровыхъ. Но совершенно иное въ пѣхотѣ, которая составляетъ главную массу арміи. Большія потери — убитыми, ранеными и плѣнными, значительное число дезертировъ, — все это привело къ тому, что попадаются полки, гдѣ составъ обернулся 9-10 разъ, причемъ въ ротахъ уцѣлѣло только отъ 3 до 10 кадровыхъ солдатъ. Что касается прибывающихъ пополненій, то обучены они плохо, дисциплина у нихъ еще хуже. Изъ кадровыхъ офицеровъ въ полкахъ уцѣлѣло по 2-4, да и то зачастую раненыхъ. Остальные офицеры — молодежь, произведенная послѣ краткаго обученія и не пользующаяся авторитетомъ, ввиду неопытности.

«И вотъ на эту среду выпала задача перестроиться на новый ладъ. Задача эта оказалась пока непосильной. Переворотъ, необходимость котораго чувствовалась, который даже запоздалъ, упалъ все-таки на неподготовленную почву. Мало развитой солдатъ понялъ это, какъ освобожденіе «отъ офицерскаго гнета». Офицеру же нанесли обиду — его лишили правъ воздѣйствія на подчиненныхъ. Начались недоразумѣнія. Были, конечно, виноватые изъ старыхъ начальниковъ, но всѣ старались идти навстрѣчу перевороту. Если и были шероховатости, то объясняется это вліяніемъ со стороны. Приказъ Совѣта № 1 смутилъ армію. Приказъ № 2 отмѣнилъ этотъ приказъ для фронта. Но у солдатъ явилась мысль, что начальство что-то скрываетъ: одни хотятъ дать права, другіе отнимаютъ.

«Офицеры встрѣтили переворотъ радостно. Если бы мы не пошли навстрѣчу перевороту такъ охотно, то, можетъ быть, онъ и не прошелъ бы такъ гладко. А между тѣмъ оказалось, что свобода дана только солдатамъ, а офицерамъ пришлось довольствоваться только ролью какихъ-то паріевъ свободы.

«Свобода на несознательную массу подѣйствовала одуряюще. Всѣ

знаютъ, что даны большія права, но не знаютъ — какія, не интересуются и обязанностями. Офицерскій составъ оказался въ трудномъ положеніи. 15-20% быстро приспособились къ новымъ порядкамъ по убѣжденію; вѣра въ нихъ солдатъ была раньше, сохранилась и теперь. Часть офицеровъ начала заигрывать съ солдатами, послаблять и возбуждать противъ своихъ товарищей. Большинство же, около 75%, не умѣло приспособиться сразу, обидѣлось, спряталось въ свою скорлупу и не знаетъ, что дѣлать. Мы принимаемъ мѣры, чтобы освободить ихъ изъ этой скорлупы и слить съ солдатами, такъ какъ офицеровъ у насъ сейчасъ нѣтъ. Многіе изъ офицеровъ не подготовлены политически, многіе не умѣютъ говорить — все это мѣшаетъ взаимному пониманію. Необходимо разъяснять и внушать массѣ, что свобода дана всѣмъ. Я знаю солдата 45 лѣтъ, люблю его и постараюсь слить съ офицерами, но Временное Правительство, Государственная Дума и особенно Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ должны приложить всѣ силы, чтобы помочь сліянію, которое нельзя отсрочивать во имя любви къ Родинѣ.

«Это необходимо еще потому, что заявленіе — безъ аннексій и контрибуцій — необразованная масса поняла своеобразно.

«Одинъ изъ полковъ заявилъ, что онъ не только отказывается наступать, но желаетъ уйти съ фронта и разойтись по домамъ. Комитеты пошли противъ этого теченія, но имъ заявили, что ихъ смѣнятъ. Я долго убѣждалъ полкъ и когда спросилъ, согласны ли со мной, то у меня попросили разрѣшенія дать письменный отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ передо мной появился плакатъ — «Миръ во что бы то ни стало, долой войну».

«При дальнѣйшей бесѣдѣ однимъ изъ солдатъ было заявлено: «Сказано — безъ аннексій и контрибуцій, зачѣмъ же намъ эта гора?» Я отвѣтилъ: «Мнѣ эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающаго ее противника».

«Въ результатѣ мнѣ дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя такъ: «Непріятель у насъ хорошъ и сообщилъ намъ, что не будетъ наступать, если не будемъ наступать мы. Намъ важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей, зачѣмъ же намъ калѣчиться».

«...Воззванія противника, написанныя хорошимъ русскимъ языкомъ, братаніе съ противникомъ и распространяемая въ большомъ количествѣ газета «Правда» [35] приводятъ къ тому, что несмотря на то, что офицерскій составъ желаетъ драться, вліянія онъ не имѣетъ».

Генералъ Щербачевъ:

«...Недавно назначенный, я успѣлъ объѣхать всѣ подчиненныя мнѣ русскія арміи, и впечатлѣніе, которое составилось у меня о нравствен-

---

35) Большевицкая газета. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

номъ состояніи войскъ и ихъ боеспособности, совпадаетъ съ тѣми, которыя только что были вамъ подробно изложены.

«Главнѣйшая причина этого явленія — неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что онъ не образованъ. Это всецѣло грѣхъ стараго правительства, смотрѣвшаго на вопросъ просвѣщенія глазами министерства внутреннихъ дѣлъ. Но съ фактами малаго пониманія массой серьезности нашего положенія, съ фактами неправильнаго истолкованія даже вѣрныхъ идей необходимо считаться.

«Я не буду приводить вамъ много примѣровъ, я укажу только на одну изъ лучшихъ дивизій русской арміи, заслужившую въ прежнихъ войнахъ названіе «желѣзной» и блестяще поддержавшую свою былую славу въ эту войну. Поставленная на активный участокъ, дивизія эта отказалась начать подготовительныя для наступленія инженерныя работы, мотивируя нежеланіемъ наступать.

«Подобный же случай произошелъ на-дняхъ въ сосѣдней съ этой дивизіей, тоже очень хорошей стрѣлковой дивизіи. Начатыя въ этой дивизіи подготовительныя работы были прекращены послѣ того, какъ выборными комитетами, осмотрѣвшими этотъ участокъ, было вынесено постановленіе — прекратить ихъ, такъ какъ онѣ являются подготовкой для наступленія».

Перемѣны въ Верховномъ Управленіи вооруженными силами Россіи.

1/14 мая оставилъ свой постъ военный министръ Гучковъ. «Мы хотѣли», такъ объясняетъ онъ смыслъ проводимой имъ «демократизаціи» арміи, «проснувшемуся духу самостоятельности, самодѣятельности и свободы, который охватилъ всѣхъ, дать организованныя формы и извѣстные каналы, по которымъ онъ долженъ идти. Но есть какая-то линія, за которой начинается разрушеніе того живого, могучаго организма, какимъ является армія».

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта линія была перейдена еще до 1/14 мая, т. е. самимъ Гучковымъ. Но нужно при этомъ учесть, что Гучковъ, какъ военный министръ Временнаго Правительства кн. Львова, съ первыхъ же дней по существу никакой власти не имѣлъ. Онъ могъ только лавировать между требованіями Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и тайно «саботировать» тѣ дѣйствія, которыя явно вели къ развалу арміи. Вотъ какъ самъ Гучковъ объясняетъ свою дѣятельность въ письмѣ къ ген. Корнилову, написанномъ въ іюнѣ 1917 г., т. е. вскорѣ послѣ своего ухода: «Удержать армію отъ полнаго развала, подъ вліяніемъ того напора, который шелъ отъ соціалистовъ и въ частности изъ ихъ цитадели, — Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — выиграть время, дать разсосаться болѣзненному процессу, помочь окрѣпнуть здоровымъ элементамъ, — такова была моя задача».

Военнымъ министромъ вмѣсто Гучкова сталъ Керенскій. Первые же его шаги на новомъ поприщѣ ознаменовались рядомъ мѣръ чисто

демагогическаго свойства (объявленіе по арміи «декларацiи правъ солдата»).

22 мая/ 4 іюня, по настоянію Керенскаго, Временное Правительство удалило съ должности Верховнаго Главнокомандующаго ген. Алексѣева, замѣнивъ его генераломъ Брусиловымъ.

Катастрофа на фронтѣ.

Главный ударъ на Русскомъ театрѣ въ лѣтнюю кампанію долженъ былъ наноситься арміями Юго-Западнаго фронта на Львовскомъ направленіи. Сѣверный, Западный и Румынскій фронты должны были вести лишь вспомогательные удары.

18 іюня/ 1 іюля двѣ центральныя арміи Юго-Западнаго фронта — XI-я и VII-я перешли въ наступленіе.

Разработка штабами этого наступленія была произведена образцово. Для подготовки атаки были сосредоточены еще небывалыя въ Русской Арміи артиллерійскія и техническія средства. Артиллерія буквально смела съ лица земли всѣ укрѣпленія противника. Только тогда двинулась наша пѣхота впередъ, причемъ самое наступленіе въ сферѣ непріятельскаго огня велось, главнымъ образомъ. отборными частями. Остальная пѣхота слѣдовала неохотно, причемъ были случаи, когда полки, подойдя къ бывшимъ позиціямъ противника, возвращались назадъ подъ предлогомъ, что наша артиллерія такъ разрушила непріятельскіе окопы, что ночевать негдѣ. Но все-таки благодаря мощной артиллерійской подготовкѣ и самоотверженной работѣ отборныхъ частей, въ теченіе первыхъ двухъ дней наступленія участки позицій противника были нами захвачены. Въ дальнѣйшемъ XI и VII арміи топчутся на мѣстѣ, такъ какъ пѣхота явно не хочетъ наступать. «Считаю своимъ долгомъ донести», пишетъ командующій XI арміи, «что несмотря на побѣду 18 и 19 іюня (1 и 2 іюля), которая должна была укрѣпить духъ частей и наступательный порывъ, этого въ большинствѣ полковъ не замѣчается, и въ нѣкоторыхъ частяхъ господствуетъ опредѣленное убѣжденіе, что онѣ свое дѣло сдѣлали и вести непрерывно дальнѣйшее наступленіе не должны». Тѣмъ временемъ, 23 іюня /6 іюля въ дѣло вступила VIII армія, находившаяся на лѣвомъ флангѣ Юго-Западнаго фронта. Командующій этой арміей генералъ Корниловъ сосредоточилъ для производства прорыва всѣ свои отборныя части. Здѣсь повторилась та же картина. Сразу наша атака имѣетъ успѣхъ. Послѣдній принимаетъ даже сначала большіе размѣры, такъ какъ противъ нашей VIII арміи находились австро-венгерскія дивизіи слабой боеспособности. Въ первый же день атаки нами захватывается 7000 плѣнныхъ и 48 орудій, и прорвавшіяся войска проникаютъ глубоко въ расположеніе противника. Но по мѣрѣ продвиженія впередъ отборныя части таютъ отъ потерь, а сзади идущая прочая пѣхота приходитъ въ такой безпорядокъ, что самый небольшой нажимъ непріятеля заставляетъ всю VIII-ю армію въ величайшемъ безпорядкѣ отхлынуть назадъ.

Къ 1 - 2 іюля (14 - 15 іюля) наше наступленіе на Юго-Западномъ фронтѣ замерло окончательно. Потери всѣхъ трехъ армій за время операціи выражались цифрой 1.222 офицера и 37.500 солдатъ. По сравненію съ потерями, которыя выдерживала Русская Армія до революціи, эти цифры невелики. Но дѣло въ томъ, что эти потери должны быть отнесены всецѣло на долю отборныхъ частей и тѣхъ немногочисленныхъ полковъ пѣхоты, которые устояли еще отъ заразы разложенія. Въ этомъ случаѣ приведенныя выше цифры велики, ибо онѣ означаютъ почти полное уничтоженіе всѣхъ элементовъ долга и порядка, посредствомъ которыхъ командный составъ могъ еще кое-какъ поддерживать въ арміи хотя бы небольшой порядокъ.

Съ выбытіемъ этихъ элементовъ XI, VII и VIII арміи превратились въ совершенно неустойчивыя толпы, готовыя бѣжать отъ перваго же нажима непріятеля.

Такой нажимъ былъ произведенъ нѣмцами 6/19 іюля подведенными къ нимъ дивизіями. Этотъ нажимъ былъ произведенъ на лѣвый флангъ нашей XI арміи, гдѣ въ это время стояло 7 корпусовъ (5 на фронтѣ и 2 въ резервѣ), т. е. 20 дивизій. Несмотря на наше превосходство въ силахъ, части XI арміи начали самовольно отходить назадъ.

Войсковыя части, получавшія боевые приказы, обсуждали ихъ на митингахъ, въ комитетахъ, упускали время, а еще чаще просто отказывались выполнять ихъ. Началось неудержимое паническое отступленіе всей XI арміи. До какой степени эта армія утратила свою боеспособность, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. 9/22 іюля отступающая XI армія находилась на р. Серетѣ. Атака трехъ нѣмецкихъ ротъ обратила въ бѣгство 126-ю и 2-ю финляндскую стрѣлковыя дивизіи. Противника сдерживали кавалерія, а также пѣхотные офицеры съ оставшимися при нихъ унтеръ-офицерами и одиночными солдатами. Вся остальная пѣхота бѣжала, заполняя своими дезертирующими толпами всѣ дороги. Каково было число этихъ дезертировъ, свидѣтельствуетъ то, что одинъ ударный батальонъ, прибывшій въ тылъ XI арміи, задержалъ за одну ночь въ окрестностяхъ мѣстечка Волочискъ 12.000 дезертировъ. Эти бѣгущія толпы дезертировъ, предводимыя большевиками, производили по пути величайшія звѣрства. Они убивали попадавшихся офицеровъ, грабили мѣстныхъ жителей, насиловали женщинъ и дѣтей, подъ большевицкій крикъ: «рѣжь буржуя!»

Въ этотъ день (9/22 іюля) комитеты и комиссары XI-й арміи телеграфировали Временному Правительству: «Начавшееся 6 іюля нѣмецкое наступленіе на фронтѣ XI-й арміи разрастается въ неизмѣримое бѣдствіе, угрожающее, быть можетъ, гибелью революціонной Россіи. Въ настроеніи частей, двинутыхъ недавно впередъ героическими усиліями меньшинства, опредѣлился рѣзкій и гибельный переломъ. Наступательный порывъ быстро исчерпался. Большинство частей находится въ состояніи все возрастающаго разложенія. О власти и повиновеніи нѣтъ

уже и рѣчи, уговоры и убѣжденія потеряли силу — на нихъ отвѣчаютъ угрозами, а иногда и разстрѣломъ... На протяженіи сотни верстъ въ тылъ тянутся вереницы бѣглецовъ съ ружьями и безъ нихъ, — здоровыхъ, бодрыхъ, чувствующихъ себя совершенно безнаказанными. Положеніе требуетъ самыхъ серьезныхъ мѣръ... Сегодня Главнокомандующимъ, съ согласія комиссаровъ и комитетовъ, отданъ приказъ о стрѣльбѣ по бѣгущимъ. Пусть вся страна узнаетъ правду... содрогнется и найдетъ въ себѣ рѣшимость обрушиться на всѣхъ, кто малодушіемъ губитъ и предаетъ Россію и революцію».

Наступательныя попытки на Сѣверномъ фронтѣ окончились въ самомъ же своемъ зачаткѣ. Онѣ имѣли мѣсто 8 - 10 (21 - 23) іюля. «Только двѣ дивизіи изъ шести», доноситъ въ Ставку Штабъ Сѣвернаго фронта, «были способны для операціи. Изъ остальныхъ же дивизій: 36-я дивизія, взявшая двѣ линіи непріятельскихъ окоповъ и шедшая на третью, повернула назадъ подъ вліяніемъ окриковъ сзади; 182-я дивизія загонялась на плацдармы силой оружія; когда же противникъ открылъ по частямъ дивизіи артиллерійскій огонь, то онѣ открыли безпорядочный огонь по своимъ. Изъ 120-й дивизіи въ атаку пошелъ только одинъ батальонъ. Нейшлотскій полкъ (22-й дивизіи) не только не хотѣлъ самъ наступать, но препятствовалъ и другимъ, арестовывая походныя кухни частей боевой линіи».

То же самое произошло на нашемъ Западномъ фронтѣ. Главнокомандующимъ этого фронта въ это время былъ ген. Деникинъ. На совѣщаніи въ Ставкѣ 16/29 іюля, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ картину неудачной попытки своего фронта перейти въ наступленіе: «Части двинулись въ атаку, прошли церемоніальнымъ маршемъ двѣ, три линіи окоповъ противника и... вернулись въ свои окопы. Операція была сорвана. Я на 19-верстномъ участкѣ имѣлъ 184 батальона и 900 орудій; у врага было 17 батальоновъ въ первой линіи и 12 въ резервѣ при 300 орудіяхъ. Въ бой было введено 138 батальоновъ противъ 17, и 900 орудій противъ 300».

Наступленіе на Румынскомъ фронтѣ началось 10/23 іюля. Это наступленіе велось на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ на прочихъ нашихъ фронтахъ. Въ атакѣ участвовали не только русскія, но и румынскія войска. Примѣръ послѣднихъ несомнѣнно отрезвляющимъ образомъ дѣйствовалъ на первыхъ. Это и было должнымъ образомъ учтено штабомъ фронта, организовавшимъ всѣ атаки такъ, что въ нихъ совмѣстно съ русскими участвовали и румынскія части. Вмѣстѣ съ этимъ, Главнокомандованіе фронтомъ держалось иной точки зрѣнія на отборныя формированія, чѣмъ та, которая господствовала на другихъ фронтахъ; оно не пускало ихъ какъ ударныя части въ бой и такимъ образомъ сохраняло въ своихъ рукахъ хотя бы небольшую часть пѣхоты для прекращенія мятежей и безчинствъ въ разлагающихся частяхъ русской арміи. Наступленіе на Румынскомъ фронтѣ началось удачно. Позиціи нѣмцевъ были прорваны, взяты плѣнные и болѣе 100 орудій. Но 13/26-го

іюля въ штабъ фронта пришла телеграмма, подписанная Керенскимъ, въ которой именемъ Временнаго Правительства приказывалось прекратить наступленіе. Вызвана была эта телеграмма требованіемъ генерала Корнилова, который послѣ разгрома нашихъ армій Юго-Западнаго фронта въ Галиціи, смѣнилъ на посту Верховнаго Главнокомандующаго генерала Брусилова.

Генералъ Л. Г. Корниловъ.

Вступленіе ген. Корнилова въ Верховное Главнокомандованіе означало поворотъ къ возстановленію дисциплины въ арміи. Въ этомъ отношеніи ген. Корниловъ проявилъ большія гражданское мужество и настойчивость. Прежде чѣмъ принять предложенное ему Временнымъ Правительствомъ Верховное Главнокомандованіе, онъ поставилъ послѣднему совершенно опредѣленныя требованія, выполненіе которыхъ онъ считалъ необходимымъ для возстановленія дисциплины въ Арміи и безъ которыхъ онъ категорически отказывался принять командованіе. Въ числѣ этихъ мѣръ генералъ Корниловъ требовалъ возстановленія отмѣненныхъ въ началѣ революціи полевыхъ судовъ и смертной казни.

12/25 іюля Временное Правительство издаетъ соотвѣтствующее постановленіе, которое начинается слѣдующими словами:

«Позорное поведеніе нѣкоторыхъ войсковыхъ частей, какъ въ тылу, такъ и на фронтѣ, забывшихъ свой долгъ передъ Родиной, поставивъ Россію и революцію на край гибели, вынуждаетъ Временное Правительство принять чрезвычайныя мѣры для возстановленія въ рядахъ арміи порядка и дисциплины. Въ полномъ сознаніи тяжести лежащей на немъ отвѣтственности за судьбу Родины, Временное Правительство признаетъ необходимымъ:

1) Возстановить смертную казнь на время войны для военно-служащихъ за нѣкоторыя тягчайшія преступленія.

2) Учредить для немедленнаго сужденія за тѣ же преступленія военно-революціонные суды изъ солдатъ и офицеровъ».

Нужно имѣть въ виду, что эта перемѣна линіи поведенія Временнаго Правительства, во главѣ котораго съ 8/21 іюля стоитъ уже не кн. Львовъ, а Керенскій, объясняется не только понесенными пораженіями на фронтѣ.

3/16 - 5/18 іюля состоялось въ Петроградѣ выступленіе большевиковъ. Эта первая ихъ серьезная попытка окончилась неудачей, такъ какъ она встрѣтила отрицательное отношеніе среди большинства Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Нѣсколько выстрѣловъ двухъ орудій казачьей конной батареи, юнкерскій батальонъ и казачьи полки быстро ликвидировали этотъ мятежъ [36].

---

36) «Дни затменія». Записки Главнокомандующаго войсками Петроградскаго военнаго округа генерала Половцова въ 1917 г., стр. 120-130.

Только что понесенныя пораженія отрезвляюще подѣйствовали главнымъ образомъ на сознательные круги арміи и народа. Правое крыло представителей въ войсковыхъ комитетахъ стало понимать, что дальнѣйшая игра въ революцію въ самой арміи неминуемо ведетъ страну къ гибели. Но въ солдатской массѣ нежеланіе воевать осталось въ прежней силѣ.

Ген. Корниловъ продолжаетъ настойчиво работать надъ оздоровленіемъ Арміи, но его героическія попытки встрѣчаютъ неимовѣрныя трудности.

Немногочисленный солдатскій составъ, оставшійся вѣрнымъ своему долгу, былъ перебитъ въ неудачныхъ наступленіяхъ. Приходилось теперь вновь «нарастить» эти силы, использовавъ для этого измѣненія въ благопріятную сторону въ сознательныхъ слояхъ Арміи и народа. Но безъ самаго полнаго содѣйствія Керенскаго и его правительства прочныхъ результатовъ по оздоровленію Арміи достигнуть было нельзя.

Между тѣмъ, вмѣсто такой поддержки ген. Корниловъ вскорѣ же начинаетъ встрѣчать противодѣйствіе со стороны Керенскаго, который боится разсориться съ крайними лѣвыми революціонными кругами. Такое поведеніе Главы Правительства неминуемо должно было привести къ скорому кризису, такъ какъ теперь не могло уже быть никакихъ сомнѣній, что народныя и солдатскія массы продолжать войну не хотятъ. Керенскій не нашелъ въ себѣ гражданскаго мужества открыто сказать союзникамъ, что русскій народъ не хочетъ продолженія войны, и въ то же время боялся ссориться и съ лѣвыми революціонными кругами. До какой степени этого боялся Керенскій, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Послѣ іюльскаго возстанія большевиковъ командующему войсками Петроградскаго военнаго округа генералу Половцову удалось получить постановленіе правительства объ арестѣ главнѣйшихъ большевиковъ, уличенныхъ въ томъ, что они получали деньги отъ германскаго Генеральнаго штаба.

«...Не безъ удовольствія принимаю изъ рукъ Керенскаго списокъ 20-ти съ лишнимъ большевиковъ», записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Половцовъ,[37] «подлежащихъ аресту, съ Ленинымъ и Троцкимъ во главѣ...».

«Только что разсылка автомобилей закончилась, какъ Керенскій возвращается ко мнѣ въ кабинетъ и говоритъ, что аресты Троцкаго (Бронштейна) и Стеклова (Нахамкеса) нужно отмѣнить, такъ какъ они — члены Совѣта...[38] Керенскій быстро удаляется и куда-то уносится на автомобилѣ. А на слѣдующій день Балабинъ[39] мнѣ докладываетъ,

37) «Дни затменія», стр. 143.

38) Петроградскій совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

39) Начальникъ Штаба Петроградскаго военнаго округа. (Прим. Н. Н. Г.).

что офицеръ, явившійся въ квартиру Троцкаго для ареста, нашелъ тамъ Керенскаго, который мой ордеръ объ арестѣ отмѣнилъ. Куда дѣвались грозныя рѣчи Керенскаго о необходимости твердой власти...»

Колеблющееся поведеніе Керенскаго привело къ двойственности его роли. Послѣднее же не могло не привести къ тому кризису въ Русской Арміи, который извѣстенъ подъ названіемъ «Корниловскаго выступленія».

Офицерство.

Чтобы понять психологическую сторону Корниловскаго выступленія, нужно взглянуть на тѣ процессы, которые происходили въ русской офицерской средѣ.

Русское офицерство и до войны по существу не было закрытой кастой. Даже въ числѣ генераловъ на видныхъ постахъ находились люди, вышедшіе въ полномъ смыслѣ слова изъ рядовъ простого народа. Самъ генералъ Корниловъ былъ сыномъ простого казака-крестьянина. Условія службы, корпоративная честь, наличіе Гвардіи, придавали тотъ внѣшній кастовый обликъ, который вводилъ въ заблужденіе тѣхъ, кто, не зная нашей арміи, читалъ про нее только памфлеты.

Русское офицерство въ основѣ своей было очень демократично. Обычаи, установившіеся въ нашей арміи, часто расходились съ Уставами, изданными подъ сильнымъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Обычай не только смягчалъ ихъ, но заставлялъ въ дальнѣйшей переработкѣ принимать духъ нашей арміи. Не упоминая уже о казакахъ, въ укладѣ жизни которыхъ демократическій духъ былъ особенно силенъ, но даже въ регулярной арміи для нѣкоторыхъ вопросовъ было узаконено выборное начало; оно существовало въ артельномъ хозяйствѣ ротъ, эскадроновъ, батарей — для солдатъ, для вопросовъ чести (суды чести) — для офицеровъ.

Къ концу 1915 года наше кадровое офицерство было въ значительной мѣрѣ перебито. На смѣну пришелъ новый типъ офицера, офицеръ военнаго времени. Если и раньше составъ нашего офицерства былъ демократиченъ, то теперь новое офицерство было такимъ въ еще большей степени. Это былъ офицеръ изъ народа. Зимой 1915 - 1916 г г., когда мы возстанавливали нашу армію послѣ катастрофы въ лѣто 1915 года, пришлось обратить особое вниманіе на пополненіе офицерскихъ рядовъ. Въ виду того, что съ тыла присылались прапорщики, очень мало подготовленные, мною, въ качествѣ Начальника Штаба VII арміи, была принята слѣдующая мѣра. Всѣ прибывавшіе изъ тыла прапорщики должны были проходить шестинедѣльный курсъ особой тактической школы, учрежденной мною въ ближайшемъ тылу. Согласно даннымъ сохранившихся у меня отчетовъ о работѣ этой школы, 80% обучавшихся прапорщиковъ происходили изъ крестьянъ и только 4% изъ дворянъ.

Съ этимъ «прапорщикомъ военнаго времени» и были одержаны побѣды въ Галиціи лѣтомъ 1916 года. Потоками самоотверженно про-

литой крови прочно спаялось это новое офицерство съ остатками кадровыхъ офицеровъ. Эта прочная спайка облегчалась причинами соціально-психологическаго характера. Къ началу 1916 года создалось такое положеніе. Первоначальное воодушевленіе прошло. Впереди виднѣлись только большія испытанія. Все мало-патріотичное устраивалось и пристраивалось на тыловыя и нестроевыя должности. Какъ мы говорили уже выше, для нашей интеллигенціи амбюскированіе являлось дѣломъ очень легкимъ. Но вся патріотически настроенная интеллигентная молодежь шла въ армію и пополняла ряды нашего порѣдѣвшаго офицерства. Происходилъ своего рода соціальный отборъ, Армія качественно очень выигрывала. Этимъ и объясняется, почему наскоро испеченные прапорщики такъ скоро сливались со старыми боевыми офицерами въ одно духовное цѣлое.

Вотъ каково было офицерство въ ту минуту, когда произошла революція. Гоненія, которымъ началъ систематически подвергаться командный составъ со стороны Гучкова, и, въ особенности, Керенскаго, толкали офицерство на путь оппозиціи къ Временному Правительству.

Глухой протестъ, накапливавшійся въ офицерской средѣ, долженъ былъ въ концѣ концовъ разразиться. Раньше — позже, по тѣмъ или другимъ ближайшимъ причинамъ, но онъ былъ неминуемъ, и тѣмъ въ большей степени, что это не былъ протестъ офицеровъ-профессіоналовъ, выступающихъ въ защиту какихъ-либо профессіональныхъ или классовыхъ интересовъ; это былъ протестъ патріотовъ. Близорукость Керенскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ и сказалась въ томъ, что они, оставаясь въ партійныхъ наглазникахъ, не поняли этого и вмѣсто того, чтобы сумѣть использовать эту силу, они повернули ее противъ себя. Въ свое время они осуждали за подобную линію поведенія противъ нихъ царское правительство. Теперь, оказавшись сами у власти, они буквально повторили ту же ошибку по отношенію къ другимъ.

Корниловское выступленіе.

Какъ выразился впервые этотъ протестъ въ Корниловскомъ выступленіи — хорошо всѣмъ извѣстно. Въ Петроградѣ ожидалось выступленіе большевиковъ. Керенскій согласился съ Корниловымъ, что къ Петрограду будутъ подведены вѣрныя войска, при посредствѣ которыхъ будетъ поддержанъ порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было положить конецъ плѣненію правительства Петроградскимъ гарнизономъ, выговорившимъ себѣ условіе не идти на позиціи подъ предлогомъ «защиты революціи» и фактически державшимъ въ плѣну правительство Керенскаго. Въ послѣднюю минуту Керенскій испугался и, придравшись къ переговорамъ съ Корниловымъ, веденнымъ черезъ Львова, объ упроченіи власти, онъ послалъ Корнилову телеграмму, отрѣшающую его отъ Верховнаго Командованія. Корниловъ отказался повиноваться и призвалъ войска къ возстанію противъ Временнаго Пра-

вительства. Керенскій въ свою очередь послалъ во всѣ войсковые комитеты телеграмму, объявлявшую Корнилова измѣнникомъ.

За Корнилова стояла небольшая группа горячо любящихъ Родину офицеровъ, которые могли представлять собой только очень маленькую силу въ Ставкѣ; остальные сочувствующіе ему были разбросаны въ войскахъ, въ полной зависимости отъ солдатской массы.

Эта же масса вся была опредѣленно противъ Корнилова. На Румынскомъ фронтѣ мы получили телеграмму Корнилова, призывающую къ возстанію противъ Временнаго Правительства, около полуночи; черезъ часъ передана была телеграмма Керенскаго, объявляющая Корнилова измѣнникомъ. На слѣдующій день, около полудня, отъ всѣхъ комитетовъ всѣхъ армій были посланы Временному Правительству телеграммы, требующія преданія Корнилова военно-революціонному суду, какъ измѣнника. Въ тотъ же день вечеромъ, Главнокомандующій Юго-Западнымъ фронтомъ генералъ Деникинъ, его Начальникъ Штаба и старшіе генералы, а также командующіе всѣхъ армій этого фронта и ихъ начальники штабовъ были арестованы солдатами. На позиціяхъ началось избіеніе лучшихъ офицеровъ подъ предлогомъ, что они «корниловцы».

Выступленіе Корнилова было болѣе чѣмъ преждевременнымъ. Оно губило соль русской Арміи и русской интеллигенціи. Чтобы спасти положеніе вещей, генералъ Алексѣевъ вынужденъ былъ выступить противъ генерала Корнилова. Нужно отдать справедливость генералу Алексѣеву: въ этомъ своемъ шагѣ онъ показалъ, что онъ спасеніе Россіи ставитъ выше, чѣмъ политическія и личныя симпатіи. Своимъ государственнымъ умомъ онъ понималъ, что какъ это ни было тяжело, но Корниловъ долженъ былъ подчиниться Керенскому. Алексѣевъ вызвалъ по аппарату Корнилова и уговорилъ его не идти на дальнѣйшее сопротивленіе. Михаилу Васильевичу Алексѣеву, этому кристаллически-честному человѣку, пришлось выслушать отъ горячившагося Корнилова даже такія слова: «Вы идете по линіи, разграничивающей порядочнаго человѣка отъ непорядочнаго...».

Послѣ сдачи Корнилова, Верховнымъ Главнокомандующимъ сдѣлался самъ Керенскій. Развалъ Арміи пошелъ уже полнымъ ходомъ. Прежніе войсковые комитеты казались солдатамъ слишкомъ «правыми». Вездѣ начали самочинно возникать «революціонные трибуналы», переименовавшіеся вскорѣ затѣмъ въ военно-революціонные комитеты, въ составъ которыхъ вошли по преимуществу лица крайне лѣваго направленія и въ еще большей мѣрѣ авантюристы, собиравшіеся половить въ замутившейся водѣ рыбку и сдѣлать революціонную карьеру.

Окончательный развалъ.

Послѣ Корниловскаго выступленія разрывъ между офицерскимъ составомъ и солдатской массой происходитъ уже полный и окончательный. Эта масса видитъ въ офицерахъ не только «контръ-революціоне-

ровъ», но и главную помѣху къ немедленному прекращенію войны. Большевики и нѣмцы энергично эксплоатируютъ создавшееся положеніе. «Настроеніе войскъ фронта», доноситъ въ своей сводкѣ комиссаръ Западнаго фронта Ждановъ [40], «ухудшается въ связи съ пораженческой агитаціей, вливающейся въ войска путемъ печати и проповѣди большевизма; распространяются газеты: «Буревѣстникъ», «Товарищъ», нѣмецкая газета «Русскій Вѣстникъ»...

Для того, чтобы судить о настроеніяхъ въ Арміи къ моменту большевицкаго переворота, мы отсылаемъ читателя къ приведенной въ приложеніи [41] сводкѣ донесеній военно-политическаго отдѣла Ставки.

«Общее настроеніе въ Арміи», говорится въ этомъ отчетѣ, «продолжаетъ быть напряженнымъ, нервно-выжидательнымъ, какимъ оно было въ первой половинѣ этого мѣсяца. Главными мотивами, опредѣляющими настроеніе солдатскихъ массъ, попрежнему является неудержимая жажда мира, стихійное стремленіе въ тылъ, желаніе поскорѣе придти къ какой-либо развязкѣ... Армія представляетъ собой огромную, усталую, плохо одѣтую и плохо прокармливающуюся, озлобленную толпу людей, объединенныхъ жаждой мира и всеобщимъ разочарованіемъ. Такая характеристика безъ особой натяжки можетъ быть примѣнена ко всему фронту вообще...»

25 октября/ 7 ноября въ Петроградѣ большевики, опираясь на сочувствующій имъ гарнизонъ, произвели переворотъ. Загорается кровавая борьба, въ которой Керенскому приходится опираться на силы, подорванныя имъ же самимъ во время борьбы съ Корниловымъ. Побѣда большевикамъ была обезпечена, такъ какъ они прельщаютъ массы обѣщаніемъ немедленнаго же окончанія войны.

«Солдаты», пишетъ въ своей радіо-телеграммѣ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, [42] «дѣло мира, великое дѣло мира въ вашихъ рукахъ, вы не дадите контръ-революціоннымъ генераламъ сорвать великое дѣло мира... Пусть полки, стоящіе на позиціяхъ, выбираютъ тотчасъ уполномоченныхъ для формальнаго вступленія въ переговоры о перемиріи съ непріятелемъ. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ даетъ вамъ право на это... Солдаты, дѣло мира въ вашихъ рукахъ...»

На этомъ кончается для Россіи участіе въ міровой войнѣ. Но ея народныя массы не увидѣли обѣтованнаго мира, такъ какъ съ появленіемъ у власти большевиковъ сейчасъ же началась въ Россіи одна изъ самыхъ жестокихъ во всей міровой исторіи гражданскихъ войнъ.

---

40) «Сводка свѣдѣній о настроеніи частей войскъ армій Западнаго фронта съ 12 (25) по 15 (28) октября 1917 года».

41) Приложеніе № 6 къ настоящей главѣ.

42) Полный текстъ этой радіограммы приведенъ въ приложеніи № 7 къ настоящей главѣ.

Приложеніе № 1.

ВЫДЕРЖКА ИЗЪ СТЕНОГРАФИЧЕСКАГО ДОКЛАДА ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ Н. О. ЯНУШКЕВИЧА О ЕГО ПОѢЗДКѢ НА ФРОНТЪ.

(Докладъ этотъ былъ заслушанъ
Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы 13 марта 1917 года).

«Получивъ предложеніе выѣхать на фронтъ, мы опасались, что намъ придется увидѣть тамъ кое-что, что произведетъ на насъ самое скверное впечатлѣніе, что мы увидимъ тяжелую картину. Но то, что намъ пришлось увидѣть, при приближеніи къ фронту, съ самаго начала нашего путешествія, подѣйствовало на насъ совершенно обратнымъ образомъ. Отъѣхавъ отъ Петрограда, мы замѣтили, что, какъ только стало извѣстно о нашей поѣздкѣ, на каждой станціи стали собираться толпы народа и солдатъ, чтобы насъ привѣтствовать. Передъ Псковомъ, напримѣръ, привѣтствовали насъ, посылали привѣтъ Государственной Думѣ, Предсѣдателю Государственной Думы, Временному Правительству и т. д. Наконецъ, мы добрались до Пскова и отправились къ генералу Рузскому [43], который сказалъ, что присутствіе насъ, депутатовъ, или кого-либо другого, чрезвычайно необходимо. Въ настоящее время волна захватила Петроградъ и Россію, докатывается до фронта, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникаютъ недоразумѣнія въ связи съ приказомъ № 1 и въ связи съ всевозможными листками и воззваніями, которые проникаютъ все-таки въ Армію....

«Въ Псковѣ мы раздѣлились на партіи. Одна направилась къ Ригѣ, другая на Двинскія позиціи, а мы въ раіонъ Глобачево, Воропаево, ближе къ Поставамъ...

«Чѣмъ дальше мы ѣхали отъ Пскова къ Двинску, тѣмъ болѣе было овацій на каждой станціи... Въ Рѣжицѣ мы были встрѣчены чрезвычайными оваціями; насъ попросили зайти въ городъ на митингъ. Войска были выстроены съ музыкой, было масса народу. Насъ привѣтствовали, мы произносили рѣчи. Оставались мы тамъ довольно долгое время. Тамъ же, въ кинематографѣ было устроено засѣданіе солдатскихъ и офицерскихъ депутатовъ. Въ Рѣжицѣ было нѣсколько инцидентовъ, между прочимъ, былъ убитъ командиръ Сумского полка. Когда стали обезоруживать полицію и собираться на митингъ, появилась отдѣльная вооруженная группа лицъ, которая вела себя довольно безпокойно. Такъ какъ никто не зналъ, зачѣмъ они пріѣхали, то былъ командированъ Сумской полкъ. Между тѣмъ, распространился слухъ, что послѣдній пришелъ усмирять. Стали грозить тяжелой артиллеріей, если онъ не скажетъ, зачѣмъ пришелъ. Солдаты присоединились, но недо-

43) Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ. (Прим. Н. Н. Г.).

разумѣніе возникло съ офицерами, которые рѣзко отзывались о солдатахъ и о красныхъ бантикахъ. Въ результатѣ командиръ полка былъ убитъ...

«На' собраніи солдатъ и офицеровъ дебатировалась масса вопросовъ. Между прочимъ, у насъ былъ въ рукахъ приказъ Гучкова' [44] о вѣжливомъ обращеніи. Мы обратили вниманіе, насколько эти вопросы затрагиваютъ солдатскую массу. Когда мы прочли приказъ, солдаты ста'ли задавать вопросы относительно (отданія) чести, розогъ и т. д., какъ Временное Правительство на это смотритъ, что оно будетъ дѣлать. Мы сказали, что оно все, вѣроятно, разъяснитъ въ соотвѣтствующихъ приказахъ. Когда мы прочли приказъ Гучкова, раздалось громовое «ура», но солдаты интересовались, почему о чести [45] ничего не сказано. Надо сказать, что комендантъ Рѣжицы отданіе чести отмѣнилъ самъ, заявивъ въ приказѣ по гарнизону, что оно не обязательно. На этомъ митингѣ мы дава'ли объясненія на предъявляемые вопросы... Мы предложили самовольно арестовъ не производить, объясняя, что это самосудъ, и что такихъ арестованныхъ нужно освободить.

«Затѣмъ мы двинулись дальше къ Двинску. Тамъ тоже были самыя невѣроятныя овацiи по адресу Государственной Думы. Двое изъ насъ остались въ Двинскѣ, а' мы направились въ Полоцкъ. Мы изумлялись: такой былъ царскій пріемъ. Царя, вѣроятно, такъ не принимали. Насъ носили на рукахъ, склоняли знамена' — и все это по адресу Государственной Думы. Мы пришли къ убѣжденію, что авторитетъ Государственной Думы въ войскахъ и въ населеніи огромный. Имя депутатовъ, представителей Государственной Думы, связывается съ чѣмъ-то освободительнымъ. Дальше тоже на каждой станціи были овацiи. Тутъ уже выяснилось, что извѣстное настроеніе существуетъ; съ одной стороны, этому способствовалъ приказъ № 1, съ другой стороны, неправильное истолкованіе событій. Нѣкоторые офицеры, когда поступали эти приказы и извѣстія о событіяхъ, наприм., объ отреченіи Императора, истолковывали ихъ такъ, что возбуждали въ солдатахъ къ себѣ недовѣріе, напр., отреченіе Императора истолковывалось, какъ его добрая воля, что онъ хорошій и т. д... [46].

«Пріѣхавъ къ фронту, мы переночевали и отправились въ тѣ части, которыя расположены на' боевыхъ позиціяхъ. Насъ вездѣ принимали весьма торжественно, съ музыкой; мы были страшно смущены. Выяснилось, что знаменитый приказъ № 1 и всевозможные слухи породили извѣстную дезорганизацію въ «зеленыхъ» частяхъ, гдѣ мужики. Въ частяхъ болѣе революціонныхъ ничего подобнаго не было. Тамъ

---

44) Приказъ Военнаго Министра Временнаго Правительства А. И. Гучкова объ обращеніи къ солдатамъ не на «ты», а на «вы».

45) Объ отмѣнѣ отданія чести офицерамъ, чего добивались крайніе революціонные элементы. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

46) Н. О. Янушкевичъ принадлежалъ къ одной изъ соціалистическихъ партій, чѣмъ и объясняется это его озлобленное отношеніе къ павшему царскому правительству. (Прим. Н. Н. Г.).

и съ офицерами уживаются хорошо. Мы подмѣтили одну черту: несмотря на то, что Временное Правительство существуетъ, что переворотъ совершившійся фактъ, въ средѣ высшаго офицерства есть такіе, которые ведутъ себя чрезвычайно нетактично. Вездѣ приходилось слышать жалобу на то, что если и одѣвается красный бантикъ, то онъ срывается... Но все-таки нужно замѣтить, что у солдатъ есть сдерживающее чувство. **Они ждутъ чего-то; чрезвычайно интересуются тѣмъ, что сейчасъ происходитъ.** Намъ задавали вопросы на всякія темы. Сначала мы произносили привѣтствія, а потомъ объясняли, что всѣ кардинальные вопросы рѣшитъ Учредительное Собраніе. Временное же Правительство озабочено тѣмъ-то и тѣмъ-то. Приходили офицеры, но мы ихъ просили удалиться. Мы бесѣдовали съ каждою частью солдатъ. Они приходили со своими жалобами и пожеланіями, мы старались имъ все разъяснить и въ концѣ концовъ успокаивали почти всѣхъ.

«Высказывалось пожеланіе относительно военно-полевыхъ судовъ. Они сознаютъ, что безъ серьезныхъ мѣръ на фронтѣ нельзя, но они желаютъ, чтобы тамъ былъ представитель отъ солдатъ; тогда всякой мѣрѣ наказанія будутъ подчиняться съ удовольствіемъ. Теперь судъ — чисто офицерскій и внушаетъ имъ много недовѣрія. Затѣмъ къ намъ обращались съ просьбой предоставить имъ возможность послать кого-нибудь отъ какой-либо части въ Петроградъ узнать, въ чемъ дѣло.

«Очень остро стоитъ вопросъ отъ отпускахъ. Какъ только произошли послѣднія событія, сейчасъ же были прекращены отпуска; въ нѣкоторыхъ частяхъ теперь снова разрѣшаютъ отпускъ, **но въ общемъ вопросъ этотъ страшно волнуетъ солдатъ:** у нихъ къ начальству подозрительное отношеніе. Есть части, гдѣ вѣрятъ командиру, но многихъ приходилось убѣждать въ томъ, что къ старому возврата быть не можетъ. **Что касается общаго настроенія войскъ, то вблизи позицій оно у нихъ такое веселое, радостное и хорошее, что отрадно становится.** Тамъ мы видали настоящіе революціонные полки съ полнѣйшей дисциплиной, полное объединеніе съ офицерами. Они понимали, что дисциплину нужно соблюдать не за страхъ, а за совѣсть. У нихъ у всѣхъ общее настроеніе, всѣ понимаютъ, что нужно воевать, чтобы защитить свободу...

«Изъ бесѣдъ съ солдатами, съ отдѣльными группами, съ ихъ депутатами выяснилось, что такъ или иначе, но военному министерству нужно считаться съ настроеніемъ солдатъ, съ ихъ недовѣріемъ къ нѣкоторымъ изъ командировъ...

«...Мы объѣхали почти всѣ части 1-й Арміи, бесѣдовали съ каждой частью по часу, по два, потеряли голоса, но внесли извѣстное успокоеніе... Мы начинали объѣздъ съ 8 часовъ утра, кончали въ 1 часъ ночи. **Настроеніе недурное, только нѣкоторые старые солдаты просили, нельзя ли похлопотать, чтобы отпустили домой.** Въ общемъ настроеніе боевое. Это произвело на насъ хорошее впечатлѣніе. Мы ожидали встрѣтить другое. Дисциплина есть, но надо организовать ее на новыхъ началахъ...

«Общіе выводы такіе: настроеніе не пессимистическое, дисциплина держится, но **солдаты чего-то ждутъ»**...

Приложеніе № 2.

ВЫДЕРЖКА ИЗЪ ДОКЛАДА О ПОѢЗДКѢ НА ФРОНТЪ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ А. М. МАСЛЕННИКОВА И П. М. ШМАКОВА.

11 апрѣля.

. . . . . .

Утромъ депутаты были приняты генераломъ Балуевымъ. Генералъ съ большой похвалой отозвался о дѣятельности комитета Особой арміи, предсѣдателемъ котораго по избранію состоитъ главный иниціаторъ и организаторъ съѣзда Особой арміи, командиръ 2 дивизіона 7 артиллерійской бригады полковникъ Малыхинъ. Комитетъ Особой арміи имѣетъ собственныя «Извѣстія выборныхъ Особой арміи» и заключаетъ въ себѣ рядъ комиссій, продуктивно работающихъ. Слѣдуетъ отмѣтить комиссію, вѣдающую разборомъ различныхъ конфликтовъ, возникающихъ на почвѣ отношеній между солдатами и офицерами. Какъ примѣръ ея дѣятельности, можно привести случай, происшедшій въ одномъ изъ полковъ. Солдатами былъ смѣщенъ командиръ полка и на мѣсто его ими же выбранъ молодой, неопытный оберъ-офицеръ, видимо, самъ агитировавшій въ пользу смѣщенія командира и избранія себя на его мѣсто. Для разбора конфликта былъ командированъ полковникъ Малыхинъ, который, благодаря авторитету согласительной комиссіи, посредствомъ строгаго выговора оберъ-офицеру и переговоровъ съ солдатами, быстро добился подчиненія солдатъ новому командиру, назначенному генераломъ Балуевымъ.

Послѣ завтрака депутатовъ привѣтствовалъ комитетъ Особой арміи. Среди привѣтствій депутатовъ нужно отмѣтить рѣчь лѣваго направленія одного изъ солдатъ, видимо, по убѣжденіямъ большевика, и рѣчь офицера отъ имени казачества, рѣшившаго всемѣрно поддерживать Временное Правительство и отстаивать свои права и привилегіи. При обсужденіи порядка посѣщенія воинскихъ частей на фронтѣ депутатами было рѣшено направиться сначала въ 5-й корпусъ, а потомъ во 2-й и 1-й гвардейскіе корпуса. Вечеромъ того же дня депутаты прибыли въ штабъ 5-го корпуса. При проѣздѣ въ автомобиляхъ къ мѣсту квартированія штаба корпуса, депутатами было обращено вниманіе на неудовлетворительное состояніе шоссе, которое, видимо, совсѣмъ не чинятъ.

Передъ отправленіемъ въ штабъ 7-й дивизіи депутаты сказали краткія привѣтствія чинамъ корпусныхъ учрежденій. Крики «ура». Депутатовъ подымаютъ на руки. Въ штабѣ 7-й дивизіи были собраны чины штаба съ оркестромъ. Временно исполняющій должность начальника дивизіи генералъ-маіоръ Скерскій и начальникъ штаба, полковникъ Лебедевъ, обратились къ депутатамъ съ краткими привѣтствен-

ными рѣчами. Далѣе депутаты прослѣдовали въ штабъ Полоцкаго полка, гдѣ къ нимъ обратились съ теплыми рѣчами члены полкового комитета: солдаты и офицеры. Рѣчи депутатовъ къ комитету и къ полку. Крики «ура», качаютъ, несутъ до экипажей.

Общее впечатлѣніе отъ полка говоритъ въ его пользу. Замѣтны организованность и желаніе солдатъ защищать родину. Въ рѣчахъ вѣрное пониманіе смысла девиза «безъ аннексій и контрибуцій», отсутствуютъ рѣчи большевицкаго направленія. Выдѣляется рѣчь офицера Жарикова (члена согласительной секціи комитета арміи). Завтракъ въ штабѣ дивизіи и посѣщеніе дивизіоннаго комитета. Приходитъ телефонограмма, что 10 дивизія въ лицѣ Тобольскаго полка, стоящаго въ резервѣ, и собравшихся тамъ же комитетовъ остальныхъ полковъ дивизіи, настоятельно просятъ депутатовъ посѣтить ее. По дорогѣ туда посѣщеніе 1 дивизіона 7-й артиллерійской бригады. Офицеры обратили вниманіе депутатовъ на угрожающій недостатокъ фуража. Есть опасеніе, что лошади слишкомъ ослабнутъ и могутъ не снести трудныхъ переходовъ. Рѣчи, теплый пріемъ.

Депутаты слѣдуютъ въ Тобольскій полкъ. Вечеряетъ. Издали слышна канонада. На опушкѣ лѣса въ карре выстроенъ Тобольскій полкъ. Встрѣчи. Обходъ полка. Командиръ полка, привѣтствуя депутатовъ, говоритъ, что девизомъ полка служитъ «война до побѣднаго конца, безъ аннексій и контрибуцій». Послѣ привѣтственной рѣчи солдатъ и офицеровъ, Тобольскій полкъ въ образцовомъ порядкѣ, съ отличнымъ равненіемъ (что особенно нужно отмѣтить, такъ какъ послѣ революціи полкъ врядъ ли занимался упражненіемъ въ церемоніальномъ маршѣ) проходитъ во главѣ съ командиромъ подъ звуки марсельезы. Далѣе засѣданіе дивизіоннаго комитета 10 дивизіи. Возвращеніе въ штабъ корпуса, гдѣ, несмотря на поздній часъ, состоялось засѣданіе комитета 5 корпуса (въ мѣстной синагогѣ), затянувшееся за полночь.

13 апрѣля.

Посѣщеніе 2 дивизіона 7-й артиллерійской бригады и Могилевскаго полка, стоящаго въ окопахъ. Слѣдуетъ отмѣтить блестящее состояніе окоповъ. Отличные широкіе ходы сообщеній, позволяющіе подвозъ въ окопы на лошадяхъ. Служба, видимо, несется образцово. Депутаты обходятъ солдатъ, стоящихъ въ окопахъ, пожимая имъ руки, и благодарятъ отъ имени Государственной Думы. При посѣщеніи артиллерійскаго наблюдательнаго пункта была произведена стрѣльба изъ орудій, причемъ слѣдуетъ отмѣтить необыкновенно скорое (менѣе 1 минуты) послѣ телефона послѣдованіе выстрѣла. Возвращеніе въ Луцкъ.

Общее впечатлѣніе отъ посѣщенія 5 корпуса благопріятное. Всюду налажена дѣятельность комитетовъ, не вызывающая столкновеній съ начальствомъ. Видно стремленіе офицеровъ итти навстрѣчу солдатамъ въ культурно-просвѣтительномъ смыслѣ. Всюду прямо голодъ въ смыслѣ политической литературы. Въ смыслѣ боеспособности солда-

ты, хотя и ставятъ девизомъ «безъ аннексій и контрибуцій», тѣмъ не менѣе несомнѣнно въ наступленіе пойдутъ. Объясняется это интенсивной борьбой комитетовъ съ пропагандой большевиковъ. Политическія воззрѣнія, въ общемъ, сходятся съ воззрѣніями праваго крыла С. С. и Р. Д. Отношеніе къ Думѣ и Временному Правительству (подчеркивается иногда необходимость единенія послѣдняго съ С. С. и Р. Д.) крайне благожелательное. Отношеніе къ депутатамъ восторженное. Обыкновенное явленіе — спрашиваютъ, къ какимъ партіямъ принадлежатъ депутаты. Всюду одни и тѣ же вопросы: будущая форма правленія, Учредительное Собраніе, земля, отношеніе Временнаго Правительства и С. С. и Р. Д. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ 5 корпусѣ н и г д ѣ не былъ поднятъ вопросъ объ отношеніи с о ю з н и к о в ъ къ формулѣ «безъ аннексій и контрибуцій» и ихъ договорахъ съ Россіей. Отвѣты депутатовъ, что вопросы формы правленія и земельный составляютъ предметъ исключительной компетенціи Учредительнаго Собранія, участіе въ которомъ дѣйствующей арміи необходимо, — вполнѣ удовлетворяютъ солдатъ. То же нужно сказать и объ отзывѣ депутата Масленникова о С. С. и Р. Д., какъ объ учрежденіи, сыгравшемъ громадную организаціонную роль въ дни революціи, теперь же представляющемъ голосъ демократическихъ массъ. Замѣчаніе депутата, что С. С. и Р. Д. не долженъ стремиться къ законодательной власти и тѣмъ болѣе управленію страной, въ виду опасности двоевластія, — не вызываетъ протеста, наоборотъ, одобряется. Солдаты всюду выставляютъ своимъ девизомъ демократическую республику.

15 апрѣля.

Въ ночь съ 14 на 15-ое депутаты прибыли въ Штабъ 11-й арміи въ г. Кременецъ, чтобы посѣтить генерала Гутора.

15-го апрѣля въ Кременцѣ начались засѣданія съѣзда 11-й арміи. По просьбѣ съѣзда, депутаты вмѣстѣ съ генераломъ Гуторомъ [47] посѣтили съѣздъ 11-й арміи. Съѣздъ открылся рѣчью генерала Гутора, гдѣ онъ призывалъ избѣгать въ Д. Арміи политической борьбы, пагубно отзывающейся на боеспособности войскъ. Всѣ политическіе вопросы должны быть рѣшены Учредительнымъ Собраніемъ. Послѣ рѣчей депутатовъ имъ отвѣтилъ отъ имени съѣзда предсѣдатель, прапорщикъ 11-го Финляндскаго полка, бывшій секретарь крайнихъ лѣвыхъ фракцій Государственной Думы. Рѣчь носила явный характеръ направленія большевиковъ. Охарактеризовавъ 4-ю Думу, какъ представительницу интересовъ буржуазныхъ классовъ и капитала, онъ высказалъ, что армія будетъ драться до конца («Мы будемъ голы, босы, но будемъ драться за свободу полетаріата») только въ случаѣ выясненія истинныхъ намѣреній нашихъ союзниковъ, дабы Россіи была дана гарантія, что борьба идетъ не за капиталистическія цѣли союзниковъ. Вообще, въ рѣчи предсѣдателя чувствовалось, быть можетъ, невольное намѣреніе

47) Командующій XI арміей.

подорвать авторитетъ Думы, Временнаго Правительства и довѣріе къ союзникамъ. Послѣднее встрѣтилось депутатамъ впервые. Рѣчь предсѣдателя имѣла громадный успѣхъ. Отвѣтъ депутата Масленникова все же удовлетворилъ съѣздъ. Крики «ура». Депутатовъ выносятъ на рукахъ. Впечатлѣніе отъ настроенія съѣзда совершенно обратное настроенію 5-го корпуса. Чувствуется дѣятельная пропаганда большевиковъ.

16 апрѣля.

Прибытіе въ штабъ 2-го гвардейскаго корпуса. Радушный пріемъ. Посѣщеніе Волынскаго полка и представителей Кексгольмскаго и Петроградскаго полковъ. Восторженный пріемъ.

17 апрѣля.

Посѣщеніе гвардіи 1-го стрѣлк. полка и гвардіи 4-го стрѣлковаго полка. Послѣдній стоялъ на позиціи. Депутаты прошли въ окопы полка, благодарили стрѣлковъ отъ имени Государственной Думы, пожимая имъ руки. Окопы 4-го полка значительно хуже видѣнныхъ депутатами окоповъ Могилевскаго полка. Это отчасти объясняется тѣмъ, что ихъ пришлось заново рыть весной, такъ какъ всѣ ходы сообщеній и большинство окоповъ были залиты водой и обвалились, грунтъ неблагопріятный, сыпучій, окопы недостаточно глубоки. Въ ходѣ сообщеній депутаты были обстрѣляны ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Депутатами было обращено вниманіе на то, что вслѣдствіе недостатка дровъ, солдатами сожжены частью колья проволочныхъ заграждеій. Изъ 170 лисьихъ норъ только 30 остались неприкосновенными. По возвращеніи въ штабъ полка депутаты прошли къ собраннымъ полковому и ротнымъ комитетамъ. Солдаты въ рѣчахъ постановили объ удаленіи «всѣхъ бароновъ, фоновъ и прочихъ шпіоновъ», а также офицеровъ, коимъ было выражено недовѣріе запаснымъ батальономъ въ Царскомъ Селѣ. Солдаты жаловались на невозможность организовать правильную работу комитетовъ полкового и ротныхъ въ виду неустановившейся формы выборовъ въ комитеты и частой отмѣны одной офиціальной инструкціи другой. Пришлось комитеты переизбирать нѣсколько разъ. Также не выяснена компетенція комитетовъ.

Солдатамъ желательна хозяйственная комиссія, которая полученной инструкціей не допускается.

Далѣе говорили 2 некадровыхъ офицера (одинъ прикомандированный, другой произведенный подпрапорщикъ) противъ кадровыхъ офицеровъ якобы не желающихъ итти навстрѣчу солдатамъ и прикомандированнымъ офицерамъ. Общая тенденція комитетовъ противъ коренныхъ кадровыхъ офицеровъ.

Изъ разговоровъ съ кадровыми офицерами выяснилось, что недопущеніе командиромъ полка полковникомъ Драгомировымъ хозяйственной комиссіи и полкового комитета имѣетъ основаніемъ поддержаніе

авторитета послѣдней инструкціи и вообще авторитета высшаго командnаго состава начальства, значительно павшаго въ настоящее время.

Возвращаясь къ недовѣрію солдатъ къ офицерамъ, непризнаннымъ запаснымъ батальономъ, нужно отмѣтить, что причиной этого служитъ замѣтное желаніе солдатъ сохранить добрыя отношенія съ запаснымъ батальономъ, въ который, въ цѣляхъ отдыха, всѣ стрѣлки стремятся попасть.

18 апрѣля.

Состоявшееся 18-го апрѣля засѣданіе комитета 2 гв. корпуса нужно отмѣтить, какъ одно изъ наиболѣе характерныхъ въ смыслѣ настроенія крестьянъ-солдатъ Д. Арміи. Видимо, здѣсь, въ противоположность другимъ комитетамъ, крестьяне представлены въ большинствѣ. Разгорается споръ о срокѣ созыва Учредительнаго Собранія. Одинъ изъ рабочихъ-солдатъ (большевицкаго направленія), говоря, что рабочій крестьянина не обманетъ въ смыслѣ рѣшенія земельнаго вопроса, призываетъ депутатовъ настаивать на с к о р ѣ й ш е м ъ созывѣ Учредительнаго Собранія. Большинство рѣшительно отклоняетъ его предложеніе и проситъ депутатовъ ходатайствовать отъ имени крестьянъ Д. Арміи отложить созывъ до окончанія войны, въ виду невозможности теперь, посредствомъ правильной агитаціи, провести въ Учредительное Собраніе нужные элементы, которые представили бы дѣйствительный голосъ крестьянства. Побѣда преобладающаго голоса крестьянъ очень характерна, какъ характерно въ общемъ и к р а й н е б л а г о ж е л а т е л ь н о е настроеніе всего собранія. Нужно еще отмѣтить слѣдующія просьбы, обращенныя къ депутатамъ:

1) Передать, что гвардія не цѣпляется за свои м а т е р і а л ь н ы я привилегіи и съ терпѣніемъ ждетъ ихъ отмѣны, находя поднявшуюся на нее въ этомъ смыслѣ травлю несправедливой и безсмысленной.

2) Указать на невозможное положеніе всѣхъ войсковыхъ комитетовъ въ виду того, что приходилось переизбирать составъ до четырехъ разъ, согласно инструкціи. Поэтому продуктивная работа въ комитетахъ до сихъ поръ не можетъ наладиться. Не выяснена окончательно и компетенція комитетовъ. Всего пришлось переизбрать комитеты до четырехъ разъ, и предвидятся еще переизбранія. Вотъ перечень выборовъ: первые выборы были по собственному почину (обыкновенно съ разрѣшенія командировъ полковъ); вторые — согласно указу Особой арміи; третьи — по указу 11-ой арміи послѣ перехода 2-го корпуса въ ея составъ; четвертые — по указу генерала Алексѣева (общій голосъ противъ послѣдняго. Находятъ его нежизненнымъ. Упрекаютъ въ нарушеніи принципа прямыхъ выборовъ). Кромѣ всего этого предвидится указъ о выборахъ комиссіи генерала Поливанова.

3) Указать на необезпеченность семей многихъ солдатъ, какъ на причину дезертирства.

4) Довести до свѣдѣнія, что солдатъ волнуютъ «негласныя» исчез-

новенія офицеровъ (подразумѣвается отбытіе офицеровъ, не выбранныхъ солдатами).

5) Солдатъ безпокоятъ вопросы продовольствія въ дальнѣйшемъ.

Засѣданіе комитета оканчивается бурными овапіями депутатамъ.

Посѣщеніе Кексгольмскаго и гв. зап. стрѣлковаго полка. Характерно отмѣтить, что на собраніи нѣсколькихъ ротъ этого полка выступилъ съ краткой рѣчью крайняго направленія солдатъ чужого полка, типа агитатора.

Въ 11 час. вечера депутаты прибыли въ штабъ I-го гв. корпуса.

19 апрѣля.

Прибытіе въ штабъ 2 гв. дивизіи, посѣщеніе гв. Гренадерскаго полка. Крики «ура». Овапіи. Въ 4 часа соединенное засѣданіе комитетовъ 1 и 2 гв. дивизій. Рядъ прекрасныхъ рѣчей, особенно предсѣдателя, офицера Клеймана, превосходнаго оратора. Среди рѣчей солдатъ фразы: «Штыкъ противъ нѣмцевъ, прикладъ противъ внутренняго врага». Далѣе слѣдуютъ двѣ крайнія рѣчи солдатъ. Первая заключаетъ въ себѣ угрозу Временному Правительству, если оно не пойдетъ объ руку съ С. С. и Р. Д., удалить его «вонъ». Вторая настаиваетъ на заключеніи Николая II въ Петропавловскую крѣпость («пусть испытаетъ самъ то, что заставлялъ испытывать другихъ»). Возраженіе депутата Масленникова встрѣчаетъ полное сочувствіе собранія. Овапіи и «ура». Вечеромъ посѣщеніе 2 гв. артиллерійской бригады.

Послѣ посѣщенія Преображенскаго полка депутатовъ ожидали въ с. Несвижѣ президіумъ комитета учрежденій штаба и гвардейскихъ саперъ съ собравшимися солдатами. Политическое направленіе президіума, судя по рѣчамъ, показало себя крайне лѣвымъ, большевицкаго толка. На собраніи, впервые за всю поѣздку, былъ очень остро затронутъ вопросъ о мирѣ. Членъ президіума, редакторъ латышской газеты, указывалъ на мирную конференцію, какъ на скорѣйшій способъ ликвидировать войну. Другіе ораторы требовали обнародованія нашихъ условій съ союзниками для гарантіи, что мы не боремся за имперіалистическія и капиталистическія стремленія нашихъ союзниковъ.

Къ послѣднимъ чувствовалось явное недовѣріе. Въ рѣчахъ ни одного слова, враждебнаго Германіи. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ собранія крикъ «ура».

Въ связи съ обнаружившимся крайнимъ направленіемъ солдатъ въ штабѣ I корпуса, нельзя не сопоставить рядъ заявленій въ I корпусѣ, обнаружившихся изъ разсказовъ лицъ, близкихъ или очевидцевъ этихъ явленій. По ихъ словамъ, солдаты пѣхоты часто перерѣзываютъ телефонные провода артиллерійскихъ наблюдательныхъ пунктовъ. Грозятъ артиллеріи, въ случаѣ стрѣльбы въ противника, поднять артиллеристовъ на штыки. Не позволяютъ подъ угрозой штыковъ открывать пулеметный огонь. Братанія продолжаются, хотя и въ значительно меньшей степени, чѣмъ на Пасху, когда братанія приняли прямо уродливыя фор-

мы. Германцы часто выходятъ изъ окоповъ. Слѣдуетъ упомянуть характерный случай. Германскіе офицеры предлагаютъ нашимъ офицерамъ сняться (этимъ германцы, видимо, пользуются, чтобы сфотографировать наши боевыя линіи). Наши соглашаются. На отвѣтную просьбу сняться, германскіе офицеры становятся въ позы, повернувшись задомъ. Разсказываютъ, что въ нашихъ окопахъ, удаленныхъ отъ нѣмецкихъ шаговъ на 30, пулеметы въ чехлахъ. Видимо, германцами сдѣлано все, чтобы усыпить нашу бдительность и придать себѣ характеръ мирнаго настроенія. Наряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить обстрѣлъ на 12 верстъ въ глубину фронта гв. стр. дивизіи, вновь подвезенной германской тяжелой артиллеріей. Нужно отмѣтить замѣчаніе одного генерала, георгіевскаго кавалера, что солдаты безъ солидной подготовки тяжелой артиллеріей въ атаку не пойдутъ.

Возвращаясь къ характеристикѣ комитета штаба I корпуса, слѣдуетъ отмѣтить благотворную дѣятельность членовъ просвѣтительной комиссіи прапорщиковъ Архангельскаго и Рудакова, читающихъ солдатамъ лекціи по государственному и рабочимъ вопросамъ.

Оба, по убѣжденіямъ, кадеты, съ высшимъ образованіемъ.

По возвращеніи въ Луцкъ депутаты узнали отъ полковника Малыхина о собравшемся съѣздѣ Ос. арміи, на которомъ хотятъ отстаивать успѣвшую сплотиться организацію комитетовъ Особой арміи, могущую распасться, вслѣдствіе перечисленія нѣкоторыхъ частей въ 11-ю армію. Кромѣ того, на съѣздѣ предполагается провести формулу о необходимости созыва съѣзда всей Дѣйствующей Арміи. Краткія положенія о цѣляхъ съѣзда слѣдующія: 1) Созданіе мощной организаціи, являющейся дѣйствительнымъ голосомъ арміи и опирающейся на ея реальную силу. 2) Координація дѣйствій отдѣльныхъ группъ, ставящихъ своею цѣлью разумное, съ точки зрѣнія блага широкихъ массъ русскаго народа, окончаніе войны. 3) Созданіе обстановки для работы Учредительнаго Собранія въ смыслѣ огражденія его отъ посягательствъ со стороны отдѣльныхъ группъ. 4) Подготовка арміи для участія въ Учредительномъ Собраніи. 5) Мѣсто съѣзда — Москва или другой городъ, за исключеніемъ Петрограда. Депутаты на съѣздъ избираются прямыми выборами по одному отъ собранныхъ полковыхъ комитетовъ каждой дивизіи, отъ округовъ и пропорціонально отъ штабовъ. Предполагаемыя работы съѣзда: 1) Выработка устава Всероссійскаго Совѣта военныхъ депутатовъ. 2) Выдѣленіе комиссіи для временнаго обслуживанія нуждъ и интересовъ арміи. 3) Установленіе тѣсной связи съ Совѣтами рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, а также и другими политическими и профессіональными организаціями, на правахъ совѣщательнаго голоса.

Резюмируя общее впечатлѣніе отъ посѣщенія указанныхъ частей, можно сдѣлать слѣдующій выводъ:

1) Сравнивая духъ арміи въ настоящее время и въ первые дни революціи при посѣщеніи Сѣв. фронта, къ сожалѣнію, приходится констатировать, что та пропаганда, которую вела Германія у насъ въ тылу

чѣрезъ своихъ вольныхъ и невольныхъ провокаторовъ и шпіоновъ, а также пропаганда на фронтѣ, подъ видомъ перемирій и братаній, сдѣлала свое губительное дѣло. Солдаты болѣе не рвутся въ бой, чтобы доказать, какъ русскій гражданинъ защищаетъ свою свободную Россію, а идутъ разговоры лишь объ оборонѣ, да и то съ боязнью защитить мифическіе англійскіе и французскіе капиталы. Тылы этой пропагандой уже заражены въ значительной степени. Чужды этой пропаганды наши доблестныя артиллерія и казачество. О духѣ кавалеріи мы не знаемъ. Боевая пѣхота въ нѣкоторыхъ частяхъ начинаетъ поддаваться этой пропагандѣ и, если не совсѣмъ подпала, то только благодаря героическимъ элементамъ среди солдатъ и беззавѣтной службѣ на благо родинѣ нашего доблестнаго офицерства, ставящаго свой долгъ выше незаслуженныхъ обидъ, клеветы и оскорбленій. Успѣхъ нежелательной пропаганды въ пѣхотныхъ частяхъ лежитъ въ томъ, что онъ бьетъ по самому больному мѣсту. Всѣ устали воевать — большевицкая пропаганда проповѣдуетъ скорѣйшее прекращеніе активныхъ военныхъ дѣйствій (оборонительная война и мирный конгрессъ). Главные пункты этой пропаганды: подорвать вѣру въ правительство, союзниковъ, Государственную Думу и внести рознь и разлады во внутреннюю жизнь войска. Уставъ воевать, но слыша изъ Россіи голоса о необходимости защищать свободу, стараются найти компромиссъ и угодить чувству самосохраненія и необходимости воевать. Вотъ почему такъ крѣпко укоренилось неправильное пониманіе мира безъ аннексій, какъ отказъ отъ всякой наступательной войны. Отсюда недовѣріе къ власти и союзникамъ и этимъ же объясняется недоброжелательное отношеніе къ офицерскому составу. Наряду съ этимъ огромная масса солдатъ рада вѣрить въ то, что нѣмцы пойдутъ на всѣ требованія, выставляемыя русской демократіей.

Нѣмцы, отлично учтя это настроеніе, всячески стараются его поддерживать и развивать, прекративъ обстрѣлъ нашихъ позицій и проповѣдуя свое миролюбіе организованнымъ и планомѣрно проводимымъ братаніемъ.

Зараза, идущая изъ тыла, одинаковая съ пропагандой нѣмцевъ, убѣждаетъ менѣе сознательную часть солдатъ въ возможности ихъ мыслей и чаяній. Твердое желаніе союзниковъ воевать и призывъ Временнаго Правительства къ исполненію долга передъ ними отдаляетъ миръ, вотъ почему скрещивающаяся пропаганда о недовѣріи Англіи нравится.

Офицерство, въ большинствѣ ратующее за войну до побѣды, сочувствія не встрѣчаетъ, и агитація противъ него падаетъ на подготовленную почву.

Характерно отмѣтить, что въ большинствѣ случаевъ наиболѣе подозрѣваемые офицеры въ боевомъ отношеніи лучшіе. Это явленіе объясняется невольною боязнью, что хорошіе офицеры сумѣютъ заставить наступать.

ИЗЪ СВОДКИ СВѢДѢНІЙ О БРАТАНІИ НА СѢВЕРНОМЪ ФРОНТѢ. СЪ 1 (14) МАРТА ПО 1 (14) МАЯ 1917 ГОДА.

5-я АРМІЯ.

22 апрѣля.

Въ раіонѣ д. Антоны (на Свенцянскомъ направленіи, участокъ 137 дивизіи) партія нѣмцевъ, пытавшаяся вступить съ нашими солдатами въ разговоры, была разогнана огнемъ.

10-я АРМІЯ.

25 марта.

На участкѣ Колодино - Стаховцы (къ югу отъ оз. Нарочь, раіонъ 67 дивизіи, нынѣ входящей въ 3 армію) партія нѣмцевъ дважды выходила изъ своихъ окоповъ съ бѣлыми флагами и манила нашихъ солдатъ къ себѣ руками и шапками; оба раза нѣмцы загонялись въ свои окопы нашимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

2 апрѣля.

На участкѣ у д. Ушивцы (12 верстъ къ сѣверо-востоку отъ Сморгони, участокъ 29 дивизіи XX корпуса) нѣмцы обмѣнялись съ нашими солдатами хлѣбомъ и колбасой, а на участкѣ 16 Мингрельскаго полка (1 Кав. грен. дивиз. 2 Кавк. корп. у Сморгони) нѣмцы успѣли вручить нашимъ двумъ солдатамъ прокламаціи. Всѣ сходившіеся сейчасъ же разгонялись нашимъ артиллерійскимъ огнемъ.

27 апрѣля.

Около 15 часовъ на участкѣ 81 дивизіи, на р. Березинѣ, близъ дер. Фурсы, изъ окоповъ противника вышли два нѣмца и махали бѣлыми флагами. Огнемъ нашей артиллеріи таковые были загнаны обратно въ свои окопы.

29 апрѣля.

На участкѣ Шалудьки-Кунава (2 Кавк. грен. див. 2 Кавк. корп.) наши и нѣмецкіе солдаты пытались выйти другъ другу навстрѣчу, но огнемъ нашей легкой батареи и тѣ, и другіе были разогнаны.

29 апрѣля.

Въ раіонѣ Сутково (участокъ 2 Кавказской гренадерской дивизіи, къ югу отъ Сморгони) наши солдаты и нѣмцы пытались, выйдя изъ окоповъ, сблизиться, но были разогнаны нѣсколькими выстрѣлами нашей легкой батареи.

30 апрѣля.

Въ раіонѣ Шалудьки-Кунава (участокъ 2 Кавк. грен. дивиз.) нашей батареей нѣсколько разъ разгонялись нѣмецкіе и наши солдаты, пытавшіеся выходить изъ окоповъ.

12-я АРМІЯ.

14 марта.

Противъ острова, что восточнѣе Веверъ, высунулся нѣмецъ съ бѣлымъ флагомъ и началъ что-то кричать, но послѣ обстрѣла нашимъ огнемъ скрылся.

27 марта.

Западнѣе Икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія противникъ подбросилъ прокламаціи съ выдержками изъ рѣчи канцлера, произнесенной 16 марта, и пробовалъ заговорить съ нами, но по немъ былъ открытъ огонь.

28 марта.

На участкѣ 2 Сибирскаго корпуса, близъ рѣки Кеккау, нѣмцы вышли съ бѣлыми флагами, а на участкѣ 21 корпуса въ Икскюльскомъ предмостномъ укрѣпленіи подбросили прокламаціи, въ которыхъ приглашали солдатскихъ депутатовъ войти съ ними въ непосредственное сношеніе и пытались заговорить съ нашими солдатами, но въ обоихъ случаяхъ были разогнаны нашимъ огнемъ.

29 марта

На Приморскомъ участкѣ нѣмцы пытались отдѣльными людьми вступить въ переговоры, но нашими солдатами были приняты мѣры къ прекращенію этой попытки огнемъ. На фронтѣ 21 корпуса, у Икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія, нѣмцы пытались вызвать нашихъ солдатъ на разговоры, но послѣ обстрѣла ихъ окоповъ прекратили свои попытки.

30 марта.

Нѣмцы пытались вступить въ разговоры съ нашими войсками на всемъ фронтѣ 12-й арміи, для чего выходили группами изъ окоповъ съ бѣлыми флагами, но нашимъ огнемъ загонялись обратно въ свои окопы.

31 марта.

На фронтѣ 43 корпуса на Приморскомъ участкѣ, появилась партія нѣмцевъ съ бѣлымъ флагомъ. На фронтѣ 2-го Сибирскаго корпуса попытки противника войти въ сношеніе съ нашими войсками прекращались нашимъ огнемъ.

1 апрѣля.

На фронтѣ 43 корпуса, близъ берега моря, къ нашимъ окопамъ подошли два нѣмца съ цѣлью вступить въ переговоры; оба нѣмца были захвачены. Во 2 Сибирскомъ корпусѣ нѣмцы выходили съ бѣлыми флагами, желая вступить въ переговоры, но нашимъ огнемъ были загнаны обратно въ свои окопы.

25 апрѣля.

На участкѣ 21 корпуса 3 нашихъ солдата 129 полка сѣли на лодку съ тѣмъ, чтобы поѣхать въ гости къ нѣмцамъ, но послѣ уговоровъ и угрозъ своихъ товарищей вернулись обратно.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ДОНЕСЕНІЙ НАЧАЛЬСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ О НАСТРОЕНІИ ВОЙСКЪ ВЪ АРМІЯХЪ ЗАПАДНАГО ФРОНТА.[48]

Вр. командующаго 2-ой арміей генерала Данилова.

Стремленіе войскъ къ побѣдѣ осталось, въ нѣкоторыхъ частяхъ даже усилилось. Дисциплина пала. Между офицерами и солдатами установилось недовѣріе. Вредно вліяютъ приказы и воззванія совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Офицерско-солдатскіе комитеты только налаживаются. Нравственная упругость войскъ сдала. Наступательныя дѣйствія желательно отложить до тѣхъ поръ, когда острое положеніе уляжется (1 - 3 мѣсяца); наступленіе должно быть тщательно подготовлено техническими средствами, т. к. крайне важно обезпеченіе первой удачи. Духъ новыхъ частей слабѣе, примѣнять ихъ для наступленія преждевременно. Изъ пополненія доходитъ 50%: если они будутъ такъ же таять и впредь и будутъ такъ же недисциплинированны, на успѣхъ наступленія расчитывать нельзя. (19 марта — 2 апрѣля, № 8053).

Командующаго арміей генерала Леша.

Настроеніе войскъ хорошее, отношенія офицеровъ и солдатъ начинаютъ налаживаться. Сознаніе вести войну до побѣды есть. Идеи противодисциплинарныхъ теченій расшатываютъ войска. Вредно отзывается печатаніе въ газетахъ предполагаемыхъ измѣненій уставовъ. Престижъ офицера сильно палъ. Активныя дѣйствія пока невозможны. При помощи организующихся комитетовъ удастся, вѣроятно, привести жизнь арміи въ нормальную колею и утвердить сознательную дисциплину. (25-го марта — 8 апрѣля, № 1345).

Изъ донесенія начальника 5-ой пѣхотной дивизіи генерала Славочинскаго.

Настроеніе въ дивизіи хорошее; черезъ одну, двѣ недѣли дивизію можно будетъ считать еще болѣе прочной и надежной. Необходимо оградить армію отъ приказовъ совѣта рабочихъ депутатовъ. (17/30 марта, № 51).

Начальника 42-ой пѣхотной дивизіи генерала Ельшина.

Всѣ солдаты одушевлены желаніемъ поддержать дисциплину и порядокъ и вести войну до побѣднаго конца. Несмотря на мрачныя донесенія командировъ 167-го и 168-го полковъ, Начдивъ[49] надѣется,

48) Заимствовано изъ «Разложеніе арміи въ 1917 году», стр. 25-26.
49) Начальникъ дивизіи. (Примѣчаніе Н. Н. Г.).

что все же настроеніе будетъ терпимымъ. Офицеры чувствуютъ себя не въ своей роли. Боеспособность войскъ не уменьшилась, но солдаты отлично сознаютъ неравенство средствъ нашихъ и противника, это дѣйствуетъ угнетающе. Желаніе идти въ бой есть — но есть и раздумье, что жертвы не принесутъ ожидаемой пользы. Пополненіе плохо обучено и поступаетъ въ незначительныхъ размѣрахъ. (18 марта — 1 апрѣля, № 9326).

Начальника 1-ой Кавказской гренадерской дивизіи генерала князя Макаева.

Наравнѣ съ высокимъ подъемомъ духа, замѣчается упадокъ дисциплины и взаимное недовѣріе между офицерами и солдатами. Наступательныя операціи до возстановленія полнаго спокойствія въ полкахъ невозможны. (26 марта — 9 апрѣля, № 77).

Начальника 2-ой Кавказской гренадерской дивизіи генерала Никольскаго.

Боеспособность полковъ сильно понизилась; порядокъ не нарушался. Дисциплина упала. Солдаты опредѣленно высказываютъ взглядъ — что мы можемъ только обороняться, а не наступать; расчитывать на упорство обороны можно. (23 марта — 6 апрѣля, № 52).

Начальника 51-ой пѣхотной дивизіи генерала Бенескула.

Духъ въ частяхъ дивизіи отличный; порядокъ не нарушался. Съ наступательными операціями слѣдовало бы выждать, пока не будутъ даны твердыя основы, хотя бы на главнѣйшія стороны боевой жизни. Необходимо избавить армію отъ вліянія солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Къ оборонительнымъ дѣйствіямъ дивизія вполнѣ способна. (27 марта — 10 апрѣля, № 293).

Начальника 2-ой Туркестанской казачьей дивизіи генерала Челокова.

Духъ бодрый. Боеспособность на высокомъ уровнѣ. (17/30 марта, № 106 а).

Начальника 112-ой пѣхотной дивизіи генерала Хвостова.

На нравственности и духѣ войскъ послѣднія событія отразились отрицательно; худшіе элементы получили возможность будировать; начальство лишено реальныхъ средствъ борьбы съ этими людьми. Замѣчается ослабленіе дисциплины, недовѣріе между офицерами и солдатами и упадокъ наступательнаго духа въ частяхъ. Вообще настроеніе загадочное, и трудно сказать, во что оно выльется. Для наступленія нужна самая сильная поддержка артиллеріи. (27 марта — 10-го апрѣля. № 60).

СОВѢЩАНІЕ ВЪ СТАВКѢ 18 МАРТА (1 АПРѢЛЯ) 1917 ГОДА.

Секретно.

I. Доклады представителей центральныхъ учрежденій выяснили:

1) **По интендантской части.** — Запасовъ въ странѣ для полнаго продовольствія арміи **недостаточно.**

Мы не только не можемъ образовать на фронтахъ запасовъ, но не будемъ получать ежесуточную потребность.

Надо: или уменьшить въ раіонѣ арміи число ртовъ и число лошадей или уменьшить дачу.

Послѣднее опасно, а потому надо уменьшить число ѣдоковъ.

2) **По артиллерійской части.** — Вслѣдствіе недостатка угля, металла, разстройства транспорта и переживаемыхъ событій — производство снарядовъ (крупныхъ калибровъ), патроновъ, ружей и орудій значительно понизится.

Формированіе артиллерійскихъ частей сильно задержится.

3) **Укомплектованіе людьми.** — Въ ближайшіе мѣсяцы подавать на фронтъ въ потребномъ числѣ нельзя, ибо во всѣхъ запасныхъ частяхъ происходятъ броженія.

4) **Укомплектованіе лошадьми** будетъ задержано, такъ какъ по условіямъ внутренняго транспорта и необходимости не ослаблять полевыя работы всѣ реквизиціи лошадей задержаны.

II. Желѣзнодорожный транспортъ.

Находится въ значительномъ разстройствѣ и даже при условіи отысканія запасовъ — мы не можемъ подавать одновременно на фронтъ запасы для ежедневнаго довольствія и для образованія запасовъ, — безъ наличія коихъ (хотя бы на двухнедѣльную потребность) нельзя начинать какихъ-либо операцій.

Затѣмъ состояніе желѣзныхъ дорогъ не допускаетъ одновременныхъ большихъ оперативныхъ перевозокъ и подачи на фронтъ нужныхъ запасовъ.

III. Балтійскій флотъ — потерялъ боеспособность и нѣтъ никакой надежды на скорое приведеніе его въ порядокъ.

Поступленіе минъ (для минныхъ заграждений) совершенно недостаточно, и минная оборона Балтійскаго моря будетъ весной 1917 года совершенно не налажена.

IV. Состояніе арміи.

Армія переживаетъ болѣзнь. Наладить отношенія между офицерами и солдатами удастся, вѣроятно, лишь черезъ 2-3 мѣсяца.

Пока же замѣчается упадокъ духа среди офицерскаго состава, броженіе въ войскахъ, значительное дезертирство.

Боеспособность арміи понижена, и расчитывать на то, что въ данное время армія пойдетъ впередъ, очень трудно.

Такимъ образомъ:

1) Приводить нынѣ въ исполненіе намѣченныя весной активныя операціи **недопустимо.**

2) Не расчитывая на Балтійскій флотъ, надо организовать оборону Финляндіи и подступовъ къ Петрограду, что потребуетъ усиленія Сѣвернаго фронта.

3) На всѣхъ фронтахъ, до возстановленія порядка въ тылу и образованія необходимыхъ запасовъ, необходимо перейти къ оборонѣ.

4) Необходимо принять самыя энергичныя мѣры для уменьшенія ѣдоковъ на фронтахъ.

Для этого необходимо убрать съ фронтовъ всѣхъ инородцевъ и военноплѣнныхъ и рѣшительно сократить число людей и лошадей во всѣхъ тыловыхъ учрежденіяхъ.

5) Надо, чтобы правительство все это совершенно опредѣленно и ясно сообщило нашимъ союзникамъ, указавъ на то, что мы теперь не можемъ выполнить обязательства, принятыя на конференціяхъ въ Шантильи и Петроградѣ.

6) Необходимо немедленно прекратить отправку союзникамъ пшеницы, которая нужна намъ самимъ.

Генералъ Квартирмейстеръ
Штаба Верховнаго Главнокомандующаго
Генералъ-Лейтенантъ **Лукомскій.**

Приложеніе № 6.

СВОДКА ДОНЕСЕНІЙ О НАСТРОЕНІИ АРМІИ СЪ 15 (28) ОКТЯБРЯ ПО 30 ОКТЯБРЯ (13 НОЯБРЯ) 1917 ГОДА.

За отчетный періодъ подробныя и систематическія свѣдѣнія поступили съ Юго-Западнаго и Сѣвернаго фронтовъ, отъ остальныхъ фронтовъ доставлялись только эпизодическія свѣдѣнія; такимъ образомъ, настоящая сводка не можетъ дать правильной картины о состояніи арміи всѣхъ фронтовъ, а отображаетъ лишь положеніе дѣла въ отдѣльныхъ частяхъ.

Общее настроеніе армій продолжаетъ быть напряженнымъ, нервно-выжидательнымъ, какимъ оно было въ первой половинѣ мѣсяца. Главными мотивами, опредѣляющими настроеніе солдатскихъ массъ, попрежнему являются неудержимая жажда мира, стихійное стремленіе въ тылъ, желаніе поскорѣе придти къ какой-нибудь развязкѣ. Кромѣ того, недостатокъ обмундированія и продовольствія, отсутствіе какихъ-

либо занятій, въ виду ненужности и безполезности ихъ, по мнѣнію солдатъ, наканунѣ мира, угнетающе дѣйствуютъ на настроеніе и приводятъ къ разочарованію. Въ этомъ отношеніи особенно характерный отзывъ даетъ командиръ 12-й арміи, который говоритъ, что армія представляетъ собой «огромную, усталую, плохо одѣтую, съ трудомъ прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенныхъ жаждой мира и всеобщимъ разочарованіемъ». Такая же характеристика безъ особой натяжки можетъ быть примѣнима ко всему фронту вообще. На почвѣ этого разочарованія наблюдается усиленное развитіе въ частяхъ войскъ національныхъ притязаній: украинцевъ, литовцевъ, латышей и поляковъ; особеннаго обостренія указанныя притязанія достигли въ 12-й арміи. Переходя къ перечисленію отдѣльныхъ фактовъ, рисующихъ состояніе арміи, необходимо указать прежде всего на значительное число случаевъ отказа отъ исполненія боевыхъ распоряженій относительно смѣны тѣхъ или иныхъ частей съ позицій. Такихъ случаевъ было зарегистрировано: въ 12-й арміи — 2, 1-й — 3, Особой и въ 11-й— по 1-му, въ 7-й — 4, 9-й — 2. Кромѣ того, со стороны многихъ частей раздаются настойчивыя требованія отвода въ тылъ подъ угрозой оставленія къ опредѣленному сроку позицій (1-я Кавказская стр. див. 1-й арміи, 13 Сиб. див., 431-й и 432-й пѣх. п. 108 див. 7 арміи); самовольно оставили позиціи части 11-й Сиб. див. 10 арміи, причемъ увѣщанія мѣстныхъ комитетовъ, членовъ Ревкома, командnаго состава не достигли цѣли; тоже 296-й Грязовецкій полкъ и одна рота 431-го полка 7 арміи, 691-й полкъ и 306-й полкъ 46-го корпуса Особой арміи отказались выступить на позиціи. Между прочимъ, въ 141-мъ полку 12-й арміи былъ выработанъ планъ ухода въ тылъ, согласно которому, въ случаѣ отказа ротныхъ командировъ, постановлено ихъ убить, а затѣмъ обратиться къ батальоннымъ и полковому командирамъ, потребовать особый поѣздъ и ѣхать въ Псковъ. Мотивомъ этого ухода было выставлено съ одной стороны перемиріе, дѣлающее лишнимъ стояніе полка на фронтѣ, а съ другой — необходимость участія въ выборахъ въ Учредительное Собраніе. Планъ пока не приведенъ въ исполненіе.

Случаи братанія участились и распредѣляются между отдѣльными арміями слѣдующимъ образомъ: въ Особой — 7, 11-й — 3, 7-й — 7 и по всему Румынскому фронту. Командный составъ и комитеты принимали всѣ мѣры къ недопущенію или прекращенію братанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на участкѣ 74 и 76 п. п. 12-го корпуса, 296 п. 41-го корпуса и 13 сиб. див. 7-й арміи, братаніе происходило по иниціативѣ противника съ провокаціонной цѣлью; это было замѣчено членами ревкома, которые обратились къ противнику съ воззваніемъ о недопустимости братанія, въ виду общихъ переговоровъ о мирѣ. На территоріи упомянутаго 296 п. была организована сходка нашихъ солдатъ и противника, которая длилась 20 минутъ.

Во 2-й дивизіи 1-го Туркестанскаго корпуса Особой арміи наши и нѣмецкіе солдаты разгуливаютъ вмѣстѣ, причемъ послѣдніе доходятъ до нашихъ резервныхъ ротъ; то же наблюдается и на участкѣ 431 пол-

ка 108 див. 7-й арміи. Особенно усиленное братаніе наблюдается на территоріи 19-й див. 12-го корпуса 7-й арміи, гдѣ за недѣлю — съ 20-го по 27-ое октября — было два случая увода въ плѣнъ нашихъ солдатъ во время братанія; кромѣ того, пользуясь легкомысленнымъ довѣріемъ нашихъ солдатъ, австрійскіе офицеры 21-го октября ходили по своему берегу рѣки Збруча съ планшетками и фотографическими аппаратами и снимали наши окопы. Уговоры и увѣщанія офицеровъ и комитетовъ вызываютъ озлобленіе. Въ районѣ 432 полка завязана мѣновая торговля съ непріятелемъ, окопы украшены бѣлыми флагами, раздается музыка. Въ 442 полку 57-й див. Особой арміи офицерамъ, протестовавшимъ противъ братанія, угрожали штыками. Къ прискорбнымъ результатамъ привело братаніе на территоріи 6-й арміи, гдѣ три нашихъ солдата пошли къ проволочнымъ загражденіямъ противника, здѣсь ихъ сфотографировали и дали табаку. Возвращаясь, они нашли головку дистанціонной трубки, при разборкѣ которой всѣ три были ранены.

Отношеніе къ командному составу попрежнему недовѣрчивое. Наиболѣе печальные факты съ этой точки зрѣнія имѣли мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ: въ 237 полку Особой арміи на глазахъ командира полка и офицеровъ убитъ прапорщикъ Барановъ; рядовой 43-го полка 7-й арміи убилъ двумя выстрѣлами изъ винтовки подпоручика 123 полка; при попыткѣ арестовать его солдаты оказали сопротивленіе, и убійца скрылся. Во второй батареѣ 39-го корпуса Особой арміи въ землянку командира была брошена бомба, которой контужено три офицера; въ 1-й Кавказской артиллерійской бригадѣ 1-й арміи выстрѣломъ черезъ окно раненъ командиръ батареи. Кромѣ того, подвергнуты аресту 50 офицеровъ 126-й дивизіи Особой арміи, двигавшейся на Луцкъ (впослѣдствіи всѣ офицеры освобождены послѣ ликвидаціи самаго выступленія дивизіи); командиръ 541 Велижскаго полка и 6 офицеровъ (12-й арміи) по обвиненію въ контръ-революціонности; командиръ 37 Грайворонскаго полка и командиръ 9-й роты того же полка (1-й арміи).

Предупреждая законъ о выборности командного состава, нѣкоторыя части стали осуществлять у себя это право ранѣе его официальной санкціи. Такъ — въ 4-мъ самокатномъ батальонѣ (Особой арміи) были отстранены командиръ 3-й роты и завѣдующій хозяйственной частью и на ихъ мѣсто избраны солдаты; въ 648 дружинѣ командиромъ избранъ комиссаръ; комитетъ летучаго пункта 3-й гвардейской див. отстранилъ начальника и завладѣлъ всѣмъ имуществомъ; комитетъ санитарнаго поѣзда смѣстилъ старшаго врача, завѣдующаго хозяйствомъ и сестеръ милосердія и избралъ новыхъ лицъ (11 армія); въ 5-й Кавказской дивизіи былъ смѣщенъ дѣлопроизводитель хоз. части за отказъ выдать нѣсколько перьевъ, въ чемъ было усмотрѣно желаніе со стороны дѣлопроизводителя помѣшать выборамъ въ Учредительное Собраніе (12-я армія); въ 74-й див. 41 корпуса было вынесено постановленіе объ упраздненіи должностей дивизіоннаго интенданта и начальника хозчасти съ передачей ихъ функцій особымъ комиссіямъ (7-я

армія); въ 53 Сиб. стрѣлк. полку отказались принять прибывшаго послѣ эвакуаціи командира; комитетъ частей штаба 11-й арміи постановилъ реквизировать собственныхъ офицерскихъ лошадей, обыскивать уѣзжающихъ офицеровъ и отбирать у нихъ оружіе, перевести офицеровъ на общежитіе.

Параллельно съ приведенными фактами нельзя не отмѣтить отраднаго явленія полной солидарности командnаго состава 32-й дивизіи 8-й арміи съ комитетами и дружной работы офицеровъ наравнѣ съ солдатами во всѣхъ организаціяхъ; точно такъ же полное соглашеніе достигнуто между командnымъ составомъ и ревкомомъ 12-й арміи, гдѣ командармъ Новицкій и всѣ комкоры безпрекословно подчинились власти ревкома.

Что касается работъ и занятій, то, какъ сказано въ вводной части, таковыя вообще не производятся за весьма ничтожными исключеніями; вездѣ мотивомъ выставляется ненужность работъ, въ виду скораго мира, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ сверхъ того въ качествѣ мотивовъ приводится малая дача хлѣба (737-й Абловинскій полкъ 1-й арміи).

Погромное движеніе замѣтно растетъ и принимаетъ организованный характеръ на территоріи 11-й дивизіи 7-й арміи, гдѣ разоряется и уничтожается имущество какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ. Командный составъ и комитеты безсильны въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Между прочимъ, солдатами 13-й Сиб. дивизіи той же арміи былъ произведенъ еврейскій погромъ въ раіонѣ расположенія штадива, дальнѣйшее развитіе котораго было пріостановлено съ помощью пулеметной команды. На участкѣ 10-й арміи въ имѣніи Дуброво солдаты, вооруженные ружьями и бомбами, разграбили все имущество: домашнюю птицу, скотъ, бѣлье, посуду и деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для предотвращенія погромовъ національный блокъ 12-й арміи призналъ желательнымъ образованіе при арміи и Ставкѣ комиссіи изъ представителей національныхъ организацій, по одному отъ каждой, для охраны мѣстнаго населенія отъ грабежей національными полками.

Обращаясь въ заключеніе къ тѣмъ фактамъ, которые характеризуютъ отношеніе арміи къ новому политическому строю, надлежитъ прежде всего замѣтить, что симпатіи солдатскихъ массъ опредѣленно склоняются на сторону этого строя, пріобрѣтающаго съ каждымъ днемъ все большее и большее число приверженцевъ, начиная съ крупныхъ войсковыхъ частей — фронтовъ, армій, и кончая болѣе мелкими единицами: полками, ротами и т. п. Сдѣланный выводъ иллюстрируется слѣдующими конкретными данными.

Въ 3-мъ Сибирскомъ корпусѣ 2-й арміи вся власть перешла въ руки военно-революціоннаго комитета, надъ командnымъ составомъ установленъ контроль, выдѣлена особая оперативная комиссія, выборы командnаго состава прошли безъ особыхъ треній; въ 7-й арміи тоже власть въ рукахъ ревкома; во всѣхъ войсковыхъ частяхъ 3-й арміи образованы ревкомы, къ которымъ перешла вся полнота власти, армейскій комитетъ пользуется громаднымъ вліяніемъ и авторитетомъ; во всѣ

учрежденія назначены комиссары. Такой же комитетъ образованъ на всей территоріи 11-й арміи. 32-я пѣх. див. 6-й арміи вынесла постановленіе о безповоротномъ признаніи власти Совѣта; съѣздъ Юго-Западнаго фронта призналъ необходимымъ передать всю власть на фронтѣ вновь избранному общеармейскому комитету и установить контроль надъ оперативной дѣятельностью въ контактѣ съ секретаріатомъ украинской Рады.

Центральный комитетъ служащихъ почтово-телеграфныхъ учрежденій Сѣвернаго фронта, протестуя противъ требованія комиссара, чтобы всѣ распоряженія п.-т. отдѣла были санкціонированы имъ, обращаетъ вниманіе ревкома на пагубныя дѣйствія его агента и призываетъ къ правильной работѣ и тѣсному сплоченію вокругъ своихъ организацій для защиты Учредительнаго Собранія, верховнаго хозяина земли русской.

За начальника военно-политическаго отдѣла
упонаштаверха (подпись).

Приложеніе № 7.

РАДІО-ТЕЛЕГРАММА СОВѢТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ ОТЪ 9 НОЯБРЯ 1917 ГОДА.

Всѣмъ полковымъ, дивизіоннымъ, корпуснымъ, армейскимъ и другимъ комитетамъ. Всѣмъ солдатамъ революціонной арміи и матросамъ революціоннаго флота. — 7-го ноября ночью Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ послалъ радіо-телеграмму Главнокомандующему Духонину, предписывая ему немедленно и формально предложить перемиріе всѣмъ воюющимъ странамъ, какъ союзнымъ, такъ и находящимся съ нами во враждебныхъ дѣйствіяхъ. Эта радіо-телеграмма была получена Ставкой 8-го ноября въ 5 час. 5 мин. утра. Духонину предписывалось непрерывно докладывать Совѣту Народныхъ Комиссаровъ ходъ переговоровъ и подписать актъ перемирія только послѣ утвержденія его Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ. Одновременно такое предложеніе заключить перемиріе было формально передано всѣмъ полномочнымъ представителямъ союзныхъ странъ въ Петроградѣ. Не получивъ отъ Духонина отвѣта до вечера 8-го ноября, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ уполномочилъ Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинахъ промедленія. Переговоры велись отъ 2 до 4½ часовъ утра 9-го ноября. Духонинъ дѣлалъ многочисленныя попытки уклониться отъ объясненія своего поведенія и акта дачи точнаго отвѣта на предписанія правительства. Но когда предписаніе вступить немедленно въ формальные переговоры о перемиріи было сдѣлано Духонину категорически, онъ отвѣтилъ отказомъ подчиниться. Тогда именемъ правительства Россійской Республики и по порученію Со-

вѣта Народныхъ Комиссаровъ Духонину было заявлено, что онъ увольняется отъ должности за неповиновеніе предписаніямъ правительства и за поведеніе, несущее неслыханныя бѣдствія трудящимся массамъ всѣхъ странъ и въ особенности арміямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Духонину было предписано продолжать вести дѣло, пока не прибудетъ новый Главнокомандующій или лицо, уполномоченное имъ на принятіе дѣлъ отъ Духонина. Новымъ главнокомандующимъ назначенъ прапорщикъ Крыленко. Солдаты, дѣло мира въ вашихъ рукахъ, вы не дадите контръреволюціоннымъ генераламъ сорвать великое дѣло мира, вы окружите ихъ стражей, чтобы избѣжать недостойныхъ революціонной арміи самосудовъ и помѣшать этимъ генераламъ уклониться отъ ожидающаго ихъ суда. Вы сохраните строжайшій революціонный и военный порядокъ. Пусть полки, стоящіе на позиціяхъ, выбираютъ тотчасъ уполномоченныхъ для формальнаго вступленія въ переговоры о перемиріи съ непріятелемъ. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ даетъ вамъ право на это. О каждомъ шагѣ переговоровъ извѣщайте насъ всѣми способами; подписать окончательный договоръ о перемиріи можетъ только Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Солдаты, дѣло мира въ вашихъ рукахъ; бдительность, выдержка, энергія, дѣло мира побѣдитъ.

Именемъ Правительства Россійской Республики

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ
В. Ульяновъ (Ленинъ).

Народный Комиссаръ по военнымъ дѣламъ
и Верховный Главнокомандующій **Н. Крыленко.**

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-го ТОМА:

ГЛАВА VII: Вооруженіе и боевое техническое снабженіе 5-67
Кризисъ въ боевомъ снабженіи 5
Винтовки 6
Пулеметы 12
Ружейные патроны 14
Артиллерія 20
Артиллерійскіе огнеприпасы 34
Военно-техническое снабженіе 42
Автомобили 45
Авіація 46
Квалифицированные рабочіе 49
Отсутствіе единства въ организаціи работы тыла 51
«Особыя Совѣщанія» 54
Мобилизація промышленности 57
Безсиліе Правительства 61
Революція 63
Насколько повысился уровень военно-техническаго оснащенія Русской Арміи къ 1917 году 64
Приложеніе: Выдержка изъ доклада Британскаго Военнаго Агента въ Петроградѣ о боевой силѣ Русской Арміи и недостаткѣ ружей въ концѣ сентября 1915 года 66

ГЛАВА VIII: Интендантское снабженіе 69-98
Встрѣченныя затрудненія..... 69
Довольствіе хлѣбомъ 71
Мясо 72
Прочіе виды продовольствія 75
Фуражъ 77
«Особыя Совѣщанія» 77
Потребность въ сильной власти 81
Революція 82
Вещевое довольствіе 86
Отношеніе солдатской массы къ казенному имуществу 92
Заключеніе помощника Главнаго Интенданта генерала Богатко 95
Приложеніе: Телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго ген. Алексѣева отъ 20 марта (3 апрѣля) 1917 г. № 2719 96

ГЛАВА IX: Транспортъ 99-118
Перевозки по мобилизаціи и сосредоточенію 99
Осенняя кампанія 1914 г. и зимняя кампанія 1914-1915 г. г. 100
Лѣтняя кампанія 1915 года 102
Зимняя кампанія 1915-1916 г. г. и лѣтняя кампанія 1916 г. 104
Зимняя кампанія 1916-1917 г. г. 107
Отсутствіе «дисциплины» въ использованіи желѣзныхъ дорогъ 109
Недостатки въ организаціи и въ руководствѣ желѣзнодорожнымъ транспортомъ 110
Революція 111
Постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ путей 114
Доставки заграничнаго снабженія 116

ГЛАВА X: Ходъ войны и настроенія арміи и тыла въ кампаніи 1914, 1915 и 1916 г. г. 119-178
Мобилизація 119
Характеристика русскаго патріотизма 122
Взаимоотношеніе столкнувшихся силъ 125
Начальныя операціи 130
Осень 1914 года 133
Кампанія 1915 года 136
Великое отступленіе 139
Моральное воздѣйствіе этого отступленія на армію .. 142
Моральное воздѣйствіе этого отступленія въ тылу 145
Кризисъ въ Верховномъ Главномъ Командованіи 149
Уовльненіе Великаго Князя Николая Николаевича и вступленіе въ Верховное Главнокомандованіе Государя Императора 154
Настроеніе солдатскихъ массъ 157
Кампанія 1916 года 161
Надломъ духа въ странѣ 164
Приложеніе № 1: Докладъ Императору Николаю II членовъ военно-морской комиссіи Государственной Думы 169
Приложеніе № 2: Всеподданнѣйшій докладъ генерала М. В. Алексѣева 174

ГЛАВА XI: Разложеніе арміи (1917 годъ) 179-237
Революція 179
Фронтъ и тылъ 181
Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 182
Доклады членовъ Государственной Думы 184
А. Ф. Керенскій 189
Нежеланіе народныхъ массъ продолжать войну 191
Мнѣнія военачальниковъ 192
Вопросъ о наступленіи 196
Ударныя добровольческія части 199
Дальнѣйшее паденіе духа въ солдатской массѣ 201
Коллективное заявленіе Главнокомандующихъ 201

Перемѣны въ Верховномъ управленіе вооруженными силами Россіи 206
Катастрофа на фоонтѣ 207
Генералъ Л. Г. Корниловъ 210
Офицерство 212
Корниловское выступленіе 213
Окончательный развалъ 214
Приложеніе № 1: Выдержка изъ стенографическаго доклада члена Государственной Думы Н. О. Янушкевича о его поѣздкѣ на фронтъ 216
Приложеніе № 2: Выдержка изъ доклада о поѣздкѣ на фронтъ членовъ Государственной Думы Масленникова и П. М. Шмакова 219
Приложеніе № 3: Изъ Сводки свѣдѣній о братаніи на Сѣверномъ фронтѣ (съ 1 (13) марта по 1 (13) мая 1917 года) 227
Приложеніе № 4: Выдержки изъ донесеній начальствующихъ лицъ о настроеніи войскъ въ арміяхъ Западнаго фронта 229
Приложеніе № 5: Совѣщаніе въ Ставкѣ 18 марта (1 апрѣля) 1917 года 231
Приложеніе № 6: Сводки донесеній о настроеніи арміи съ 15 (28) октября по 30 октября (13 ноября) 1917 года 232
Приложеніе № 7: Радіо-телеграмма Совѣта Народныхъ Комиссаровъ отъ 9 (22) ноября 1917 года .. 236

СПИСОКЪ СХЕМЪ,

приложенныхъ ко второму тому.

(къ главѣ X).

11. Территоріальный результатъ кампаніи 1914 года.

12. Территоріальный результатъ кампаніи 1915 года.

13. Территоріальный результатъ кампаніи 1916 года.

14. Территоріальный результатъ кампаніи 1917 года.

Схема № 11
Территоріальный результатъ
Кампаніи 1914 года
Условные знаки
Занятая Русской Арміей территорія
Очищенная Русской Арміей территорія
Линія фронта къ концу 1914 года
Балтійское Море
Черное Море
Азовское Море
Гельсингфорсъ
Петроградъ
Нарва
Эстляндія
Лифляндія
Стокгольмъ
Рига
Курляндія
Митава
Двинскъ
Мемель
Литва
Ковно
Вильно
Минскъ
Могилевъ
Гродно
Вост. Пруссія
Осовецъ
Балаковичи
Варшава
Брест-Литовскъ
Новогородъ
Кіевъ
Родно
Силезія
Краковъ
Екатеринославъ
Моравія
Галиція
А. Венгрія
Бессарабія
Будапештъ
Трансильванія
Румынія
Бухарестъ
Белградъ
Сараево
Крымъ
1:7500000

Схема №12
Территоріальный результатъ
Кампаніи 1915 года
Условные знаки
Очищенная Русской Арміей территорія
Фронтъ къ началу 1915 г.
Фронтъ къ концу 1915 г.
Балтійское море
Черное море
Азовское море
Петроградъ
Нарва
Псковъ
Эстляндія
Лифляндія
Рига
Курляндія
Литва
Вост. Пруссія
Минскъ
Могилевъ
Кіевъ
Ровно
Екатеринославъ
Полтава
Галиція
Силезія
Моравія
А. Венгрія
Бессарабія
Трансильванія
Румынія
Будапештъ
Бухарестъ
Белградъ
Сараево
Крымъ
1:7500000

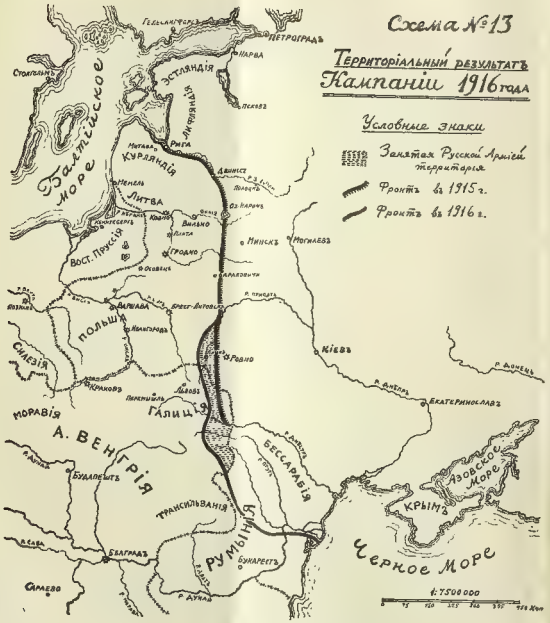
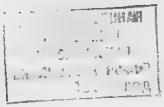


Схема № 13
Территоріальный результатъ
Кампаніи 1916 года
Условные знаки
Занятая Русской Арміей территорія
Фронтъ въ 1915 г.
Фронтъ въ 1916 г.
Балтійское море
Черное море
Азовское море
Петроградъ
Нарва
Эстляндія
Лифляндія
Рига
Курляндія
Литва
Вильно
Гродно
Минскъ
Могилевъ
Вост. Пруссія
Польша
Варшава
Брест-Литовскъ
Ковно
Кіевъ
Екатеринославъ
Силезія
Краковъ
Львовъ
Галиція
Моравія
А. Венгрія
Будапештъ
Трансильванія
Бессарабія
Румынія
Бухарестъ
Белградъ
Сараево
Крымъ
1:7500000

Схема №14
Территоріальный результатъ
Кампаніи 1917 года
Условные знаки
Очищенная Русской Арміей территорія
Фронтъ въ 1916 г.
Фронтъ въ 1917 г.
Балтійское море
Черное море
Азовское море
Петроградъ
Нарва
Эстляндія
Лифляндія
Курляндія
Литва
Вост. Пруссія
Польша
Силезія
Моравія
А.-Венгрія
Галиція
Бессарабія
Трансильванія
Румынія
Крымъ
Кіевъ
Екатеринославъ
Минскъ
Могилевъ
Вильно
Гродно
Варшава
Краковъ
Львовъ
Ровно
Бухарестъ
Бѣлградъ
Будапештъ
Сараево
Стокгольмъ
Митава
Мемель
Двинскъ
Ковно
Ольга
Ольгопольскъ
Брест-Литовскъ
Кенигсбергъ
Перемышль
Р. Днѣпръ
Р. Донецъ
Р. Дунай
Р. Сава
1:7500000



Imprimerie «VAL»
124, rue Compans
PARIS 19e

Dépôt Général :

« LES ÉDITEURS RÉUNIS »

29, rue St-Didier

PARIS - 16e